Марк РАФАЛОВ

ФУТБОЛ

ОПТОМ
И В РОЗНИЦУ

Марк РАФАЛОВ ФУТБОЛ ОПТОМ И В РОЗНИЦУ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В прессе его называют: «Беспротестный судья и конфликтный инспектор» и пишут о нем: «Он был единственным в стране инспектором, который боролся с договорными играми». За 23 года судья Всесоюзной категории Марк Рафалов провел более 200 футбольных матчей на первенство и Кубок СССР, а после завершения судейской карьеры инспектировал матчи чемпионата страны. И всегда любимое занятие — судейство — совмещал с литературной работой: он автор многих книг, посвященных футболу, и острых газетно-журнальных публикаций о договорных матчах...

Эта книга — откровения скандального футбольного арбитра, но она не только о футболе.

Она о целой эпохе нашей страны, в которой «сын врага народа» Марк Рафалов, пройдя войну, стал кавалером 20 государственных наград!

-
- ПРОЛОГ
- РАСПЯТЫЕ СУДЬБЫ
- ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА
- ПОСЛЕ ПОБЕДНЫХ САЛЮТОВ
- ИГРА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ
- ФУТБОЛ ОПТОМ И В РОЗНИЦУ
- ЛЮДИ СУДЕЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ
- ПРОЩАНИЕ С МАТЕРЫМ
- ДЛЯ ЧЕГО НУЖНЫ ЮБИЛЕИ?
- notes
    - 1

Моим дорогим родителям, научившим меня самому главному в жизни: быть человеком.

Автор

ПРОЛОГ

Эта книга не роман, в котором все персонажи вымышлены и нарисованы мастером литературы. В книге в меру моих сил и возможностей я стремился рассказать о своей жизни, о трагической гибели отца в застенках ГУЛАГа, о войне, о футболе и его ярких представителях, с которыми мне посчастливилось встречаться и работать. Я горжусь своими добрыми отношениями с великими тренерами и игроками: Аркадьевым, Качалиным, Якушиным, Масловым, Бесковым, Лобановским, Бобровым, Сальниковым, Трофимовым, Яшиным. В годы своей активной судейской деятельности мне доводилось регулярно выходить на самые престижные матчи чемпионата и Кубка СССР на все крупнейшие стадионы страны рядом с такими блистательными арбитрами, как Латышев, Алимов, Лукьянов, Казаков, Руднев... И о них я тоже с удовольствием вспоминаю в этой книге.

Судьбе было угодно дарить мне радость, пусть порой не очень продолжительных, но зато очень памятных общений со многими знаменитыми и любимыми актерами: Утесовым, Смирновым-Сокольским, Кикабидзе, Гвердцители, Риммой и Леонидом Марковыми. Разумеется, что и о них я постарался вспомнить и поделиться радостью встреч с незаурядными, умными и веселыми людьми.

Мне было не всегда легко писать о своих воззрениях на многие явления жизни, встречавшиеся на моем пути за восемь десятков лет; было достаточно трудно высказывать свою точку зрения о некоторых людях, заведомо зная, что далеко не все читатели будут со мной согласны.

Но я прилагал все свои старания и умение, чтобы говорить правду без прикрас, чтобы не лавировать в угоду моим возможным оппонентам.

Я рассчитываю на снисходительность, понимание и сочувствие читателей. Поверьте, что писать эту книгу, относящуюся к непривычному для меня мемуарному жанру, было очень непросто.

Когда мы с руководителями издательства «Вагриус» обсуждали план этой книги и думали о ее заглавии, то часто произносили примерно такое словосочетание: «Воспоминания футбольного арбитра». Наверное, это было логично. Но при этом не стоило забывать и о том, что книга задумывалась как автобиография. Поэтому, несмотря на то что судейство занимало огромное место и время в моей жизни, следовало не упускать из виду и другие мои ипостаси. Более полувека я вел активную

журналистскую деятельность. 13 сезонов трудился в качестве инспектора на матчах чемпионатов и Кубка СССР самого высокого уровня. 18 лет я нес тяжкое клеймо сына «врага народа». Огромное влияние на мою жизнь оказала война и мои незабываемые фронтовые будни в составе Гвардейской бригады морских пехотинцев. Все эти житейские коллизии не могли не найти места в моих жизнеописаниях.

Я вынужден сделать эту оговорку для того, чтобы читатель не судил меня строго и с пониманием отнесся к тому, что в этой книге написано. А разговор в ней будет не только о судействе. Прошу еще учесть противное свойство моего характера. О таких сложных людях, как я, недаром говорят: «Ему всегда больше всех надо».

Летом 2004 года, незадолго до моего 80-летия, мне позвонил мой старый и добрый товарищ Валерий Винокуров. Мы знакомы с ним уже более 40 лет, ибо когда-то вместе работали в еженедельнике «Футбол», организатором и главным редактором которого был популярный журналист Мартын Иванович Мержанов.

В течение долгих последующих лет наши журналистские пути-дороги многократно пересекались. Мы нередко виделись на стадионах и в редакциях. По «наводке» В. Винокурова, работавшего в 80-е годы главным редактором издательства «Физкультура и спорт», в нем вышло несколько моих работ, в числе которых оказался и толстый сборник «Конфликт». В нем моя фамилия стояла в одном ряду с такими известными именами, как Юрий Власов, Гарри Каспаров, Анатолий Карпов и другими, не менее популярными.

Несколькими десятками своих выступлений на радио «Свобода» в последние годы я тоже обязан Винокурову, возглавляющему там спортивную редакцию.

В 2003 году Валерий стал учредителем нового толстого журнала «Футбольная правда», в котором мне тоже довелось неоднократно делиться с читателями своими воспоминаниями и раздумьями о любимой игре, ставшей неотъемлемой частью всей моей жизни.

Без особых предисловий Валерий пояснил, по какой причине звонит мне. В связи с приближением моего юбилея он предлагал мне вместе с моей женой Таней посетить гостиную редакции «Футбольной правды» и принять участие в беседе о моей жизни, об интересных эпизодах и встречах со спортивными звездами и о судьбе отечественного футбола.

Разумеется, я не стал особенно упираться и хотя не сразу, но все же согласился на подобную экзекуцию.

Во встрече в редакционной гостиной журнала «Футбольная правда» принимали участие главный редактор Олег Винокуров, его отец Валерий Винокуров и я с женой Татьяной Сергеевной Гавриловой.

Мне было поручено оформление записи нашей продолжительной беседы, которая проходила очень оживленно и засняла несколько диктофонных кассет.

Когда дома я приступил к расшифровке наших словопрений, то понял, что оказался в довольно щепетильной ситуации. Дело в том, что в переложении на бумагу беседа оказалась малоподъемной даже для толстого журнала. К тому же я «навспоминал» довольно много забавных и смешных историй, которые легко черпал из вышедшей совсем недавно моей книжки «Озорной футбол». Мне ужасно хотелось оставить их в записи нашей беседы. Мало этого, готовясь к встрече с матерыми журналистами, я подобрал для них массу веселых и познавательных историй, вместить которые на страницы журнала не представлялось возможным. Хотя я с болью в сердце вынужден был сократить свою исповедь, но многое все же оставил «— с тайной надеждой на чудо: а вдруг пройдет.

Получив мою рукопись, Валерий сразу же сказал: «Сократим как минимум вдвое, уберем все, что прямого отношения к футболу не имеет». Обижаться было нельзя, я и сам понимал, что мой собеседник прав. Так или иначе, подвергнутая обрезанию моя исповедь под заглавием «Человек в черном: наброски автобиографии» была опубликована в №17 за 2004 год в «Футбольной правде».

Один из авторских экземпляров я вскоре вручил своему давнему знакомому, популярному писателю Валентину Викторовичу Лаврову, автору многих исторических детективов и сыну известнейшего в 30-х годах форварда столичного «Локомотива» Виктора Лаврова. Через несколько дней я услышал в телефонной трубке напористый, не терпящий возражений голос: «Вы совершите преступление, если немедленно не начнете писать свою автобиографическую книгу».

Разговор с Лавровым надолго лишил меня покоя. Я стал плохо спать, вскакивать по ночам и записывать какие-то истории своей очень неспокойной жизни. При этом меня начал глодать червь сомнений. Автобиография — это совершенно новый для меня жанр, к тому же ко многому обязывающий. Он предъявляет к пишущему особые требования, заставляя ни на минуту не забывать о читателе, для которого автор просто обязан быть интересен. При этом я не забывал известное высказывание классика; «Все интересное прекрасно!» Более того,

автобиографическая книга должна быть максимально избавлена от всякой пафосности и естественного для многих людей стремления представить себя в более привлекательном, чем есть на самом деле, виде. С другой стороны, страшно не хотелось обнажаться и демонстрировать читателю некое подобие душевного стриптиза, за который самому же и будет потом стыдно.

Тем временем лишивший меня покоя Лавров при каждом удобном случае разогревал мой уже и без того воспаленный мозг и призывал браться за дело. В мучительных раздумьях и сомнениях провел я несколько месяцев. И вот на пышных торжествах, посвященных 70-летию Валентина Лаврова, состоявшихся 2 мая 2005 года, я встретил руководителей известного книгочеям издательства «Вагриус». Каким-то невероятным способом им за несколько перекуров удалось сломить сопротивление честолюбивого автора. Словом, за все, что я рискнул рассказать в этой книге, должны нести хоть какую-то ответственность милые сотрудники «Вагриуса».

РАСПЯТЫЕ СУДЬБЫ

Не нагонит больше их охрана,
Не настигнет лагерный конвой,
Лишь одни созвездья Магадана
Засверкают, встав над головой.

Плюшевый мишка

В жизни каждого человека случаются события, оставляющие в памяти вечные отметины. Они, как шрамы от ранений, не исчезают, не истираются временем.

Еще до шрамов, оставленных мне войной, я перенес ранение души... Ранение тяжелое, кровоточащее: 26 июня 1938 года был арестован мой отец. Больше я его уже никогда не видел. Мне было тогда 13 лет, моей сестре — всего восемь.

В первых числах июня 1938 года отец уезжал в служебную командировку в Тбилиси. Вместе с отцом ехал его старый товарищ Иосиф Матвеевич Полонский. Исключительная судьба этого человека обязывает Меня сказать о нем хоть несколько слов. В течение многих лет, еще до революции, Полонский был связным Ленина. Член партии едва ли не с первых дней ее создания, Полонский постоянно находился под прицелом царских жандармов. Его неоднократно арестовывали и ссылали на каторгу, где он провел немало лет. Судьбе было угодно так распорядиться, что в конце 30-х Годов Полонского вновь арестовали. На этот раз сотрудники НКВД. К послужному списку каторжанина прибавилось еще 17 лет, которые провел он в сталинских лагерях. После XX съезда КПСС он был полностью реабилитирован.

Здесь я должен, мне кажется, сделать одно пояснение. Приводя некоторые подробности биографии сослуживцев и товарищей отца, я отнюдь не стремился как-то их приукрасить или подчеркнуть, как может кому-то показаться, их ущербность. У каждого человека одна жизнь и одна биография. И представлять их нужно такими, какими они были, не дозволяя своему перу склоняться «влево» или «вправо» в зависимости от политической конъюнктуры. Полагаю, что читателю вполне по силам самому во всем разобраться.

Подробности той поездки отца хорошо помнит моя сестра

Юля, которая тоже ехала вместе с отцом. Он должен был оставить Юлю в Харькове нашей бабушке по материнской линии Марии Андреевне Кузиной. Наша мама была родом из Харькова. Ее родители, Мария Андреевна и Петр Павлович Кузины, дворяне по происхождению, всю жизнь прожили в Харькове, в Армянском переулке.

Бабушка до войны обычно снимала под Харьковом, в поселке Южном, комнату и с удовольствием (так мне по крайней мере тогда казалось) почти ежегодно брала с собой на отдых то меня, то Юлю.

В дороге отец купил сестре маленького плюшевого медвежонка со смешно высунутым красным язычком. В передних лапах плюшевый зверь сжимал шоколадку.

Этот медведь по сей день как самая дорогая реликвия живет в московской квартире сестры. Старый добрый плюшевый зверь забавляет уже третье поколение нашей семьи. После Юли мишка стал любимой игрушкой ее дочери Лены, а позже с ним играл маленький Сашка — сын Лены и внук моей сестры. Ныне любимой игрушкой Саши стал компьютер.

Тогда, в начале июня 38-го, никто еще не знал, что Юля в последний раз видела отца.

Отец

Наша мама, Вера Петровна Кузина-Рафалова, не очень любила рассказывать об отце; Точнее, она не обо всем рассказывала нам с сестрой. А настаивать на подробностях, огорчать мать нам не хотелось. В марте 1981 года в стене колумбария Ваганьковского кладбища появилась скромная доска с надписью: «Рафалова Вера Петровна. 1900—1981».

После похорон мы с Юлей стали все чаще вспоминать детские годы и наших родителей. Когда в Москве развернул свою работу «Мемориал», когда прошла Неделя совести, мы с печальной растерянностью убедились, что очень мало знаем и помним о своем отце! Предстояло многое вспомнить, собрать по крупицам, найти документы, обратиться к архивам.

Думаю, что кое-что нам удалось сделать. Хотя далеко не все.

Вот штрихи биографии отца. Или, как долгие годы было принято говорить, «анкетные данные».

Михаил Арнольдович Заявлин родился 1 декабря 1895 года в городе Николаеве в Семье мелкого служащего, работавшего в хлебоэкспортной конторе.

Полагаю целесообразным сразу же внести ясность по поводу фамилии отца. В заведенном на него правоохранительными органами уголовном деле он проходил под двойной фамилией — Рафалов-Заявлин. Так вот, Заявлин — это настоящая фамилия,

полученная, как говорится, в законном порядке, по наследству Рафалов — псевдоним, который понадобился в годы Гражданской войны, когда отец вел подпольную работу в Киеве. Об этой странице биографии отца я знал от матери: От нее же узнал, почему был выбран именно этот псевдоним. Дело в том, что у отца было две сестры и два брата; самым младшим и самым любимым был брат Рафаил. Привязанность отца к младшему брату подсказала выбор псевдонима.

В конце 80-х годов мне очень повезло: я получил Возможность ознакомиться с партийным делом отца, хранящимся в архивах ЦК КПСС, а позже и с уголовными делами, находящимися сегодня в архивах КГБ. В стареньких, едва не рассыпающихся от долгой жизни папках хранится, в частности, и такой документ: «Настоящим подтверждаю, что товарищ Рафалов Михаил работал в Киевском подполье в 1919 году во время деникинщины. Выполнял все поручения группы Пригожина, Владимирова, Никанорова и Зорина. Член ВКП(б) с июля 1917 г. Б.М. Скачко. п/билет № 0723437. 10.03.32».

Впрочем, обратившись к анкетным данным отца, я, объясняя причины появления псевдонима, сильно забежал вперед.

В 1913 году отец окончил коммерческое училище в Николаеве и был направлен в Бельгию. Более года он работал в Антверпене корреспондентом транспортного общества. Видимо, тогда царские столоначальники еще не освоили всех премудростей так Называемой кадровой политики. Она, эта политика, зарождалась в годы культа личности Сталина, совершенствовалась, модернизировалась и достигла своеобразного ренессанса в годы развитого социализма. В проклятое царское время чиновники еще не были способны дотянуться до простейших изобретений в области «воспитания и расстановки кадров». Тогда все жители необъятной России еще не были поделены на выездных и невыездных. Наверное; поэтому восемнадцатилетний еврейский юноша был Послан работать в Бельгию.

После возвращения отец в 1914—1917 годах трудился статистиком в николаевском статуправлении.

В 1918—1919 годах он оканчивает два курса Киевского политехнического института. Одновременно он — секретарь политпросвета 46-го полевого строительства Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Является секретарем комиссии помощи красноармейцам, заведует отделом периодической печати Госиздата ЦИК УССР в Киеве.

Во время деникинщины под фамилией Рафалов отец активно работает в киевском подполье. В декабре 1919 года в Киеве его

без кандидатского стажа принимают в ряды РКП(б) — Российской Коммунистической партии (большевиков).

В последующие пять лет отец работал секретарем партячейки мельницы № 3, начальником Управления регулирования Наркомторга Украины, уполномоченным Наркомвнешторга, преподавал в губернской партшколе, заведовал агитпропагандой в окружном комитете КП(б)У (Коммунистической партии (большевиков) Украины), в городе Сумы.

В те же годы отец учился в Харьковском институте народного хозяйства, который успешно окончил в 1922 году.

В том же году он женился на русской женщине дворянского происхождения — Вере Кузиной. Родители молодоженов встретили это событие как национальную катастрофу. Еврейские родители категорически отвергали русскую невестку, русские — еврейского зятя. Всякие контакты прерываются. Казалось бы, навсегда прервана связь поколений. Некоторое потепление в отношениях наступает лишь после появления первенца. Это обстоятельство растопило сердца непримиримых националистов. Стараясь не встречаться с иудеем, Мария Андреевна и Петр Павлович навещают нас с мамой (вы, наверное, уже догадались, что первенцем был я), когда отца не бывает дома. Лед непримиримости медленно подтаивал, хотя и еврейская сторона не проявляла склонности к уступчивости и компромиссам.

Мое появление на свет состоялось в сентябре 1924 года в городе Харькове. Детские годы сложились для меня достаточно счастливо. Отец, занимавший видные должности в системе Внешторга, в 1926 году был назначен торгпредом Украины во Франции, и вся наша немногочисленная семья (отец, мама и я) отбыла в Париж.

В эти же годы полпредом СССР в Париже работал Христиан Георгиевич Раковский, который до этого возглавлял Совнарком Украины.

В марте 1938 года Раковский был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР и вскоре после начала войны, 11 сентября 1941 года, расстрелян в орловской тюрьме.

Вы обратили внимание на дату этой акции? Оставалось всего 22 дня до оккупации Орла. В нескольких десятках километров неумолимый молох войны пожирал тысячи молодых жизней сынов России, умиравших под гусеницами немецких танков. А здесь, в Орле, кому-то все еще казалось, что жертв недостаточно. И убивают еще одного честного и преданного Родине коммуниста. Убивают не фашисты. Спусковые крючки винтовок, нацеленных в Раковского, нажимают наши люди...

Какая нелепая, непостижимая трагедия! Разве можно забыть

и простить такое? В 1988 году Христиан Георгиевич был реабилитирован.

В 1930 году наша семья возвратилась в Харьков, который был тогда столицей Украины. Отец возглавил сектор внешней торговли Наркомторга республики. 6 июня 1930 года количество детей в молодой семье удвоилось — родилась сестра Юлия. А вскоре после этого отца перевели на работу в Москву, в Наркомат внешней торговли. Мы стали москвичами.

Здесь мне хотелось бы рассказать со слов мамы об одном забавном, но поучительном эпизоде. Он, по-моему, позволяет судить не только о нашем отце, но и о людях его окружавших, его единомышленниках.

Шел февраль 1930-го. Семья недавно вернулась из Парижа и пыталась адаптироваться к непривычной харьковской жизни. Было холодно и голодно. Для нашей семьи ситуация осложнялась еще и тем, что мама ожидала второго ребенка. До появления на свет Юли оставалось три-четыре месяца. Проблемы, словно морские волны, набегали одна на одну.

«Миша, — обратилась как-то к отцу мама, — необходимо где-то достать еще один примус или керосинку: родится ребенок, все время будет нужна горячая вода».

В очередной выходной день отец отправился выполнять задание жены. Вернулся он поздно, очень возбужденный и довольный. Видя радостное лицо мужа, мама прямо у порога спросила с затаенной надеждой: «Достал?» «Что достал?» Я не понял было отец. «Примус!» — «Нет, не удалось». И отец принялся рассказывать, как он долго ходил по городу, пока не набрел на магазин, около которого стояла огромная очередь за примусами. Вскоре пошли разговоры, что через черный ход, со стороны двора, какие-то люди все время выносят примусы. Подобрав себе двух помощников, отец перекрыл черный ход и потребовал у завмага прекратить отпуск товара налево. Очередь пошла быстрее. К вечеру объявили, что примусы кончаются. Заведующий магазином предложил отцу и помогавшим ему пикетчикам приобрести примусы как бы в награду за многочасовое дежурство на морозе. «Мы отвергли это предложение», — гордо завершил свой рассказ отец. «Молодцы», — сказала мама, вставая и направляясь на кухню. И было не очень ясно, чего больше в этом слове — похвалы или затаенного упрека...

Шли годы. У отца возникает много критических ситуаций по партийной линии. Достаточно сказать, что с 1931 по 1938 год его пять (?!) раз исключали из партии. Мы еще вернемся к этой теме. А сейчас я вынужден упомянуть об этом немаловажном обстоятельстве, чтобы было ясно, почему служебная карьера отца

начиная с 1931 года твердо держала курс на понижение. Заместитель директора Академии Наркомвнешторга, начальник планово-экономического сектора «Союззаготэкспорта», заместитель начальника объединения «Авторемснаб», заместитель директора фабрики «Арфо», заведующий плановым отделом и, наконец, старший инспектор треста «Союзвзрывпром».

Цитата, оборвавшая жизнь

Я уже упоминал о том, что отец был принят в ряды коммунистической партии в 1919 году, минуя кандидатский стаж. Этому решению способствовала его работа в киевском подполье.

Как мне помнится, отец не был лишен честолюбия. Примерно в 1934 году он, будучи исполняющим обязанности начальника Объединения «Авторемснаб», получил личное телеграфное послание, подписанное Сталиным. Отец пришел домой страшно возбужденный. Он холил по квартире, держа в руках телеграмму Сталина, и распевал песни. Его распирала гордость, хотя послание было отнюдь не похвальным.

Я вспомнил этот эпизод не случайно. В то время власть Сталина уже практически ничем не ограничивалась. Она была безмерна. Этим да еще повышенным честолюбием отца я объясняю его настроение после получения телеграммы от «вождя всех времен и Народов».

В то же время у меня есть основания думать, что отец никогда не страдал безмерной любовью к Сталину. Занимая сравнительно высокие посты в системе Наркомвнешторга, а затем в крупнейшем объединении, которым в те годы являлся «Авторемснаб», будучи членом партии с 1919 года (Номер первого партбилета — 0626975) отец постоянно общался с видными партийными и государственными работниками. Он знал, конечно, о судьбах многих людей, которые с нарастающей последовательностью пополняли скорбный список жертв сталинского произвола. Осмелюсь предположить, что отец и многие его товарищи отрицательно относились к непомерно раздуваемому культу личности генерального секретаря.

Почему я позволяю себе высказывать такие предположения? В 1938 году, когда осиротела наша семья, мама, взволнованная ростом моею патриотизма, выражавшегося в безотчетной вере в Сталина (а это действительно было так), решилась на крайние меры. От нее я впервые узнал о «Письме к съезду» Ленина, о его

завещании партии. Отлично помню этот поздний ночной разговор с мамой, ее взволнованный шепот. Признаюсь, мне было трудно поверить всему, что я услышал. Многие годы, особенно в период войны, я верил Сталину. Хотя, наверное, благодаря маме был избавлен от благоговейной, слепой любви к «вождю и учителю».

Знаю, что отец очень любил мать. Во всем ей доверял. Поэтому уверен, что настроения матери и ее явно неприязненное отношение к Сталину объяснялись не только арестом отца. Они отражали чувства и мысли мужа и товарища, которым мать всегда считала отца.

О том, что отец занимал довольно высокие для того времени должности, свидетельствуют, на мой взгляд, и такие факты: регулярные приглашения на трибуны Красной площади на военные парады 1 мая и 7 ноября вручались в те годы только людям, занимавшим высокие посты в партийном или государственном аппарате. Мест рядом с мавзолеем не так уж много — несколько тысяч. Тем не менее отец постоянно получал пропуска на Красную площадь.

В ряду событий, свидетельствовавших о высоком должностном положении отца, уместно, по-моему, отметить, что какое-то время я учился в так называемой 25-й Образцовой школе Москвы. Располагалась она в Старопименовском переулке, неподалеку от Тверской улицы и площади Маяковского. В этой школе учились дети Сталина, Василий и Светлана, а также дочь Молотова — ее тоже звали Светлана, дети наркома просвещения Бубнова и многих других партийных и государственных деятелей.

Конечно, возможность посещения международных футбольных матчей на московском стадионе «Динамо» выглядела менее престижной, чем посещение парадов на Красной площади или моя учеба в элитарной школе. Тем не менее на главной трибуне — Северной, где располагалась так называемая правительственная ложа, собиралась в основном элитарная публика. Пропуска на эту трибуну, как правило, получали большие начальники.

Отец когда-то сам хорошо играл в футбол и поэтому очень любил его. Он часто брал меня с собой на матчи.

Наверное, именно в то время под влиянием отца и его друзей крепла и росла моя привязанность к футболу. Все свободное время я проводил с ребятами во дворе, гоняя мяч. А перед войной меня заметили тренеры и пригласили выступать за сильную команду стадиона «Юные пионеры». После возвращения с фронта я несколько лет играл в армейских и студенческих командах. В начале 50-х увлекся судейством, обслуживал матчи чемпионата СССР, дорос до звания судьи Всесоюзной категории, стал

почетным судьей по спорту. В 1955 году на страницах «Советского спорта» появились мои первые публикации, а затем я начал печататься в других журналах и газетах. Написал больше 20 книг о футболе и его замечательных людях. Благодаря футболу повидал десятки стран и сотни зарубежных городов. Смею предположить, что у отца, будь он жив сегодня, не было бы серьезных оснований в чем-либо корить сына.

Я уже писал, что с начала 30-х годов дела отца выглядели далеко не лучшим образом. Его биография члена партии с 1919 года по тем временам не выглядела безупречной. После того как Троцкий был изгнан из страны и объявлен контрреволюционером, отца с завидной поспешностью обвинили в приверженности к троцкизму.

Первое исключение из партии последовало в 1931 году. Дело было в следующем. В 1928 году в сборнике «Экономика и политика внешней торговли» была опубликована статья отца «О монополии внешней торговли и торговой политике СССР». Если бы хоть кто-нибудь мог тогда представить, как отразится эта статья на судьбе всей нашей семьи! Вся соль была в том, что в своем материале отец привел несколько высказываний Троцкого.

Через пять лет в протоколе одного из партийных собраний было записано: «Рафалов написал в 1926 году статью, содержащую ряд политических ошибок. Для определения сущности важнейших этапов Экономической политики партии товарищ Рафалов пользовался цитатами контрреволюционера Троцкого. Сущность нэпа определялась им следующим образом: «В возрождении рынка, его методов и учреждений состоит существо новой экономической политики».

Вы внимательно прочли последнее высказывание? Вам не показалось, что оно удивительно созвучно периоду нашей перестройки с ее разбалансированным и неустойчивым рынком?

Тогда эта фраза обошлась моему отцу дорогой ценой: его лишили партийного билета. В протоколе вердикт выглядел четко и лаконично: «За неизъятие из библиотеки Академии внешней торговли троцкистской статьи, написанной им в 1926 г.». Оказывается, требовалось не только каяться в политическом заблуждении, но еще автору нужно было изымать «крамолу» из всех библиотек!

В марте 1932 года контрольная комиссия МГК вернула отцу партийный билет.

Однако в 1933 году при чистке партии Октябрьский райком ВКП(б) г. Москвы вновь исключил Рафалова М.А. из партии... «как не изжившего троцкистских шатаний».

В марте 1935 года Центральная комиссия по чистке партии

вновь восстанавливает отца в рядах ВКП(б).

А буквально через пару месяцев, в мае 1935 года, «как дважды исключавшегося за принадлежность к троцкистской оппозиции»... отца опять лишили партийного билета.

Вновь последовала апелляция, и Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) под председательством известнейшего большевика Емельяна Ярославского возвращает Рафалова в ряды коммунистов.

Но и это еще не все. В декабре все того же злополучного 1935-го при проверке партдокументов Ленинский РК ВКП(б) вновь, в четвертый раз, исключает отца из партийных рядов «как не доказавшего на деле преданности партии»!

Через пять месяцев КПК при ЦК ВКП(б) отменяет решение Ленинского райкома.

Не знаю, можно ли это назвать забавным, но не отметить «связи поколений» или иронии судьбы не могу. Многие годы я, сын того самого Рафалова, состоял на партийном учете в том же самом Ленинском РК КПСС г. Москвы. Кстати, именно в этом райкоме в 1986 году было оформлено представление на установление мне персональной пенсии.

Вернемся, однако, к основной теме нашего повествования. Все данные о бесконечных мытарствах отца, о его исключениях из партии и последующих восстановлениях по сей день хранятся в его партийном деле. Они зафиксированы и в протоколе № 10/96 заседания бюро Куйбышевского РК ВКП(б) г. Москвы от 29.01.37. К тому времени у отца был партийный билет образца 1936 года № 1289284.

Теперь я могу только приблизительно представить себе, как тяжело переживал отец все эти изломы своей судьбы. Его облик — чистого и Честного гражданина своей Родины, которую он безмерно любил, даже в те страшные годы, когда его пытались насильственно отторгнуть от нее, — требует самых возвышенных слов. Эти требования намного превышают мои литературные возможности, но писать надо без крикливых штампов, без полуправды и недомолвок, без излишних прикрас и ненужного пафоса.

Оглядываясь назад через пропасть промчавшихся лет, особенно остро ощущаешь необходимость вернуть Истории всех людей, судьбы которых так трагически оборвались в те страшные годы.

26 июня 1938 года

К началу 1935 года дела отца шли все хуже и хуже. Клеймо «бывшего троцкиста» уже прочно пристало к нему. 23 января 1935 года он вынужден был подать заявление на имя начальника объединения «Авторемснаб» С. Быстрова с просьбой освободить его от должности заместителя начальника объединения. Это была, по существу, последняя высокая должность отца. «Авторемснаб» объединял тогда все автомобильные и авторемонтные заводы и предприятия страны. Объединение подчинялось первому заместителю наркома тяжелой промышленности Георгию Леонидовичу Пятакову. А возглавлял тот наркомат Серго Орджоникидзе.

Через год в ходе следствия арестованного Пятакова вынудят написать, что «скрытым троцкистом был Рафалов». Эти показания расстрелянного затем заместителя наркома, которого Ленин в своем завещании отмечал, как «человека несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей», явились важной частью обвинения, сфабрикованного против отца (Г.Л. Пятаков был через много лет посмертно реабилитирован).

Но все это было потом. А тогда, в начале 35-го, отец вынужден был оставить пост. Удушающее кольцо травли сжималось все плотнее. Меньше чем через два месяца, 14 марта 1935 года, в парткомиссию РК ВКП(б) на имя партследователя (были тогда, оказывается, и такие не очень благозвучные, на мой взгляд, должности) Зубова поступило заявление от секретаря парткома «Авторемснаба», фамилию которого я не записал (кажется, Маринин). Он писал: «Во время моего доклада о Ленине в Ленинские дни т. Рафалов выступил в прениях и в конце своего доклада сказал следующее: «Когда Маркс умер, то на его могиле была подпись Энгельса, что человечество пало на одну голову ниже. Когда же умер Ленин, то человечество пало на две головы». На этом он закончил свое слово, не упомянув о том, что осталась после Ленина партия, коллективный Ленин, что остался Ленинский ЦК и верный ученик и соратник тов. Ленина — тов. Сталин. После него выступили многие еще товарищи, но никто его не осадил. Я же в заключительном слове дал ему резкий отпор, указав на то, что под руководством т. Сталина человечество поднялось неизмеримо выше и мы идем к бесклассовому обществу». (Здесь и далее во всех цитатах сохранены стиль и орфография авторов. — М. Р.)

В партийных делах отца не сохранилось документов о том, как реагировали в МК ВКП(б) на этот донос. Но стиль и характер этого письма уже отдают зловещим запахом средневекового мракобесия. Многие тысячи лучших людей России уже поднимались на эшафоты, шагали по страшным этапам смерти в

Магадан, Норильск, Воркуту, Соловки... Через два-три года по этому пути в небытие к своим Голгофам пройдут миллионы.

Этот день исковеркал жизнь моей когда-то очень счастливой семьи. Кто знает, как бы сложились наши судьбы, если бы не страшная дата 26 июня 1938 года.

В этот жаркий солнечный день отец, как всегда, отправился на работу. Вернуться домой ему уже было не суждено. Его арестовали. Приговор звучал традиционно и банально: «Враг народа». Статья 58, пункты 10 и 11. Наша семья жила тогда в квартире № 10, на пятом этаже дома № 8 по Петровскому переулку, напротив филиала МХАТа. Позже этот переулок превратился в улицу Москвина, а теперь вновь обрел свое первоначальное название.

В нашем доме жило много людей, занимавших видные посты в партийных и государственных организациях. В частности, в одном подъезде с нами на третьем этаже жил с супругой бывший первый комендант Московского Кремля Павел Дмитриевич Мальков. Помню, что Мальковы держали двух красавцев — белых борзых.

Отец и Мальков поддерживали добрососедские отношения, хотя, насколько мне помнится, в гостях друг у друга не бывали. Первый комендант Кремля тоже не избежал судьбы большинства людей, работавших с Лениным. Знаю, что Мальков был арестован в конце тридцатых годов. Его дальнейшая судьба мне неизвестна.

В 1938-м отец занимал скромную должность старшего экономиста в тресте «Союзвзрывпром». Эта организация располагалась в районе улицы Куйбышева (ныне Ильинка), кажется, в Хрустальном переулке. Поэтому на работу и обратно отец ходил пешком. 26 июня он прошел этот путь в последний раз и только в одном направлении. В середине дня в трест явились два человека в форме НКВД, посадили отца в машину и увезли. В это же время другие исполнители чьей-то злой воли чинили обыск в нашей квартире. До сих пор не могу понять, почему люди, совершавшие эту акцию, прихватили с собой полное собрание сочинений Г.В. Плеханова, мой фотоаппарат «Фотокор», подаренный отцом. Исчезли из дома еще кое-какие вещи.

Меня в тот страшный для всей семьи день дома не было: я где-то отдыхал вне Москвы. Юля отдыхала под Харьковом, у бабушки. Мама вынуждена была принять на себя удар судьбы одна.

Запоздалое прозрение

В один из теплых воскресных дней осени 1988 года мы с моей женой Таней поехали побродить по Новодевичьему кладбищу. Многие захоронения в этом мемориальном месте столицы тревожат память, будят острые воспоминания о пережитом. У могил и памятников партийных и государственных деятелей: Хрущева и Микояна; многих замечательных артистов: Шаляпина, Вертинского, Утесова, Папанова, писателей и поэтов: Чехова, Гоголя, Твардовского, Шукшина, Багрицкого, Эренбурга; скульпторов Вучетича и Коненкова; воздушных асов Коккинаки и Покрышкина, около многих других захоронений посетители замедляют шаг, останавливаются... Тихо шепчутся о чем-то высокие клены и ели... Торжественно и тихо вокруг. Напряженно трудится людская память...

На старой территории, недалеко от могилы жены Сталина Надежды Сергеевны Аллилуевой, я остановился потрясенный: перед нами стояла черномраморная стела с двумя фотографиями когда-то хорошо знакомых мне людей. Под фотографией мужчины было написано: «Бунич М.М. — горный инженер, орденоносец, 1894—1941». Надпись под фотографией женщины была лаконичнее: «Бунич Л.Н., 1898—1973».

Память мгновенно отбросила меня на 50 лет назад, в лето 38-го. После отдыха, когда я вернулся в Москву, встретившая меня мама не повезла домой. Она не хотела, чтобы я сразу узнал про арест отца, увидел зловещую сургучную печать на двери его кабинета. Была еще более веская причина не привозить меня домой. В то страшное время немногие жены «врагов народа» оставались на свободе. Поэтому, опасаясь своего ареста, мама делала все возможное, чтобы избавить нас с сестрой от горькой участи детдомовских ребят, которую познали многие тысячи детей репрессированных родителей.

Мама отвезла меня на дачу, которую под Москвой, в Малаховке, снимали Буничи. Они не были нашими родственниками. Даже к близким знакомым их нельзя было причислить, Марк Моисеевич и Любовь Наумовна Буничи были всего лишь родителями товарища моего детства Грини.

До переезда в Петровский переулок мы жили в арбатском переулке Сивцев Вражек. Семья Буничей жила с нами в одном доме, в соседнем парадном, Там-то мы с моим ровесником Гриней познакомились и подружились. А наши родители были едва знакомы. Они общались, лишь когда приходилось разыскивать кого-либо из нас в гостях друг у друга.

И тем не менее эта семья рискнула приютить у себя сына «врага народа». Только 50 лет спустя, стоя у могильной плиты, я осознал, что сделали для меня и моей семьи родители Гриньки.

Как же они рисковали! Глава семьи, суровый на вид и молчаливый мужчина, занимал тогда ответственную должность в системе « Цветметзолото». Как легко он мог лишиться ее! Но ничто не остановило этих людей с незамутненной совестью и высоким сознанием своего гражданского долга.

Мы с Таней долго стояли у могилы. Мне было очень стыдно, что за многие годы, живя в одном городе с семьей моих благодетелей, я ни разу не склонил благоговейно перед ними голову. Ни разу не сказал им спасибо. С каким опозданием навестило меня прозрение...

Многие житейские истины мы постигаем путем простых сравнений и сопоставлений. Как резко поступок семьи Буничей контрастировал с поведением любимого брата моего отца! Того самого, чье имя подсказало отцу выбор псевдонима в далеком 1919-м... После ареста мужа ошеломленная от безысходности и отчаяния мать позвонила нашему с Юлей дяде. «Я слушаю», — спокойным голосом ответила трубка. Захлебываясь от рыданий, мама сбивчиво поведала о случившемся. Трубка немного помолчала, а потом сказала: «Вера, я тебя очень прошу, не звони больше по этому телефону». И... короткие гудки. Мама выполнила эту просьбу. Наша семья больше никогда не общалась с любимым братом отца: он для нас просто перестал существовать.

Признаюсь, что даже имя этого родственника долгие годы я не мог воспринимать без гнева и презрения. А сегодня, спустя почти 70 лет, ни в малейшей степени не стремясь оправдывать дядю, я все же отдаю себе отчет, что он был всего лишь продуктом своего времени. Как это ни печально сознавать, но таких было тоже много. Очень много! Совсем иначе встретил трагическое известие об аресте моего отца его средний брат Григорий Арнольдович и его семья. Многие годы они постоянно помогали матери, мне и сестре. И морально, и материально. Мы часто встречались, бывали друг у друга в гостях. А ведь дядя Гриша немало рисковал: он работал тогда в Московском Художественном театре, который часто посещали члены правительства. Еще дядя Гриша преподавал в Школе-студии МХАТ, читал лекции. Эти обстоятельства предъявляли чрезвычайно высокие требования к кадровой стерильности работников такого учреждения.

Отношение к нашей семье родных братьев отца, семьи Буничей и многих других людей, таких разных и непохожих, во многом характеризовало то трагическое время.

В те годы в моде была ставшая расхожей фраза: «Яблоко от яблони не далеко падает». Это изречение как бы помогало опоясывать круговой порукой всех членов семей «врагов народа».

Уже чуть позже, когда едва ли не половина населения страны оказалась или за колючей проволокой, или в числе лишенцев, которых давили в душных объятиях подозрений и беззакония, «вождь и учитель» изрек, что «сын за отца не отвечает». Мой печальный опыт свидетельствует, что это было далеко не так.

Тем не менее яблоки действительно далеко от яблони не падают. Я горжусь тем, что мы с сестрой остались верны светлой памяти отца. И, несмотря на восемнадцатилетний стаж детей «врага народа», не утратили нравственный стержень, не сломались и, как мне кажется, достойно прожили жизнь.

Это касается и семьи Буничей. Гриня (теперь он — Григорий Маркович) прошел войну, после полученных ранений стал инвалидом, окончил юридический институт и только в 2001 году из-за тяжелой болезни оставил работу. В начале июня 2005 года мой старый товарищ скончался. Его тоже уже умерший старший брат Яков был видным инженером-электриком. А их двоюродный брат Павел Бунич также хорошо известен: он был крупным экономистом, членом-корреспондентом Академии наук СССР, в марте 1989 года избирался в народные депутаты.

Мама

Окончилось лето 1938 года. Что же было с нами дальше? Перед началом занятий в школе мама все же взяла меня от Буничей домой. Рассказала все, что произошло с отцом.

Жизнь продолжалась. А жить было не на что. Наша семья никогда не страдала так развившейся нынче болезнью: вещизмом, накопительством. Хотя, согласитесь, торгпред в Париже имел обширные возможности подумать о материальном обеспечении семьи. Не думал! Не умел! Не хотел! Подобные мысли никогда не навещали ни отца, ни мать.

И когда отца не стало, выяснилось, что ценность для реализации представляют только карманные золотые часы отца и наручные часы мамы. Тоже из золота. В актив можно было занести еще мамину шубу да два-три хорошо пошитых костюма отца. Все эти вещи почти сразу же перекочевали в ломбард. Дорогу к этому учреждению пришлось познать и мне. Хорошо помню дом на Большой Дмитровке, в котором он тогда располагался. Но прожить втроем на ссуды ломбарда было невозможно. А на работу маму — жену «врага народа» — никуда не брали. Хотя она была высококвалифицированной машинисткой-стенографисткой, в совершенстве владела

французским языком.

Так или иначе, а нужно было на что-то жить. В Москве, на улице Кузнецкий мост, напротив ЦУМа и сегодня располагается кафе. Полвека назад здесь тоже было общепитовское заведение. Называлось оно просто — «Закусочная». Вот для этой закусочной мама подрядилась ежедневно печатать меню. Она сама, а иногда и я относили несколько листочков папиросной бумаги с отпечатанными на них названиями немудреных блюд в закусочную. Взамен мы получали простенький обед: суп, котлеты, компот. Этот бесценный дар судьбы погружался в судки и бережно доставлялся домой. Так обеспечивался «прожиточный минимум» для нас с сестрой и мамы.

Пишущая машинка мамы фирмы «Ундервуд» жива по сей день. На ней печатаются многие мои литературные опусы. А тогда в осиротевшей комнате она была словно членом нашей семьи. Нашей кормилицей. Единственным источником средств к существованию.

Почти ежедневно мы с сестрой засыпали и просыпались под аккомпанемент «Ундервуда». Мне сейчас кажется, что мама в те ужасные годы вообще не ложилась спать. Когда-то стройная, красивая женщина, она как-то сразу постарела, сжалась и все свои силы безраздельно отдавала нам с Юлей.

Машинка стрекотала, не умолкая. Так продолжалось долго, очень долго…

Здесь я полагаю уместным хотя бы коротко рассказать об истории семьи Кузиных, к которой, как я писал выше, принадлежала и моя мама Вера Петровна.

Кузины фамилия в Харькове довольно известная. Более ста лет назад в топонимике города по рейтингу популярности эта фамилия была первой. Представьте, рейтинг возглавлял не художник, не писатель, не ученый и даже не государственный деятель, а купец. И звался он Кузьмой Никитовичем Кузиным. Это был прадед нашей мамы. Его именем были названы улица, переулок, четыре спуска, один въезд, мост и базар, то есть всего девять объектов. А сам Кузьма Никитович считался в Харькове личностью выдающейся. Начав свою карьеру подносчиком в питейном заведении, Кузин проявил незаурядную сноровку и к 1830 году стал одним из первых в городе купцов 1-й гильдии. Тогда же Кузьма Никитович получил почетное звание коммерции советника — первым в истории Харькова.

По данным харьковского интернет-сайта «Первая столица», автор исторических очерков о знаменитых людях Харькова Инна Можейко указывает: «Свое состояние купец Кузин сделал на водке, причем — вполне законным путем… Кузин открыл в городе

единственный водочный завод... При этом сам купец, как утверждали современники, был удивительным трезвенником».

Мамин прадед был широко известен своей благотворительностью. В дом Кузиных постоянно обращались просители. Кузьма Никитович давал деньги в долг попавшим в беду купцам или приказчикам, желающим открыть свое дело. После его смерти в ящике письменного стола был найден целый ворох разорванных расписок, деньги по которым обратно не просил. Кузьма Никитович постоянно привечал неимущих, раздавая им различные вещи. А в городе ни одно благотворительное мероприятие не обходилось без Кузина и его супруги Екатерины Игнатьевны — ни постройка или ремонт храмов, ни устройство школ, ни спектакли. В 1841 году Кузин делает Харькову свой, наверное, главный подарок: на собственные деньги он возводит Всесвятскую церковь — большой каменный четырехпрестольный храм на Холодногорском кладбище. Неподалеку от храма была сооружена часовня во имя Косьмы и Дамиана. В ней в 1844 году в возрасте 64 лет был похоронен, почетный потомственный гражданин Харькова, коммерции советник Кузьма Никитович Кузин.

Ну а в нашей семье на память о замечательном роде Кузиных сохранилась метрическая выпись моей мамы Веры Петровны Кузиной. Копию этого примечательного документа я поместил в иллюстративном ряду этой книги.

Еще замечу, что маминому отцу и моему деду Петру Павловичу Кузину, по свидетельству наших родственников, тоже перешло приличное наследство. Но после событий 1917 года он, как мне рассказывала мама, от всех материальных благ отказался и до конца дней своих добросовестно трудился простым банковским служащим. Два родных брата мамы в годы Гражданской войны оказались в рядах Белой армии. Борис пропал на полях сражений, а Евгения судьба забросила в Бельгию, где он закончил свою жизнь в середине прошлого, XX века.

Обмен по-чекистски

Здесь следует рассказать еще и том, как нас «перемещали» из квартиры в Петровском переулке в большую коммунальную квартиру дома № 15/13, располагающегося по сей день на углу Петровки и хорошо известного всем москвичам Столешникова переулка.

Этот нафаршированный маленькими магазинчиками уголок в

центре Москвы почему-то в те годы облюбовали разного рода дельцы и спекулянты. Поэтому остряки переименовали переулок в «Спекулешников». Впрочем, нас тогда это соседство не беспокоило.

Наша квартира в Петровском переулке приглянулась какому-то генеральскому чину НКВД. Видимо, поэтому буквально через несколько дней после ареста отца к маме явился молодой офицер. Он вручил ей под расписку предписание, обязывающее в 24 часа освободить квартиру и переехать в одиннадцатиметровую комнату на одну из московских окраин.

Разбитая горем мать нашла в себе силы встать на защиту детей. Не знаю, куда она ездила, кому звонила, но первый штурм чекистов ей отбить удалось. Выселение приостановили.

Однако генерал проявлял нетерпение, заставлял своих «квартирьеров» разрабатывать варианты, торопился с «приватизацией».

Не могу ручаться за достоверность того, что затем произошло. Подробности только через несколько лет доверил маме управляющий домом 15/13 по Петровке, в который мы вскоре переехали, — Недождых.

В большущей коммунальной квартире № 28 занимал длинную, с одним окном В торце комнату майор НКВД. Так как хозяйственникам никак не удавалось решить квартирную проблему своего генерала, у кого-то созрела идея «убрать» майора, а в его комнату переселить нас с мамой. Тем самым достигалась стратегическая задача: освобождалась квартира для генерала. План этот осуществили без особых осложнений. Майору были предъявлены какие-то обвинения, он был арестован и освободил занимаемую площадь...

Так мы оказались жильцами дома 15/13 по улице Петровке. Вынужден напомнить, что подробности этой «операции» мы узнали только через несколько лет после «новоселья».

Управляющий домом. Недождых оказался добрым гением нашей семьи. Перед самой войной, в конце 1940-го или в начале 1941 года, все домоуправления получили указание составить списки неблагонадежных семей. Следует ли говорить, что мама и мы с сестрой относились к этому контингенту жителей. Про таких говорили когда-то при царе: «Под негласным надзором».

Мама, несмотря на крайне тяжелое положение семьи, оставалась человеком добрым и отзывчивым. Ее пишущей машинкой наше домоуправление пользовалось частенько. Мама никогда не отказывала в помощи. Видимо, поэтому Недождых «пропустил» нашу семью при составлении списков неблагонадежных, подлежащих выселению из Москвы.

Об этом маме стало известно тоже только по прошествии нескольких лет. А тогда, с момента ареста отца и до начала войны, мама жила под постоянной угрозой собственного ареста. Опасаясь больше всего за нашу судьбу, она заранее договорилась, что если что случится, то Юлю заберет к себе семья дяди Гриши. К счастью для всех нас, этот вариант не понадобился.

Я понимаю, что многие, особенно молодые люди, с некоторым скепсисом и недоверием относятся к чудовищным подробностям жизни страны в 1937—1938 годах. Но куда деваться от неопровержимых фактов? После того как наша семья осталась без отца, у мамы были все основания опасаться своего ареста и с ужасом думать о перспективах нашего с Юлей «счастливого» детства. Конечно, мама тогда не знала совершенно секретного приказа народного комиссара внутренних дел СССР товарища Ежова от 15 августа 1937 года № 00486, который, в частности, гласил: «С получением настоящего приказа приступить к репрессированию жен изменников Родины. На каждую арестованную и на каждого социально опасного ребенка заводится следственное дело. Жены осужденных изменников Родины подлежат заключению в лагеря на сроки не менее как на 8 лет»... Но страшное эхо этого приказа уже гудело над страной. В казахские степи и в другие «курортные» новостройки ГУЛАГа потянулись эшелоны с десятками тысяч оболганных, униженных и ни в чем не повинных женщин...

Нам даже повезло

Жизнь шла своим чередом. Мы с сестрой продолжали учиться. Я в школе №170, а Юля — в стоящей рядом 635-й. В нашем классе примерно у половины учеников родители были арестованы. Многих фамилий я уже не помню. Но Юру Петровского (Мосякова), с которым дружил, помню по сей день. У него тоже был арестован отец. Жил Юра вдвоем с мамой в доме № 26 по Петровке. А в соседнем с моим доме № 17 жил Ким Ивановский, тоже сын репрессированных. Мы почти не говорили о своих родителях. Каждый молча нес свой крест. Но как же нам было невыносимо трудно!

Помните замечательные строчки Александра Трифоновича Твардовского;

И за одной чертой закона
Уже равняла всех судьба;

Сын кулака иль сын наркома,
Сын командарма иль попа...

Тягостный груз гражданской неполноценности усугублялся унизительной нищетой и безысходностью.

Мама давно продала золотые часы, свою шубу, костюмы отца... Только неумолкаемый голос «Ундервуда» оставлял нам какие-то шансы. Помогал нам и дядя Гриша. Но ему это давалось нелегко: у него была и своя семья.

Между тем от отца стали, хотя и очень редко, приходить письма. На фоне всего, что творилось тогда, получение писем от заключенных можно было считать счастьем, невероятным везением. Ведь многие тысячи были расстреляны, многие канули в небытие. Их судьбы были никому не ведомы. В подавляющем большинстве приговоров злополучных «Особых Совещаний» или стояли зловещие слова «к высшей мере», или, в лучшем случае, — «10 лет заключения без права переписки».

Отец получил «всего» 8 лет с правом переписки. Многие нам тогда завидовали. Нам говорили: «Вам повезло: вы хоть знаете, где он и что он жив».

Только через много лет я узнал, за что погубили моего отца. В постановлении особого совещания от 23.08.38 было сказано: «Участник троцкистской организации и активный проводник ее дел». В 1989 году мне стало известно, что отец более 40 дней, несмотря на «обработку» и истязания, сопротивлялся нажиму следователей и отказывался подписывать признание в троцкистской деятельности. Сломили его 7 августа. В этот день он все же подписал протокол допроса, в котором «признался», что с 1923 года входил в троцкистскую группу, которой руководил Макотинский. В эту группу входили также Пятаков и Вайнштейн.

Каким способом было добыто это признание, можно только догадываться. Еще в одном из первых писем отец как бы невзначай сообщает маме, что ему трудно питаться, так как почти не осталось зубов и сломан протез. Нет сомнений, что это было делом рук «стоматологов» внутренней тюрьмы на Лубянке, которым нужно было скорее получить «признательную» подпись отца в протоколе.

К сожалению, я не знаю, сколько всего писем от отца из заключения получила мама.

Незадолго до смерти она отдала мне все хранившиеся у нее письма, написанные отцом из заключения. Вместе с письмами отца мама подарила мне и мои письма с фронта.

Только недавно я смог расшифровать все одиннадцать писем

отца. В течение нескольких лет я не мог прочесть больше одного-двух его посланий — душили рыдания... Кроме того, большинство писем было написано на темной оберточной бумаге, плохими чернилами или карандашом. Их в буквальном смысле приходилось расшифровывать.

Первое письмо датировано седьмым октября 1939 года. Отправлено оно с прииска Геологический, бухта Нагаево, Оротукан ЮГПУ.

И в этом, и во всех последующих письмах нет ни единой фамилии — ни жертв, ни их палачей. Никаких подробностей о быте и физических страданиях, разве что несколько раз упоминаются страшные морозы. Видимо, писать подробности о местном «курорте» было категорически запрещено. Особой бодростью письма отца не отличались, правда, в первом послании есть такие слова: «Вот наступают Октябрьские торжества — 22-я годовщина Великого Октября. 2-ю годовщину я провожу в заключении. Но уверен, что правда восторжествует и 23-ю годовщину мы будем вместе. Только бы хватило здоровья и сил».

Второе письмо было написано только через два месяца — 12.12.39. Очевидно, действовала какая-то квота. Оптимизма во втором послании заметно поубавилось. Сказывалось ухудшение здоровья: «Во многом я уже чувствую себя стариком: походка, физические силы и общее состояние». Это пишет человек, которому всего... 44 года.

Третье письмо от 12.07.40 (через полгода!). В нем и вовсе упаднические нотки: «А пока, Верунька, живи полной жизнью, если есть возможность, не отказывай себе ни в чем, что нужно человеку, я не буду ревновать, ибо настолько тебя люблю, что считаю все тобою совершаемое как должное и нужное. Я уже не такой, каким был, я стар»... Даже сейчас, спустя почти 70 лет, невозможно без содрогания читать эти строчки — душат рыдания...

5 июня 1941 года отец написал очередное письмо. Оставалось всего полмесяца до начала Великой Отечественной. Видимо, отцу уже начинает изменять память, которая раньше была всегда безупречной. В этом письме отец путает дату рождения Юли. Но не это самое грустное. Здоровье отца резко и быстро ухудшается. Даже лагерное начальство находит возможным перевести его на «...более легкую работу. Я работал и на кухне судомоем, и поломоем, — пишет отец, — в лесу на лесозаготовках и на строительстве с плотниками, был и санитаром в медпункте...».

Затем наступает двухлетний перерыв в переписке. Видимо, начавшаяся война вынудила инквизиторов наложить запрет на переписку с заключенными.

Из последующих писем можно представить, в каком состоянии пребывал отец в эти годы безвестности. 8 сентября 1943 года отец пишет не маме, а жильцам нашей квартиры. Он сообщает, что последнее письмо от жены, датированное 31 мая 1941 года, он получил более чем через год — летом 1942-го. Два с половиной года он ничего не знает о семье! Вопль отчаяния напоминают последние строчки письма к соседям: «К сожалению, я не знаю адресов моих родственников. Я все позабыл. Я всех растерял, находясь на таком большом расстоянии от Москвы в течение 5 лет. Я совершенно одинок». Эти горестные строки отец пишет, уже будучи признан инвалидом. Его актируют, и с 15 июля 1943 года он находится в Магадане, где работает в автогараже Колымснаба.

Только в ноябре 1943 года, после тридцатимесячного (!) безмолвия, к отцу наконец прорвалось письмо от мамы. Из него отец узнал, что я уже несколько месяцев в составе бригады морских пехотинцев нахожусь на Северо-Западном фронте. Весточка из дома после столь мучительной безвестности заметно изменила настроение отца. В его письмах вновь появляются признаки бодрости и надежды: «Я горжусь тем, что нами воспитанный сын находится в рядах борющихся против гнусного звериного германского фашизма»... А в конце письма: «Горячо поздравляю с праздником 26-летия Великого Октября!».

Видимо, работая в гараже, отец действительно почувствовал себя несколько свободнее, если такое слово применимо к зекам. Письма от него стали приходить чаще. Он с нескрываемой гордостью пишет, что, работая слесарем, выполняет нормы на 201, 205, даже на 209%.

Отец был видным специалистом в области внешней торговли, свободно изъяснялся на пяти европейских языках. Неужели именно эти знания имел он в виду, когда сообщал в своем очередном письме: «...мой старый, большой опыт и знания позволяют мне быть полезным работником. Я это чувствую и сознаю, это меня еще больше бодрит и морально поддерживает. Я состою в рядах двухсотников и горжусь этим...»?

А неумолимое время уже заканчивает свой трагический отсчет. Отцу остается жить всего три месяца. Но надежды все же не покидают его: «...мы еще снова увидимся и будем жить одной семьей, дружной, крепкой, как и прежде...».

Последнее письмо было написано отцом 1 февраля 1944 года. «До окончания войны я не жду никаких изменений в моем положении. Но так как я уверен, что победоносный конец будет в ближайшее время, то 1944 год может принести много существенных изменений в моем положении».

Изменения действительно произошли. И весьма существенные: 7 марта 1944 года отец умер в Магадане. Недавно ему исполнилось 48... Всего 48...

Много лет спустя, 22 мая 1957 года, Верховный суд СССР принял решение об отмене постановления Особого Совещания при народном комиссаре внутренних дел СССР от 23 августа 1938 года в отношении Рафалова Михаила Арнольдовича, 1895 года рождения, «за отсутствием состава преступления». Но отца уже не было в живых, и мы с мамой даже не знали, где его могила.

После реабилитации отца я получил в Тимирязевском ЗАГСе г. Москвы свидетельство о его смерти. В нем говорится: «Умер седьмого марта 1944 года. Причина смерти — паралич сердца... Место смерти — город Москва». На мой недоуменный вопрос сотрудница ЗАГСА голосом, не терпящим возражений, сказала: «Гражданин (тогда еще не придумали нынешнего «звания» — мужчина), мы знаем, что пишем».

Желая получить подтверждение о месте, дате и причине смерти отца, я обратился в УВД Магаданского исполкома. Вскоре получил ответ, который подписал начальник ИЦ УВД Г.А. Сабанов. В его письме говорится: «Умер 07 марта 1944 года. Причина смерти: паралич сердца. Захоронен в Магадане, в настоящее время кладбища с захоронениями до 1960 года сносятся».

Холодным, леденящим душу безразличием и цинизмом дышит каждая строка этого послания. И словно пощечина в заключение: «сносятся». Как будто речь шла о старом заборе или курятнике.

Вы обратили внимание на грубейший подлог: ЗАГС утверждает, что отец умер в Москве, а Магаданское УВД — что в Магадане?!

Вообще правда о последних днях жизни отца почти 20 лет оставалась для нашей семьи тайной за семью печатями. Я уже упоминал, что последнее письмо отца было датировано первым февраля 1944 года. А потом наступило душераздирающее молчание. Удушливая тоска от полного неведения о судьбе дорогого человека терзала душу нашей мамы.

Война катилась к своему победоносному завершению. До окончания срока заключения отца оставалось чуть больше двух лет. А что с ним, почему он замолчал, мама и Юля не ведали. Мамины попытки узнать что-либо натыкались на холодную стену молчаливого равнодушия.

Как она все это переносила, я даже представить себе не могу. Мне было значительно легче: я был погружен во фронтовые будни, мы, несмотря на отчаянное сопротивление немцев,

продвигались к старой границе с Латвией. Все наши мысли занимали военные проблемы. Лишь в коротких перерывах между боями мы делились своими мечтами о предстоящей жизни после разгрома фашистов.

Об отце я мог узнавать только из писем мамы, а она почему-то перестала писать о нем: видимо, не хотела меня огорчать. Только вернувшись домой, я узнал, что в конце войны к маме заезжал какой-то пожилой изможденный мужчина, отбывавший срок вместе с отцом. Их места на нарах располагались рядом. Они в тягостные морозные дни мечтали об освобождении и возвращении домой, к своим семьям. Тогда-то они условились, что если кому-либо посчастливится вырваться из гулаговского ада, то он посетит семью товарища по несчастью и расскажет о его судьбе.

И вот к маме, словно с того света, пришел посланец отца и поведал горькую новость. Он рассказал, что в ночь на 7 марта 1944 года лежавший с ним рядом на нарах отец умер. Все произошло тихо и неожиданно; отец внезапно вскрикнул во сне и затих. Врач констатировал смерть.

К сожалению, у мамы не сохранилось ни адреса, ни фамилии человека, принесшего ей скорбное извещение. Думаю, что и это отнюдь не случайность. Видимо, освобождавшимся из-под стражи зекам строго-настрого запрещали делиться с кем бы то ни было подробностями лагерного быта. Тем паче надлежало хранить в тайне сведения об умиравших товарищах.

Можно ли было верить маминому гостю? На этот вопрос теперь уже вряд ли удастся получить достоверный ответ. Точно стало известно только одно: мама стала вдовой, а мы с сестрой лишились отца.

И невольно память подсказала из «Непридуманного» Льва Разгона: «Они все канули в неизвестность, чтобы через двадцать лет эта неизвестность обернулась лживой бумажкой, где все — и дата, и причина — все было лживо. Кроме одного — умер».

Эти же мысли терзали замечательную поэтессу Анну Андреевну Ахматову, отозвавшуюся на происходящее еще в марте 1940 года бессмертными строками:

Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать...
О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде.

Как все это непостижимо и страшно. Поймут ли это приходящие в жизнь сегодня? Задумаются ли: как можно было так

жить?

Вряд ли можно рассказывать о жизни практически любой советской семьи в начале 40-х годов, не затрагивая военной темы. Война грубо, необратимо вторглась в нашу жизнь.

Гражданский подвиг мамы

Начало войны, как это ни парадоксально, принесло в жизнь нашей семьи какое-то облегчение. И материальное, и моральное. Маму приняли на работу в школу № 168 на должность секретаря-машинистки.

Школа располагалась на углу Большой Дмитровки и Петровского переулка. Теперь на месте старенького, невзрачного здания красуется новое, современное. В нем заседает Совет Федерации.

Мамина работа давала ей право на рабочую продовольственную карточку, что было чрезвычайно важно. После моего призыва в армию мама, носившая несколько лет несмываемое клеймо жены «врага народа», обрела новый статус: мать солдата. А когда в январе 1943 года я в составе 15-й Гвардейской отдельной морской стрелковой бригады начал свой фронтовой путь, мама получила своеобразное повышение в звании — она стала матерью фронтовика! Все это существенно изменило отношение к нашей семье.

Работая в школе на скромной должности секретаря, мама умудрилась совершить, как, наверное, сказали бы сегодня, гражданский подвиг.

Сейчас многие знают, а все пожилые люди помнят, в каком тяжелейшем состоянии оказался фронт, оборонявший столицу, к середине октября 1941-го. Особенно врезался в память страшный день — 16 октября. Я был все время в Москве и хорошо помню тот день. Помню пепел, летящий из труб различных учреждений, где жгли архивы; москвичей, быстро семёнящих по улицам с большими Кульками муки, выданной им сверх нормы; беженцев, идущих на восток с вещевыми мешками за плечами. Помню панику на улицах и на вокзалах. Все было непредсказуемо, страшно, тревожно.

Было холодно и жутко. Что делать, мы с мамой не знали. Хорошо, что Юлю с ее школой успели эвакуировать в Пермскую область. У меня дома на всякий случай тоже лежал маленький рюкзачок с продуктами, документами и какими-то случайно оказавшимися там вещами.

В тот день, 16 октября, в школе была получена телефонограмма: предлагалось срочно уничтожить все хранившиеся документы. Исполнение этой акции было возложено на маму. Она выполнила приказ не полностью. Трудовые книжки и часть вузовских дипломов эвакуированных из столицы учителей мама не уничтожила. Она спрятала их дома и хранила до возвращения их владельцев в Москву. Можете себе представить, как были благодарны люди скромной секретарше, избавившей их от уймы хлопот, продиктованных нашим забюрокраченным бумажным веком!

И еще один эпизод, характеризующий нашу маму. Когда я был тяжело ранен и весной 44-го доставлен самолетом на берег озера Селигер в город Осташков, мама приехала ко мне в госпиталь, сняла небольшую комнатку, и мы два-три дня были счастливы, прожив там вместе...

Вообще всему хорошему, что я приобрел в своей очень непростой жизни, я обязан маме. Она была очень доброй, внимательной, заботливой» а главное — глубоко порядочной женщиной. Теперь, спустя много лет, я с благоговением вспоминаю о многих маминых поступках, характеризующих ее как удивительно тактичного и умного педагога. Я, например, не припомню ни одного случая, чтобы мама ударила меня или Юлю. Наблюдая за моим в высшей степени непоседливым и не в меру шкодливым характером, мама избрала для меня весьма действенную «меру пресечения». После какой-либо моей очередной выходки она не терпящим возражений тоном требовала от меня улечься в кровать. Для моего бунтарского нрава непоседы это было хуже любой «высшей меры», и я всячески старался избегать материнского гнева.

Помню, когда в начале 30-х годов мы жили на Сивцевом Вражке, я, как это частенько со мною случалось, принял участие в какой-то очередной потасовке. Досталось Мне тогда прилично, размазывая по всей физиономии кровь вперемешку с обильными слезами, я явился домой И стал рассказывать маме, кто меня так сильно поколотил. Вместо ожидаемого мной сочувствия мама очень спокойно выслушала мое «боевое донесение» и, ничуть даже не возмутившись, заявила: «Ты постоянно ввязываешься в какие-то драки, а потом являешься домой и еще жалуешься на своих обидчиков. Хорошо ли это? Ты уже взрослый парень — тебе скоро десять лет, так научись сам защищать себя». Эту заповедь мамы я запомнил на всю жизнь. И хотя далеко не всегда мое умение защищаться давало необходимый эффект, следовать мудрому совету мамы я пытаюсь и по сей день.

Наверное, было бы большим упущением, если бы я не

рассказал еще о некоторых чертах нашей незабвенной мамы. Хорошо помню ее постоянное стремление привить нам с Юлей любовь к природе, искусству, литературе. В далекие годы, когда нашу семью еще не лишили отца, мы летом жили на служебной даче в Немчиновке. Теперь она оказалась в непосредственной близости от пересечения Минского шоссе с МКАД, а тогда казалась нам довольно удаленным от Москвы поселком. Мама очень любила гулять с нами по лесу, собирать ягоды, грибы, и при этом она интересно рассказывала о видах различных растений, деревьях, о жизни и повадках лесных обитателей. Возможно, мамина любовь к естествознанию и природе передалась ее внучке, Юлиной дочери Лене. Она после окончания института преподавала в школе естественные науки, а затем, проработав несколько лет в научной лаборатории одного из московских НИИ, сумела в 2005 году стать кандидатом биологических наук, чем очень всех нас порадовала. От бабушки, которая весьма успешно писала маслом, Лена унаследовала умение рисовать. Должен заметить, что и я также увлекался рисованием, и получалось у меня неплохо. А так как от отца я перенял увлечение стихоплетством, то вынужден был, начиная со школьных лет и до своей старости, терпеть надоедавшую мне изрядно общественную работу редактора стенной газеты. Чтобы как-то отвлечься от этого нудного занятия, я частенько малевал веселые фривольные картинки, которые, не особенно стесняясь, оснащал, мягко говоря, стишками с отчетливо прослеживающимся эротическим уклоном.

Летело время. Завершилась самая кровавая в истории человечества война. Еще в декабре 1943 года на фронте я был принят в ряды коммунистической партии.

Председатель парткомиссии полковник (фамилию его я не запомнил) задавал много вопросов об отце. Выслушав мои ответы, он резюмировал: «Сын троцкиста, врага народа!». Тем не менее меня приняли единогласно. Кровью, пролитой на фронте, я, по мнению членов комиссии, смыл с себя «грехи» отца. Чему было удивляться — ведь это происходило в 43-м…

Считаю целесообразным прояснить ситуацию о моей партийной принадлежности. Я вступал в партию на излете 43-го года. Мне едва исполнилось 19 лет. Тогда войска 2-го Прибалтийского фронта и входившая в его состав 15-я Гвардейская морская бригада, в коей я имел честь сражаться, вели активные наступательные бои. Стоит ли говорить, что накануне атаки мы меньше всего думали о карьере и каких-то привилегиях, которые, по ныне распространенному обывательскому представлению, якобы давала красная книжица.

Наши заявления в парторганизацию не отличались оригинальностью и разнообразием стилей: «Прошу принять меня в ряды ВКП(б). Хочу идти в бой коммунистом» — так писали почти все. И клич комиссаров или политруков: «Коммунисты, вперед!» — тоже не плод чьей-то фантазии. Этот призыв действовал и на самом деле вел вперед! Поэтому я не стыжусь своей прошлой принадлежности к КПСС. Важно, мне кажется, не то, в какой партии ты состоял, а то, чем ты в ней занимался, как вел себя.

А о том, что многие партийные руководители, как потом выяснилось, дискредитировали партийные ряды, мы узнавали с болью и горечью. Слишком много было тогда лжи, фальши, беззакония. Культ личности — одно из самых мрачных порождений партийного руководства страной, которая и прекратила свое существование не из-за «беловежского сговора», как хотели бы доказать некоторые «теоретики», а благодаря окончательно обанкротившейся и в политическом, и в экономическом отношении КПСС.

Что же касается рядовых коммунистов, то подавляющее большинство их были вполне достойными и порядочными людьми, добросовестно делавшими свое дело в самых различных отраслях народного хозяйства страны. Конечно, они тоже были повинны в том, что старались не замечать многих порочных явлений в жизни партии и страны.

В конце 1986 года, когда ветер перемен всколыхнул страну и разворачивалась перестройка, Ленинский РК КПСС г. Москвы рассматривал вопрос об установлении мне персональной пенсии. Я спросил членов комиссии, стоит ли мне приложить документы о судьбе посмертно реабилитированного отца и о том, что 18 лет носил клеймо «врага народа», не согнулся, несмотря на все превратности судьбы. Председатель комиссии подумала и сказала: «Об отце лучше не надо. Это могут неправильно понять».

Нечто подобное имело место весной 2000 года. Корреспондент одной из самых читаемых и тиражных газет брал у меня интервью. Узнав о моем отце, погибшем в лагерях в 48-летнем возрасте, журналист, прервав мой рассказ, быстро запричитал: «Нет, нет, нет! Это нам не нужно!» Кому это «нам», я, конечно, уточнять не стал. Однако подумал — не потому ли по нашим городам марширует шпана с фашистской символикой на рукавах? И не стимулирует ли дремучесть мышления моего интервьюера стариков выходить на улицы с портретами человека, сгубившего миллионы жизней?

Персональным пенсионером я все же стал. Независимо от судьбы отца. Но правильно ли это — что «независимо»? Разве

смогли бы мы стать такими, какими стали, независимо от наших героических отцов? Спасибо им за все и низкий наш поклон.

Уволен! За… невыход на работу!

5 марта 1953 года умер Сталин. Мы с мамой были дома вдвоём, когда захрипела висевшая на стене черная тарелка репродуктора и сообщила страшную весть. Мы сидели за пустым обеденным столом и плакали. Это не было проявлением чрезмерной скорби или сожалением об ушедшей из жизни. Это был страх за судьбу страны, патриотами которой мы оставались всегда. Несмотря ни на что. Представить страну без Сталина было выше наших сил. Представить такое было просто невозможно. И мы плакали.

Пользуясь случаем, хотел бы для ясности сказать о моем личном отношении к Сталину. Замечу, что с годами оно претерпело значительную трансформацию. И сейчас, на склоне лет, я во многом разделяю мнение о Сталине государственного и военного деятеля, члена коммунистической партии с 1910 года Федора Раскольникова, который в 1939 году направил из Франции письмо Сталину. Вот что в нем говорилось:

«Ваша безумная вакханалия не может продолжаться долю. Бесконечен список ваших преступлений. Бесконечен список ваших жертв, нет возможности их перечислить. Рано или поздно советский народ посадит вас на скамью подсудимых как предателя социализма и революции, главного вредителя, подлинного врага народа, организатора голода и судебных подлогов» (журнал «Огонек», № 26, 1987).

Потом наступила хрущевская оттепель, и на XX съезде КПСС Никита Сергеевич сделал свой знаменитый доклад. Прокаженные становились нормальными людьми. Их не нужно было остерегаться, подозревать, ограничивать в нравах и доверии…

Мама взахлеб читала все выступления Хрущева. Она его боготворила. За отца! За нас с сестрой!

В 1956 году мы подали заявление с просьбой пересмотреть дело отца.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 22 мая 1957 года дело в отношении отца было отменено и «производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления». Так было сказано в справке Верховного суда от 24 мая 1957 года.

Согласно каким-то решениям вышестоящих чиновников

семьи реабилитированных имели право получить своеобразную компенсацию за убиенных отцов, матерей, мужей, жен, братьев, сестер... По два оклада за каждого...

Платить должны были учреждения, предприятия, организации, в которых работал репрессированный к моменту ареста.

Когда я явился в трест «Союзвзрывпром» за получением денег, управляющий трестом, Голобоков сразил меня поразительным сообщением. Он заявил, что в тресте нет сведений об аресте Рафалова! И показал приказ от 5 июля 1938 года. Я не верил своим глазам; в приказе говорилось, что «Рафалов уволен с 27.06.38 за невыход на работу». Много повидал я на своем веку канцелярских сочинений, но такого... Это был высший пилотаж в области цинизма и бумаготворчества. Сидевший передо мной чиновник работал вместе с отцом. Он прекрасно знал (возможно, и видел), что отца забирали на работе... Тем не менее дремучесть своего мышления управляющий трестом удостоверил в выданной мне справке от 3 июня 1957 года. Там так и написано: «За невыход на работу».

Такое даже и не прокомментируешь. Чего здесь больше — подлости или глупости? Видимо, в этом «коктейле» хватало и того, и другого.

Пришлось вновь обращаться в Верховный суд. Заместитель председателя ВС Н. Морозов многозначительно вздохнул и без всяких промедлений подписал 5 июня 1957 года новую справку. В ней после слов о реабилитации было дополнение: «По данным уголовного дела Рафалов-Заявлин М.А. до дня его ареста работал старшим инспектором треста «Союзвзрывпром». Бюрократы оказались поверженными. Я получил две отцовские очень скудные зарплаты.

Мертвые возвращаются

Откровенно говоря, готовя рукопись этой книги к печати, я долго сомневался в целесообразности ознакомления читателей с материалами уголовного дела отца.

Документы этого дела являют собой кошмарный коктейль из человеческой мерзости, подлости, глупости, невежества и цинизма. Их нет никакой надобности комментировать. Можно лишь просить читателя остановить свой взор на наиболее «выдающихся» эпистолярных шедеврах инквизиторов XX века.

И еще одна просьба к читателю. Не торопитесь листать

страницы. Это не детектив, где хочется скорее добраться до развязки и найти ответы на многочисленные вопросы, нагроможденные автором. Здесь все проще. Трагическая развязка неизбежна и заранее известна. И все же...

Документы дела обильно приправлены сработанными по модульному принципу оборотами; «контрреволюционная троцкистская деятельность», «нелегальная (или подпольная) литература», «подпольные совещания», Эти протокольные изыски, напоминающие записки сумасшедшего, должны были, по мысли их авторов, изничтожить жертву. Эти люди не молились на ночь. По ночам они профессионально творили великий грех: истязали, калечили, убивали.

Постарайтесь, уважаемый читатель, задаться несколькими простыми вопросами.

В чем же состояла контрреволюционная деятельность Рафалова?

Какая «подпольная» литература владела умами Рафалова и его товарищей?

Может, это были книга Михаила Булгакова или крамольные сочинения Исаака Бабеля? Возможно, они улыбались, читая веселые сочинения юмористов Евгения Петрова и Ильи Ильфа? Может статься, что они восторгались стихами незабвенной Анны Андреевны Ахматовой или замученного Николая Гумилева?

Чем занимались на «подпольных сборищах» их участники? Может быть, играли в преферанс, а заодно не выражали буйных восторгов по поводу деятельности вождя «всех времен и народов»? Все может быть.

И еще. Отец был арестован 26 июня. Трудно даже предположить, что, вынужденно занимая остродефицитное место в камере внутренней тюрьмы на Лубянке, он не подвергался допросам аж целых полтора месяца. Лишь 7 августа отец после длительной «технологической обработки» оказался на коленях. Ему прочли заранее заготовленный и отпечатанный на машинке протокол допроса и вынудили подписать этот роковой «документ». И все же, оказавшись в столь драматической ситуации, отец находит в себе силы, чтобы не назвать ни одной новой фамилии «врагов народа». В его «показаниях» упомянуты фамилии либо уже умерших, либо уже расстрелянных доблестными чекистами людей, либо уже осужденных ими же. Видимо, даже полутора месяцев костоправам НКВД оказалось недостаточно, чтобы превратить отца в стукача.

Здесь я позволю себе просить читателей ознакомиться с рядом документов уголовного дела отца. Они говорят сами за себя.

Во всех прилагаемых документах сохранены стиль, пунктуация и орфография оригинала.

ВЫПИСКИ ИЗ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

АРХИВНЫЙ № 295267 № Р13799
Следственное дело № 19914
Стр. дела 1 и 2.

Рафалов Михаил Арнольдович, 1895 г. рожд. урожд. Николаевской губ. с 1917 по 1918 г. состоял членом партии соц-демократов интернационалистов, с 1919 г. является членом ВКП(б), в 1935 г. исключался из партии за принадлежность к троцкизму, но был восстановлен, работает ст. инженером-экономистом «Союзвзрывпрома». Проживает в Москве по Петровскому пер. д. 8, кв. 10.

Рафалов М.А. скрытый активный участник антисоветской троцкистской организации с 1929 года. Свою принадлежность к троцкизму тщательно скрывает.

Работая с 1927—30гг. в аппарате Торгпредства СССР в Париже, Рафалов вел активную контр-революционную троцкистскую работу, имея непосредственную связь с открытыми участниками организации: Исаевой, Тером, Кивкуцапом, Харнас, и Нуллером. Кроме этих лиц Рафалов также был связан с расстрелянными террористами Пятаковым и Хариным и выполнял их задания, связанные с проведением нелегальной троцкистской работы (связь с открытыми троцкистами, распространение к-р. троцкистской литературы и т.д.). В принадлежности к антисоветской троцкистской организации Рафалов изобличался показаниями Пятакова, Харина и Харнас.

Так, троцкист-террорист Харин показал:

«Муза Исаева, Тер, Рафалов... являются открытыми участниками троцкистской организации. Тер, и Рафалов получали контр-революционные троцкистские документы, посещали нелегальные троцкистские собрания», «В Париже в торгпредстве я связался со скрытым троцкистом Рафаловым, который знал о моей троцкистской деятельности за границей»... «Кроме Рафалова и Тера о моей троцкистской работе за границей знали открытые троцкисты Харнас и Нуллер, с которыми я был связан через Рафалова»… «Со слов Рафалова я знал, что управделами Торгпредства СССР в Париже член ВКП(б) Кивкуцан, Герваси и Файнштейн — быв. зав отделом торгпредства в Париже и Барышников Михаил Васильевич член ВКП(б) директор Северо-Европейского банка в Париже, являются скрытыми троцкистами, в прошлом бывали на нелегальных троцкистских сборищах у

Раковского и Пятакова».

Из показаний Харина от 26/IV-36 г.

О Рафалове как своем единомышленнике и скрытом участнике антисоветской троцкистской организации Пятаков показал:

«В 1928 г. в Парижском торгпредстве работала Лена Давидович, скрыто от партии занимавшаяся троцкистской деятельностью. Кроме нее скрытыми троцкистами были Рафалов...»

Из показаний Пятакова от 12/IX-36 г.

Осужденный как активный участник к.р. троцкистской организации Харнас Ю.Ш. показал:

«Позднее в разное время я установил связь со скрытым троцкистом Рафаловым... проживавшим в Москве и работавшим в Авторемснабе членом правления»...

Из показаний Харнас от 13/Ш-38г.

Стр. дела 25—27.

«Утверждаю» «Утверждаю»

зам. нач. 4 отдела Прокурор СССР

I Упр. МКВД майор (Вышинский)

Государственной «.....» августа 1938 г.

Безопасности

Подпись... (Глебов) Ни подписи, ни числа нет.

13 августа 1938 года

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По следственному делу № 19914 по обвинению Рафалова-Заявлина Михаила Арнольдовича в преступлениях предусмотренных ст. 58/10 и 11 УК РСФСР.

По делу вскрытой и ликвидированной антисоветской троцкистской организации материалами следствия установлено, что одним из участников этой организации являлся бывш. старш. инспектор треста «Союзвзрывпром» Рафалов-Заявлин М.А.

Рафалов-Заявлин на следствие признал, что он, являясь кадровым троцкистом, в 1925 году был вовлечен в антисоветскую троцкистскую организацию, ныне репрессированным Баргиором.

«Будучи к этому времени уже сформировавшимся в полном смысле этого слова троцкистом, я предложение Баргиора принял и дал согласие на вступление в троцкистскую организацию для борьбы с ВКП(б)».

Являясь участником троцкистской организации, Рафалов-Заявлин участвовал на нелегальных троцкистских совещаниях, на которых обсуждались методы борьбы с ВКП(б), Будучи резко озлобленным, Рафалов клеветал в отношении руководителей ВКП(б).

«Высказывая к-р клевету по адресу руководителей партии, в то

же время восхвалял лидеров троцкизма».

Находясь на загранработе во Франции, Рафалов установил организационные связи с троцкистами, работающими в полпредстве СССР, совместно с которыми участвовал на нелегальных собраниях, проводимых совмести но с французскими троцкистами.

На основании изложенного Рафалов-Заявлин Михаил Арнольдович, 1895 г. рождения, уроженец Николаева, бывш. член ВКП(б) с 1919 г., исключен в связи с арестом по настоящему делу. До ареста старш. инспектор треста «Союзвзрывпром».

Обвиняется в том, что:

являясь участником к-р троцкистской организации, по заданию которой проводил активную контрреволюционную деятельность, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58/10 и 11 УК РСФСР

Виновным себя признал полностью. Кроме того изобличается показаниями арестованных Харина, Пятакова и Харнаса.

Считать следствие по делу законченным.

Стр. дела 28.

Выписка из протокола Особого Совещания при народном комиссаре внутренних дел СССР от 23.08.38.

ПОСТАНОВИЛИ

Рафалова-Заявлина Михаила Арнольдовича за к.р троцкистскую деятельность заключить в исправтрудлагерь сроком на восемь лет, сч. срок с 20/VI-38 г.

Дело сдать в архив.

Жизнь продолжалась

Итак, дело сдали в архив. Отец умер. Казалось бы, на этом все и завершилось... Но жизнь продолжалась.

В феврале 1956 года в Москве состоялся XX съезд КПСС. На нем с докладом о культе личности и его последствиях выступил Никита Сергеевич Хрущев. Для миллионов людей это был поистине исторический доклад. Он зачитывался и обсуждался на всех партийных собраниях. Следует признать, что далеко не все советские люди встретили доклад и решения съезда с ликующим одобрением. Но огромная масса населения страны, и в первую очередь семьи, потерявшие от незаслуженных репрессий своих родных, восприняли выступление Хрущева с нескрываемым чувством благодарности. Люди, в течение долгих лет считавшиеся изгоями в своей стране, вновь обрели общепринятые права, избавились от унизительного страха и оскорбительных

подозрений. Они освобождались наконец от навязанного им статуса «врагов народа».

Следует ли говорить о чувствах, переполнявших сердца и души всех членов нашей семьи?

Вскоре после завершения работы XX съезда в Главную военную прокуратуру за маминой подписью ушло заявление с просьбой пересмотреть дело отца.

Главной Военной Прокуратуре

От Рафаловой Веры Петровны, прожив, в г. Москве, Б-78, Хоромный тупик 6 кв. 4

Муж мой Рафалов-Заявлин Михаил Арнольдович рожд. 1895 г. член партии с 1919 г. был арестован 26-го июня 1938 г. в Москве и в августе того же года был отправлен на Колыму по решению Особого Совещания для отбытия 8-ми летнего срока наказания.

Из писем моего покойного мужа, мне известно, что им было направлено в Генеральную прокуратуру СССР ходатайство о пересмотре его дела, в котором он доказывал необоснованность и неправильность его осуждения. Так как ходатайство моего мужа было оставлено без последствий, я обращаюсь к Вам с просьбой о пересмотре его дела и реабилитации.

Пересмотр дела моего мужа, как человека полностью преданного Партии и нашему Советскому государству, окажет большую моральную поддержку нашим детям: сыну Марку рожд. 1924 г., чл. КПСС, участнику Великой Отечественной войны, в настоящее время студенту ВУЗа и дочери Юлии рожд. 1930 г., чл. ВЛКСМ — педагогу школы.

1/11 — 57 г.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОСОБЫЙ АРХИВ

26.11.56. № 16/6/003565

АРХИВНАЯ СПРАВКА. Сов. Секретно!

В документальных материалах Центр. Гос. Особого архива СССР имеются следующие сведения о запрашиваемом Рафалове Михаиле Арнольдовиче.

По документам Французской контрразведки и французской полиции проходит Рафалов Михаил, родившийся 1 декабря 1895 года в г. Николаеве в семье Заявлина Арнольда и Иконниковой Евы.

В 1922 году в Харькове Рафалов женился на Кузиной Вере Петровне, родившейся 5 или 22 июля 1900 г. в Харькове, служащей, имел сына Марка, родившегося в 1924 г. в Харькове.

В документах Рафалов характеризуется как ярый коммунист, активный советский агент, опытная личность.

Не могу удержаться от желания просить читателя еще раз

прочесть, как характеризует отца французская контрразведка: «ярый коммунист, активный советский агент, опытная личность»... Забавно, не правда ли?

В СУДЕБНУЮ КОЛЛЕГИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР
ПРОТЕСТ № 02/ДСП-976-57
28/III-57.

...Постановление особого совещания в отношении Рафалова-Заявлина М.А. подлежит отмене по следующим мотивам:

— Рафалов-Заявлин обвинялся в том, что являлся участником к-р троцкистской организации, по заданию которой проводил активную к-р деятельность. Основанием к осуждению Рафалова-Заявлина послужили его собственные и единственные показания, подписанные им 7/VIII-1938 года спустя полтора месяца после его ареста на заранее заготовленном и отпечатанном на пишущей машинке протоколе допроса. При этом следует отметить, что в протоколе допроса исправлена дата допроса и имеются дописки и другие исправления».

Действительно, поверх ранее напечатанного «июля» чернилами сделано исправление — «августа». Видимо, были уверены, что сломят отца еще в июле.

...В означенном протоколе допроса Рафалов-Заявлин показал, что он примкнул к троцкистской оппозиции в 1923 году под влиянием Макотинского, после чего имел связи с троцкистами Грушевским, Баргиором, Чусовской, Лившицем и другими, с которыми встречаясь в неофициальной обстановке, толковали все вопросы в троцкистском духе.

От Баргиора и Чусовской получал подпольную троцкистскую литературу, а затем в 1925 году вступил в к/р троцкистскую организацию, в которую кроме перечисленных лиц входили Остроумов, Лошенов, Дашевский и другие.

Показания Рафалова о его организационной связи с троцкистами и о его к/р троцкистской деятельности к моменту осуждения подтверждено не было.

В процессе дополнительной проверки, произведенной Комитетом Госбезопасности при СМ СССР, установлено, что ни к какой троцкистской организации Рафалов не принадлежал и троцкистской деятельностью не занимался.

По показаниям Макотинского, Чусовской, Баргиора, Каждана, Рафалов не проходил..

...К делу приобщена выписка из показаний Пятакова, Харина и

Харнаса, которые не приведя никаких заслуживающих внимания доводов назвали Рафалова «скрытым троцкистом», а Харнас показал, что он установил связь с троцкистами Рафаловым и Хариным».

Дела в отношений Барышникова, Иванова, Файнштейна, Ауэрбаха, Харина, Нуллера, Каневца и Гольдштейна, проходящих по показаниям Рафалова как его сообщники, производством прекращены за отсутствием состава преступления, а по делу Харнаса в Верхсуд СССР внесен протест на предмет прекращения дела.

Таким образом, принадлежность Рафалова-Заявлина к к/р троцкистской организации и какая-либо активная троцкистская деятельность не установлена, что подтверждено приобщенной к делу справкой партархива (л.д. 51) в которой указано, что «Рафалов ни к какой оппозиционной группировке не принадлежал, троцкистов не поддерживал и вел активную партийную работу».

...Из материалов дела видно, что Рафалову-Заявлину вменялось в вину еще и то, что им в 1928 году была написана и помещена в сборнике... статья, в которой он, излагая историю советской внешней торговой политики, утверждал, что «вначале предполагалось только одно регулирование внешне-торговых операций и что последние должны выполняться частно-торговым аппаратом» а слова Ленина «о необходимости подготовить монополизацию внешней торговли государством,» Рафалов истолковал так, что, по его мнению, на первом этапе развития советской экономики монополизация внешней торговли еще не предусматривалась. Монополизация внешней торговли, по мнению Рафалова, изложенном в статье, вытекала из самой сущности военного коммунизма. В подтверждение своих мыслей Рафалов привел цитаты из высказываний Троцкого и Преображенского.

...В связи с этим статья Рафалова была признана троцкистской и за эту статью он в 1931 году (т.е. спустя 3 года после ее опубликования) был исключен из членов КПСС. В 1933, 1935 и 1936 гг. Рафалов за это же самое исключался из членов КПСС вновь, но высшие парторганы считали возможным его в партии восстанавливать. К тому же из документа партархива видно, что статья Рафалова была написана еще в 1926 году, а помещена в сборнике в 1928 году и без его ведома.

В рецензии написанной 2/1-1957 года кандидат экономических наук Соловьев пишет, что статья в основном выдвигает правильные положения о советской внешней торговле, но наряду с этим имеются и серьезные ошибки троцкистского толка. Однако считать Рафалова-Заявлина за эту статью виновным в совершении контрреволюционного преступления нет оснований,

тем более что его статья обсуждалась и была осуждена в партийном порядке.

Исходя из изложенного и руководствуясь ст. 16 Закона о судопроизводстве СССР и Союзных республик

ПРОШУ:

Постановление Особого совещания при Наркоме Внутренних дел СССР от 23 августа 1938 года в отношении Рафалова-Заявлина Михаила Арнольдовича отменить и дело на основании ст. 4 п. УПК РСФСР производством прекратить.

Приложение: дело 295267 в I томе.

Зам. Генерального прокурора СССР,

государственный советник юстиции I класса

Подпись…….Д. Салин

Справка: О результатах сообщить жене осужденного Рафаловой Вере Петровне. Москва, Б-78, Хоромный тупик, дом 6, кв. 4.

Стр. дела 123—124.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР

В составе: председательствующего — Якименко И.Д.

Пенюгина В.Е.

Супатаева А.

Рассмотрела в заседании 22 мая 1957 года протест Генерального прокурора СССР на постановление Особого совещания НКВД СССР от 23 августа 1938 г.

Далее приводятся доводы, почти полностью повторяющие то, что было изложено в протесте Прокуратуры СССР (М.Р.).

Постановление особого совещания при НКВД СССР от 23 августа 1938 года отменить и дело в отношении Рафалова-Заявлина Михаила Арнольдовича производством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления.

Председательствующий

(подпись) Якименко.

Изучением дела отца я занимался в приемной Федеральной службы безопасности в июле 1992 года. Мне помогали внимательные и учтивые сотрудники этого ведомства. Несколько дней я провел в невзрачном старом доме 22 на Кузнецком мосту.

30 июля я перевернул последнюю страницу и закрыл уже ветхую папку с архивным номером 295267. В начале шестого я вышел из здания службы безопасности. Стояла смрадная и липкая московская жара. В самом разгаре был час пик. На Лубянской площади в сторону метро, ГУМа, ЦУМа, «Детского мира» бежали разомлевшие после работы люди. В центре площади, обтекаемой

со всех сторон потоком автомобилей, возвышался высокий постамент. На нем долгие годы стоял и взирал на окружающих главный чекист страны — Железный Феликс. Теперь его не было. На его месте, использовав отверстия, крепившие гигантские сапоги скульптуры, лихие казаки поставили простой деревянный крест в память о невинно сгинувших жертвах чудовищного режима. Режима, потомки которого отчаянно сопротивляются напору свежих ветров и норовят вновь взобраться на пьедестал...

Позволю себе сделать еще одно отступление. В 90-е годы в нашей многострадальной России стало очень модным заниматься очернительством всего и вся. К сожалению, свобода слова не только не препятствовала этому явлению, но явно его стимулировала.

В своих заметках о судьбе отца я не всегда, упоминая чекистов, служивших в системе ГУЛАГа, объяснялся им в любви. Полагаю, что мои чувства вам понятны. Могут ли заслуживать уважения и признания люди, принявшие на себя обязанности палачей, костоломов и истязателей?

Но значат ли мои высказывания, что любой сотрудник органов внутренних дел или госбезопасности достоин осуждения? Ни в коем случае! Мне довелось поддерживать дружеские отношения с рядом сотрудников этих организаций. Разве не стоят многие из них добрых слов и уважения за свой труд?

Допускаю, что среди людей, коим доведется ознакомиться с этими воспоминаниями, найдутся циники, которые будут упрекать меня за стремление сделать своеобразный реверанс, адресованный нынешнему президенту России... Бог им судья. На то они и циники. Мне же в моем возрасте и положении уже нет никакого резона заниматься таким непотребным делом. Поэтому, повторяю еще раз то, что писал в начале этой книги. Важно не в каком ведомстве служил человек, а то, чем он там занимался и как вел себя.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ
ПРОКУРАТУРА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ул. Б. Дмитровка 15а
Москва. Россия. ГСП-9 101999
17.10.2001 №13-112-96
СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Рафалов Марк Михайлович, родившийся 4 сентября 1924 года в г. Харькове

по заключению Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17 апреля 1996 г. На основании ст. 2-1 Закона Российской

Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» признан пострадавшим от политических репрессий

В соответствии со ст. 1-1 указанного Закона и определением Конституционного Суда Российской Федерации от 18.04.2000 № 103-0

Рафалов Марк Михайлович

как оставшийся в несовершеннолетнем возрасте без попечения отца, необоснованно репрессированного по политическим мотивам, признан подвергшимся политической репрессии и реабилитирован.

Помощник Генерального прокурора
Российской Федерации
Старший советник юстиции Н.С. Василенко

Это решение Генеральной прокуратуры повлекло за собой увеличение моей месячной пенсии на... 92 рубля 66 копеек.

Вот, кажется, и все... Отец полностью и безоговорочно реабилитирован, посмертно восстановлен во всех правах. Хочется верить и надеяться, что больше никто и никогда не посмеет надругаться над памятью чистого и беззаветно преданного Родине человека, ставшего жертвой страшного времени. Увы, наш отец был не одинок... Миллионы людей разделили его горькую участь.

Желание написать воспоминание об отце возникло у меня давно, но реализовать его было далеко не просто. По многим причинам. Во-первых, в ряду сотен подвергшихся репрессиям крупных партийных и государственных деятелей, известных писателей, имя отца и его судьба не представляли особого интереса для читателей, а соответственно и для издателей. Во-вторых, я не располагал тогда необходимыми материалами и документами, позволявшими мне писать хорошо аргументированный очерк, не говоря уже о том, что мои литературные возможности не могли встать в один ряд со многими произведениями, затрагивавшими лагерную тематику. Ни «Детей Арбата» А. Рыбакова, ни «Одного дня Ивана Денисовича» А. Солженицына я, естественно, создать не мог.

В-третьих, в период хрущевской оттепели, да, к сожалению, и в наши дни, описания подробностей чудовищных и невиданных по своей массовости и жестокости политических репрессий не всеми людьми встречаются с пониманием и сочувствием. Ведь и по сей день на нашей многострадальной Руси живет еще много персонажей, не желающих знать и помнить о страшных годах, унесших жизни лучших сынов и дочерей России.

Вынужден еще раз просить читателей задуматься над всеми противоречивыми событиями, раздирающими нашу страну. Не мы

ли все сами своим преступным благодушием и терпимостью поощряем разгул экстремизма и мракобесия в нашей России?

Разве можем мы полагаться на понимание марширующих по улицам наших городов фашистских молодчиков, прославляющих фюрера, так же как наивно рассчитывать на поддержку оболваненных старичков, выходящих на площади и проспекты с портретами нашего доморощенного тирана, равного которому не знала история человечества. Рядом с нами сегодня, в начале XXI века, находятся люди с ампутированной совестью, которые недрогнувшей рукой пишут в вышестоящие инстанции ходатайства с требованиями оправдать и реабилитировать уникального и неповторимого душегуба Лаврентия Берию!

Согласитесь, что в подобных условиях очень непросто отважиться писать о жертвах незаконных репрессий. Хотя дважды такие попытки мною предпринимались. В начале 1989 года по просьбе магаданского «Мемориала» я отправил им очерк об отце — объемом примерно 30—35 машинописных страниц. Лидия Владимировна Андреева, проживавшая тогда на Кольцевой улице, любезно известила меня, что очерк получен, одобрен и будет опубликован в готовящемся к печати мартирологе. Мы еще несколько раз обменивались письмами и... связь оборвалась.

Примерно через три года нечто подобное произошло в Москве. Некая Татьяна Ивановна, отрекомендовавшаяся секретарем очень пожилого человека, работающего над альманахом о жертвах политических репрессий, настойчиво просила меня передать ей мой очерк для включения в альманах. Я поддался уговорам. Мы встретились на станции метро «Александровский сад». Я передал дорогую для меня работу, после чего Татьяна Ивановна тоже исчезла. Когда я и моя сестра звонили ей, она очень недовольным тоном заявила, что рукопись в работе... Минуло десять лет...

Как-то я поведал о судьбе рукописей своему коллеге-журналисту. В заключение своего монолога сказал с горькой усмешкой, что рукописи ведь не горят. Собеседник улыбнулся и проронил: «Да, рукописи не горят, теперь их самым вульгарным способом воруют»...

Не смею в чем-либо укорять названных мною дам, но факт остается фактом.

Теперь, как принято в спорте, у меня осталась еще одна попытка — третья, и, я надеюсь, последняя. Состоялось мое восьмидесятилетие. Мне нет никакого резона приукрашивать свою биографию и повышать свой рейтинг. Все это уже ни к чему.

Я повидал много горя, прошагал сотни тяжких километров по дорогам Великой Отечественной, перенес множество лишений и

тяжелых потерь, и, несмотря на все пережитое, я всегда оставался оптимистом. Но сегодня, наблюдая за всем происходящим, читая, слушая о многих событиях, сотрясающих нашу повседневность, я испытываю опасение. Не за себя — за свою страну.

Мне хочется верить и надеяться, что настанет все же время, когда никому, нигде, никогда не доведется стать заложником страшных лет, которые выпали на долю нашего отца, и миллионов людей его поколения, и нам — их сыновьям, дочерям, женам, внукам...

Не нужно больше проводить показушные Недели совести! Ибо совесть нужна людям всегда! Круглогодично! Повседневно! Ежечасно! Всегда!

Как же бережно и трепетно мы должны к ней относиться! Чтобы никогда она не покидала нас... Чтобы нас не одолевали сомнения о бесцельно прожитых годах.

ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА

Не тогда убивают,
когда убивают —
убивают тогда,
когда забывают.

Вячеслав Кузнецов

У театрального подъезда

Непосредственное прикосновение войны я ощутил через месяц после ее начала. 22 июля 1941-го немцы осуществили свой первый воздушный налет на Москву. Впрочем, настоящим налетом происшедшее поздним вечером того дня назвать вряд ли можно. К городу удалось прорваться очень небольшому количеству самолетов со зловещими черными крестами. Тем не менее столичные власти проявили непривычную для них оперативность. Буквально через день-два у здания исполкома Коминтерновского района Москвы возле дома № 22 по Петровке (теперь он знаменит тем, что на нем установлена мемориальная доска, посвященная жившему здесь любимому всеми актеру театра и кино Андрею Миронову) состоялось собрание, на котором был образован один из комсомольско-молодежных отрядов по борьбе с последствиями от налетов вражеской авиации. Я оказался в рядах этого новообразования. Теперь после сигнала «Воздушная тревога!» мы были обязаны явиться на крыши и чердаки заранее объявленных нам предприятий или жилых домов и при попадании на них зажигательных бомб сбрасывать их вниз, на асфальт, или гасить в приготовленных на чердаках бочках с водой. По моему мнению, подготовительная работа в столице по предотвращению пожаров была проведена очень четко: чердаки всех домов очистили от хлама. Там же имелось все необходимое: кроме бочек с водой стояли ящики с песком, висели багры, клещи, рукавицы для укрощения зажигалок, которые, по замыслу немцев, были призваны вызвать пожары и панику среди населения.

Так или иначе, но мне во время ночных бдений на чердаках довелось отличиться трижды: две зажигалки я сбросил во двор, а одну успел утопить в бочке. За эти не столь уже великие подвиги

я был впоследствии награжден медалью «За оборону Москвы». Этой медалью я горжусь больше, чем многими другими: как-никак она была первой из двадцати моих государственных наград.

Страшный оскал войны мне довелось увидеть в один из теплых дней конца октября 41-го. Если не ошибаюсь, это произошло в выходной день. Мы с мамой были дома. Неожиданно где-то в районе площади Свердлова (ныне Театральная) прозвучал сильный взрыв. Я выскочил на улицу. По Петровке бежали люди; в сторону центра. Я устремился туда же. Между ближней к Петровке колонной Большого театра и Центральным универмагом в луже крови лежала маленькая девочка лет шести-семи, над ней заламывая руки, рыдала женщина, по-видимому мать ребенка.

Оказалось, что какой-то фашистский стервятник на большой высоте сумел прорваться в воздушное пространство Москвы и начал оттуда сеять смерть. Бомба, убившая девочку у Большого театра, попала между квадригой и стеной здания над главным входом. Другой смертоносный груз приземлился на проезжей части улицы Горького (теперь Тверской), напротив Центрального телеграфа. Рядом располагался большой магазин «Диета», возле которого стояла традиционная очередь. Фашистский гад и здесь погубил и покалечил несколько мирных жителей. Сейчас, спустя 65 лет, я не помню всех мест, где нагадил мерзавец. Через несколько месяцев я оказался в кровавой пучине войны. Ежедневно, ежечасно приходилось видеть смерть и страдания людей. Но девочку, лежавшую в кровавой луже, я помню по сей день.

Суслонгер

Многие москвичи, наверное, знают, что большинство молодых ребят, призывного возраста прощаются с родной столицей на сборном пункте у железнодорожной станции Угрежская. Моя воинская служба также начиналась там в 1942 году. На дворе уже вовсю хозяйничала осень. Резкий, холодный ветер и моросящий дождь способствовали быстрому погружению в обычные товарные вагоны, которые тогда назывались телятниками. Поезд медленно потащился на восток. За его перемещением я со своими новыми товарищами следил по захваченному из дома атласу мира. Это собрание географических карт оказалось единственной памятью о доме, которая прошла со

мною все долгие годы военной службы. Теперь атлас хранится в музее боевой славы морской пехоты в московской школе №120 Гагаринского района. Там же, кстати сказать, экспонируются и написанные мною книги и многие принадлежавшие мне когда-то военные реликвии. В частности, медальон, в который всем фронтовикам надлежало положить записку с адресами родных и близких. Им в случае гибели родного человека высылались похоронки.

Сейчас я уже не помню, за сколько суток не очень поспешавший паровозик дотащил нас до берегов Волги. Преодолев великую русскую реку, поезд наконец остановился в городе Зеленодольске, что в Татарии. Нас быстро перегрузили в другие вагоны, которые, преодолев еще 80 километров пути на север, доставили нас в глухой таежный марийский поселок Суслонгер. Там располагался огромный военный лагерь, где в спешном порядке за три — три с половиной месяца готовили солдат и сержантов и отправляли на фронт.

Три месяца лагерного режима в Суслонгере я с содроганием вспоминаю до сих пор. И дело было не только в ужасающих бытовых условиях, отвратительном двухразовом питании баландой, но и в высшей степени унизительной обстановке. С нами обращались хуже, чем с самыми отъявленными преступниками. Все было как бы нарочно организовано для подавления всех человеческих чувств и достоинства.

Спали мы на деревянных нарах, на старых дырявых ватных матрацах, практически без подушек. Команда «Подъем!» звучала в пять часов утра, и мы в одних гимнастерках и стареньких ботинках с обмотками, несмотря на тридцатиградусные морозы, выбегали на зарядку. Эта инквизиция продолжалась полчаса. Затем следовал так называемый завтрак. На неструганые доски, из которых были наскоро сколочены столы, ставилось два таза, мало чем отличавшихся от обычных банных шаек. Тарелок или хотя бы мисок не было. На каждую «шайку» с баландой из мороженой картошки, гороха или перловки приходилось по шесть едоков. Ложка у каждого была своя. Поэтому наиболее шустрые новобранцы обзаводились ими у местных умельцев. Размер некоторых средств доставки пищи из шаек в рот вполне мог конкурировать с емкостью половника. Это обстоятельство приводило в ярость всех едоков. А так как среди нас было немало бывших уголовников, то трапезы нередко завершались мордобоем.

Следующий прием баланды осуществлялся в четыре-пять часов пополудни, когда измученные голодом и холодом новобранцы возвращались с занятий. Обучение проводилось

исключительно в поле, ибо тогда особенно строго соблюдался приказ Сталина о том, что вся военная подготовка должна быть максимально приближена к боевой обстановке. Казалось бы, в правильности этой формулы нет оснований сомневаться. Но... Даже когда темой занятий являлось изучение различных воинских уставов, то все они проводились вне пределов казармы. Мы, одетые в видавшие виды старенькие шинельки, облезлые шапки и в ботинки с обмотками, вынуждены были, дрожа от лютых морозов, часами стоя на снегу, внимательно слушать глубокомысленные комментарии офицеров, одетых в добротные меховые полушубки и обутых в валенки. При этом нам настоятельно внушалось, что случаи обморожения будут караться так же строго, как дезертирство, за которое, по законам военного времени, полагался расстрел.

Может быть, наиболее чувствительному читателю мои воспоминания о Суслонгере покажутся продуктом воспаленного самолюбия и он подумает, что я где-то сгустил краски. Поверьте — это не так. Когда мы наконец покинули злополучный марийский поселок, к нам на фронт продолжало прибывать из Суслонгера новое пополнение. Вновь прибывавшие однополчане рассказывали нам, что после нескольких случаев самоубийства доведенных до отчаяния солдат в лагерь из Москвы прибыла строгая комиссия во главе с Климентом Ворошиловым. Местные краснозвездные начальники были подвергнуты разносу. И только после этого солдатский быт в Суслонгере немного улучшился.

Тем временем, терпя жестокое обращение и унижение, мы продолжали постигать тонкости военного дела. Я считался одним из самых образованных солдат. Ибо зимой 1941/42 года, несмотря на то что в Москве школы не работали, я умудрился заочно завершить учебу в 10-м классе школы, организованной на Краснопролетарской улице при типографии «Красный пролетарий». В моем аттестате было всего три «четверки». Против наименований почти всех предметов, написанных строгим почерком, красовались слова «отлично»! Моими однополчанами в таежном марийском лагере были ребята, образование которых редко превышало пять-шесть классов. Видимо, моя высокая по тем временам образованность побудила местное начальство определить меня в минометную школу. Из нас готовили специалистов тяжелых полковых минометов калибра 120 мм.

Старшиной нашей роты был невысокий, ладно сложенный человек с красивым лицом, который до войны служил смотрителем в казанской тюрьме. Он владел всем набором иезуитских приемов для издевательств над вверенным ему контингентом новобранцев. По-моему, наш красавчик мало чем

уступал знаменитому Малюте Скуратову, злодействовавшему в эпоху Ивана Грозного. Видимо, и время подобающее у нас тогда наступило. Раздавая направо и налево, по делу и без оного наряды вне очереди, наш Скуратов заставлял провинившихся грешников в течение ночи, не заходя в тридцатиградусный мороз в казарму (за этим надлежало следить дежурным по роте), извлекать из совершенно окаменевшей от морозов земли кубометр грунта. Уверен, что с подобным «заданием» не сумели бы справиться и полдюжины античных Гераклов. Наш инквизитор, конечно, прекрасно знал и понимал, что его иезуитские приказы невыполнимы. Но он испытывал невероятное наслаждение, созерцая изможденные от бессонной ночи и стужи лица наказанных им людей.

Когда мы чуть ближе познакомились со старшиной, я выяснил, что он любил спорт, был отменным гимнастом и хорошим бегуном. Своим легким и красивым бегом он очень гордился. И каждое утро, выводя нас на зарядку, он, громко крикнув нам «Догоняйте!», устремлялся по расчищенной аллее лагеря вперед. Так как я играл до войны в футбол и почти всегда превосходил своих сверстников в спринтерском беге, то команду старшины «Догоняйте!» я воспринимал по-своему, и вскоре стал не только догонять, но и обгонять нашего истязателя. Замечу при этом, что он бежал в хромовых сапогах, а я в ботинках с обмотками. Поначалу старшина с удивлением посматривал на меня и недовольно помалкивал. Но после нескольких фиаско остановил меня около казармы: «Где это ты так ловко бегать навострился?» — спросил он, сверля меня своими жгучими черными глазами. «Так я же в Москве в футбол играл», гордо ответил я. И поведал тюремщику о своих спортивных достижениях. После этой беседы старшина меня зауважал. По крайней мере больше ни одного наряда вне очереди я не удостоился.

Еще об одной назидательной истории, случившейся со мной в Суслонгере незадолго до отправки на фронт, я считаю нужным поведать. После завершения учебы на курсах минометчиков нам были присвоены звания сержантов. В течение нескольких дней мы стажировались на должностях командиров расчетов и отделений. Впервые в жизни у меня в подчинении оказались люди разных уровней образованности, возраста, культуры. Как-то утром, готовясь проводить зарядку со своими новоявленными подчиненными, я обнаружил, что в строю отсутствует один из самых возрастных солдат. Мне, которому едва исполнилось восемнадцать, он казался глубоким стариком, хотя было ему чуть больше сорока. Дождавшись опоздавшего, я, гордо вышагивая

перед строем с новыми треугольничками в петлицах, объявил ему один наряд вне очереди и приказал после отбоя мыть полы в казарме. Желая до конца насладиться своими начальственными полномочиями, я не поленился самолично наблюдать за приведением в исполнение назначенной мною экзекуции. Надо заметить, что «старичок» не роптал, а очень сосредоточенно и, главное, умело гонял швабру по дощатому полу. Когда работа была успешно завершена, солдат присел рядом со мной на нары и, грустно улыбнувшись, печально глядя мне в глаза, сказал: «Эх, сынок, а я ведь еще в Гражданскую с самим Семеном Михайловичем беляков рубал»... Поняв, что речь мой собеседник ведет о маршале Буденном, я ошарашенно молчал. Краска залила мое еще почти не знавшее бритвы лицо.

Вспоминая эту сцену, я и сегодня испытываю глубокое чувство стыда. Жизнь моя сложилась так, что и на основной работе, и во время выполнения обязанностей футбольного арбитра мои должности всегда предполагали наличие подчиненных мне людей. И случай с солдатом Первой конной армии Буденного постоянно напоминал мне, как надо умело, я бы даже сказал трепетно, обращаться с данными тебе полномочиями начальника. Судя по отзывам моих бывших подчиненных, мне это, как правило, удавалось.

Белов

Еще в Суслонгере я познакомился с ребятами из Новокарельского (теперь Лихославльского) района Калининской (ныне Тверской) области Василием Беловым и Иваном Уткиным. И хотя свою военную службу мы начали в разных подразделениях, судьбе было угодно надолго соединить нас в самый тяжелый для всей страны период.

Случилось так, что из Суслонгера нас вместе определили пополнить ряды порядком потрепанной под Сталинградом отдельной Морской стрелковой бригады, которой через несколько месяцев было присвоено звание Гвардейской. Именно в этом соединении суждено было нам провести все свои тяжелые и незабываемые будни. Нас с Беловым и Уткиным определили в один и тот же взвод 2-го стрелкового батальона. Меня почти сразу назначили помощником командира взвода. Белов возглавил отделение. С ним мы особенно подружились. Почти два года ели из одного котелка и, несмотря на сложные и не очень уступчивые характеры, практически никогда с Василием не ссорились. Позже,

когда после длительных оборонительных боев наш Северо-Западный, вскоре ставший 2-м Прибалтийским, фронт перешел в наступление, я не переставал восхищаться дерзкой отвагой, смелостью и находчивостью моего боевого друга. Он был первым в нашем взводе бойцом, которого по моему представлению весной 44-го наградили медалью «За боевые заслуги». Позже Белов стал кавалером двух орденов Отечественной войны и ордена Славы. Одну из этих наград он заслужил уже в 45-м, когда, воюя в разведке, умудрился благодаря находчивости и смелости самолично взять в плен одного из фашистских вояк.

В молодости мы порой не очень бережно обращаемся со своими друзьями и товарищами. Об этой простой, но грустной истине я с возрастом задумывался не раз. Моя связь с Беловым оборвалась в 44-м, когда после тяжелого ранения я был отправлен в госпиталь. И хотя у каждого из нас были адреса друг друга, регулярной переписки не получилось. Связь оборвалась. И лишь когда страна готовилась отметить сорокалетие Победы, я вспомнил о своих карельских боевых друзьях-однополчанах. Через Калининский облвоенкомат разыскал их адреса и восстановил переписку. Белов стал регулярно приезжать в Москву. В 80-м его одолел церебральный паралич. Через ветеранские организации нам удалось положить Василия во 2-й Московский госпиталь ветеранов войн. Там его немного подлечили, он, правда с трудом, начал понемногу ходить.

В 1990-м мы с моей женой Таней навестили Белова в деревне Язвиха, где познакомились с его обширным семейством: дочерью Леной, ее супругом Женей, сыновьями Славой и Алексеем и внучками Юленькой и Олей. Мы наслаждались добротой и вниманием, с которыми все они нас привечали. К сожалению, уже нет в живых супруги Василия Ивановича, милейшей Прасковьи Ивановны, которая, несмотря на преклонный возраст и всякие хвори, старалась нас с Таней обихаживать.

Рассказ о Васе Белове не могу не завершить одним комичным фронтовым эпизодом. Случилось это зимой 1943/44 года, в разгар наших наступательных операций. Отступавшие немецкие части отчаянно сопротивлялись и частенько использовали наши опрометчивые и не всегда умелые шаги. Так было и в тот зимний день. Мы наступали вдоль шоссейной дороги, ведущей с юга к железнодорожной магистрали Москва — Рига. Впереди уже виднелась небольшая, расположившаяся на пригорке деревня. Вернувшиеся из разведки бойцы доложили, что немцев в деревне нет. Поддавшись, как это у нас нередко водится, эйфории, наше начальство приказало стремительно продвинуться по шоссе и войти в деревню. Едва мы начали движение по дороге, не очень

беспокоясь о маскировке и осторожности, как немцы неожиданно открыли яростный артиллерийский огонь. Мы устремились вперед с целью укрыться в лесу. Командир нашего взвода, опасаясь попасть под артобстрел, спрятался в кювете. Не упуская, однако, возможности покомандовать, он громко кричал нам вслед: «Вперед, вперед, вперед!». Мы, слушая эти команды из кювета, не в самых лучших выражениях с обязательным упоминанием о мамах отзывались о своем командире. И тут не выдержал наш импульсивный карел. Он на бегу остановился, развернулся и, подбежав к нашему лейтенанту, вопреки всем уставным требованиям, заорал: «Замолчи! Еще раз крикнешь «Вперед!», Получишь в рожу!». Эту тираду Белов завершил убедительным жестом, приложив кулак к носу ошалевшего офицера.

Самый мой близкий боевой друг, верный товарищ Василий Иванович Белов скончался 7 октября 2004 года. Надо ли говорить, что я, провожая его в последний путь и стоя у могилы с трудом сдерживал горькие слезы. Сейчас из нашей морской бригады в живых осталось менее пятидесяти человек. А ведь за годы войны под ее стягами прошло более 50 тысяч морских пехотинцев. Вечная им слава!

Ампуломёты

Не уверен, что даже профессиональные артиллеристы знают, что существовало у нас такое оружие, носившее странное название «ампуломет».

Почему я вдруг решил заговорить об этом? Дело в том, что летом 43-го, когда мы стояли в обороне на берегу реки Ловать, к нам в бригаду доставили новое необычное вооружение. Видимо, оно должно было в какой-то мере возместить нехватку тяжелых 120-миллиметровых минометов, особенно на танкоопасных направлениях. Внешне это «чудо технической мысли» действительно походило на миномет, однако отличалось крайней примитивностью и ненадежностью. Состоял ампуломет из гладкоствольной трубы, в которую вставлялся запал. А снарядами служили большие, диаметром 120 миллиметров, стеклянные шары, заполненные самовоспламеняющейся жидкостью КС. Дальность стрельбы составляла всего 200—300 метров. Видимо, по мнению изобретателей, эта боевая техническая новинка должна была остановить любой фашистский танк. К нашему удивлению и досаде, освоение новой техники было поручено

именно нам, поскольку мы имели «минометное» образование. Что было делать? Приказы в армии, как известно, обсуждать не принято.

В полностью выгоревшей деревне мы обнаружили остатки деревенской баньки. Разобрав находившуюся в ней старую каменку, мы перенесли ее и уложили на место новоявленного полигона. Установив необходимый прицел, мы начали обстрел каменной пирамиды. Не помню точно, какой именно, второй или третий, стеклянный шар угодил в цель. Важнее было другое: шары, ударяясь о камни... не разбивались! Наконец, к нашей радости, какой-то «шарик», попав в цель, разбился и породил огонь. Начальству такая боеспособность ампулометов, конечно, не очень понравилась. Но ему было приказано: «Внедрить и выставить их на боевые позиции!». Вы, разумеется, уже догадались, что заложником начальственной воли вновь оказался мой взвод. Учитывая крайне ограниченную дальность стрельбы ампул ометов, нам было приказано в течение двух ночей выдвинуться в нейтральную зону на 50—60 метров ближе к траншеям противника, оборудовать там капониры и замаскировать новую технику. Вместе с приданными нам Саперами мы эту работу выполнили, не обнаружив себя. Но теперь предстояло так же незаметно наладить круглосуточное дежурство у каждого «аппарата» и обеспечить их полную боеготовность к отражению танковой атаки.

Вы, мой дорогой читатель, уже наверняка догадались, что если бы какой-нибудь даже не «тигр» или «фердинанд», а любой бронированный котенок отправился бы атаковать наши «норки», оборудованные новоявленными «русскими рогатками», то свою автобиографию, скорее всего, я не написал бы.

Одна на всех, мы за ценой не постоим

Судьба отмерила мне 575 фронтовых дней. Сейчас, спустя шестьдесят с лишним лет, невозможно вспомнить каждый день, прожитый на войне.

В жизни человека случаются события, оставляющие в памяти отметины, которые остаются с нами навсегда, до конца наших дней.

На долгих и трудных фронтовых верстах, которые довелось мне прошагать со своими боевыми товарищами, встречалось всякое. Были и победы, случались и поражения. Война неумолимо вела свой кровавый счет. Почти не бывало дней, когда бы не

уносила она наших друзей-однополчан.

Я хочу рассказать только об одном фронтовом дне из 575, определенных мне судьбою.

День этот не принес нам победных лавров. Наоборот. Он навсегда оставил в моей памяти горькое чувство вины за то, что произошло 12 декабря 1943 года.

В июле 1987 года ветераны нашей 119-й Гвардейской дивизии встретились в городе Пустошке Псковской области. Гостеприимные хозяева города помогли нам посетить населенные пункты между Невелем и Пустошкой, которые в тяжелейших боях освобождала наша дивизия в конце 1943-го и в первые месяцы 1944 года.

Вместе с бывшим командиром 343-го Гвардейского полка Геннадием Дмитриевичем Фокиным и его заместителем Александром Семеновичем Муруговым мы стоим на высоком холме у деревни Горушка и рассматриваем видавшую виды карту Муругова, бережно сохраненную с войны.

И вдруг я отчетливо начинаю понимать, как по-разному видят войну командир полка и солдат, командир батальона и командир взвода.

С одной стороны, всех нас объединяло, сближало общее лихолетье. Но наряду с этим у каждого из нас была своя война. Свой масштаб войны. Поначалу, еще не осознав этого, я даже обиделся, убедившись, что оба командира, стоящие сейчас рядом со мной на окраине Горушки, не помнят утреннего боя 12 декабря 1943-го. И хотя я был из другого, 341-го полка, я поразился их неведению.

Прозрение пришло позже. Я понял: в каждом из нас живет своя война! Да иначе и быть не может.

Не может знать и понимать солдат, что движет сейчас мыслями командира полка, прильнувшего к окулярам стереотрубы. Как, впрочем, и командиру полка неведомо многое из того, о чем думает сейчас солдат, напряженно ожидающий сигнала к атаке.

Горушка — маленькая деревенька, живописно притулившаяся на крутом холме, нависающем над большим озером. В четырех-пяти километрах западнее Горушки вытянулось шоссе Ленинград — Киев.

Впрочем, об этом шоссе я знаю сейчас. А тогда, в декабре 43-го, мы, солдаты (а я был в то время помощником командира взвода), знали, что дорога идет от освобожденного уже Невеля на север, к Пустошке, которую нам еще предстояло освобождать.

До цели было всего каких-то 20—25 километров. Но как трудно давался нам каждый шаг!

Выражаясь военной терминологией, Горушка являла собой господствующую высоту. Топографическая карта неопровержимо свидетельствовала, что деревня находилась на высоте 209,9. В то же время расположенные поблизости населенные пункты Малое и Большое Таланкино и Ленинградское шоссе лежали на 50—60 метров ниже Горушки.

Наблюдатели врага даже невооруженным глазом видели, что происходило на шоссе. На виду у них было все движение войск и техники от Невеля к Пустошке. Конечно, немцы не ограничивались только созерцанием происходящего. Дорога все время простреливалась. Мы несли немалые потери. Да и планы советского командования в таких условиях легко распознавались врагом.

Горушка была словно бельмо на глазу. Терпеть там немцев было больше нельзя! Последовал приказ: «Взять Горушку!».

Так началась подготовка к штурму, назначенному на 12 декабря.

Своеобразие ситуации состояло в том, что Горушка оказалась восточнее наших позиций. И вместо привычного призыва «Вперед, на запад!» атакующих следовало призывать двигаться на восток!

Взять высоту, укрытую глубоким снегом и хорошо укрепленную, ой как непросто. Поэтому было решено помочь атакующим и скрыть начало атаки под покровом дымовой завесы.

Для подвоза, установки и приведения в действие дымовых шашек был выделен наш взвод.

Схему установки шашек и всей дымовой завесы готовили инженер и начальник химической службы капитан Белик.

Стараясь соблюдать максимальную осторожность и конспирацию, мы всю ночь подвозили, разгружали, переносили и устанавливали в нейтральной зоне дымовые шашки.

Противник вроде ничего не замечал и вел себя как обычно. Через определенные промежутки времени с присущей немцам пунктуальностью над нейтралкой взвивались осветительные ракеты. И снежная белизна озарялась ярким светом спускающихся на маленьких парашютиках фонарей. Мы бросались в снег и лежали не шевелясь, пока опускались парашюты и все вновь не Погружалось в беспокойную тьму, то и дело вспарываемую трассами пуль.

Проклиная немецких педантов, мы продолжали свое дело.

Незадолго до рассвета сержанты Василий Белов и Иван Уткин доложили мне, что шашки установлены. Подготовка дымовой завесы завершена.

Оставалось ждать условной команды «Дым!».

Через многие годы, накануне 40-летия Победы; меня озарило

вдохновение и сравнительно легко написалось большое стихотворение, посвященное морским пехотинцам, образовавшим осенью 1943 года нашу 119-ю Гвардейскую дивизию.

Стихотворение начиналось такими строками:

От Балтики и Дальнего Востока
Под стяги боевых морских бригад
Шли моряки на бой жестокий,
Шли защищать Москву и Сталинград.
И на груди тельняшки обнажив,
На почерневший снег бросив бушлаты,
«Полундрой» поле боя оглушив,
Шли на врага бесстрашные ребята.
Война полутонов не признает.
Мир пополам траншеями поделен,
И моряки, оставив флот,
Помочь пехоте шли на берег.
Историю писали те ребята
Не самопишущим пером:
Винтовкой, карабином, автоматом,
Саперною лопаткой и штыком.

Моряки-балтийцы и с берегов далекого Тихого океана в тяжелейшие дни осени 1941-го были списаны с кораблей на берег и брошены в самые горячие точки огромной линии фронта, пылавшей от Белого до Черного моря.

Наша 154-я отдельная морская стрелковая бригада защищала в 41-м Москву, а в 1942—1943 годах вместе с 66-й такой же бригадой входила в легендарную 64-ю армию генерала Шумилова, героически сражавшуюся под Сталинградом.

За отличия в Сталинградской битве эти морские стрелковые бригады получили в 1943 году звания Гвардейских.

В феврале 1943 года бригады были переброшены на Северо-Западный фронт. И осенью того же года они объединились и образовали 119-ю Гвардейскую дивизию.

Наш историограф, бывший командир дивизионной разведки полковник Аркадий Степанович Нифантов, ныне покойный, справедливо отмечал, что 119-ю следовало бы тоже именовать Гвардейской морской дивизией.

И хотя к исходу 1943 года моряков в дивизии оставалось очень мало, их традиции жили, помогали воевать, звали вперед.

Видимо, поэтому у меня появились такие строчки:

От Торопца и из-под Ржева,

Через пожар Великих Лук,
В болотной тине по колено
Мы шли спасать людей от мук.
Враг сеял смерть; кругом болота.
Километры пути — только гать,
Но шагала морская пехота:
Ей к воде не впервой привыкать!

Время тянулось томительно долго. Мы лежали в белых маскировочных халатах, вдавившись в снег и боясь пошевелиться.

Наконец в чернильное небо взмыла красная ракета. Полевой телефон зловеще зашептал: «Дым, дым, дым!» Белов, Уткин, Сысоев и я запалили шашки.

Сотворенный нами дым длинным шлейфом расползался вдоль наших траншей. Казалось, что лежавший на берегу озера богатырь закурил гигантскую трубку. Но выдыхаемый им дым почему-то не шел в сторону Горушки. Вопреки всем расчетам дым устремился к северу, вдоль цепи изготовившихся к атаке солдат.

Еще две ракеты расцарапали черноту неба.

«Вперед, в атаку!» — раздались голоса командиров взводов атакующей роты. Атака началась!

Из сарая, стоящего на краю Горушки, дробно застучали два пулемета. В поднимающейся по крутому склону цепи атакующих начали падать раненые бойцы.

Дым предательски уползал в другую сторону. Свои функции прикрытия он не выполнял.

К густому пулеметному огню фашисты добавили огонь ротных минометов. Белый снег окрасился кровью еще нескольких наших ребят, залегших на склоне.

Атака захлебывалась.

Помним бой за деревню Горушку,
Как пылала огнем высота.
Окровавленный снег у избушки,
И дожить до победы мечта...

Около тридцати ребят остались лежать на крутом склоне перед злополучной Горушкой.

Почему не пошел дым? Примерно такой вопрос еще и еще раз задавал мне какой-то сердитый майор через несколько часов после неудавшейся атаки.

Трудно было объяснить, почему ветер изменил нужное нам направление и, вопреки розе ветров, стал дуть не на восток, а на

север.

Так или иначе, но мы ничем не смогли помочь своим однополчанам. И хотя нашей вины в том не было, тем не менее тридцать загубленных на наших глазах жизней по сей день опаляют нашу совесть, жгут память и не оставляют нас вот уже более шестидесяти лет.

Нам повезло, остались мы живыми,
Хоть пули нас дырявили не раз,
И кажется, мы долг не оплатили
Друзьям, от смерти защитившим нас.

Оставалось почти полтора года войны. Нас ожидали Пустошка, Пушкинские Горы, впереди были латвийские города: Режица, Лудза, Мадона, Рига, Салдус.

Нам еще предстояло вкусить и радость побед, и горечь невосполнимых утрат.

Чтобы пройти остававшиеся до Пустошки 25 километров, нам потребовалось еще два с половиной месяца. Более 20 тысяч солдат навсегда остались лежать в пустошкинской земле. Такую страшную цену пришлось заплатить за освобождение Пустошкинского района.

Вечером 27 февраля 1944 года мы освободили Пустошку. Города не было. Печные трубы одиноко стояли на месте сгоревших домов.

Мы от Невеля долго и медленно шли,
Вся Пустошка в руинах лежала,
Дым пожаров кругом, от печей кирпичи...
Совесть властно к отмщенью взывала.
Много трудных дорог мы на запад прошли.
Но Пустошка для нас как родная,
На могилах погибших друзей помолчим,
О кровавых боях вспоминая.
Здесь, на псковской земле, наша юность лежит,
Захоронена вместе с друзьями,
Память словно растет и тревожно кричит,
Разрывая сердца нам корнями.

Слова из песни, вынесенные мною в заголовок, я впервые услышал в Доме литераторов на просмотре замечательного фильма «Белорусский вокзал». Многие из присутствовавших, а среди них было немало фронтовиков, плакали. Наверное, не

только я, но и часть других зрителей тогда не очень вдумывались в слова песни, блестяще исполненной Ниной Ургант. Спустя какое-то время мне и другим ветеранам войны довелось беседовать с блистательным бардом Булатом Шалвовичем Окуджавой, который был автором той песни. Он, на мой взгляд, прекрасно понимал всю кровожадность и цинизм слов: «Мы за ценой не постоим!». Но Окуджава сам прошел войну и писал о ней честно, без эйфоричных воплей. В самом деле, не потому ли мы потеряли 26 миллионов сынов и дочерей, а наши противники фашисты всего шесть, вчетверо меньше? Каждый год, когда мы вновь и вновь торжественно отмечаем святой для нас праздник — День Победы я кроме понятных всем чувств гордости за свою причастность к Великим событиям не только в истории нашей страны, но и всей планеты испытываю горечь невероятных утрат и скорбь по павшим товарищам.

Почему-то мне кажется, что уместнее было бы называть 9 мая Днем памяти и скорби. Я никого не пытаюсь переубедить или заставить верить в свою правоту. По-моему, мой рассказ о событиях 12 декабря 1943 года, в которых я принимал непосредственное участие, может лишь оправдать ход моих мыслей. Но вряд ли способен он переубедить моих оппонентов. Несмотря на то что всем известно: 9 мая — это «Праздник со слезами на глазах».

«Спасибо Адольфу!»

Уже упоминалось, что город Пустошка был освобожден 27 февраля 1944 года. А весь Пустошкинский район был очищен от фашистов во второй декаде июля того же года. По давно установившейся традиции каждый год, в начале июля, в Пустошке отмечают эти торжественные дни. Так было и в 2004 году, когда город и район праздновали 60-летие своего вызволения от нашествия иноземцев. Естественно, что я, на которого после ухода из жизни нашей боевой подруги Любочки Логуновой возложили обязанности председателя совета ветеранов 119-й Гвардейской дивизии, вместе с тремя однополчанами прибыли на торжества в Пустошку. Впервые меня в такой поездке сопровождала моя Таня. Все было продумано, организовано и умело проведено. Мы посетили несколько захоронений наших солдат, погибших в боях за Пустошку.

Накануне отъезда в Москву мы пошли прогуляться на берег красивейшего озера. Проходя по окраине города мимо

деревенского дома, мы встретили пожилую женщину. Улыбчивая хозяйка, как это водится в российских деревнях, поздоровалась с нами. Мы разговорились. На мой традиционно банальный вопрос: «Как жизнь-то?» — наша собеседница смущенно улыбнулась и неожиданно разговорилась. «Жизнь теперь у нас ничего, — отвечала она, — спасибо Адольфу, он здорово выручает теперь нас». Мы оторопели. «При чем здесь Адольф?» — с трудом сообразив, что речь идет о Гитлере, спросил я. И тут наша собеседница поведала, что после оккупации Пустошки она, будучи ребенком, вместе с братом и сестрой была вывезена в Германию, где почти два года провела в неволе. А теперь после соответствующего решения власти Германии им выплачена довольно солидная денежная компенсация за физический и моральный ущерб.

Распрощавшись с еще одной жертвой страшной войны, мы медленно побрели к гостинице. Каждый из нас думал об одном и том же. Неужели не стыдно нашей власти за то, что, получая оскорбительно низкую пенсию, наши великие труженики, вынуждены благодарить Гитлера, который, пленив их, обеспечил им, сам того не желая, более или менее достойную помощь? «Спасибо Адольфу!» — эта фраза неотвязно напоминает нам о встрече в Пустошке и постыдном житье нашем в стране, где, по заверениям властей, все делается для блага людей.

ПОСЛЕ ПОБЕДНЫХ САЛЮТОВ

Челябинск

После второго тяжелого ранения в гортань, полученного мною в бою 12 апреля 1944 года недалеко от Пушкинских Гор, я был самолетом У-2 доставлен в небольшой городок Осташков на озере Селигер.

После сложного, но не очень продолжительного «ремонта», который медики именуют трахеотомией, в июне я был выписан и предпринял попытку догнать свою родную Гвардейскую дивизию. Однако это оказалось делом далеко не простым. Наш 2-й Прибалтийский фронт стремительно наступал, все корпуса, дивизии, бригады находились в постоянном движении, и догнать своих мне никак не удавалось. К тому же резервный полк, в который меня зачислили, то и дело поднимали по тревоге и бросали в бой. А кругом совсем незнакомые ребята, и каждый из нас чувствовал себя весьма неуютно.

Тем не менее победный финиш приближался, и многие части и соединения стали постоянно навещать эмиссары различных военных училищ. Повышенное внимание они уделяли ребятам, имевшим среднее образование. Поэтому меня особенно тщательно обрабатывали с целью направить на учебу в одно из училищ. Но перспективы связать свою судьбу с карьерой офицера меня не привлекали, и я отказывался. Однажды после очень суматошного ночного боя, в котором мы понесли ощутимые потери, меня вызвали в штаб. Там со мной повел беседу майор танковых войск. Он настоятельно предлагал поступать в ЧТТУ — Челябинское танкотехническое училище. Видимо, находясь еще под впечатлением ночных событий и бесплодных попыток догнать своих, я после некоторых колебаний дал согласие стать танкистом.

Наши милые зенитчицы

Итак, теперь мой путь Лежач на Урал. Утром нам предстояло прибыть на железнодорожную станцию Новосокольники. Еще на подходе к ней мы наблюдали сильнейшую бомбардировку

станции немецкими самолетами. Когда мы подошли ближе, то стали свидетелями прискорбного зрелища. Все станционные Постройки были разбиты, железнодорожные пути искорежены, а остатки искромсанных вагонов застилали все вокруг. Ко всему прочему выяснилось, что ночью в Новосоколышках остановился эшелон с военнопленными. Когда началась бомбежка, одна из бомб попала в их вагон. Выскочившие оттуда немцы стали разбегаться во все стороны, открывая попутно запоры остальных вагонов. Словом, сотни вражеских солдат в панике метались по станции. Увидев такую картину, молоденькие девчата из располагавшегося в Новосокольниках зенитного дивизиона тоже запаниковали и приняли немецких солдат за парашютистов-десантников. Последовала команда: «Прямой наводкой — огонь!». Словом, их меткие залпы довершили картину страшного хаоса, Начало которому положили воздушные асы врага.

Мы ходили по разбитым путям и понимали, что отъезд на Урал несколько задерживается. А встречавшиеся нам зенитчицы смущенно улыбались, слушая издевательские подковырки будущих танкистов.

Златые горы

Спустя несколько дней мы все же добрались до цели и начали обучение в качестве курсантов ЧТТУ. Не стану описывать подробности пребывания в этом знаменитом училище.

Но об одной примечательной истории умолчать не смею. Впрочем, поскольку я уже описывал ее в газете «Деловой мир» от 26 сентября 1992 года, позволю себе полностью процитировать свою статью. На мой взгляд, она заслуживает внимания.

«Это было почти полвека назад. И осталось, наверное, уже немного очевидцев тех далеких событий, что случились в Челябинске в морозном январе сорок пятого года.

ЧТТУ. Эта аббревиатура в годы войны без затей расшифровывалась любым местным жителем. Благодаря эвакуированному из Ленинграда Кировскому заводу, город получил в народе меткое название — Танкоград. Завод делал танки, а курсанты ЧТТУ — Челябинского танкотехнического училища — обретали практику вождения, помогали обкатывать грозную технику и представлять ее военпредам. После учебы свежеиспеченные младшие лейтенанты получали новые танки, грузили их на эшелоны и устремлялись на полыхающие огнем поля сражений самой кровавой войны.

В отличие от других училищ, дислоцированных в городе, ЧТТУ пополнялось кадрами, закаленными в горниле войны. Многие из нас уже успели побывать после ранений в госпиталях, получить боевые награды. Словом, народ был тертый.

Курсанты-танкисты несли на городских улицах патрульную службу, помогали правоохранительным органам бороться с бандитами, ворами, спекулянтами и прочей нечистью. Это, несомненно, прибавляло нам авторитета среди горожан. Особым успехом лихие танкисты пользовались у женского населения Челябинска. По праздникам во время парадов, когда к гостевым трибунам на улице Кирова подходила колонна ЧТТУ, ее встречали громкими возгласами ликования.

Начинался сорок пятый год. На западе еще гремела канонада. Еще гибли наши боевые товарищи. Да и многим из нас предстояло возвращение на фронт. Страшный жребий войны еще готовил кому-то свой кровавый приговор. Но предчувствие победы уже витало над землей. И хотя стояли в Челябинске суровые уральские морозы, запах победной весны становился все ощутимее.

«Тревога!» — этот сигнал мгновенно оборвал сон задолго до рассвета. Застегивая на ходу одежду, мы высыпали во двор училища. Прошедший суровую школу войны и потерявший на ней руку начальник училища генерал Казаков принимает рапорт и обращается к нам. Он говорит о чрезвычайной важности и секретности предстоящей операции. «Вас в строю ровно сто человек! Все бывшие фронтовики, все коммунисты! Ни одна душа не должна знать, где вы были и что вы делали!»

Ночной морозный воздух разрезает короткая команда, и наша сотня минует КПП. Мы шагаем по пустынным заснеженным улицам. Город, забывшийся от тяжелого, изнурительного труда, недоедания и холода, погружен в тревожный сон. Наши шаги гулко стреляют в сонную тишину. Колючая снежная крупа, подгоняемая порывами ветра, больно жалит лицо, лезет за воротник шинели. Куда нас ведут? Почему все так таинственно?

Городские постройки начинают вытесняться маленькими кособокими домиками. Из-под ворот лениво тявкают разбуженные нами собаки. На пустынной тихой улочке следует короткая, как выстрел, команда: «Стой!». Мы замираем перед высоким забором, поверх которого вьется колючая проволока. Открываются массивные ворота, и под пристальным досмотром пересчитывающих нас часовых мы проходим во двор. Сопровождавшие нас командиры, в их числе старшина нашей второй роты Помазанов, остаются по другую сторону забора — конспирация!

Осматриваемся. Перед нами невзрачное одноэтажное строение, увенчанное высокой металлической трубой. Без нее здание можно было бы принять за пакгауз. Труба же придает ему сходство с городской баней. Озабоченный кладовщик, хмурый мужчина лет пятидесяти с бледным дистрофичным лицом, под неусыпными взорами офицеров охраны срывает пломбы и открывает тяжелые металлические двери. Потом этот кладовщик будет уверять нас, что проработал здесь почти три года, но внутри склада не был ни разу. И даже не догадывался, что в нем хранится. В его обязанности входила лишь проверка целостности замков и их пломбировки.

Мы входим в помещение, начальником которого, как узнали позже, был генерал госбезопасности. На цементном полу колодцами высотою в шесть венцов уложены какие-то слитки. На поверхности каждого выбита эллипсовидная печать «Аффинажзолото «Москва». Отдельно крупными цифрами с точностью до грамма обозначен вес. В среднем по тридцать килограммов каждый кирпичик! «Золото!» — зловещим шепотом роняет кто-то. Золото, горы золота!

Под тяжестью золотых венцов в цементном полу отпечатались глубокие вмятины. П-образный склад тянется на десятки метров. Сколько же несметного добра здесь хранится? Никто не может ответить на этот вопрос. Экскурсовода здесь, разумеется, нет. Кладовщик ошалело рассматривает «подведомственное» ему богатство.

Очередная команда выводит нас из оцепенения. «Приступить к работе!» Курсант, получивший в своей пятерке, на которые всех нас разбили, первый номер, нагнулся поднял двухпудовый слиток и направился к выходу. У каждой двери стояли грузовые машины с откинутыми задними бортами. На подножке офицер с пистолетом, в кузове — два солдата с винтовками...

Первые номера аккуратно опустили драгоценные ноши. Идущие следом повторяли эту операцию. В кузовах образовывались квадраты со сторонами в девять кирпичей. Восемьдесят одна плита! По тридцать килограммов каждая! Почти две с половиной тонны в каждой машине! «Позолоченные» грузовички отъезжали, и тут же под погрузку подкатывали следующие. Ни минуты простоя. Куда перемещалось золото, мы, конечно, не знали. Путевок нам не предъявляли. Можно было лишь догадываться, что эвакуированный в начале войны из Москвы золотой фонд страны возвращался домой.

Около девяти утра объявили перерыв на завтрак. К воротам подкатила полевая кухня, солдаты охраны отцепили ее от грузовика И вручную вкатили во двор. Ни одна живая душа к нам

на склад попасть не могла! Каша из пшенного концентрата с американской тушенкой, доставляемой в страну по ленд-лизу, полевая кухня, стоящий на ней солдат с черпаком — все живо напомнило не столь уже далекий фронтовой быт. Спали мы не раздеваясь. Нам привезли матрацы и одеяла, и после двенадцатичасового рабочего дня, обменявшись очередными байками про «златые годы», мы засыпали мертвецким сном.

Шел третий день вахты. Медленным степенным шагом двигались пятерки от склада к машинам. Мы уже хорошо усвоили все требования: строго выдерживаемый порядок движения в каждой пятерке, никто не пытается переносить сразу по два слитка, перекуры — одновременно для всех и только по команде офицера охраны. Все эти строгости нас уже не утруждают. Мы забавляемся устным счетом и размышлениями об окружающих нас сокровищах. «Хватит ли одного кирпичика на всю жизнь?», «Сколько граммов золота нужно человеку на год?», «Что бы ты стал делать, если бы тебе подарили такую плиточку?». Необычность всего происходящего возбуждает, веселит нас. Мы ведь еще почти мальчишки, нам по 20 лет всего. Не каждому ведь удается вот так запросто купаться в золоте.

Сколько же его на этом складе? Наиболее любознательный из нас подсчитал, что за три дня мы перегрузили более тысячи тонн золота!

К середине четвертого дня золото кончилось. Конец вахте? Не тут-то было. Открылись двери еще одного хранилища, и перед нашими восхищенными взорами предстала новая фантастическая картина. Уйма ящиков, пакетов, коробок. Все обернуто мешковиной, прошнуровано, опечатано сургучными печатями. На каждой упаковке закреплена фанерная бирка с указанием цены. Что ни число, то волосы дыбом: 300 тысяч, 470 тысяч, 510 тысяч... Это даже и сегодня кажется многовато, а тогда, в сорок пятом, было просто неосязаемо. Оказалось, что перед нами уникальные ценности московских музеев. Теперь они тоже уедут домой.

Через несколько дней завершаем выполнение совершенно секретного задания. Шагаем по опустевшей улице Цвиллинга, мимо самого крупного тогда в Челябинске кинотеатра имени Пушкина. «Запевай!» — командует наш старшина. Голос запевалы разрывает морозный воздух. «Броня крепка и танки наши быстры, в ЧТТУ все мужества полны, в строю стоят советские танкисты — своей любимой Родины сыны».

Наконец мы у дома. Через час вся наша «засекреченная сотня» погружается в сон...

Не так давно Григорий Явлинский, а вслед за ним и некоторые другие экономисты сообщили данные о золотом запасе

страны. Данные, которые раньше тщательно скрывались. Так вот, из сообщений, прозвучавших с телевизионных экранов и в газетах, стало известно, что у нас осталось всего 240 тонн золота. Эта информация буквально потрясла меня. Да, наверное, не только меня. Я невольно вспомнил обо всем, что было в Челябинске — почти пятьдесят лет назад. Как же так, тогда, после четырех лет страшнейшей испепеляющей бойни, страна располагала запасами золота, в несколько раз превосходящими сегодняшние?! А ведь золото определяет экономический потенциал государства. Значит, сейчас у нас не осталось почти ничего? Ни золота, ни потенции, ни экономики»...

Напомню, что эти строки я писал в 1992 году.

Маршал Ротмистров

Зимой 1944/45 года в училище разнесся слух, что к нам в гости с инспекционной проверкой должен прибыть заместитель командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии маршал бронетанковых войск Павел Алексеевич Ротмистров. Стоит ли говорить, что творилось в училище?! Всюду мели снег, сбивали сосульки, посыпали песком аллеи, красили казармы, чистили пуговицы на шинелях и гимнастерках, драили сапоги.

В назначенный день у проходной выстроился наготове почетный караул, нервно прохаживались начальник училища генерал Казаков и его заместитель по политической части полковник Кирнос. Словом, готовность № 1.

Когда время прибытия высокопоставленного гостя уже истекло, а вся ожидавшая его свита начала терять последние остатки терпения, к нашему генералу с другого конца территории училища примчался дежурный и что-то ему тревожно зашептал на ухо. Оказалось, что Ротмистров решил обойти объект своей инспекции с тыла. Не воспользовавшись официальной проходной, обладавший комплекцией генералиссимуса русской армии Александра Васильевича Суворова, без затей пролез через дыру в заборе, которой пользовались только самовольщики. Но соль была не только в дырявом заборе! Пробравшись сквозь это заграждение, Ротмистров вынужден был в своих блестящих хромовых сапогах балансировать между многочисленными кучами фекалий, обильно рассеянных вдоль ветхого забора. Эти «визитные карточки» оставляли там часовые, охранявшие склады боеприпасов и ангары с военной техникой. На «разборе полетов»,

учиненном маршалом нашему начальству, я, естественно, не присутствовал. Но предположить его суть, как вы понимаете, несложно.

Без женщин жить нельзя на свете. Нет!

Прежде чем завершить свой рассказ о Челябинске и отметить, что училище я окончил с отличием, получив по всем предметам только «пятерки», я хотел бы поведать об одной забавной коллизии, которая началась перед учебой в ЧТТУ. По прибытии в это училище нас разместили в пригороде Челябинска, на танкодроме. Там нам предстояло пройти двухнедельный карантин. Радом с танкодромом располагались колхозные картофельные поля. Убирали их студентки Челябинского мединститута. Естественно, что по вечерам мы захаживали к ним в гости.

Там я познакомился с очень симпатичной уралочкой. Звали ее Нина Сухова. Не стану описывать подробности нашего бурного романа. Такого просто не было. Мы вскоре уехали в город и погрузились в учебу. А Нина, видимо, тоже грызла гранит науки в своем вузе. Короче говоря, продолжения знакомства не было. Но… весной 1945 года, в теплый воскресный день, мы все с восторгом наблюдали за блестящими гимнастическими выкрутасами, которые нам демонстрировал наш командир роты Налитов. За ним же из-за забора наблюдали не менее двух-трех десятков девочек, пришедших навестить своих ухажеров из числа наших курсантов. В разгар событий раздался чей-то голос: «Рафалов! Тебя вызывают!» Я подошел к забору. По ту его сторону стояла очень смущенная Ниночка Сухова, а рядом с ней ее подруга. Очень шустрая и нагловатая спутница Нины держала на руках грудного ребенка. Мне она тут же предложила полюбоваться на моего… первенца! Я опешил. К забору подошел наш капитан. Узнав в чем дело, он тут же вызвал меня к себе. Моим доводам он сразу поверил! Я был реабилитирован!

Едем мы, друзья, в дальние края

После успешной учебы в ЧТТУ, отменной сдачи всех теоретических экзаменов и довольно сложного испытания на танкодроме, где мы демонстрировали мастерство вождения и

преодоления противотанковых препятствий, нам предстоял путь в какое-то танковое соединение. В какое? На этот вопрос никто отвечать не торопился. Хотя слухов о предстоящем путешествии ходило великое множество.

Наконец поступила команда «Заводи!» и наша вновь образованная колонна двинулась к железнодорожному участку, специально оборудованному под погрузку тяжелых танков ИС-3 на платформы.

Осень стояла необычно теплая, мы были одеты, обуты, снабжены всем необходимым для длительного пути. Однако в дороге погода стала меняться, и мы начали ощущать тревогу. Ведь все были одеты в летнюю одежду, а самое главное — танки были заправлены летним маслом и летним топливом. Тут же по вагонам начались разговоры, что едем мы, по всей видимости, на Кавказ.

Внимательный читатель еще, наверное, не забыл, что все годы службы в армии я не расставался с захваченным из дома атласом мира. Начинался он с подробных карт всех республик и областей СССР. Наблюдая за мелькавшими мимо окон поезда названиями городов и крупных населенных пунктов, я все время следил по карте за направлением нашего движения.

Надежды на поездку в сторону Кавказа скоро испарились, как дым от паровоза. Еще через день-два мы начали покорять просторы Сибири. В пилотках и при отсутствии теплого белья было очень неуютно.

Приободрились мы, лишь когда стали огибать величественный и необыкновенно красивый Байкал. А мороз крепчал. По дороге начали выдавать кое-какое обмундирование. Но оно уже не в силах было упасти от 56-градусного мороза, которым встретили нас Чита, Карымское, Оловянная, Борзя и 77-й разъезд.

С трудом разгрузили танки с платформ. Согреться было нечем, и в ход пошло летнее горючее — газойль, которого было по полтонны в каждой машине. Со стороны наше стойбище напоминало племя дикарей, танцующих вокруг мамонтов.

При полной неразберихе началась перезаправка машин на зимние сорта масел и топлива.

Нас тоже приодели: выдали шерстяное теплое белье, стеганые ватные брюки, телогрейки, меховые тулупы, вязаные подшлемники, меховые рукавицы и валенки.

Предстоял марш-бросок на несколько десятков километров по ночной забайкальской степи. Мороз все время держался на полусотенной отметке. Трансмиссия машин была прикрыта специальными утепленными матами. Поэтому огромный поток

воздуха, пожираемого мощнейшим двигателем в 500 лошадиных сил, проходил через люк механика-водителя, продувая его до костей, и только затем шел в мотор.

Несмотря на теплую одежду, сидеть у рычагов перед открытым люком больше 10—15 минут было невыносимо. Мы вынуждены были вести танк, меняясь с младшим лейтенантом Василием Бирюковым. Так поступали и на других машинах. Тем не менее практически все механики-водители получили сильнейшие обморожения рук, ног, лица и так далее. Я очень сильно обморозил себе щеки и нос. Темные пятна были видны у меня на лице в течение нескольких лет.

Наша дивизия расположилась на 77-м разъезде, и там медленно, но верно стала налаживаться нормальная армейская жизнь. Ну а летом (правда, очень коротким) продолжался мой любимый футбол, который не только укреплял тело, но и облегчал ожидания, связанные с демобилизацией.

Минтяжмаш

Итак, самая кровавая и беспощадная в истории человечества война завершилась. Поздней осенью 1947 года я вернулся в любимую Москву.

О подробностях мытарств, которые мне довелось испытать, добиваясь демобилизации, я еще расскажу.

А пока, едва успев вместе с мамой и Юлей порадоваться своему возвращению под родной кров, мне предстояло решить главную задачу — трудоустройство!

Надо заметить, что эта проблема в те годы решалась довольно просто. В Москве были образованы специальные комиссии, которые определяли на работу возвращавшихся после службы в армии солдат и офицеров. К последней категории военнослужащих относились особенно внимательно. Листала мой незатейливый послужной список, посматривая на анкету, какая-то бойкая и уже немолодая женщина, которой, как мне казалось, очень бы подошла комиссарская кожаная куртка времен Гражданской войны и маузер на боку. Знакомясь с подробностями моей биографии, она удовлетворенно бормотала: «Так, так, боевой офицер, морской пехотинец, танкист, два ранения, член партии, имеет боевые награды, окончил среднюю школу и танковое училище с отличием. Молодец! — почти радостно констатировала она. — Какие у тебя планы?» — переходя, как это тогда было принято у коммунистов, на «ты», твердым голосом

спросила моя собеседница.

«Намерен поступать в заочный машиностроительный институт, а пока хотел бы устроиться куда-либо на работу», — бодро ответил я. Открыв какую-то папку, энергичная коммунистка почти радостно предложила: «В Министерство тяжелого машиностроения хочешь? — И, не дождавшись моего ответа, продолжила: — Поезжай на Садово-Кудринскую улицу, в дом 11, там в Управлении руководящих кадров тебе все объяснят. Предъявишь им вот эту открытку». И моя благодетельница вручила мне открытку с заранее заготовленным текстом. В нее она вписала мою фамилию.

Так я стал инженером-диспетчером Минтяжмаша с окладом 1200 рублей, рабочей карточкой и еще какими-то льготами, подробности о которых уже выветрились из моей памяти.

Разумеется, тогда, в 47-м, я никак не мог предположить, что вся моя трудовая жизнь (стаж более 50 лет!) будет связана с системой Минтяжмаша.

Работа в центральном аппарате на Садово-Кудринской улице, рядом с Московским планетарием, меня вполне устраивала. Особенно казалось удачным, что у диспетчеров была сменная работа. Мы дежурили сутки в отдельном благоустроенном кабинете с несколькими городскими телефонами и почти ежечасно вели переговоры с поставщиками оборудования и материалов. К утру следующего рабочего дня готовили подробный письменный рапорт и после его отпечатки передавали руководству главка и министерства по принадлежности. Закончив смену, мы уходили домой и двое суток могли отдыхать. Это, наверное, было для меня основным удобством, ибо сразу же после оформления на работу я без всяких проблем поступил на заочное отделение МЭИ — Московского энергетического института. Нас, бывших фронтовиков, принимали тогда в вузы без конкурса. Достаточно было получить «тройки» по всем предметам. Но я был честолюбив и умудрился набрать 23 балла из 25 возможных: три «пятерки» и две «четверки».

Словом, жизнь, казалось, складывалась в высшей степени удачно. Мне было всего 23 года, я вернулся с войны живым, два полученных в боях ранения меня почти не беспокоили. У меня была вполне достойная работа, учеба и хорошие перспективы.

Я даже еще пытался играть в футбол за различные рабочие коллективы, но ранение в ногу все же давало о себе знать, и через два-три года я вынужден был уйти из команды. Правда, без спорта я не остался. Мой старый школьный товарищ, с которым мы сидели несколько лет за одной партой, Гена Митрофанов, окончив мединститут, работал в спортивном обществе «Медик».

Он-то, зная о моих способностях к спринтерскому бегу, пригласил меня к себе. Два-три сезона я выступал за «Медик», а затем руководитель общества «Авангард», к которому был приписан Минтяжмаш, настоял на моем переходе в это общество «в соответствии с местом постоянной работы». Так было написано в решении легкоатлетической секции Мосгорспорткомитета. Выступая за «Авангард», я даже входил в сборную команду общества и довольно успешно участвовал во всесоюзных чемпионатах по легкой атлетике. В те годы я еще увлекался шахматами, посещал турниры и сеансы одновременной игры. На моем «лицевом счету» было несколько почетных ничьих с известными советскими мастерами: Романовским, Дуз-Хотимирским и даже с гроссмейстером Василием Смысловым. Я получил первый разряд и в достаточно представительных соревнованиях на первенство Москвы играл за «Авангард» на второй доске. На первой выступал наш капитан, кандидат в мастера Дубинский. В 1952 году я стал чемпионом Минтяжмаша, за что получил ценный приз шахматные часы, которые, прослужив более полувека, исправно работают и сегодня.

Все эти радости были несколько омрачены моими отставаниями в учебе. Еще на первом курсе я сдал досрочно две политические дисциплины, включая политэкономию, а также все зачеты и экзамены по высшей математике за два курса. Эти предметы я очень любил, и они давались мне легко. Но вот с иностранными языками и химией у меня были очевидные нелады. Я считал, что для изучения этих предметов больше нужна не голова, а место ей противоположное, которое у меня не было достаточно развито. Поэтому росли в моей зачетке многочисленные «хвосты».

Ко всему этому добавлялись грехи молодости. Потеряв, как нам тогда казалось, годы жизни на войне, мы спешили догнать время. Стремление к веселой жизни делало свое дело.

Через несколько лет, отчисляя меня из МЭИ, ректор печально сказал: «Девочки, вино, консервы никому еще в науке лавров не принесли. А жаль, судя по всему, человек вы способный».

Книга — источник знаний!

Приступая к написанию этой главки, чтобы поделиться с читателями своими размышлениями о книге и ее роли в жизни цивилизованного общества, я испытываю некоторые опасения. У меня есть основания подозревать, что отдельными читателями

мои суждения могут быть восприняты как старческое брюзжание. Несмотря на это, воздержаться от нравоучительной риторики я просто не в силах. Тем более что поводов для нее более чем достаточно.

Присмотритесь к окружающей нас ежедневно людской массе, особенно к ее юным представителям. Куда бы вы ни кинули свой взор — в метро, троллейбусе, автобусе, просто в уличной толпе, — вы непременно обнаружите в поле своего зрения людей, посасывающих из открытых банок или бутылок пиво, пепси или кока-колу. Люди, читающие книги, почти не встречаются. В лучшем случае мы можем увидеть в руках попутчиков низкопробные детективы, на обложках которых красуются сцены кровавых разборок, мордобоя, стрельбы, обнаженные девицы. Люди, читающие Тургенева, Чехова, Бунина, Паустовского, практически не встречаются. Сегодня эти авторы, которые долгие годы являлись гордостью России, вышли из моды, стали неинтересны.

А мы ведь тоже любили детективы и приключенческую литературу. Ведь, по сути дела, «Таинственный остров», «Робинзон Крузо», «Три мушкетера», «Хижина дяди Тома», «Приключения Тома Сойера», которыми мы зачитывались в далеком детстве, это тоже произведения остросюжетные. Но как же они отличаются от нынешней бульварщины современных авторов! Книги нашего детства и юности воспитывали у нас хороший вкус, здоровое мироощущение, умение благородно жить и радоваться жизни. Уверен, что все это отлично понимал наш отец, который постоянно дарил мне и Юле прекрасно оформленные издательством «Академия» книги. Мои дворовые друзья и товарищи по футбольным сражениям, как правило, не отличались поведением пай-мальчиков. Но хорошими книгами мы увлекались все! К нам домой постоянно приходили ребята и брали у меня что-либо почитать. И отец, и мама всегда поощряли такой вид общения.

Конечно, как и многое в детстве, не обходилось без курьезов. Когда мы еще жили в Петровском переулке, я вдруг довольно неожиданно для себя стал обнаруживать исчезновение очень красиво оформленных книг: «Приключения барона Мюнхгаузена», «Старик Хоттабыч», «Три толстяка»... Проведенные мною поисковые мероприятия позволили выявить виновника пропаж. Им оказался мой старший товарищ, живший в нашем доме, его звали Миша Федотов. После войны, когда я вернулся домой, мне рассказали, что Миша очень преуспел: он стал секретарем райкома партии. Не помню только, в каком районе Москвы он подвизался на этой должности.

Продолжая разговор о книгах, я должен заметить, что в годы нашей молодости они были главными и основными предметами интерьеров подавляющего большинства московских квартир. А когда в нашей столице развернулось массовое жилищное строительство, многие новоселы из-за мебельного дефицита не всегда успевали своевременно обзавестись кушеткой или диванчиком, но зато их новые квартиры неизменно радовали глаз обилием книг. Ведь в те далекие годы книги печатались миллионными тиражами, стоили дешево и были всем доступны.

В нашей квартире в Петровском переулке стена кабинета отца от пола до потолка была заполнена книгами. Кроме изданий политической и экономической направленности на стеллажах стояло много художественной литературы — произведений отечественных и зарубежных авторов. Несколько приметных фолиантов прихватили с собой чекисты, проводившие обыск квартиры в июне 38-го... Отличным книголюбом стала моя сестра, которая собрала весьма солидную библиотеку, в ней хранится много великолепных книг.

Когда я учился в седьмом или восьмом классе 170-й школы, то привлек внимание преподавательницы русского языка и литературы. Звали ее Лидия Герасимовна. Не помню уж, как и почему получилось так, что она дала мне для выполнения какого-то домашнего задания свой томик из полного собрания сочинений Пушкина. Задание я успешно выполнил и получил за него традиционную «пятерку», а вот томик сочинений великого поэта бесследно исчез. Возможно, он тоже оказался жертвой меркантильных интересов будущего партайгеноссе. Так или иначе, но пропажу чужой книги я воспринял как трагедию. Не помню уже, сколько времени, носясь по букинистическим магазинам и книжным развалам, искал я эту злосчастную реликвию. Наконец очередной мой поход к букинистам в магазин, располагавшийся в проезде МХАТ (ныне Камергерский переулок), принес удачу: я вернулся домой счастливым, прижимая к груди купленный там томик Пушкина.

Узнав всю эту эпопею, Лидия Герасимовна меня корила за проявленное рвение в поиске пропажи, но любовь к книге оценила. После этого случая я почувствовал, что ее уважительное отношение ко мне стало еще ощутимее.

Особое место в ряду моих любимых педагогов 170-й школы занимала преподавательница математики, наш классный руководитель Татьяна Николаевна Пчелина. Уверен, что именно благодаря ей я так трепетно полюбил алгебру, геометрию, тригонометрию, в которых особенно преуспевал. О моем отношении к математике достаточно убедительно

свидетельствуют такие факты. Еще продолжая служить в армии, я зачастую свой офицерский досуг коротал в гарнизонной библиотеке. В ней я брал математические учебники для 9—10 классов и даже по высшей математике и, принося их домой, с увлечением решал довольно заковыристые задачи, которые могли осилить лауреаты математических олимпиад.

И еще об одном своем замечательном учителе я не смею не вспомнить. Преподавал он нам историю Древнего мира. Был он необычайно красив, строен, высок. Его величественно приподнятая голова была увенчана густой шапкой вьющихся черно-смоляных волос. Девчонки смотрели на нашего историка с нескрываемым обожанием. Мальчишки слушали его тоже затаив дыхание, ибо рассказчиком наш любимец был неординарным. Мало того что наш кумир как две капли воды был похож на сотворенного Микеланджело бесподобного Давида, он еще был обладателем едва ли не самой популярной в те годы футбольно-спартаковской фамилии — Старостин!

Долгие месяцы, работая над этой книгой, я пытался вспомнить имя нашего обожаемого учителя. Увы... Склероз оказался силой непреодолимой. Простите мне этот великий грех!

Следует добавить, что трепетное отношение к книге я унаследовал от родителей и пронес через всю жизнь. Это чувство всегда помогало мне жить и работать. В 80—90-е годы, когда хороших книг просто не стало, я, выезжая в футбольные вояжи в города Средней Азии — Наманган, Андижан, Самарканд, Фергану, Джизак, Ленинабад, Курган-Тюбе, — с удовольствием посещал книжные магазинчики, где покупал книги стихов Омара Хайяма, Ахматовой, Цветаевой, Высоцкого. Иногда покупок оказывалось так много, что я шел на почту и отправлял их себе в Москву посылками. Как-то один из футбольных деятелей из Душанбе, узнав о моих пристрастиях к книгам, пустил в обиход ехидную шутку: «Все нормальные судьи уезжают от нас домой со взятками, а Рафалов с... книгами!»

Покой нам только снится

Отчисление из МЭИ меня, конечно, огорчило, но я был уверен, что учиться в институте буду.

Тем временем наступила весна 1952 года. В стране происходили странные события, узнавая о которых я старался не очень доверять слухам. Хотя спустя некоторое время на личном опыте сумел убедиться, что слухи не были лишены оснований.

Сперва я узнал, что в столичных вузах — МГИМО, МГУ и некоторых других — введена квота на прием абитуриентов еврейской национальности. Разговоры об этом диком явлений казались нам совершенно беспочвенными. Особенно невероятными они представлялись моим ровесникам, прошедшим через горнило войны, имевшим ранения и боевые награды. Но, как потом выяснилось, мы сильно заблуждались.

Мне все эти коллизии тоже были далеко не безразличны. Дело в том, что в 40-м году, когда мне исполнилось 16 лет, я по рекомендации паспортистки 50-го отделения милиции г. Москвы (оно тогда располагалось на углу Большой Дмитровки и Столешникова переулка) согласился, чтобы в графе «национальность» в мой паспорт вписали слово «еврей». Тогда рекомендовалось указывать национальность по отцу. Хотя если бы я очень настаивал, то мог бы стать в соответствии с данными мамы русским. Но я ничуть об этом не задумывался. Спустя три года, когда я уже был на фронте, у нас начали оформление новых красноармейских книжек. Так как я считался едва ли не самым грамотным в батальоне, то меня по ночам вызывали в штаб помогать писарям. Так получилось, что мою книжку начал заполнять сидевший рядом со мной писарь штаба. Увидев в старой книжке слово «еврей», он смутился и робко спросил: «Марк, а как теперь тебя записать?» Не успел я ответить, как из соседней комнаты вышел начальник штаба капитан Скорописцев. «Как еврей? — недоуменно и строго спросил он. — Все евреи сейчас в Ташкенте, а ты на переднем крае. — И, обращаясь к писарю, закончил: — Пиши: русский!»

После возвращения в Москву мне эта «шутка» Скорописцева едва не стоила партийного билета. В милиции сверили данные моего старого паспорта с записью в красноармейской книжке и подняли скандал. Дело в конце концов завершилось миром, но согласно новому паспорту я опять оказался евреем.

Теперь можете себе представить мое самочувствие, когда я впервые в жизни на себе ощутил страшную и унизительную неприязнь со стороны государственной структуры.

Ведь за все военные годы, находясь в рядах морских пехотинцев, а позже танкистов, я ничего подобного никогда и ни от кого не слышал. После великой победы над фашизмом мы и подумать не могли, что в нашу страну может вновь вернуться разгул мракобесия.

Но вузовские квоты оказались лишь первыми всходами этого омерзительного явления. Вскоре, по навету оказавшейся главной стукачкой страны Лидии Тимашук, которая написала «разоблачительный» донос в ЦК партии, были арестованы многие

ведущие врачи. Среди них оказались светила-академики и известные профессора, в том числе личные врачи Сталина и его ближайших соратников. Несколько месяцев страна переживала события, получившие тогда название «дело врачей». В списках обреченных на верную смерть ни в чем не повинных людей было много евреев. У некоторых уже были выбиты (в буквальном смысле этого слова) признательные показания о якобы готовящихся ими террористических актах против членов Политбюро. Смерть неотвратимо нависла над жертвами чудовищной клеветы. Тимашук же поторопились наградить орденом Ленина...

И только смерть вождя всех времен и народов избавила служителей Гиппократа от гибели.

Бяков и Ко

А пока, весной 52-го, над страной вознесся страшный меч новоявленных инквизиторов XX века. «Чистки» начались почти повсеместно. В Москве был закрыт Еврейский театр. В нашем министерстве, да и в ряде других учреждений один за другим в небытие уходили люди разных званий и рангов, страдающих доселе не очень опасной, но распространенной болезнью — «еврейство». Был арестован и наш начальник главка Ефим Давыдович Лещинер, работавший до министерства на ответственном посту в секретариате ЦК комсомола. Через много лет я узнал от реабилитированного Лещинера, что его обвинили в материальной помощи и поддержке иностранных шпионов и изменников родины из Еврейского театра и Еврейского антифашистского комитета, окопавшихся в Москве.

На место Лещинера к нам прибыл из Свердловска новый начальник главка, снабженец Уралмаща, носивший очаровательную фамилию Бяков. Не успел еще новый начальник утвердиться в своем кресле и продемонстрировать первые признаки самодурства, как местные острословы окрестили его метким прозвищем Бяка.

Примерно в середине марта 52-го Бяков вызвал меня к себе и, наговорив кучу похвал в мой адрес, предложил перейти в нижестоящие организации на другие должности «с повышением и для укрепления партийных рядов». Без труда установив, что все эти предложения Бяки — сплошная и труднообъяснимая липа, я от его «лестных» проектов отказался.

Тогда последовательный и кристально чистый коммунист

Бяков отважился на откровенный подлог. Он обвинил меня в том, что я, оформляясь в Минтяжмаш, скрыл факт ареста моего отца в 1938 году. Это была тоже очевидная ложь, ибо в первом отделе хранилась написанная мною анкета, понадобившаяся ранее при оформлении мне 2-й формы допуска с грифом «Совершенно секретно». В ней я при всем желании не мог не написать о судьбе отца.

Тем не менее 22 апреля 1952 года Бяков подписал приказ № 35 о моем увольнении «в связи с утратой доверия».

Ошарашенные очередным эпистолярным шедевром Бякова члены ЦК профсоюза работников тяжелого машиностроения тут же отправили нравоучительный ответ: «Учитывая, что решение по делу т. Рафалова не обосновано фактами, доказывающими его непригодность к работе инженера-диспетчера, решение РКК профсоюза Минтяжмаша от 15.04.52 г. отменить и рекомендовать т. Рафалову обратиться в народный суд о рассмотрении его дела по существу» (протокол № 45 от 7 мая 1952 г.).

Получив столь удобный пас от ЦК профсоюза, я незамедлительно переадресовал его в народный суд Советского района.

Теперь, вспоминая о своем донкихотстве, я отдаю себе отчет в собственном безрассудстве, а главное — в полной бесперспективности борьбы с мощной и хорошо отлаженной системой беззаконий. Тем более что тогда во главе страны еще стояли зловещие фигуры Сталина и верных ему клевретов.

Меня в значительной степени подбадривало очень хорошее ко мне отношение первого заместителя министра Владимира Федоровича Жигалина. Через несколько лет, после смерти министра Николая Степановича Казакова, Жигалин возглавил Минтяжмаш.

В те годы все министерства и госчиновники вынужденно копировали режим работы Сталина, который сидел за своим рабочим столом до четырех-пяти часов утра. Поэтому во время моих дежурств Жигалин частенько вызывал меня к себе для уточнения различных вопросов, которыми я занимался. Помню, как однажды ночью Владимир Федорович вызвал меня и сказал примерно следующее: «Меня вызывают в Совмин, поэтому поговори по «вертушке» с директором Новокузнецкого металлургического комбината Беланом и выясни у него, почему так задерживается поставка металла Уралмашу и Новокраматорскому заводу. Скажи ему, что срывается изготовление шагающих экскаваторов типа ЭШ-14/65, срочно необходимых на строительстве Волго-Донского канала». Обо всех проблемах, связанных с изготовлением мощнейших драглайнов

(так называли экскаваторы ЭШ, способные заменить тысячи землекопов), я был хорошо осведомлен. Тем не менее поручение Жигалина меня сильно смутило. «Ничего, ничего, — подбодрил меня Жигалин, — парень ты молодой, дело знаешь, голос у тебя поставлен, Белан его от моего не отличит. Так что вперед!» С Новокузнецком я пообщался довольно успешно. Это дало повод Владимиру Федоровичу еще не один раз доверять мне подобные переговоры.

Иногда, когда я приходил по вызову в его кабинет, Жигалин, зная о моих спортивных пристрастиях, заводил разговор о футболе, к которому он относился с неизменным уважением. Кстати сказать, сын Владимира Федоровича уже тогда делал заметные успехи в фигурном катании, а позже даже входил в состав сборной СССР по этому красивому виду спорта.

Вернемся, однако, к более прозаическим делами времени, когда «боевой офицер, с ранениями, наградами и почти десятилетним партийным стажем, считавшийся лучшим диспетчером министерства», вдруг оказался безработным.

Терзая себя всяческими размышлениями об «утраченном доверии», я невольно вспоминал о многих фактах, свидетельствующих об обратном. В голову лезли примеры о добром ко мне отношении Жигалина, о том, как мне, офицеру-фронтовику, коммунисту, доверяли возлагать венки к гробу умершего в 1948 году А. Жданова, а в 1952 году даже стоять в почетном карауле в Доме Союзов у гроба монгольского лидера Чойбалсана. И еще о многих других делах, говоривших о доверии ко мне руководства Минтяжмаша.

Но так было, а теперь все почему-то стало изменяться. Эти изменения становились заметными не только мне. Так, в народный суд поступило письмо от моего боевого товарища, политрука гвардии старшего лейтенанта Редьки. Обращаясь к суду, он просил приобщить свое письмо к делу. В нем Редька, в частности, писал: «Я лично присутствовал на партийном собрании, когда товарища Рафалова принимали в члены ВКП(б)... Т. Рафалов никогда не скрывал, что его отец был арестован в 1938 году по 58-й статье... Все это, однако, не помешало нам единогласно голосовать за принятие т. Рафалова в члены ВКП(б), ибо каждый из нас знал, что т. Рафалов не уронит высокого звания коммуниста».

Мама чрезвычайно болезненно и близко к сердцу воспринимала мои «хождения по мукам». После каждого очередного нокдауна она очень мягко и ненавязчиво пыталась отвадить меня от бесплодной борьбы с «ветряными мельницами».

Более категоричен был дядя Гриша. Он весьма строго и

настойчиво стремился выбить из моей ветреной и самонадеянной головы даже малейшие надежды на успех в противостоянии с мощной чиновничьей системой, беспощадно подавлявшей любые попытки неповиновения ей. Как-то, не в меру распалившись, дядя Гриша прошипел, мне на ухо зловещую фразу, которую я запомнил на всю жизнь: «Это тебе не в атаку с автоматом на немцев бегать!»

Не стану испытывать терпение читателей перечислением всех бумаг и справок, спрессовавшихся в толстенный том архива суда, получившего устрашающее наименование: «ДЕЛО РАФАЛОВА». (Хорошо, что тогда никто из нас не знал еще ядовитого слова: «ДИССИДЕНТ»!)

Полагаю, что любой здравомыслящий читатель уже давно понял, что свой единственный в жизни судебный процесс я безнадежно проиграл.

Возвращаясь домой после длительных и бесполезных мытарств с вновь обретенным статусом безработного, чувствовал я себя почти победителем. Почему?

Во-первых. Нарсуд 5-го участка Советского района Москвы под председательством судьи Тарасовой вынес в адрес незадачливых представителей «школы коммунизма», призванных защищать интересы трудящихся, частное определение. В нем, в частности, было предписано: «Сообщить в ВЦСПС о нарушении порядка рассмотрения трудовых споров Президиумом ЦК Профсоюза работников тяжелого машиностроения и просить дать соответствующее указание».

Далее. Мое дело растревожило душу еще одной доброй феи — секретаря ВЦСПС Клавдии Степановны Кузнецовой. Она самолично обязала заместителя министра тяжелого машиностроения по кадрам Владимира Германовича Долякова (несмотря на его отчаянное сопротивление) подписать следующий приказ по Минтяжмашу от 2 июля 1952 года: «Во изменение приказа № 35К от 22 апреля 1952 года т. Рафалова М.М. считать переведенным на работу в трест «Союзлифтмонтаж».

В отличие от всех вышеназванных чиновников (исключая, естественно, Клавдию Степановну Кузнецову) управляющий трестом «Союзлифтмонтаж» Александр Иванович Обухов был со мной предельно честен и откровенен. Он без обиняков признался, что получил строжайшее указание при всех обстоятельствах избавиться от меня. «Ты сам понимаешь, что найти какие-либо упущения на такой гигантской стройке, как

Смоленская высотка, проблем не составит. Поэтому я тебе искренне советую не дожидаться очередного подвоха и уйти самому». «Хорошо, Александр Иванович, — ответствовал я, — но

вы мне хоть объясните, откуда столь неожиданно возникла такая неприязнь ко мне?» Обухов устало откинулся на широкую спинку своего кресла и промолвил: «Ну ты разве не видишь, что творится вокруг? Разве тебе ни о чем не говорит «дело врачей», разгон Еврейского театра, массовые увольнения специалистов еврейской, немецкой, кавказских и ряда других национальностей из министерств и крупных предприятий? Даже Ивана Лихачева умудрились с ЗИСа вытурить!»

Слушая проникновенные слова Александра Ивановича, я тут же воспроизвел в памяти фамилии «врачей-террористов», которыми совсем недавно гордилась медицина всей страны, а сегодня их имена с садистскими подробностями обличались всеми средствами информации... Вовси, Коган, Фельдман, Этингер, Гринштейн... И еще, видимо для большей убедительности, команду «убийц» усиливали профессорами Василенко, Виноградовым, Егоровым... Путь на Голгофу им был гарантирован.

Продолжать дебатировать затронутую тему было бессмысленно. Я поблагодарил Обухова за честное и доброе ко мне отношение, подписал бумагу, извещавшую о «собственном желании», и покинул строящееся здание будущего МИДа.

После 5 марта 1953 года

Не успел я войти в трамвай, как прямо перед моим взором раскрылась полоса главной «политобразующей» газеты, которую, причмокивая, штудировал оказавшийся передо мной мужчина. Через весь газетный простор огромными буквами вопил яростный заголовок: «ПОДЛЫЕ ШПИОНЫ И УБИЙЦЫ ПОД МАСКОЙ ПРОФЕССОРОВ-ВРАЧЕЙ». Мне почудилось, что прямо в меня уперлись дулами винтовки и пистолеты. Глаза их обладателей сверкали дикой злобой и нетерпением. Они жаждали мести. Казалось, что им было неведомо, сколько крови пролилось на полях России за годы тяжелейшей, совсем еще недавно закончившейся войны. Мне стало страшно! Такого чувства я ни разу не испытал даже на фронте во время жесточайших бомбардировок, артобстрелов, штыковых атак.

Я выпрыгнул из трамвая и, обуреваемый доселе неведомыми мне чувствами усталости, безысходности, безразличия, побрел в сторону дома.

Человеческая память небезгранична. И тем не менее она зачастую поражает нас своей «дальнозоркостью». Сравнительно

недавно мне в руки попала книга воспоминаний охранника Сталина. Затрагивая «дело врачей», автор признается, что наизусть выучил короткий стишок ребенка, опубликованный «Правдой» меньше чем за месяц до смерти вождя: «Позор вам, общества обломки, за ваши черные дела, а славной русской патриотке на веки вечные — хвала!»

Несмотря на череду одержанных мною моральных побед, бравурные мелодии стали навещать мою грешную голову значительно реже. В начале зимы 1952/53 года меня почти ежедневно охватывало чувство полной безысходности. Мама, выбиваясь из сил, вынуждена была тащить тяжеленный семейный воз в одиночку. Юля только-только окончила педагогический институт, и ее «клад в семейный бюджет был весьма скромен. Ну а я, вполне здоровый, многократно награжденный боевой офицер, отнюдь не по своей воле оказался тунеядцем. На работу меня вообще не принимали НИ-КУ-ДА! Даже учеником слесаря, в школу шоферов или водителей троллейбусов. А я ведь кроме десятилетки, как вы, наверное, помните, окончил с отличием еще и Челябинское танкотехническое училище!

О поступлении на учебу в институт не могло быть даже речи. Это были, наверное, самые ужасные и самые унизительные месяцы в моей биографии. Я был грубо и бесцеремонно выброшен из жизни.

Не случайно все же народная мудрость гласит, что нет худа без добра. Спасение пришло неожиданно. И опять меня выручила любовь к спорту, к футболу, занятия легкой атлетикой, участие в различных соревнованиях. Как-то в Московском городском совете студенческого общества «Буревестник» мне сказали, что зав. спортивной кафедрой Московского торфяного института Никитин (к стыду своему, не помню его имени) ищет работника на должность председателя совета физкультуры. Так я оказался в одном из переулков на Покровском бульваре. Узнав все подробности о моих мытарствах, Никитин посоветовал мне поступить на курсы по подготовке в институт, сдать на общих основаниях вступительные экзамены, и в случае успеха он обещал все уладить с моим трудоустройством. Я так и поступил. И тут… 5 марта 1953 года умер Сталин.

В одной из предыдущих глав я писал, что в этот день мы с мамой были дома и сообщение о кончине вождя, правившего страной без малого тридцать лет, услышали из черной тарелки репродуктора, которые были тогда во всех квартирах. Я признался, что мы плакали. Так вели себя очень многие люди. И было это совсем не потому, что мы сильно любили этого страшного человека. А ведь в таком ключе сегодня стараются

вещать о том далеком времени Зюганов и его сподвижники. Все это либо преднамеренная ложь, либо глубокое, как выражаются юристы, добросовестное заблуждение. Мы плакали с мамой не от любви к усопшему вождю, а потому, что, будучи патриотами своей страны, были обеспокоены ее будущим. Нам, как и многим советским людям, было очень тревожно, потому что мы не представляли себе, как будет жить страна без Сталина.

Но жизнь, несмотря ни на что, продолжалась. Буквально через несколько часов после сообщения о смерти вождя ко мне домой доставили письмо, датированное 5 марта 1953 года. В нем было всего две строки: «Прошу прибыть в Управление руководящих кадров Министерства тяжелого машиностроения». И далее синим карандашом приписка: «Для переговоров». Подпись: зам. нач. Управления руководящих кадров В. Данилов».

Узнаете этого вдруг прозревшего чиновника? Это ведь он присылал мне совсем недавно свои лживые отписки с задумчивыми вердиктами: «Не представляется возможным»... Новое и, прямо сказать, весьма неожиданное послание напуганного собственным бессилием кадровика меня сильно позабавило. Не успел я еще насладиться депешей Данилова, как подоспела почтовая открытка со штампом Советского РК КПСС, где был указан адрес: Миусская площадь, дом 1/2. Текст был тоже неожиданный и тревожный: «Тов. Рафалов! Вам необходимо срочно прибыть в Советский РК КПСС к секретарю райкома партии товарищу Жарову А.Г. Телефон: Д-1-00-88». Я решил, руководствуясь рекомендациями Константина Сергеевича Станиславского, держать паузу. Прошло всего несколько дней, и 13 марта мне на дом доставили телеграмму: «Прошу позвонить Управление руководящих кадров Минтяжмаша Романову ТЧК Кадры Минтяжмаш Кочубей». И этот потомок украинского писаря, казненного Мазепой, нам хорошо знаком. Он, будучи зам. нач. руководящих кадров, совсем недавно рассказывал в ВЦСПС Кузнецовой, какой я неукротимый жалобщик. А тут вдруг я ему понадобился. На следующий день тот же Кочубей отбил мне еще одну телеграмму: «1.6 марта прошу зайти секретарю райкома Жарову Кадры Минтяжмаша Кочубей». Я мужественно следовал заветам великого режиссера. Наконец, еще через десять дней, приспела новая телеграмма Кочубея: «25—26 марта, 12—14 часов прошу зайти секретарю райкома Жарову». «Эка их понесло», — подумал весело я, наслаждаясь еще одной моральной победой и наблюдая испуг жалких пигмеев, по Недоразумению находящихся на руководящей работе с кадрами.

Они уже давно расстались с последними признаками, отличающими настоящих мужчин. Своим низкопоклонством,

карьеризмом и раболепием они даже злости у меня не вызывали. Только жалость и презрение. Но, признаюсь, смотрел я на их перекошенные от страха физиономии глазами пушкинского Сильвио из повести «Выстрел». Отказавшись от ответного выстрела на дуэли с графом, который в бешенстве вопрошал: «Будете ли вы стрелять или нет?» — Сильвио с поразительным самообладанием и достоинством отвечал: «Не буду... я видел твое смятение, твою робость... с меня довольно... Предаю тебя твоей совести».

Нынешних бяковых, кочубеев, доляковых даже на дуэль не вызовешь. У них ведь нет ни шпаги, ни отваги, ни совести. В лучшем случае они смогут прислать к месту дуэли секретаршу с запиской: «Начинайте без меня». В худшем направят к вам киллера, после чего кто-либо из особ, приближенных к императору, с пафосом произнесет: «Это дело беру под личный контроль!»

Через многие годы, вспоминая о моих приключениях, я сравниваю травивших меня мерзопакостных людей со многими членами ГКЧП образца 1991 года. Особенно противно было видеть лицо спившегося Янаева и его дрожащие перед камерой руки. 40 лет назад мои инквизиторы смотрелись так же. Их ничего не интересовало, кроме своей карьеры, и они были напуганы своей же мерзостью.

А к Жарову я все же пошел. Он когда-то работал в Управлении кадров нашего министерства, и мы были с ним хорошо знакомы. В отличие от своих бывших сослуживцев он не вызывал у меня приступов аллергии. Был он остроумным, смешливым и умным человеком, любившим спорт и футбол. Напомню, что во время мартовской «бомбардировки» письмами и телеграммами, я уже заканчивал подготовительные курсы в институте и начал готовиться к вступительным экзаменам. Обо всем этом я рассказал секретарю райкома, а главное — заверил его, что устраивать вендетту и восстанавливаться в Минтяжмаше не намерен. Это, наверное, окончательно растопило моего собеседника: он открыл сейф, извлек из него бутылку армянского коньяка, и мы выпили за наши дальнейшие успехи. На целых пять лет я отвлекся от Минтяжмаша. Но оказалось, что впереди меня еще ждут долгие годы общения с этим ведомством.

Спустя годы я, вспоминая о Бякове и К°, с некоторым содроганием признаю, что тогда, в 1952-м, я еще легко отделался. Ведь если бы мои мучители знали о том, что моя мама была представительницей очень известного в Харькове дворянского рода, ведущего свое начало от одного из самых богатых купцов России Кузьмы Кузина... было бы совсем худо. А если бы власть

предержащие были осведомлены о том, что два родных брата мамы Борис и Евгений в Гражданскую войну воевали в Белой армии, мне бы уж точно несдобровать.

Когда я писал эту книгу и мы с моей женой Таней осуществляли ее окончательную доводку, после прочтения эпизода «Бяков и К°» моя супруга задумчиво проронила: «Можно только поражаться, что тебя тогда не посадили».

К сведению любознательных: подлинники всех упомянутых мною в этой главке документов хранятся по сей день в моем домашнем архиве.

«Индейский еврей»

Не смею обойти еще две трагикомичные истории, касающиеся «инвалидов пятой группы», как часто в середине XX века называли нас, евреев. Эта шутка была обязана анкетам, которые заполнялись при оформлении на работу. Пятый пункт в ней касался национальности.

В 60—70-е годы в состав футбольных арбитров высшей лиги неизменно входил московский судья Иосиф Мейлахштейн. Когда он сумел зарекомендовать себя опытным и надежным рефери, его вознамерились командировать на судейство за рубеж. Тут-то и возникли трудности. Дело в том, что в те годы люди с фамилией Мейлахштейн без всяких оговорок заносились в списки невыездных. Когда выездное дело поступило на подпись председателю Федерации футбола СССР В. Гранаткину, он тут же пригласил нашего героя в свой кабинет, на Арбатскую площадь. Будучи человеком глубоко порядочным, Валентин Александрович без всяких обиняков сказал: «Я могу дать согласие на твою поездку, но с такой фамилией тебя на Старой площади сразу же зарубят». Ошарашенный служитель спортивной Фемиды сперва растерялся, а потом, сориентировавшись, оперативно поменял «невыездную» фамилию на фамилию жены, став Самусенковым. Вскоре он улетел в Голландию. Тогда нашлось немало острословов, осуждавших поступок Самусенкова. Хотя, я уверен, значительно больше заслуживала осуждения система, унижавшая достоинство людей и порождавшая подобные коллизии.

Не менее забавная история из рубрики «еврейский вопрос» произошла с моим бывшим однополчанином. Он демобилизовался на несколько лет позже меня и, естественно, сразу же устремился на свою родину. А жил он в сравнительно небольшом азербайджанском городе. Как и принято в подобных

ситуациях, демобилизованный офицер явился в паспортный стол своего отделения милиции для обмена офицерского удостоверения на новый паспорт. Молоденькая паспортистка попросила офицера заполнить стандартную карточку учета и принялась оформлять паспорт. Девушка попросила его назвать свою национальность. «Иудей», — желая сострить, ответил мой старый знакомый. Спустя несколько минут паспортистка вышла из кабинета начальника паспортного стола и вручила бывшему офицеру свежий паспорт. Вполне удовлетворенный экс-танкист покинул милицию. На улице он с любопытством открыл новенькие корочки и оторопел: в графе «национальность» было четким почерком написано: «индей»! Вчерашний офицер кинулся к начальнику паспортного стола. Азербайджанец с погонами майора на плечах поинтересовался: «В чем дело?» «Смотрите в графу «национальность», — ответил с дрожью негодования в голосе офицер, меняйте паспорт». «Слушай, дорогой, зачем кричишь? Не видишь разве, что девушка молодой, неопытный, она хоть русский язык понимает. Где я еще такой возьму? Давай выход искать». И тут же, еще раз заглянув в паспорт, прокричал: «Знаешь, дорогой, все еще можно исправить!» «Как!» — теряя терпение, вскричал «индей». «Слушай, берем дописываем «индей» до «индейский» и еще потом добавляем «еврей». И будешь ты тогда «индейский еврей» — я ведь бланк менять не могу, да и девчонку жаль: зарплат у ней маленький, а как ее наказывать такую? Соглашайся на индейского еврея». Поняв, что другого выхода у него нет, вчерашний офицер дал согласие и, став индейским евреем, покинул милицию. Вы думаете это моя шутка? Нет! Это самая что ни на есть быль. Мой друг сам показывал мне свой паспорт, и мы вместе смеялись.

И еще одна реплика о злополучном национальном вопросе. Наряду с незатухающей трескотней о мудрой национальной политике в стране происходили чудовищные акции беззакония против целых народов. Я не намерен углубляться в происходившие тогда события, но депортация малых народов: чеченцев, ингушей, калмыков, крымских татар и турков-месхетинцев, немцев Поволжья, насильственное переселение с Дальнего Востока в Среднюю Азию корейцев, особая «любовь» к вечно за что-то борющимся евреям — все это лишь малая доля того, что и сегодня будоражит память и опаляет сознание многих сотен тысяч людей.

Более того... Даже сегодня, через полвека после описанных мною событий, на просторах нашей России какие-то ублюдки совершают омерзительные акты насилия и вандализма над могилами, памятниками и надгробиями давно ушедших из жизни

людей. Кому это нужно? Зачем?

В один из весенних дней, когда я завершал работу над этой главой, в моей квартире раздался звонок. Оказалось, что в Москву прилетел в командировку давно живущий в Нью-Йорке мой стародавний сосед по лестничной клетке Жора Аксентян. С ним мы соседствовали без малого 40 лет! Теперь он благоденствует со своей семьей в Штатах и вроде бы вполне доволен своим житьем. Георгий прекрасный инженер, кандидат наук, и в его успехах, казалось бы, ничего удивительного нет. Это же можно сказать и о его очаровательной супруге, умелом и добром стоматологе Мариночке, перед многими качествами которой я всегда преклонялся. Жаль только, что эта милая пара и их уже взрослая дочь Маша не удостоились должного внимания на своей родине, в России.

Впрочем, сейчас речь не о моих добрых соседях. Когда мы с Георгием, перебивая друг друга, заговорили о прожитых рядом годах, о наших автомобильных увлечениях и, разумеется, о давно канувших в Лету и куда-то запропастившихся замечательных девочках, то коснулись и моих литературных увлечений. Ведь только за последние 15 лет мне удалось опубликовать около 15 книг о футболе и его людях. Рассказал я своему бывшему соседу и о готовящейся к печати очередной автобиографической книге с пока еще условным названием «Не только о футболе».

Мой собеседник, никогда ранее не проявлявший интереса к футболу, вдруг радостно встрепенулся: «А ты знаешь бывшего киевлянина Виктора Каневского?» «Ну как же», — отвечал я. Мне ведь доводилось неоднократно судить матчи с участием Виктора, когда он был лидером атак киевского «Динамо», победителем чемпионатов и Кубков СССР, игроком сборной команды страны!

Я подошел к книжному шкафу и извлек из него футбольную энциклопедию 1997 года, в работе над которой тоже принимал участие. На 177-й странице напечатана статья о В. Каневском. Там, в частности, о нем сообщалось: «Обладал широким тактическим кругозором, отлично видел поле, интуитивно чувствовал предложения партнеров. Отличался высокой стартовой скоростью, хорошей обводкой, владел поставленным ударом с обеих ног, умел завершать атаки неожиданными ударами из трудных положений».

Встречаться с Виктором Ильичом мне доводилось и когда он тренировал харьковский «Металлист», а я приезжал в Харьков в качестве арбитра или спортивного обозревателя.

Должен отметить одну деталь биографии Виктора Каневского. О ней многие болельщики, наверное, даже не знали. Дело в том, что во многих футбольных справочниках,

программках, отчетах Каневского именовали Виктором Ильичом, хотя в паспорте, в графе «отчество» была иная запись: «Израилевич».

Зная об этом, я как-то полюбопытствовал у одного из самых популярных администраторов киевлян Рафаила Моисеевича Фельдштейна. Рафа как-то странно посмотрел на меня и с присущим ему невозмутимым юмором ответил: «Неужели ты не понимаешь, что в лучшей команде, представляющей органы Госбезопасности и НКВД Украины, не могло быть лиц еврейской национальности, тем более еще в роли лучшего бомбардира». Мы оба рассмеялись, хотя у нас было больше поводов расплакаться.

Как я грыз гранит науки

После достопамятного расставания с Минтяжмашем я опять легко и успешно сдал вступительные экзамены, набрав 23 балла из 25 возможных, и стал студентом в 28 лет. Учеба давалась мне без особого напряжения. И, замечу, без какой-либо помощи со стороны спорткафедры. Но я всегда отличался повышенным честолюбием и после пережитых потрясений понял, что если я сам не позабочусь о будущем, то никто мне кардинально помочь не сможет. Поэтому уже на первом курсе я прилагал много усилий, чтобы успешно сдать все экзамены очередной сессии. При этом я отдавал себе отчет, что Никитину будет легче договориться с руководством института о моем трудоустройстве, если я докажу свою состоятельность в учебе. Мне все удалось: я сразу же стал отличником и заработал повышенную стипендию. Забегая вперед, замечу, что из девяти семестров я в пяти получал повышенную стипендию как круглый отличник. Наша семья жила еще тяжело, и мой скромный вклад в ее бюджет тоже что-то значил.

Похвалившись своими успехами в учебе, я не могу обойти вниманием хотя бы одну потешную историю, пусть и не добавляющую к моему портрету новых радужных красок. В одном потоке со мной на строительном факультете (я учился на механическом) занимался мой сосед, живший в Столешниковом переулке, Леонид Марков — тезка еще одного моего знакомого Леонида Маркова, ставшего впоследствии народным артистом СССР. О нем мы еще поговорим. А с моим сокурсником Марковым у нас получилась памятная история в связи с курьезными результатами изучения английского языка. Я никогда особенно не жаловал предмет под названием «иняз». А тут еще и возраст не

особенно способствовал этому занятию. Ведь мне и еще многим студентам того времени было под 30, и почти все были бывшими фронтовиками. Эти обстоятельства мало способствовали изучению иностранных языков, и, следовательно, мы, мягко говоря, не преуспевали. И это при том, что мой отец был подлинным полиглотом, свободно владел пятью европейскими языками. Короче говоря, мы с Леней подружились не только как соседи, но и как друзья по «английскому несчастью». Нам еще повезло, что в годы учебы в нашем вузе не было экзаменов по иностранным языкам. Но зачеты мы, естественно, сдавать были обязаны. А это мучительные мыканья над текстами английских газет или журналов, которые мы должны были перевести. В течение каждого семестра на первом и втором курсах мы сдавали так называемые тысячи. Ими определялось определенное количество печатных знаков в текстах, которые нам вменялось перевести и выучить. И для меня и для Лени, как, впрочем, И для всех «переростков», Даже воспоминания о тех «тысячах» вызывают приступы аллергии. Помощь, как это часто бывает, пришла неожиданно. Без всяких сторонних целей и намерений Леонид стал ухаживать за нашей преподавательницей английского языка. Не знаю, чем их роман завершился, но в процессе его развития Лёнина пассия нам охотно помогала. Была она очень смешливой, озорной и веселой женщиной. Поэтому и процедуру приема у нас зачетов она обставляла соответствующим образом. Для задуманной экзекуции наша англичанка приглашала только нас с Леней. Так сказать, своеобразный эксклюзивный зачет. Когда оба подопытных недоучки являлись на свои «лобные» места, наша мучительница запирала дверь аудитории на замок и, излучая очаровательную улыбку, приступала к делу. Помню как сейчас, что уже первые звуки, которые мы начинали исторгать, глядя в тексты, вызывали у преподавателя совершенно неподдельное веселье, то и дело прерываемое заливистым хохотом. Два тридцатилетних балбеса хоть и понимали, что зачет им в любом случае обеспечен, тем не менее сидели, уставившись в тексты, утопая в собственном поту, раскрасневшиеся от смехотворности своего позорного положения. Подобные «зачеты» проводились по два-три раза в каждом семестре. Продолжительность каждой пытки составляла не менее часа. Вдоволь натешившись нашим невежеством и беспомощностью, экзаменатор нарочито медленно брала наши зачетки, внимательно их рассматривала и, наконец, выводила вожделенное для нас слово: «зачет»!

Не буду больше веселить читателя подробностями своей учебы в институте. Хотя рассказать есть о чем. Но, честно говоря, в целом учился я отменно. Особенно если учесть, что в вуз я

пришел спустя почти 12 лет после окончания школы.

К концу первого курса полностью решился вопрос с моим трудоустройством. У нас образовался спортклуб, и я был единогласно избран его председателем. Это было чрезвычайно важно, ибо по линии профкома я стал ежемесячно получать 1000 рублей, что вместе с повышенной стипендией приносило мне заработок, равный 1300—1400 рублям, — больше оклада уже состоявшегося инженера. Для нашей семьи это было заметным подспорьем. Спортсмены нашего института, ставшего политехническим вузом, успешно выступали в чемпионатах Москвы по разным видам спорта: футбол, баскетбол, волейбол, хоккей с шайбой и с мячом, легкая атлетика, борьба, шахматы. Особенно много очков приносили нам борцы-вольники, среди которых каждый год появлялись один-два мастера спорта. Словом, не боясь упреков в нескромности, могу заметить, что свою зарплату я отрабатывал сполна. При этом, пользуясь предоставленным мне свободным графиком посещения занятий, я не допускал «хвостов» и все зачеты и экзамены сдавал в установленные сроки.

В заключение своих воспоминаний об учебе и работе в качестве председателя спортклуба хочу напомнить хотя бы о некоторых моих коллегах.

В числе особо запечатлевшихся в моей памяти спортсменов считаю необходимым назвать умницу и балагура, умевшего в спорте почти все, — Икара Ганулича, братьев-близнецов футболистов и хоккеистов Ефимовых, стайера Богомолова, волейболистку Раечку Спирину, студентку нашей группы Наташу Сысоеву, с которой мы всегда вместе готовились к экзаменам и писали хитромудрые шпаргалки. Минуло уже более полувека, поэтому всех вспомнить я не в силах. Но свое спасибо им посылаю.

Первые публикации

Во время летних каникул профком не мог платить мне зарплату. Для того чтобы хоть как-то компенсировать финансовые прорехи, я в июле и августе в течение нескольких лет работал в детском пионерском спортивном лагере. Образован он был по инициативе Московского спорткомитета общества «Буревестник» на базе пионерского лагеря Главного управления радиоинформации (ГУРИ), являвшегося неким прообразом будущего информационного монстра Гостелерадио. Занимаясь с

ребятами футболом, я еще исполнял обязанности главного тренера, методиста по всем культивируемым в лагере видам спорта. Функции педагогов или пионервожатых во многих отрядах лагеря выполняли студенты-практиканты Московского института физкультуры.

О работе в детском спортивном лагере я поместил в «Советском спорте» первую публикацию. Свое печатное слово я с гордостью увидел на страницах одной из самых тиражных тогда газет 31 мая 1955 года. То есть более 50 лет назад. Поэтому организаторы празднования моего 80-летнего юбилея приглашения пометили цифрами 80/50. То есть 80 лет со дня рождения и 50 лет творческой деятельности. В «Советском спорте» я с тех пор печатался довольно часто. А когда в 1960 году был создан еженедельник «Футбол», я в течение ряда лет был постоянным редактором 15-й полосы, выходившей под рубрикой «Уголок арбитра».

Тем временем я набирался опыта работы в спортивном лагере с детьми и невольно наблюдал за организацией спортивной работы во многих подобных лагерях, расположенных в Подмосковье, вдоль Ярославского шоссе. Откровенно говоря, эта, с позволения сказать, организация мне явно не нравилась. Не говоря о низкой квалификации физруков, которыми зачастую оказывались далекие от спорта люди, я главным образом обращал внимание на, как мне казалось, самую главную задачу пионерского спорта — привить ребятам любовь к спорту, выработке бойцовского, спортивного характера. А для этого, я убежден, следовало менять принципы организации спортивной работы и соревнований в пионерских лагерях. О своих предложениях по перестройке основ спортивной работы в пионерских лагерях я подробно поведал на страницах вышедшей в 1958 году книги «Чайка» выходит вперед». Она оказалась моим писательским дебютом. Теперь я уже подбираюсь к своей 30-й книжке. Та, которую вы сейчас читаете, имеет порядковый номер 26. На журналистской стезе я тоже, как водится, повидал много веселого и грустного.

Хочу все же несколько подробнее коснуться своей работы в детском спортивном лагере ГУРИ. При активной поддержке всех ребят и многих педагогов мы в принципе изменили методику и организацию всей спортивной работы в лагере. Понимая, что проводить интересные спартакиады и чемпионаты между ребятами 14—16-летнего возраста и малышами, едва ставшими школьниками, совершенно непродуктивно, мы задумали своеобразную революцию. Весь лагерь и каждый его отряд разбивался на три спортивных общества: «Чайка», «Заря» и

«Стрела». В каждый из этих коллективов входило равное число мальчиков и девочек, представлявших все возрастные группы. Мы стремились сделать так, чтобы наиболее одаренные в спортивном отношении мальчишки и девчонки равномерно распределялись между каждым вновь образованным спортобществом.

Задумывая эти новации, мы не были уверены в безусловном успехе. Но наши сомнения оказались напрасными, а результаты превзошли все ожидания. Мы добились, как мне кажется, главного: дети потянулись к спорту. Практически все встречи по игровым видам спорта, и особенно по футболу, проходили при огромном скоплении болельщиков всех возрастов. А что творилось во время легкоатлетических эстафет, в которых на двенадцати этапах в обязательном порядке бежали представители всех отрядов! Рев стоял такой, что нашему стадиончику, казалось, могла бы позавидовать сама «Маракана».

Лагерь вскоре оказался в центре внимания многих СМИ. О нем рассказывали по радио, писали газеты и журналы. По моей просьбе в лагерь, располагавшийся в районе подмосковного Софрино, прилетал вертолет с несколькими популярными спортсменами во главе со всеобщим любимцем Николаем Николаевичем Озеровым. Было здорово!

Англичане говорят, что когда все дела идут хорошо, то это плохо. Во время незатихающей лагерной эйфории мне невольно пришлось вспомнить этот каламбур англосаксов. Дело в том, что популярность лагеря ГУРИ распространилась едва ли не по всему Подмосковью, особенно вдоль Ярославского направления. С нами хотели соревноваться все. Мы стремились никому не отказывать. В один из августовских дней середины пятидесятых годов наших футболистов пригласили к себе ребята из лагеря ЦК КПСС, располагавшегося на окраине города Пушкино. Стадион там был отменного качества, чего нельзя было сказать о самих футболистах. Словом, мои милые ребятишки без особых затей одолели детишек сановитых родителей со счетом 5:0! Не успели еще затихнуть радости от такого фурора, как к нам в гости пожаловал инструктор Московского горкома КПСС. Лейтмотивом его вопросов были следующие изречения: «Вы сами-то понимаете, кого обыгрываете? Да еще с таким позорным счетом?!» Я пытался объяснить, что в спорте все бывает, а регулировать счет матча я не обучен, даже в играх с ЦК КПСС. Мой собеседник угрюмо посмотрел на меня и неожиданно спросил: «А партийный билет у вас при себе?» «Нет, — почти весело ответил я, — в лагерь я такие документы с собой не беру». Больше мы с любопытным инструктором не встречались.

Зато много раз встречался и поддерживал самые теплые

отношения со своими бывшими воспитанниками: Леночкой Козловой, Люсей Грачевой, Ниной Холмогоровой, братьями Фалеевыми, Виктором Карвецким, Толей Добищуком, Сашей Кривопишиным. Почти все они, став взрослыми, не расставались со спортом. А некоторые даже добились заметных успехов на спортивной ниве. Я вспоминаю о них всегда с волнительным чувством радости, тепла и, увы, с примесью ностальгии. Ведь всем моим девчонкам и мальчишкам из ГУРИ сегодня больше шестидесяти!

Все, кому доводилось работать в средствах массовой инормации, в той или иной форме вынуждены были сталкиваться с проблемами так называемой свободы слова. Разумеется, и я не был избавлен от начальственного прессинга. Вот лишь один забавный эпизод сорокалетней давности. В то время любой арбитр вынужден был преодолевать тотальный дефицит всего, что необходимо служителю спортивной Фемиды для продуктивной деятельности на поле: нигде нельзя было купить судейскую форму, гетры, свистки, эмблемы и многое другое. Все мы вынуждены были пользоваться услугами спекулянтов. В середине 50-х я начал публиковаться в различных спортивных изданиях. В декабре 1958 года мое судейское терпение лопнуло, и я подготовил несколько очерков о трудностях судейского бытия, связанных с отсутствием необходимой амуниции. Газета «Советский спорт» приняла мою статью с одобрением. Когда материал уже был набран и стоял на полосе, а это было 23 декабря, я подписал гранки и вполне удовлетворенный уехал домой. На следующее утро я извлек газету из почтового ящика и обнаружил свою статью под заголовком «Это не пустяки!» в сильно урезанном виде. Исчез маленький рассказ о том, как один незадачливый арбитр сделал себе судейские шорты, отрезав штанины у нормальных брюк. После этого кощунства от него едва не ушла жена. Пропали с газетной полосы и еще несколько зарисовок. Разгневанный таким варварством, я позвонил в редакцию и узнал, что дежуривший вечером главный редактор В. Новоскольцев самолично подверг мою статью процедуре обрезания, присовокупив при этом, что подобные вещи печатать нельзя ни в коем случае, иначе над нами «вся Европа будет смеяться».

Поверьте, подобные курьезы встречались на моем пути не единожды.

Машины и люди, покоряющие вес

После успешного завершения учебы в вузе я поступил на работу во Всесоюзный научно-исследовательский институт подъемно-транспортного машиностроения (ВНИИПТмаш). По иронии судьбы он тоже входил в систему Минтяжмаша. Во ВНИИПТмаше я проработал 30 лет, продвинувшись от рядового конструктора до должности заместителя главного инженера института. По совокупности боевых и трудовых заслуг в 1987 году был удостоен персональной пенсии, составлявшей в то время... 140 рублей.

О первых годах работы в конструкторском бюро ВНИИПТмаша я по сей день вспоминаю с самыми теплыми чувствами. Меня вместе с группой молодых выпускников вузов направили во вновь формировавшийся отдел, которому предстояла очень интересная и необычная работа. На ЗИЛе тогда разворачивалась грандиозная механизация и автоматизация не только основного производства, но и очень трудоемких подъемно-транспортных процессов, которые по давно сложившимся печальным традициям относились к категории вспомогательных работ. И финансировались они, как водилось, по остаточному принципу. Это крайне отрицательно влияло и на качество, и на себестоимость всей продукции завода, сдерживая ее рост.

В те годы (а происходило это в конце 50-х годов) в Европе входили в моду так называемые подвесные толкающие конвейеры с автоматическим адресованием грузов. Сеть таких машин была призвана опутать едва ли не все заводские Цеха и без вмешательства людей осуществлять перемещение грузов по всей технологической цепи завода-гиганта: от заготовочных цехов до главных сборочных конвейеров, с которых то и дело скатывались новенькие, сверкающие свежим Лаком грузовички. Стоит ли говорить, с какими приподнятыми чувствами мои молодые амбициозные сослуживцы Феликс Иоффе, Сергей Ягужинский, Тоня Парис, Виктор Липовецкий, Виктор Семенов, Август Комашенко и я просиживали за кульманами, изобретая пока еще невиданную в стране технику.

Интерес к нашему творчеству подогревался еще и тем, что почти каждый чертеж быстро проверялся сектором нормоконтроля и переправлялся на опытно-экспериментальный завод, подчиненный нашему НИИ. Там в срочном порядке по нашим чертежам изготовлялись узды и детали будущих конвейерных линий. С опытного завода новая техника перевозилась на наш Карачаровский полигон, где осуществлялись ее испытания и доводка.

Вскоре мы получили радостную возможность самолично наблюдать за работой наших «железок» непосредственно в цехах

ЗИЛа. Трудились они на славу. Нам вручили авторские свидетельства за изобретения, медали ВДНХ, неплохие премии. Словом, было интересно и увлекательно.

Тем временем я ни в малой степени не желал расставаться со своими привязанностями к футболу и журналистике. Тем более что в конце 50-х меня стали все чаще привлекать к судейству матчей чемпионата и Кубка страны по футболу. Естественно, это вынуждало отвлекаться от основной работы. Подобная многогранность моих «талантов» начальство особо не радовала.

Как-то весной я зашел в кабинет главного конструктора и протянул ему заявление с просьбой предоставить мне отпуск за свой счет для поездки на предсезонные сборы судей.

Начальник с плохо скрываемой тоской прочел мое прошение и, криво улыбнувшись, спросил: «Простите, а вы хоккей тоже судите?» Услышав отрицательный ответ и осознав, что хотя бы зимой я не буду постоянно отлучаться от кульмана, мой босс бодро начертал: «Кадры, прошу оформить!».

Между тем противоборство между моей инженерией и футболом проявляло себя все чаще и чаще. Особенно остро страсти стали накаляться, когда кресло директора ВНИИПТмаша занял мой бывший коллега по конструкторскому бюро Август Хрисанфович Комашенко. И это несмотря на то, что, работая бок о бок, мы с Августом сохраняли самые доброжелательные и уважительные отношения.

Не зря же народная мудрость гласит, что власть портит людей. Оказавшись в директорском кресле, наш новоявленный шеф, стал трансформироваться день ото дня. У него даже походка заметно изменилась.

Наблюдая за нравственными деформациями, все больше одолевавшими нашего директора, я вспомнил, как мне показалось, вполне к месту слова И. Гёте:

Ты значишь то, что ты на самом деле,
Надень парик с миллионами кудрей,
Стань на ходули, но в душе своей
Ты будешь все таким, каков ты в самом деле.

Время, однако, шло, и, несмотря на наши многочисленные нестыковки, Комашенко предложил мне занять довольно солидный пост начальника вновь создаваемого в институте технического отдела. Я по сей день благодарен судьбе, давшей мне возможность в течение многих лет руководить этим штабным отделом, когда в нем трудились добрые, отзывчивые, трудолюбивые люди: Валя Рязанова, Наташа Журавлева, Миша

Гинзбург, Лида Комарова... Все они отличались друг от друга и возрастом, и образованием, и культурой. Тем не менее мы работали достаточно дружно, без особых конфликтов и происшествий. По крайней мере мне с ними было комфортно.

Между тем мои судейская и журналистская карьеры приближались к апогею: я регулярно судил матчи высшей лиги, в том числе и на столичных стадионах «Лужники» и «Динамо». Моя физиономия частенько мелькала на телеэкранах, а многие спортивные издания приглашали давать отчеты о проходящих матчах. Еженедельник «Футбол» предоставил мне почетное право стать «хозяином» 15-й полосы, регулярно публиковавшей описания различных судейских коллизий под рубрикой «Уголок арбитра».

Рост моей популярности приводил директора в ярость. Про мои участившиеся спортивные вояжи за рубеж он спокойно слышать не мог.

Наши разногласия с Комашенко особенно усугубились после выхода в свет постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР, в котором имелась строка, предусматривающая строительство инженерно-лабораторного корпуса ВНИИПТмаша на площади Крестьянской заставы в Москве. Сотрудники института, корпуса которого располагались в пяти удаленных друг от друга достаточно обветшавших помещениях, были на седьмом небе от счастья! Но совсем иные настроения переполняли чрезмерно осторожную душу директора. Будучи человеком неглупым, Август Хрисанфович понимал, что стройка — дело весьма хлопотное. Она требовала незаурядных способностей что-то пробивать, уметь не только ладить, но и сражаться с начальством, уговаривать твердолобых чиновников Госплана, Госстроя и тому подобных учреждений. А именно к такого рода деятельности Комашенко был абсолютно не предрасположен. Поэтому он делал все возможное, чтобы строительство не начиналось. Тем не менее злободневная тема о срываемой стройке не сходила с повесток дня всех совещаний и заседаний парткомов, коллегий, комитета народного контроля.

Наконец лопнуло терпение и у меня. Используя свой настырный характер и права, данные мне уставом партии, я написал два заявления на имя члена Политбюро ЦК КПСС Андрея Павловича Кириленко. Ответ последовал почти незамедлительно. Строка о начале строительства ВНИИПТмаша вновь заняла привычное ей место.

Здесь я обязан отметить, что письма Кириленко действительно писал я, но подписывали их наряду со мной еще 10—12 неравнодушных сотрудников, искренне болевших за

общее дело. Разглядывая с яростью списки «подписантов», директор приходил в неописуемый гнев. Каждого грешника незамедлительно вызывали на ковер и пытались заставить отказаться от своей подписи. Некоторые «верные ленинцы», потупя долу очи, смиренно каялись и покорно перемещались в ряды штрейкбрехеров.

Сейчас, спустя много лет после описываемых событий, когда на Люблинской улице в Москве все же выросло новое красивое здание ВНИИПТмаша, я с грустью и сожалением вспоминаю, каким авторитетным центром науки был институт тогда, и думаю, во что он превратился сейчас.

Конечно, во всем, что произошло с советской наукой вообще и с ВНИИПТмашем в частности, виноват далеко не один Комашенко. И тем не менее я не смею не отметить, что, если бы Август Хрисанфович использовал свои несомненные способности для пользы дела, к которому он был приставлен, он мог бы сделать для отрасли подъемно-транспортного машиностроения значительно больше.

Легкомысленно и без заметной пользы для дела расплескал Комашенко свои многообещающие задатки. Так, вполне осознанно он стал активным проводником и проповедником застоя. И вряд ли может служить ему оправданием, что таких руководителей, как наш директор, в Советском Союзе выращивалось великое множество.

Закат эпохи Комашенко, просидевшего в директорском кресле без малого два десятка лет, произошел довольно неожиданно, Наше министерство претерпело ряд существенных изменений: оно стало именоваться Министерством тяжелого и транспортного машиностроения и возглавил его новый, один из самых титулованных министров, дважды Герой Социалистического Труда, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, лауреат Государственной и Ленинской премий Сергей Александрович Афанасьев. До перехода в наше ведомство он возглавлял Министерство общего машиностроения, занимавшееся созданием важнейшей оборонной продукции.

Сергей Александрович, несмотря на свою внешнюю грубость и несдержанность, тонко умел разбираться в людях. Он быстро рассмотрел в нашем директоре присущие тогда многим руководителям карьеристские замашки, умение гнуть спину перед начальством, патологическую боязнь потерять свое тепленькое кресло, неумение и нежелание биться за разработку и внедрение новой техники. Едва ли не на каждой встрече с министром Комашенко получал сильнейшие нахлобучки (порой, правда, не совсем заслуженные, а порой и за дело). Всем стало

ясно, что закат карьеры Августа Хрисанфовича неизбежен. Так оно и произошло: в 1985 году он был освобожден от должности директора.

Спустя несколько лет, когда наша страна отмечала 50-ю годовщину Победы в Великой Отечественной войне, мы неожиданно повстречались с Сергеем Александровичем Афанасьевым за праздничным столом во Дворце культуры Московского авиационного института. Здороваясь, даже обнялись и дружески похлопали друг друга по плечу. Вспоминая ВНИИПТмаш, Афанасьев, улыбаясь, тихо сказал мне: «А твой директор дюже труслив был».

Ученый секретарь

Не смею избежать соблазна и хотя бы коротко не упомянуть о своей работе в качестве ученого секретаря правительственной комиссии, которой руководил член-корреспондент АН СССР видный ученый Александр Онисимович Спиваковский.

Комиссия, в состав которой входили крупнейшие руководители отрасли подъемно-транспортного машиностроения: директора заводов, институтов, конструкторских бюро, доктора технических наук, руководящие работники ряда машиностроительных министерств, — призвана была готовить предложения и рекомендации Совету министров СССР для резкого поднятия темпов развития средств механизации подъемно-транспортных работ.

Наша работа постоянно контролировалась аппаратом Госкомитета Совмина по науке и технике, который возглавлял тогда академик Владимир Алексеевич Кириллин, Совмещавший свой высокий пост с должностью заместителя председателя Совета министров СССР.

Дважды в ходе работы комиссии мне вместе с А. Спиваковским доводилось бывать на приеме у Кириллина и информировать его о возникавших у нас проблемах. Впоследствии я неоднократно с восхищением вспоминал о цепкости его ума, быстроте мышления и умении принимать оптимальные решения.

Работа комиссии завершилась принятием соответствующего постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР. В нем было много очень нужных для развития нашей отрасли решений, заметно продвигавших дело. Но многое, увы, оставалось лишь на бумаге.

Секс в КПСС

Я уже упоминал о моих участившихся в 60-е годы зарубежных вояжах. По строго заведенным тогда правилам все выезжавшие за кордон люди обязаны были пройти чистилище в выездных комиссиях районных комитетов КПСС.

Году в 1968-м я был направлен Спорткомитетом в Вену. Для оформления выездных документов мы с зам. секретаря парторганизации нашего института Г.М. Николаевским отправились в Свердловский РК КПСС, располагавшийся на улице Чехова.

Во всех выездных комиссиях поддерживался тогда определенный порядок слушания дел. Кто-либо из членов комиссии брал выездные дела для тщательного изучения и, спустя несколько дней, докладывал свое мнение о выезжающем. Так было и на этот раз. Какой-то бойкий старичок, водрузив на нос старинное пенсне в золотой оправе, начал свой рассказ о достоинствах Рафалова. Все, казалось бы, шло гладко. Но в конце своего повествования старичок сделал паузу и печально, почти шепотом произнес: «Но я обязан отметить, что Рафалов до сих пор... не женат!» Все престарелые члены комиссии мгновенно встрепенулись и стали разглядывать меня с любопытством. А некоторые, возможно, и с завистью. «Не женат? До сих пор! А как же он обходится?» — этот вопрос, обращенный к Николаевскому, выпалил другой старичок. Весельчак и острослов Георгий Матвеевич никогда за словом в карман не лез. Он встал и быстро отпарировал: «В партком ВНИИПТмаша сведений о каких-либо сексуальных отклонениях Рафалова не поступало. Это дает нам основание полагать, что он ведет вполне положительный образ жизни!»

Ведущая совещание комиссии пожилая и довольно симпатичная женщина, едва сдерживая ухмылку, громко сказала: «Товарищи! Мы, кажется, отклонились от темы обсуждения. Рафалов — судья Всесоюзной категории, командируется в Вену для выполнения служебных обязанностей. Предлагаю проголосовать за одобрение его кандидатуры!» Старички дружно подняли руки.

Нечто подобное происходило на выездной комиссии ЦК КПСС в 1970 году, когда я начал оформлять выездные документы на Мексиканский чемпионат мира по футболу. На комиссию в ЦК нас не приглашали. Но, как позже мне рассказывали, моя

национальность и семейное положение вызвали некоторое замешательство.

Оно, строго говоря, имело под собой почву: в США то и дело организовывались массовые шествия и демонстрации протеста около посольства СССР в связи с нежеланием руководства нашей страны предоставить советским евреям право свободного выезда в Израиль. Прямого авиасообщения с Мексикой тогда еще не было, и нам предстояло лететь туда через Нью-Йорк. Помню, что для получения американской визы мы должны были сдать более... сорока фотографий. В наших анкетах отмечались особые приметы, рост, цвет глаз и прочее. Естественно, что выпускать в США неженатого сорокашестилетнего еврея было довольно рискованно. Этим и была вызвана заминка на заседании выездной комиссии на Старой площади. Вела заседание некто Тихомирова. Она тоже, пролистав мое дело и подчеркнув, что на чемпионат я направляюсь в качестве спецкора журнала «Спортивные игры», предложила дать «добро» на мою командировку. Вскоре в журнале появилась моя первая публикация из Мехико: «Фемида в горах Мексики».

Я уже отмечал, что в ряде случаев при рассмотрении каких-либо дел, связанных с моей персоной, мне безоговорочное доверие оказывали женщины. Так, в частности, было в 1987 году, когда в Ленинском РК КПСС рассматривались мои документы, связанные с установлением мне персональной пенсии. Когда на комиссии произошла какая-то заминка, в мою поддержку тут же высказались две седые коммунистки. Это решило дело. Вскоре я стал персональным пенсионером.

Воспользовавшись этой благоприятной ситуацией, я целиком посвятил себя журналистской и писательской деятельности. Только за последние восемь лет мне удалось издать около двадцать книг, опубликовать в газетах и журналах более 600 статей, очерков, обозрений. А ведь в райкомах подвергали сомнению мою плодовитость!

Как я стал декабристом

Здесь я вынужден просить читателей вновь вернуться более чем на 60 лет назад, чтобы ознакомиться с нашими едва ли не традиционными мытарствами, связанными с постоянными нехватками денег. Причем, упоминая об этих явлениях нашей жизни, я имею в виду не только себя, но и подавляющее большинство трудящихся нашей страны.

Получить весьма почетный статус «декабриста» мне помог лично Иосиф Виссарионович Сталин. Чтобы не шокировать читателя таким широковещательным заявлением, сразу же оговорюсь, что «декабристом» я оказался отнюдь не в одиночестве, а совместно с многими миллионами советских людей. Речь идет о знаменитой денежной реформе, осуществленной в декабре 1947 года. Наш народ давно уже приучился на многие экстравагантные выходки партии и правительства реагировать веселым юмором. Поэтому все жертвы той злосчастной реформы получили звучное прозвище «декабрист»!

Сейчас я уже не могу с большой точностью воспроизвести все пункты того Постановления ЦК ВКП(б) и Совета министров СССР. Зато очень хорошо помню, что если ваши денежки не лежали в сберегательной кассе, а были у вас на руках, то они подлежали обмену по курсу десять к одному. Особенно больно это решение ударило по демобилизующимся из армии военнослужащим.

В один из декабрьских вечеров, когда реформа уже с подобающим ей размахом вершила свое черное дело, уничтожая последние гроши, нажитые трудящимися, я с приятелем отправился в Сандуновские бани. Зайдя в парную, я увидел на верхней полке бывшего начальника политотдела нашей танковой дивизии полковника Супруна. Он сидел, низко опустив голову, а из его глаз катились слезы. Увидев меня, полковник грустно улыбнулся и поведал свою печальную историю.

Как тогда было принято, все военнослужащие при демобилизации получали вполне приличные деньги. Особенно это положение касалось старших офицеров с большой выслугой лет. Получил свои «отпускные и подъемные» и наш политработник. Своего жилья у него из-за войны не осталось, и он мечтал купить или построить скромный домишко в Подмосковье. Увы... мечтам Супруна осуществиться было не суждено. На одну десятую часть полученных при демобилизации денег построить ничего было нельзя. Поэтому и плакал мой боевой командир. Не из-за денег. От обиды.

В схожей ситуации оказался и я. И хотя денег у меня, не в пример полковнику, было во много раз меньше, я тоже мечтал. Хотел купить какой-либо отрез ткани и пошить обычный гражданский костюм. Ведь кроме шинели, гимнастерки и сапог, у меня ничего не было. Еще, наверное, больше года я вынужден был ходить на работу в военной форме, правда, без погон. Утешало лишь то, что подобные мне «декабристы» встречались на каждом шагу.

А костюм я все же пошил, купив отрез на очень популярной

тогда толкучке в Перове.

Спустя несколько лет, когда генералиссимуса уже не было в живых, все советские люди испытали очередное потрясение от руководящей и направляющей силы, именовавшей себя тогда «умом, честью и совестью нашей эпохи».

Генсек Никита Хрущев отправился тогда, кажется, в город Горький. На городском собрании слово взял рабочий и, обращаясь к Хрущеву, попросил отменить все тиражи выигрышей по ранее распространяемым облигациям Государственных займов.

А их, тех самых облигаций, у каждого из нас было несметное количество. Я, например, как работник центрального аппарата Минтяжмаша, да еще молодой коммунист, офицер запаса, обязан был «добровольно» подписываться ежегодно на полтора оклада. А это при том уровне жизни была существенная сумма. Помню, с каким «энтузиазмом и трудовым подъемом» встретили это нововведение трудящиеся всей страны. И никого не могло успокоить, что наряду с отменой тиражей выигрышей партия и правительство обещали отменить практиковавшиеся ранее ежегодные выпуски новых Госзаймов.

В народе тогда опять появился анекдот: по ночному кладбищу ходит сторож, останавливается почти у каждой могилы и шепчет: «Ваша облигация выиграла!»

Минуло несколько десятилетий, и очень умный, интеллигентный Егор Тимурович Гайдар шокировал население очередной «шуткой». Проведя так называемую шоковую терапию, он, торопясь внедрить рыночные отношения, отпустил цены почти на все товары. Началась безумная инфляция, лишившая всех простых людей накопленных средств.

Я к тому времени уже приближался к пенсионному возрасту и располагал существенным счетом в Сбербанке. Все деньги почти в одночасье «сгорели». Когда бывшего завлаба, возглавлявшего по недоразумению Совет министров, спросили, как же он позволил себе так бездумно разорить миллионы людей, розовощекий Егор Тимурович ответил: «А они все равно на свои накопления ничего купить не могли!»

Но до Гайдара над нами «пошутил» министр финансов СССР Павлов. Вечером какого-то дня все СМИ почти радостно объявили, что крупные денежные купюры (достоинством 50 и 100 рублей) подлежат немедленному обмену. И чуть ли не с завтрашнего дня они утрачивают свою платежеспособность.

Тогда никто не подсчитал, сколько инфарктов, инсультов, сердечных приступов произошло в стране. А мудрый начфин СССР Павлов уже, видимо, начинал замахиваться на государственный переворот, получивший наименование ГКЧП.

Павлова, правда, уже нет в живых. Но у нас свято место пусто не бывает. Процесс продолжался.

Вскоре объявился еще один фокусник-эквилибрист — министр здравоохранения и социального развития Зурабов. От его номера под названием «монетизация» трясет всю страну. Ругают его все.

«А Васька слушает, да ест».

Кто у вас там следующий, ребята?

Столешников и его округа

В одной из первых глав я уже рассказывал о нашем вынужденном переезде из Петровского переулка в большой дом, располагавшийся на углу Петровки и Столешникова переулка. Упоминал я и о том, что в силу выпавших на его долю обстоятельств и благодаря московским острякам один из самых примечательных московских переулков получил прозвище Спекулешников. На то были веские причины. Четыре года, пришедшиеся на самую страшную в истории человечества войну, унесшую почти три десятка миллионов жизней, не могли не отразиться на состоянии народного хозяйства, его промышленности, производства товаров народного потребления. Тотальный дефицит всего и вся привел к разгулу спекуляции, воровству, хищениям государственного имущества. Не знаю, почему так произошло, но Столешников переулок стал средоточием всех этих явлений. Казалось, что из-под полы здесь можно добыть самое дефицитное барахло.

Уже с самого утра в нашем Спекулешникове переулке туда-сюда шныряли молодые люди с подозрительными физиономиями. Они останавливались, повстречав кого-либо из своих подельников, обменивались друг с другом шепотом какой-то совершенно секретной информацией и продолжали дефилировать между Петровкой и Большой Дмитровкой. Торговцы с пользовавшимися большим спросом отрезами на пальто и костюмы вместе с потенциальными покупателями то и дело проскальзывали в наш первый от угла дома подъезд. Он располагался со стороны Петровки, между молочным магазином и небольшим магазинчиком технической книги. Посещение нашего парадного являлось непременным атрибутом купли-продажи отрезов. Какие-то сметливые сбытчики дефицита умудрились сделать, по-видимому, напильником глубокие насечки на мраморном подоконнике между первым и вторым

этажами нашего парадного. Две засечки располагались точно на расстоянии одного метра друг от друга. Там совершалось таинство: продавец и покупатель тщательно измеряли длину отрезов. Должен заметить, что метровая точность между засечками на мраморе не избавляла доверчивых простаков от манипуляций ловких рук жуликоватых продавцов. В этом мы довольно часто убеждались, когда входили в свой подъезд и встречали обманутых женщин, плакавших около нашего мраморного «шаблона».

Я не вправе завершить свой рассказ о послевоенном быте Столешникова переулка, не упомянув о людях, которые частенько навещали этот своеобразный уголок Москвы. Прежде всего обязан напомнить, что в этом переулке в течение многих лет жил и работал известнейший автор многих работ по истории столицы, и в частности популярнейшей книги «Москва и москвичи», Владимир Александрович Гиляровский.

Но я сейчас хочу рассказать о молодых ребятах, моих ровесниках, очень любивших футбол. Центром притяжения всех поклонников великой игры был хорошо известный футбольной Москве Ушанга. Он, как и подавляющее большинство столичных чистильщиков обуви, был ассирийцем по национальности. Ушангина палаточка располагалась в самом центре Столешникова переулка, напротив известного магазина «Торты». Вряд ли можно было допустить, что кто-либо из самых великих мастеров футбола мог пройти мимо и не пожать руку Ушанге. Он знал всех и знал о футболе все! Я сам неоднократно замечал, как мой замечательный друг беседовал с Всеволодом Бобровым, Владимиром Деминым, Валентином Николаевым, Вячеславом Соловьевым, Сергеем Сальниковым, Никитой Симоняном...

Ассирийцы были монополистами не только как чистильщики обуви. Многие из них хорошо играли в футбол, как правило, в клубных командах столичного «Спартака». А три айсора (так именовали себя ассирийцы) — Николай Хачатуров, Николай Шумунов и Давид Мирза — стали известными арбитрами и даже удостоились Всесоюзной категории. «По числу судей столь высокого звания, — с гордостью говорили они, — наша диаспора занимает первое место в Москве на душу населения».

Наряду с самыми продвинутыми мастерами футбола рядом с Ушангой частенько можно было обнаружить Сашу Щедринского, которого в шутку звали ординарцем одного из самых техничных отечественных форвардов 40—50-х годов Сергея Сальникова. Свое прозвище Саша получил за то, что с гордостью не только сопровождал великого спартаковца, ставшего в 1950—1954 годах динамовцем, на игру и после игры, но лично нес чемоданчик с

формой своего кумира и друга. Еще одной весьма колоритной фигурой среди посетителей переулка был Володя Челси. Фамилию его я не помню, а прозвище Челси он заработал после триумфальной поездки на Британские острова московского «Динамо». Игра с «Челси», видимо, произвела на нашего героя неизгладимое впечатление, и он мог без конца о ней рассказывать, легко и непринужденно манипулируя фамилиями преуспевших осенью 1945 года динамовцев: Константина Бескова, Леонида Соловьева, Василия Карцева, Михаила Семичастного и их тренера Михаила Иосифовича Якушина.

Не могу ручаться за точность своего пересказа, но кто-то из частых посетителей Столешникова переулка спустя десятилетия поведал мне страшную тайну, которая к моменту ее пересказа уже тайной быть перестала. А суть ее была в том, что почти все мои знакомые, регулярно приходившие в Столешников, имели от органов госбезопасности разрешение на любые спекулятивные сделки. На любые! Кроме операций с валютой и золотом! Их гэбэшники обязывали давать информацию о делягах, торговавших золотом и валютой.

Еще об одном воспоминании, касающемся нашего проживания в доме № 15/13 по улице Петровке и Столешникову переулку, хочу вспомнить.

Когда через четыре месяца после начала войны вражеские полчища оказались у стен Москвы, на дверях одной из квартир, расположенной на третьем этаже в нашем подъезде, появилось такое объявление консульства Великобритании: «Настоящая квартира и все хранящееся в ней имущество являются собственностью Великобритании и охраняются законами его Величества Короля Британии». Там жил до войны консул!

Столешников переулок славился своими неподражаемыми мастерами, шившими из серого букле самые модные кепки. Их носили очень фасонисто, слегка свернув набекрень, почти все мастера «Спартака», «Динамо», ЦСКА. Признаюсь, что, стремясь не отставать от моды, тоже с гордостью носил изделие мастеров пошивки головных уборов. Они ютились в малюсеньких каморочках, почти в каждом подъезде нашего известного переулка.

Люди старшего поколения хорошо знали, что столичная богема отдавала предпочтение модным в те годы ресторанам ВТО (Всероссийского театрального общества) и ЦДРИ (Центрального дома работников искусств). Но мастера футбола, избегая назойливых поклонников, нередко навещали кафе

«Красный мак» и маленький уютный ресторанчик «Урал», которые располагались в Столешниковом переулке. Там иногда

появлялись известные столичные конферансье Борис Брунов, Эмиль Радов, популярные актеры Евгений Моргунов и Владимир Андреев. Мы с моим ровесником, диктором радио Юрием Расторгуевым, корреспондентом «Пионерской зорьки» инфантильным красавчиком Виктором Усом и вечным студентом, страдавшим от непомерного безденежья и патологического стремления на ком-нибудь жениться, Игорем Рабчинским изредка тоже навещали эти заведения.

Не смею умолчать (хотя обещал), что наши юморные подружки, наблюдавшие нашу жизнь, так расценивали ситуацию: Витя Ус, отличавшийся привлекательной внешностью, исполнял в компании роль подсадной утки. Девочки прежде всего «клевали» на него. А уже дальше, словно по выработанной традиции, когда дело доходило «до койки», то вся «нажива» доставалась либо Марку, либо Игорю.

Особый статус отличал еще две скромные закусочные: одна из них ютилась в подвале дома, который располагался на углу Кузнецкого моста и Неглинной улицы, а другая, именовавшаяся «Иртыш», в подвале старого дома, на месте которого на площади Дзержинского впоследствии вырос «Детский мир». Специфический статус этих, казалось бы, ничем не выделявшихся заведений состоял в том, что там обсуждалось большинство торговых сделок между спекулянтами Столешникова переулка и пожелавшими вступить с ними в сомнительные отношения покупателями, жаждавшими стать обладателями дефицита.

В заключение своего короткого экскурса по улочкам послевоенной Москвы упомяну еще один центр нашего притяжения, особенно в зимние месяцы: речь веду о знаменитом катке «Динамо», приютившемся во дворе дома № 26 по Петровке.

Туда мы приходили едва ли не каждый вечер, не сговариваясь, как ходила когда-то в стародавние времена столичная знать в Английский клуб. Не явиться на каток днем в выходной день у нас считалось моветоном. Там было действительно очень интересно. В центре катка располагалась небольшая площадка для фигуристов, на которой очень часто можно было наблюдать Игоря Владимировича Ильинского и Рину Васильевну Зеленую. По вечерам на балконе вдруг неожиданно мог появиться шеф Госбезопасности генерал Абакумов. Притягательная сила катка не была чужда и другому генералу — Василию Иосифовичу Сталину. В числе VIP-персон можно было заметить сына маршала Тимошенко, дочь главного маршала артиллерий Воронова и других представителей «золотой молодежи». В специально для них отведенной так называемой «первой комнате», за входом в которую очень ревниво наблюдал

сам директор катка Василий Васильевич (фамилию его я, увы, запамятовал), крутили запрещенные для широкого показа западные фильмы.

В свободные от игр вечера на «Динамо» захаживали многие известные Мастера спорта, с которыми я был хорошо знаком. Бывал здесь динамовский хоккейный форвард Виктор Климович, его одноклубник, сын популярного футболиста и тренера Олег Севидов. Словом, было весело и интересно.

ИГРА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Рафалов был лучшим арбитром среди журналистов и лучшим журналистом среди арбитров.

Шутка Аркадия Галинского

Любовь по наследству

О роли отца в моей привязанности к футболу, который кто-то метко окрестил Игрой века, я уже несколько раз упоминал. Но немалую роль в моих пристрастиях сыграли и друзья отца, многие из которых тоже имели отношение к футболу. Особенно памятна мне колоритнейшая фигура Михаила Севастопольского, который частенько бывал у нас дома. Как рассказывал отец, Севастопольский выступал за сборные Николаева и Одессы, заметно выделяясь среди своих сверстников. К тому же Михаил (увы, его отчества не помню, так как звал его просто дядей Мишей) был великолепным выдумщиком и рассказчиком.

Моя мама, будучи очень деликатной и воспитанной женщиной, слушая байки дяди Миши, порой останавливала его, приговаривая: «Ну, Миша, угомонись наконец, нельзя же так безбожно привирать!» Сейчас, слушая монолог об одесском футболе блестящего артиста Романа Карцева, я невольно вспоминаю дядю Мишу и его фантасмагорические зарисовки о футболе вообще и о его личных подвигах в частности.

Еще задолго до начала войны я все своё свободное время проводил с ребятами во дворе школы № 170, куда я перевелся из 25-й Образцовой. Она располагалась рядом с нашим домом, на Петровке. Я считался среди сверстников Несомненным лидером, много забивал голов и очень гордился этим. Тогда мне казалось, что я здорово играю и смогу стать настоящим мастером футбола. Замечу, что подобная перспектива совсем не радовала родителей.

Единственное, что сдерживало их, — это мои школьные дела. Почти каждый учебный год я заканчивал отличником и приносил традиционные похвальные грамоты, на которых неизменно красовались профили Ленина и Сталина. И это при том, что отличным поведением я, мягко говоря, не был отмечен. Но учителя меня, видимо, жалели и, не желая портить табель об

успеваемости, скрепя сердце в графе «поведение» выводили «отлично».

В подтверждение своих слов об «отличном» поведении приведу один забавный пример. Вскоре после возвращения из Франции мы поселились в Петровском переулке, в доме напротив филиала МХАТа, где мы частенько бывали. Мое знакомство с этим храмом искусства началось с великолепного спектакля «Пиквикский клуб», который я смотрел не один раз. Впрочем, я забежал вперед, о моих отношениях с Мельпоменой я поведаю в главе «Рядом с богемой».

А сейчас я хочу рассказать о своих оригинальных встречах с известным тенором, красавцем Сергеем Яковлевичем Лемешевым. Он жил в соседнем доме № 6, в глубине двора. Этим примером я хочу подчеркнуть нелепость выставляемой мне отличной оценки по поведению. Впрочем, педагоги не имели ни малейшего представления о моих «подвигах».

Люди старшего поколения знают, что бешеная популярность Лемешева приводила в сумасшедшее неистовство девчонок едва ли не всей Москвы. После каждого спектакля или концерта толпы обезумевших девиц носились по всем подворотням (к дому Лемешева можно было пройти не только из нашего переулка, но и с Петровки и Большой Дмитровки), обуреваемые жаждой встретиться с красавцем тенором, познакомиться или в крайнем случае овладеть автографом. Зная все повадки назойливых поклонниц, артист всячески избегал встреч с ними. Но это были безуспешные попытки. Желая хоть как-то повлиять на ситуацию, мы с ребятами в день выступлений Лемешева пили много воды и других жидкостей. А потом в ожидании приезда знаменитости залезали на крышу нашего пятиэтажного дома и при прохождении тенора в сопровождении эскорта из нескольких десятков девиц мы с нескрываемым удовольствием освобождали свои мочевые пузыри на головы представительниц слабого пола. Видимо, что-то перепадало от нас и самому виновнику шествия. Но мы этого не видели: нужно было успеть во избежание возмездия стремительно спуститься по пожарной лестнице в свой двор и спрятаться там за дровяными сараями. Согласитесь, что подобные штучки плохо корреспондировались с понятием об отличном поведении.

Но я не был пай-мальчиком, ибо пай-мальчики в футбол не играли. Футбол был уделом отпетых сорванцов и озорников, к коим я безусловно принадлежал.

Могу поведать еще одну историю, которая без всяких сомнений относится непосредственно к футболу. Я, как и многие мои сверстники в большинстве московских дворов, играл в

футбол не настоящими мячами, которые были тогда недоступны, а маленькими теннисными мячиками. Случай, о котором я хочу рассказать, произошел во время отчаянной футбольной схватки во дворе нашего дома. Игра проходила после дождя, асфальт был покрыт лужами, которые нам, конечно, не мешали. Роль одних футбольных ворот выполняли две чугунные крышки, закрывавшие водопроводные люки, а другими воротами был проем в подворотне, соединявший наш двор с переулком. Рядом с подворотней располагалось нарядное парадное, которым пользовался важный английский сановник, военный атташе британского посольства в Москве.

Итак, роль ворот наших соперников исполняла злополучная арка. В тот момент, когда грязный мячик лег мне под правую ногу и я нанес, казалось, неотразимый удар, дверь парадного отворилась и во двор стремительной походкой вышел наш англичанин! Он был облачен в черный смокинг, на фоне потрясающе белой крахмальной сорочки красовался галстук-бабочка. Один глаз иностранца, носившего титул лорда, был украшен моноклем. Все эти детали мы увидели через мгновение после моего удара по мячу. Дальше произошло нечто ужасное: грязный мячик попал точно в лоб английскому дипломату. По его лицу и белой манишке потекли грязные капли, монокль вывалился. Лорд оторопело замер и одарил игроков ненавидящим взором. Но вряд ли он успел нас хорошо рассмотреть, обе команды мгновенно перемахнули через сарай и скрылись в соседнем дворе. Игра завершилась.

Старт и финиш возле МХАТа

Из предыдущих страниц этих воспоминаний вы уже узнали о моих спортивных пристрастиях. Конечно, больше всего я любил футбол, в который готов был играть круглые сутки. Но кроме футбола в поле моего зрения постоянно пребывали и многие другие виды спорта. Зимой мы с друзьями посещали почти все матчи по хоккею с мячом (о шайбе мы узнали лишь после войны). Я уже упоминал, что был лично знаком со многими звездами футбола, часть которых отменно играла и в хоккей с мячом. Так, в столичном «Динамо» блистали и на льду два выдающихся футболиста Михаил Якушин и Василий Трофимов.

На ледовых дорожках всех покоряла несравненная конькобежка Мария Исакова.

В Москве до войны было, если не ошибаюсь, всего два

спортивных бассейна. Попасть в них, когда там соревновались наши выдающиеся пловцы во главе с Семеном Бойченко или играли динамовские ватерполисты с их лучшим бомбардиром Петром Мшвиенирадзе, было почти невозможно. Но мы умудрялись находить какие-то «партизанские тропы» и оказывались на трибунах.

Не смею не назвать великолепных стайеров довоенной поры — спартаковцев братьев Знаменских, динамовца Пугачевского. В дни крупнейших футбольных матчей у сектора для прыжков с шестом частенько оказывался лучший наш шестовик рекордсмен страны Николай Озолин. Его «полеты» через планку, установленную на высоте 4,3 или 4,35 метра, трибуны встречали ревом восторга. А теперь наша непобедимая Леночка Исинбаева словно по заказу летает на высотах, превышающих пять метров!

Опять же благодаря отцу, который хорошо играл в теннис, я часто бывал с ним на встречах с участием Новикова, Негребецкого, а позже Сергея Андреева и многократного чемпиона СССР Николая Озерова. Я приношу читателям свои извинения за то, что не всех знаменитых спортсменов называю по именам: боюсь ошибиться...

Не могу не похвастаться, что еще в довоенные годы старался не пропустить поистине исторические схватки наших боксеров, отстаивавших звания абсолютных чемпионов страны. Бои Николая Королева с Виктором Михайловым, как правило, проходили в цирке на Цветном бульваре и вызывали небывалый ажиотаж!

Не меньший интерес вызывал и тихий и с виду вполне спокойный вид спорта — шахматы. Поединки с участием Михаила Ботвинника, Пауля Кереса, Василия Смыслова, Тиграна Петросяна, позднее — бушующего Таля, Бориса Спасского тоже собирали толпы болельщиков.

Еще до войны меня манил к себе бег. Интерес к нему возрастал все сильнее, так как, играя в футбол, я воочию убеждался в своем превосходстве над сверстниками, которых без особых усилий обгонят. Видимо, не случайно за мной закрепилось амплуа крайнего нападающего.

Сейчас уже не рискну назвать имя инициатора традиционных пробегов по центральным улицам Москвы. В них участвовало 10—15 ребят, живших в разных домах нашего Петровского переулка. Стартовали мы у филиала МХАТа, далее бегунам предстояло преодолеть круговой маршрут: мы бежали вниз, на Петровку, сворачивали направо к Столешникову переулку, по нему устремлялись на Большую Дмитровку и, добежав по ней до своего Петровского переулка, финишировали у красных

кирпичных стен филиала МХАТа.

Без ложной скромности скажу, что, как правило, первым на финише оказывался я. Но, как говорится, недолго музыка играла. Мое верховодство, видимо, задело за живое Сашку Мазеля, который был постарше меня года на два, а все забеги заканчивал позади меня.

Саша начал посещать занятия в секции легкой атлетики стадиона «Динамо» и вскоре лишил меня лидерских позиций. Возможно, я сам стал бы искать повод для реванша, но... В июне 38-го был арестован мой отец, семья переехала в другой дом, и все наши забеги прекратились.

Организованный футбол

В конце тридцатых годов «Пионерская правда» организовала в Москве турнир дворовых команд. Это было нечто похожее на будущий знаменитый клуб «Кожаный мяч». Для участия в турнире нужно было собрать 15—20 ребят из соседствующих домов, заверить их список в домоуправлении и отвезти заявку на стадион Юных пионеров (СЮП). В ходе игр за нами посматривали тренеры СЮПа, и понравившихся им ребят приглашали начать тренировки на стадионе. Меня тоже заметили отбиравшие нас специалисты: известнейший арбитр Михаил Федорович Белянин и Николай Александрович Канунников — родной брат очень популярного тогда футболиста Павла Канунникова.

Пользуясь случаем, хочу упомянуть один эпизод из богатой событиями жизни обаятельного проказника и выдумщика Белянина. В сороковых—пятидесятых годах прошлого столетия он был одним из ведущих футбольных арбитров СССР. Михаил Федорович отличался добрым, покладистым характером, неистощимым юмором и озорством. Все его любили и поэтому многое прощали, даже пристрастие к горячительным напиткам.

Однажды, накануне очередного тура чемпионата СССР, в Харьков поступила телеграмма от нашего героя. Он извещал о дате своего прибытия, указывал номер поезда и вагон. Утром на перроне судью встречал администратор команды Борис Гуркин. Поезда в те годы еще таскали паровозы, поэтому на крупных станциях, где сменялись поездные бригады, остановки длились долго, порой больше часа.

Администратор повел гостя на вокзальную площадь к ожидавшему их автомобилю. Когда проходили мимо вокзального буфета, Белянин остановился: «Куда торопишься? Неплохо бы

начать с чайного!»

Это слово «чайной» (с ударением на «о») знали все, кто был знаком с Михаилом Федоровичем. Гуркин мгновенно все понял. На столике появился вожделенный «чайной» стакан с водкой и обильная закуска.

Когда столик опустел, администратор вновь предпринял попытку вывести неугомонного рефери к машине. Не тут-то было. Наш шутник взял свой чемоданчик, протянул руку хлебосольному спутнику и сказал: «Спасибо, друг, мне обратно в вагон надо: я ведь завтра не в Харькове, а в Ростове судить должен!»

Надо заметить, что детская и юношеская команды СЮПа входили в четверку сильнейших клубов столицы наряду со «Спартаком», «Динамо» и «Локомотивом».

Матчи чемпионата столицы были в 1941 году прерваны из-за начавшейся войны. Они возобновились лишь в 42-м. СЮП тогда не мог выставить на игры команды всех возрастов, ведь взрослых игроков у нас не было. Но зато были полностью укомплектованы детский и юношеский коллективы. А мужские команды набирались из рабочих расположенного рядом авиационного завода № 1. После начала войны он был эвакуирован в Куйбышев, а на его территории сформировался авиаремонтный завод № 30. Вот благодаря альянсу заводчан и СЮПа в чемпионате столицы был представлен довольно солидный футбольный коллектив «Крылья Советов». Позже, когда я уже был на фронте, из первой мужской команды «Крылышек» была образована команда мастеров «Крылья Советов», в которой начали играть известные мастера, здравствующие и поныне Никита Симонян, Руперто Сагасти, а также другие популярные футболисты.

Сейчас я уже плохо помню своих товарищей по клубу. Остался в памяти центральный нападающий Володя Круглов. В команде более молодых ребят играл ставший впоследствии заслуженным тренером СССР Владимир Ивашков.

А в «Спартаке» тогда выступал уже обращавший на себя внимание Сережа Сальников. Когда мы встречались на поле, наш вратарь постоянно кричал: «Держите Салу!»

К сожалению, те детские увлечения оборвала бесцеремонно и трагически вторгнувшаяся в нашу жизнь война.

За юношескую команду СЮПа я выступал в матчах на первенство Москвы до конца сезона 1942 года. Нас тренировал строгий и взыскательный тренер Николай Канунников. Несмотря на разгоравшийся пожар войны, тяжелое голодное время, он требовал от нас строгой дисциплины, обязательной явки на тренировки в чистой опрятной форме и начищенных бутсах. Провинившихся ожидала неотвратимая кара. Помню, в одной из

игр в 42-м году я не забил пенальти. В наказание меня не поставили в состав на очередной тур. Обидно было ужасно. Футбол мы все очень любили и хотели играть, но была и еще одна причина наших страданий. После каждой игры нам давали по одному пирожному и бутылку ситро на двоих. Не так уж и плохо для изголодавшихся ребят. Но все дело в том, что пирожное и ситро выдавали только тем, кто участвовал в игре. Поэтому мы и плакали, когда не попадали в состав.

В Челябинском танковом училище я тоже играл в футбол, но немного — сказывалось тяжелое ранение. А после капитуляции Германии нас направили на Дальний Восток, где шли бои с Японией. Я в составе танковой дивизии оказался на Забайкальском фронте. Но японцы после окружения Квантунской армии тоже капитулировали, и мои офицерские познания механика-водителя тяжелого танка в боях с самураями не понадобились.

Зато весьма пригодились навыки футбольные. Я начал играть за команду танкового полка, потом дивизии, а затем и армии. На их базе вскоре образовалась команда мастеров класса «Б», именовавшаяся Читинским ОДО (окружной дом офицеров), Поиграл я в ней недолго: в конце 1947 года по моей личной просьбе командующий округом маршал Родион Яковлевич Малиновский подписал приказ о моем увольнении в запас.

В степях Забайкалья

Должен признаться, что, несмотря на все тяготы военной службы, крайне тяжелые и неблагоустроенные бытовые условия и жизнь в землянках, страшные забайкальские морозы и прочие неудобства, — предстоящего расставания со своими боевыми друзьями я ожидал с тревожным беспокойством. Что предстояло мне встретить в Москве, как будет с работой и учебой, было еще далеко не ясно. А здесь, на 77-м разъезде, в далеком Забайкалье, хоть и жилось тяжеловато, но были верные друзья — Коля Максимов, Леша Редька, Вася Бирюков, привычный быт и любимый футбол. Плохо было только то, что из-за сурового климата футболу мы могли отдаваться не более трех-четырех месяцев в году. А зима с ее пятидесятиградусными морозами терзала нас более полугода.

Несмотря на все эти тяготы, двадцатилетний парень не мог равнодушно ожидать расставания со своей прославившейся на полях величайших сражений дивизией. Одно название нашего

соединения побуждало желание немедленно вскочить, вытянуться, расправить плечи и, приняв стойку «смирно», с замиранием сердца слушать: «Пятая гвардейская Сталинградско-Киевская, орденов Суворова и Кутузова танковая дивизия!» Звучит! Не правда ли?

Надо отметить, что наша Гвардейская танковая армия, которой командовал дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Андрей Григорьевич Кравченко, снабжалась великолепно. И питание, и обмундирование у нас были отменными. Хотя, повторюсь, быт был тяжким. Война закончилась, нервы стали приходить в норму, простые житейские потребности все больше давали о себе знать, а кругом забайкальская степь, и никаких тебе радостей жизни.

Правда, у нас на 77-м разъезде красовался среди солдатских казарм и офицерских землянок Дом культуры. В нем регулярно крутили старые довоенные фильмы, проводились даже вечера танцев. Только танцевать было не с кем. Из женского пола мы почти ежедневно наблюдали лишь… верблюдиц.

Вообще-то регулярные экзотические визиты в расположение нашей танковой дивизии монгольских крестьян, привозивших нам верблюжье молоко, вносили известное оживление в наш армейский уклад. Дело в том, что в послевоенный период советско-монгольская граница была, можно сказать, абсолютно прозрачной, что позволяло монголам беспрепятственно верхом на верблюдах регулярно навещать нас. Несмотря на караульные службы и часовых, во весь голос оравших приближающимся к стоявшим в степи танкам монгольским всадникам уставные: «Стой, кто идет?!» или еще страшнее: «Стой, стрелять буду!», монголы посещали нас регулярно. Они спокойно слезали с верблюдов, привязывали их к дульным тормозам танковых пушек и отправлялись торговать замороженными плошками верблюжьего молока.

Мало того что монголы грубо нарушали границу и игнорировали уставы караульной службы, они еще позволяли себе порой вести у нас в частях «антисоветскую агитацию». Их любимым изречением была традиционная жалоба: «Ваш Сталин нашего Чойбалсана совсем обобрал: весь баран забрал». Замечу, что вместо глагола «обобрал» они использовали более ходовое выражение нашей российской лексики.

Жизнь в степи многотысячной армии здоровых молодых мужчин, вынужденных обходиться без представительниц прекрасного пола, стимулировала другое отрицательное явление. У многих наших однополчан, особенно среди офицерского состава, росла, как сегодня бы назвали ее, алкогольная

зависимость. Прежде всего это проявлялось в явно повышенном спросе на «Тройной» одеколон, который, едва появившись в офицерской лавке; мгновенно с полок исчезал. Спиртное к нам вообще не завозили. Но, как говорится, голь на выдумки хитра. Среди молодых танкистов вдруг сразу распространилась эпидемия... кариеса. А так как штатных стоматологов в армии тогда не было, офицеры вынуждены были целыми группами отправляться поездами на расположенную в 80—90 км от Читы узловую железнодорожную станцию Карымское, где работала стоматологическая поликлиника. Разумеется, что каждая «жертва кариеса» не забывала прихватить с собой в дорогу по четыре бортовых танковых канистры. Эти плоские штатные емкости для питьевой воды крепились вдоль бортов на всех боевых машинах. Они были очень удобны для Перевозки самогона или «водяры», так как четыре плоских канистры легко укладывались в обычный стандартных размеров чемодан. Не нужно знать бином Ньютона, чтобы рассчитать, что каждый визит к стоматологу пополнял личные запасы «тяжело больных» на... 16 литров остродефицитного «горючего». Стоит ли говорить, как разнообразили нашу холостяцкую жизнь подобные «посылочки»?

Прощание с легендарной и непобедимой

Здесь я хотел бы коротко упомянуть, как мне удалось «объехать» строгие воинские уставы и воспользоваться правом, дарованным мне сталинской конституцией. Как известно, воинские уставы запрещают обращаться к вышестоящим начальникам не по инстанции. Пользуясь добрым ко мне и ко всем футболистам отношением начальника политотдела дивизий Полковника Супруна, я два или три раза пытался через него подавать прошения о демобилизации. Но бдительные чиновники неизменно возвращали их командиру моего 110-го полка подполковнику Попову. А его как раз никак в любви к спорту и футболу я упрекнуть не смею. Частенько на офицерских собраниях он, бросая в мою сторону испепеляющие взоры, строгим голосом сообщал: «Кто служить нормально не хочет, тот либо пузырь гоняет, как Рафалов, или Глотку дерет, как Мишнев». (Последний был отменным тенором и частенько уезжал с военным ансамблем на различные конкурсы и концерты.) Ну а я, разумеется, тоже не мог особо усердствовать в боевой и строевой подготовке и изучении славной биографии генералиссимуса, ибо почти все летние месяцы отлучался на сборы и многочисленные

соревнования. Словом, моя затея с демобилизацией казалась лишь несбыточной надеждой.

Признаюсь, что мои отнюдь не любовные отношения с подполковником Поповым однажды претерпели существенные изменения. Дело в том, что с первых дней службы в прославленной дивизии я регулярно вел занятия по политподготовке с сержантским составом нашего 110-го танкового полка. Относился я к этим обязанностям с большим рвением и интересом. У нас в части была хорошая библиотека, где я имел возможность уделять много времени не только для подготовки к семинарам, но и для чтения художественной литературы.

Как-то весной 1946 года в округе проводилась тотальная проверка организации политзанятий. Совершенно неожиданно для меня мой слушатели, бравые сержанты, уже прошедшие суровую школу войны и поднабравшиеся знаний в тяжелых сражениях и маршах по городам Европы, изловчились сдать все зачеты только на «отлично» и занять ПЕРВОЕ МЕСТО В ОКРУГЕ!

14 мая 1946 года окружная газета «Защитник Родины» опубликовала обо мне статью под заголовком «Пять лет спустя». В ней отмечались мои «недюжинные способности», «глубокие знания политических событий» и «высокий педагогический талант». Прочитав о себе такое, я почувствовал, что вполне мог бы возглавить политотдел дивизии. Правда, припомнив некоторые немаловажные детали своей биографии, я благоразумно от таких карьеристских настроений отказался. Тем не менее из Карымского кто-то весьма кстати доставил очередную партию «горючего», и мой феерический успех на ниве политвоспитания личного состава советских Вооруженных сил был «обмыт» в лучших традициях, принятых в бронетанковых войсках. Хорошо еще, что мой постоянный оппонент Попов о наших забавах ничего не прослышал. Зато, узнав из прессы о моих «недюжинных способностях», командир полка, встречаясь со мной, не только мило улыбался, но даже пожимал мне руку!

Однако главная радость еще ожидала меня впереди: командующий округом маршал Малиновский поощрил меня внеочередным отпуском на целых 64 (ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТЫРЕ) дня! Столь продолжительные отпуска нам давали не от щедрот великих, а потому, что в полуразрушенной стране железная дорога работала с огромным напряжением и осуществлять быстро все перевозки была просто не в состоянии. Поэтому из 64 дней отпуска 32 отводилось на дорогу до дома и обратно. Но даже в эти сроки не всем удавалось укладываться. Мне и еще многим счастливчикам, едущим в отпуск, приходилось несколько сотен

километров от своей части перемещаться довольно экзотическим способом: на крышах вагонов! Там мы привязывали себя и свой скудный скарб к вытяжным трубам ремнями и веревками и, рискуя свалиться, добирались до какой-либо крупной станции, где удавалось как-то проникнуть в вагон. В народе подобные поезда величали достаточно метко: «пятьсот веселый».

Про все счастливые дни, проведенные в Москве, я откровенничать не стану. Отмечу лишь, что успел посмотреть новые спектакли МХАТа и еще, как бы для разнообразия, повеселил лично коменданта Москвы генерала Синилова, который счел необходимым ввалить мне десять суток гауптвахты за то, что я не успел узреть на улице какого-то полутораметрового капитана, головы которого из-за стоявшей рядом машины даже не было видно. Наказание мне надлежало отбывать в части. Следует ли говорить, что столь грамотного «политпросветителя» никто унизить не решился?

Тем не менее знакомство с ведомством Синилова, военной комендатурой столичного гарнизона, оставило у меня тягостные воспоминания. Сама комендатура, занимавшая старое здание на проспекте Мира, больше походила на дешевый вытрезвитель, где после тяжелых похмелий отбывали сроки оказавшиеся в столице военнослужащие. Суд над согрешившими вояками генерал обожал вершить самолично. Продвигаясь вдоль строя людей, ожидающих генеральского вердикта, Синилов пытался все время острить. Изрекаемые им образчики русского фольклора отличались неподражаемой «фельдфебельской тонкостью» и сопровождались громким смехом самого коменданта и двух сопровождавших его офицеров с блокнотиками.

Словом, на мой взгляд, грибоедовский Скалозуб по сравнению со столичным комендантом выглядел по меньшей мере как философ Спиноза.

Вернувшись из Москвы в Забайкалье, я с еще большей тоской стал мечтать о своем расставании с «непобедимой и легендарной».

Выручка пришла как всегда нежданно-негаданно. Когда Попов в очередной раз выразил недовольство моими вольностями нашему комбату майору Лобачеву, последний вскипел. Добрейший комбат ранее был начальником облземотдела не то в Куйбышевской, не то в Саратовской области. Накануне войны он был избран в Верховный Совет РСФСР. Лобачев вызвал меня к себе: «Зачем ты отправляешь свои рапорты о демобилизации по воинским инстанциям? Так ничего не добьешься. Ты на последних выборах за кого голосовал?» Ничего еще не понимая, я ответил: «За Малиновского». «Вот ему и пиши свои послания; Но

адресуй их не маршалу и командующему округом, а депутату Верховного Совета СССР. Понял?!»

Мудрый совет Лобачева я почти мгновенно использовал, и через некоторое время, летом 1947 года, ошарашенный Попов получил приказ из Хабаровска: «Демобилизовать!» Промурыжив меня в полку до осени, мой мучитель все же вынужден был пойти на попятную и дозволил убыть из части. В столицу нашей Родины Москву я прибыл после пятилетнего отсутствия в конце октября 1947 года.

Еще в Забайкалье я с горечью убедился, что особой одаренностью для большого футбола не обладаю. Моим козырем была способность к быстрому бегу! Я без всякой специальной подготовки легко пробегал стометровку за 11,5—11,6 секунды. В то время этот результат соответствовал второму разряду. Таких игроков после войны называли бегунками. Так вот за счет быстрого бега я и играл крайним форвардом. Но 17 мая 1943 года я был ранен в правую ногу. Осколок задел сухожилие, и нога часто болела. Хорошо обращаться с мячом я уже не мот и тогда-то окончательно убедился, что мастера футбола из меня не получится.

Лет до тридцати пяти я занимался легкой атлетикой в обществе «Авангард». Даже выезжал на всесоюзные спартакиады. Тогда в зачет шли только разрядные результаты, а я без особых проблем свободно их выполнял в беге на 100 и 200 метров, а также и на очень трудно мне дававшейся четырехсотметровке. Меня, как правило, еще ставили в эстафетную команду 4х100 метров. Таким образом, я давал в копилку своей команды очки по четырем видам спартакиад.

Сейчас, вспоминая свою футбольную жизнь в 1945—1947 годах, могу признаться, что запамятовал почти всех членов нашей команды. Я бы, наверное, не вспомнил и нашего бравого защитника и капитана команды Поварова, если бы судейские пути-дороги не привели меня в середине 60-х годов в Читу. Оказалось, что Поваров стал там тренером команды мастеров «Локомотив». После игры мы с ним почти до утра вспоминали о наших футбольных коллизиях двадцатилетней давности.

Встречи с великими

На протяжении своей насыщенной событиями жизни в футболе мне посчастливилось общаться и дружить со многими людьми, имена которых предваряются словом «великий». О них я

вспоминал в книге «Поклонимся великим мастерам», выдержавшей два издания. Мне приятно привести слова заслуженного мастера спорта, чемпиона Европы 1960 года Виктора Понедельника. В предисловии к моей книге он отмечал: «Насколько помню, никто еще из пишущих о футболе не задавался Целью создавать мартиролог о людях футбола, ушедших из жизни. Такие исследования решился взять на себя известный в 60—70-е годы Почетный судья по футболу Марк Рафалов. К несомненной заслуге автора следует отнести поиск мест захоронения гвардейцев футбола — работу, требующую огромного трудолюбия, подвижничества и преданности любимому делу. Привлекательна и еще одна сторона книги: с подавляющим большинством людей, о которых взволнованно, а порой с трепетной нежностью пишет М. Рафалов, он был знаком лично. Поэтому многие его воспоминания читаются с волнительным вниманием. Особенно удались, на мой взгляд, рассказы о встречах с великими тренерами: Б. Аркадьевым, Г. Качалиным, В. Масловым, М.Якушиным. Много интересного узнают читатели книги, познакомившись с эпизодами жизни незабываемых гроссмейстеров футбола В. Боброва, Г. Федотова, Л. Яшина...»

Мне трудно что-либо добавить к пафосным словам Виктора Понедельника. Действительно, футбол подарил мне радость встреч с людьми, которые являлись подлинными кумирами, всенародными любимцами. О них уже очень много написано, но можно говорить и писать бесконечно.

Виктор Владимирович правильно заметил, что я писал только о великих людях футбола — москвичах, которых уже нет с нами. К счастью, рядом еще живут и дышат пьянящим воздухом футбола такие гиганты, как Валентин Иванов, Валентин Николаев, Никита Симонян, Алексей Парамонов. С ними я уже много лет нахожусь в самых добрых отношениях. То же можно сказать о ряде (увы, далеко не обо всех) столичных мастеров пера, пишущих о футболе.

Принадлежность к судейскому клану обязывает меня назвать имена великолепных столичных арбитров, с которыми мне доводилось в 60—70-х годах выходить на футбольные газоны практически всех крупнейших стадионов нашей страны.

В этом ряду я бы считал необходимым назвать в первую очередь Николая Латышева, Сергея Алимова, Ивана Лукьянова, Владимира Руднева. Их тоже уже нет с нами. Но живут и порой даже приходят на футбол Павел Казаков, Владимир Барашков, Владимир Зуев, Юрий Звягинцев, с которыми я особенно дружен.

Я счастлив, что футбол подарил мне радость общения со

многими яркими людьми. И кроме того, испытываю большую радость от того, что кое-какие забавные эпизоды, происходившие со мной во время встреч с ними, благодарно сохранились в моей памяти. Я написал о них в небольшой книжке «Озорной футбол», увидевшей свет в 2000 году. А газета «Спорт-экспресс» в течение нескольких лет печатала припоминаемые мною байки о незабываемых встречах со знаменитыми людьми.

Мне вообще кажется, что круг людей, с которыми я поддерживаю отношения, просто безграничен. Я не очень охоч до затяжных телефонных бесед, но с особо близкими сердцу людьми могу обсуждать футбольные проблемы едва ли не часами. Наверное, на первом месте в этом плане у меня был заслуженный тренер России Марк Борисович Розин, которого теперь уже нет с нами.

Не стану здесь описывать все заслуги наших героев: они хорошо известны. Упомяну лишь некоторые факты из их жизни, о которых многие не знают.

Аркадьев Борис Андреевич (1899—1986)

Выдающийся практик и теоретик футбола. Шесть раз клубы, ведомые Аркадьевым, становились чемпионами и четырежды обладателями Кубка СССР. «Я не знаю другого тренера, который бы принес такую огромную пользу нашему футболу... Я не представляю своей жизни без Аркадьева», — писал о нем Константин Бесков, называя своего учителя «рафинированным интеллигентом».

Мне посчастливилось неоднократно встречаться с этим остроумным и дружелюбным человеком.

Вот лишь два эпизода общения с Борисом Андреевичем.

На чемпионате мира в Мексике в 1970 году в матче, победитель которого выходил в четвертьфинал, хозяева поля встречались с бельгийцами. Игру, проходившую на знаменитой «Ацтеке», судил аргентинский рефери Коресса. Судьбу встречи решил «придуманный» арбитром пенальти. В итоге мексиканцы вышли победителями. Вечером в холле отеля собрались наши специалисты: Олег Ошенков, Валерий Лобановский, Валентин Иванов, Владимир Осипов... Все жаждали узнать мнение мэтра о трагически завершившейся игре. Деликатнейший Борис Андреевич поднялся с кресла и огляделся вокруг; «А здесь никого из судей нет?» — заговорщицким шепотом спросил он. Мы с сочинским арбитром Львом Саркисовым спрятались за Колонной. Аркадьев еще раз огляделся и молвил: «Может, я ошибаюсь, но, по-моему, сегодня Коресса был за мексиканцев».

Много лет игравший в знаменитой «команде лейтенантов»,

как называли в послевоенные года! ЦСКА, Владимир Демин вспоминал, что своих подопечных Борис Андреевич называл только по имени и отчеству и только на «вы». Однажды, остановившись перед строем игроков, готовившихся на утреннюю зарядку, Аркадьев, внимательно взглянув на Демина, промолвил: «Владимир Тимофеевич, мне кажется, что вы сегодня немного пьяны».

Бесков Константин Иванович (1920—2006)

Заслуженный мастер спорта (1948), заслуженный тренер СССР (1968), главный тренер сборной команды СССР (1963—1964, 1974, 1978—1982) и Олимпийской сборной СССР (1970, 1975—1980), член столичного «Клуба Г. Федотова» (126 голов!).

Неутомимый, бескомпромиссный, несгибаемый — это все о нем, о Константине Ивановиче Бескове.

На 80-летие я подарил ему свое четверостишие:

Вокруг него всегда страстей боренье,
Игрок — мечта, а тренер — загляденье!
Отважен, честен, смел,
Таким он даже судьям нравиться умел!

14 февраля 1946 года Костя Бесков и красавица Лера Васильева стали мужем и женой! Через год у них родилась дочь Люба. Такое имя внучке посоветовал дать отец Леры Николай Никанорович Васильев. Этот совет молодожены получили в письменном виде из расположенного близ Жигулей лагеря заключенных, где инженер Васильев с 1944 года отбывал срок. За что? Оказалось, что у одного из ранее арестованных знакомых Николая Никаноровича в записной книжке обнаружили... номер телефона Васильева. Тогда этого было вполне достаточно, чтобы обрести статус... «врага народа»!

Бесков защищал в то время цвета столичного «Динамо» — клуба МВД, патронируемого самим Лаврентием Берия! Но это не остановило пылкого бомбардира. Он стал настойчиво ходатайствовать о пересмотре дела своего тестя.

Используя поездку «Динамо» на матч в Куйбышев, молодожен отправился в тамошнюю цитадель ГУЛАГа и добился-таки свидания с невинно осужденным. В 1949 году отец Леры вернулся в Москву, а после смерти отца всех народов был полностью реабилитирован.

«В этой истории, — утверждала в беседе со мной Валерия Николаевна, в весь Константин Иванович!»

Бубукин Валентин Борисович (р. 23.04.1933)

Как-то супруга чемпиона Европы 60-го года, игрока сборной СССР и неподражаемого шутника, обращаясь к мужу, спросила: «Ты, надеюсь, не забыл, что приближается юбилей нашей свадьбы?» «Как можно, дорогая, — тут же отозвался мой старый знакомый, — я уже начал готовиться к этой дате». Польщенная таким ответом жена робко спросила: «И как же ты намерен отметить это событие?» Ответ последовал незамедлительно: «Минутой молчания, дорогая!»

Есенин Константин Сергеевич (1920—1986)

Считаю себя обязанным вспомнить об одном из самых неординарных спортивных журналистов, с которым я был дружен долгие годы и даже жил с ним в соседних домах на Щербаковской улице. Речь веду об одном из основоположников и создателей оригинального жанра футбольной журналистики, популярнейшем статистике Константине Есенине.

В руках Есенина статистика приобретала какие-то магические черты научной убедительности и достоверности. При этом она становилась озорной, привлекательной и постоянно ожидаемой. Печатные выступления, книги Константина Сергеевича были своего рода футбольным десертом. Они с восторгом и сладострастным придыханием поглощались футбольными гурманами. Есенин был и остается одним из немногих кудесников футбольной статистики, кому была подвластна магия цифр. Он умудрялся придавать им какую-то горделивую осанку, опрятность и образовывать из них по своему велению и фантазии неповторимый парадный строй.

Костя был неподражаемым выдумщиком. По его инициативе образованы Клуб имени Григория Федотова и Клуб вратарей имени Льва Яшина.

Сын блистательного русского поэта, Константин Сергеевич прожил трудную, но яркую жизнь. Он участвовал в Отечественной войне, с которой вернулся с тремя орденами и пробитым легким. Он искренне и преданно любил футбол и не скрывал своих симпатий к столичному «Спартаку», которому посвятил когда-то такие строки:

День придет, и перламутром шелка
В бирюзе, сверкающей росой,
Замелькают красные футболки
С белой поперечной полосой.

Качалин Гавриил Дмитриевич (1911—1995)

Ему нет равных в отечественном футболе по количеству трофеев, завоеванных его командами за рубежами нашей родины. В 1956 году в далеком Мельбурне сборная СССР, ведомая Качалиным, впервые познала вкус олимпийского золота. Спустя четыре года наша сборная с Качалиным во главе вновь стала триумфатором первого чемпионата Европы. В 1962 и 1970 году Качалин приводил своих питомцев к четвертьфинальным матчам чемпионатов мира — рубеж, ставший недосягаемым для наших нынешних миллионеров.

Во внутрисоюзных соревнованиях успехи Гавриила Дмитриевича выглядят несколько скромнее. Однако ему удалось первым в истории советского футбола возвести тбилисских динамовцев на золотую ступень чемпионата СССР 1964 года.

Спустя некоторое время мы с Качалиным вместе ехали в Ярославль. Гавриил Дмитриевич — кого-то просматривать, я — судить матч чемпионата страны. Заговорили о триумфаторах 1964 года. «Радости было сверх всякой меры, — вспоминал Гавриил Дмитриевич, — но жить в Тбилиси мне стало очень трудно. Меня превратили в Национального героя. Ко мне в гостиницу постоянно являлись какие-то люди и пытались непременно что-либо подарить: вино, коньяк, мандарины... В своем отеле я не мог ни поесть, ни подстричься — денег с меня не брали. Едва я входил в ресторан, как со всех столов мне начинали доставлять «передачи»: коньяк, шампанское, фрукты. Повсюду меня узнавали, и я не знал ни минуты покоя. В таком же положении оказалась приехавшая ко мне погостить дочь Лена». Говорил мне все это Качалин искренне, чувствовалось, как непросто пришлось ему после этой звонкой победы.

Готовя в 2000 году для газеты материал, приуроченный пятой годовщине со дня смерти маэстро, я позвонил вдове Гавриила Дмитриевича Антонине Петровне. Она рассказала: «Год чемпионства тбилисцев мне очень хорошо запомнился. Спустя много лет с тех пор, весной 1995-го мы с Гавой проходили около Усачевского рынка. Вдруг к нам подлетела машина. Из нее выскочили молодые грузины и вновь начали чествовать и прославлять мужа. Мы едва от них отделались».

Маслов Виктор Александрович (1910—1977)

О своей неординарности Дед, как звали Маслова столичные торпедовцы, заявил в конце пятидесятых годов, когда раз за разом приводил своих мастеров на пьедестал почета. А в 1960 году «масловское» «Торпедо» стало чемпионом СССР. Трижды — в 1952, 1960 и в 1972 годах — Маслов шагал с Кубком СССР вместе

со своими воспитанниками.

Придя к руководству киевским «Динамо», Маслов трижды подряд (1966—1968) завоевывал золотые медали и дважды (1964 и 1966) — Кубок СССР.

Мои судейские пути-дороги много раз пересекались с клубами, которые тренировал мудрый Дед. Некоторые его суждения можно было высекать на мраморе. Будучи руководителем предсезонных сборов судей на юге страны, я неоднократно приглашал Виктора Александровича на встречи с арбитрами. И хотя великим арбитром он не был, мои молодые коллеги слушали его с упоением, затаив дыхание. Особенно любопытными были комментарии Маслова, касающиеся каких-либо судейских ляпсусов. Помню, на одной из таких бесед в Сочи Маслова спросили, как он расценивает пенальти, назначенный в ворота его команды несколько дней назад. «А чего тут расценивать? — хитро прищурив глаза и улыбаясь, переспросил Дед. — Сие решение судьи отношу к проявлению трусости». Маслов чуть помолчал и закончил свой монолог: «Трусишка ваш коллега! Так ему и передайте. Хозяев поля он наказывать не очень горазд».

Морозов Николай Петрович (1916—1981)

Под руководством Николая Морозова сборная СССР в 1966 году завоевала на английском чемпионате мира бронзовые медали. Ни до того, ни после наша сборная не взбиралась на такую высоту.

Помню, как после возвращения из Англии нескольким триумфаторам, и Морозову в том числе, дозволили за свой счет приобрести автомобили «Москвич». Сегодня подобный вид поощрения мы, наверное, расценили бы как насмешку Вообще выступление нашей сборной на чемпионате мира-66 было признано недостаточно успешным. Морозова, по сути дела, вынудили уйти из сборной, и с 1967 года он возглавил одесский «Черноморец».

В сентябре 1966 года на его родине, в Люберцах, торжественно отмечался 50-летний юбилей тренера. В программу праздника входила товарищеская встреча люберецкого «Торпедо» с ленинградским «Автомобилистом». Мне было приятно получить личное приглашение юбиляра судить этот матч, который хозяева поля проиграли со счетом 0:1.

Наши дружеские отношения с Николаем Петровичем стали еще крепче после совместной 20-дневной поездки на чемпионат мира в Мексику в 1970 году. В поездке мы жили с ним всегда в одном номере. Морозов писал репортажи в «Известия», а я в

журнал «Спортивные игры». Мне тогда представилась уникальная возможность впитывать суждения об играх и событиях, чувствовать его искреннюю влюбленность в игру, которой он посвятил всю жизнь. Ведь еще до тренерской работы Морозов играл 11 сезонов в столичном «Торпедо», затем в «Спартаке» и ВВС.

Озеров Николай Николаевич (1922—1997)

Многократный чемпион СССР по теннису, актер популярнейшего МХАТа, роли которого я помню по сей день, в полной мере проявил свою многогранность, когда после Вадима Синявского Озеров стал главным спортивным и футбольным комментатором страны. После кончины Озерова его семья получила соболезнование от президента России Б. Ельцина. В нем говорилось: «С различных спортивных состязаний раздавался знакомый, ставший родным голос Николая Николаевича. Этот голос рассказывал о победах наших спортсменов, учил ценить красоту честной спортивной борьбы, не пасовать перед трудностями, а главное — любить и гордиться своей Родиной. Этот голос нес доброту, любовь, надежду в каждую семью».

Мне доводилось видеться с Николаем довольно часто. Ведь его комментаторская кабина и наша ложа прессы в «Лужниках» располагались рядом. Еще в годы моей работы в спортивном лагере ГУРИ мы с Озеровым «оживляли» детские спартакиады. Озеров очень любил детей, и они отвечали ему взаимностью.

Однажды судьба свела нас с Озеровым в самолете. Мы вместе летели в Одессу на очередной матч чемпионата страны. Всего два-три дня назад наш комментатор вернулся с чемпионата мира по хоккею. Несмотря на победу советской ледовой дружины, Николай выглядел удрученным и вел себя как-то необычно замкнуто. Однако незадолго до посадки Озерова вдруг прорвало, и он рассказал мне, что после нескольких репортажей, во время которых он сетовал на постоянно ломающиеся клюшки отечественного производства, ему позвонили из Москвы и в грубой форме запретили «вещать о клюшках». «Не смейте сеять пораженческие настроения среди советских людей», — прорычал не терпящий возражений голос, и монолог оборвался.

Сегодня тот уже далекий эпизод может показаться забавной мелочью и вызвать улыбку, а тогда...

Розин Марк Борисович (1909—2005)

В конце мая 2005 года мы проводили в последний путь этого выдающегося человека. О нем написано несколько книг и десятки очерков, воспоминаний. Интересны и интервью с ним.

В 1937 году он начал работу в Спорткомитете СССР и прослужил в нем (с перерывом на войну) до ухода на пенсию.

Марк Борисович Розин — заслуженный тренер РСФСР. Один из организаторов и пропагандистов детского и юношеского футбола в стране. В 1948—1978 годах был начальником отдела массового и детского футбола Управления футбола Спорткомитета СССР. Был одним из основателей клуба «Кожаный мяч», его вице-президентом в 1966—1986 годах. Награжден орденом «Знак почета», а также как участник Великой Отечественной войны — многими боевыми орденами и медалями.

В этой коротенькой объективке, заимствованной мною из футбольной энциклопедии, не сказано еще, что Розин был в числе первых участников Отечественной войны, удостоенных самой почетной тогда награды: ордена Боевого Красного Знамени. Не сказано и о том, что он был одним из организаторов вывода из окружения кавалерийского корпуса генерала Белова.

Вот лишь одно примечательное воспоминание, которым незадолго до своей смерти поделился со мной боевой товарищ, с которым мы дружили более 40 лет.

«В 1937 году меня пригласили на работу в Спорткомитет СССР. Одно время я даже был помощником председателя комитета Василия Васильевича Снегова. Кстати, еще перед войной у меня произошел забавный эпизод, связанный с тбилисским «Динамо» и его тренером, моим старым товарищем Алексеем Андреевичем Соколовым. Как-то меня командировали в Тбилиси. Узнав о моем приезде, Соколов поручил капитану команды Шота Шавгулидзе окружить меня заботой и вниманием. Шота сразу же взялся за дело. И поехали мы с ним в горное село, где его родственники справляли свадьбу. Шота попросил меня произнести здравицу в честь молодых. В разгар гуляний мне предоставили слово. Говорил я очень коротко и поэтому был немного смущен переводом моей речи на грузинский язык. Перевод Шота длился раза в три дольше, чем моя здравица. Тут же ко мне направились три седобородых аксакала и вручили огромный кубок, до краев наполненный вином. Я понимал, что пить надо до дна... Короче говоря, очнулся я лишь через... сутки! Спустя некоторое время узнал, что в своем «переводе» Шота представил меня личным посланником Сталина, который якобы поручил мне передать его поздравление молодоженам».

Севидов Александр Александрович (1921—1992)

Наше знакомство с Александром Александровичем состоялось в начале 60-х годов, когда он работал с минскими динамовцами. Готовились они к сезону в Хосте и жили в Доме

творчества. А совсем рядом, в гостинице «Хоста», располагались участники всесоюзного сбора судей. Естественно, что мы часто встречались с игроками и тренерами, обсуждали футбольные новости, проводили занятия по правилам игры. Тогда-то мое внимание и привлек в высшей степени доброжелательный, открытый и улыбчивый наставник минчан.

Наблюдая за ним на сборах и во время матчей чемпионата, я сразу же заметил, что Сан Саныч никогда не опускался до унизительных перепалок со служителями футбольной Фемиды. Он всегда был сдержан и порядочен.

Вспоминаю забавный эпизод из наших многочисленных встреч с Севидовым. Произошло это во Львове в мае 1976 года, когда я прибыл инспектировать встречу «Карпат» с московским «Динамо», которое в ту пору тренировал Севидов. Обслуживать ее должен был арбитр, не отличавшийся, мягко говоря, безупречной репутацией. Когда команды проводили предматчевую разминку, Александр Александрович подошел ко мне и взволнованно прошептал: «Я тебя очень прошу передать этому, — он кивнул в сторону судейской комнаты, — чтобы он хоть сегодня обошелся без привычных «гонораров». В силу служебного долга и знания «склонностей» арбитра я предупредил его о необходимости соблюдать законы игры. Встреча закончилась со счетом 1:1. Грубых ошибок судья не допустил, и я оценил его арбитраж хорошей оценкой.

В последний раз я виделся с Александром Севидовым в начале 92-го, в гостях у нашего общего знакомого, мудрейшего футбольного обозревателя Аркадия Галинского. Вспомнили львовский эпизод. Севидов весело смеялся...

Симонян Никита Павлович (р. 12.10.1926)

Признаюсь, что, наблюдая за играми столичных спартаковцев без малого 70 лет, я никогда не числился в рядах болельщиков «Спартака». Это, однако, не мешало мне не только восхищаться многими футболистами в красных футболках с белой поперечной полосой на груди. Более того, со многими из них я был хорошо знаком и поддерживал весьма дружеские взаимоотношения. К ним я отношу блистательного вратаря Анатолия Акимова, всех братьев Старостиных, Николая Дементьева, Владимира Степанова, Игоря Нетто, Сергея Сальникова, Алексея Парамонова, Анатолия Исаева, Анатолия Ильина.

Возможно, я допускаю некоторый субъективизм, но из ряда названных мною спартаковцев все же выделил бы моего давнего друга и бесподобного форварда Никиту Павловича Симоняна. Упоминать о его заслугах, по-моему, нет никакой надобности.

Назову лишь два факта. Симонян — олимпийский чемпион 1956 года, он в течение многих лет возглавлял символический «Клуб Г. Федотова» для лучших бомбардиров страны, на его счету 186 голов!

Но, наблюдая за игрой Никиты Павловича, я чаще вспоминал не о регалиях мастера атаки, а о его ярко выраженных рыцарских чертах. Десятки раз доводилось мне наблюдать, как беспощадно били по ногам нашего героя. Он ни на кого lie обижался, даже головы не поворачивал в сторону грубиянов. Свою правоту в подобных спорах он отстаивал только голами! В чем немало преуспел!

Старостин Андрей Петрович (1906—1987)

На мой взгляд, Андрей Петрович являлся наиболее колоритной фигурой в строю своих братьев. Его игра в «Спартаке», поведение неоспоримого лидера, неукротимая жажда боя хорошо мне запомнились.

Особенно часто мне доводилось встречаться с Андреем Петровичем во время его пребывания на посту заместителя председателя Федерации футбола СССР и председателя столичной футбольной федерации, в президиум которой несколько лет входил и я.

Авторитет этого обаятельного, сильного человека в спортивном мире был непререкаем. Широта мышления, эрудиция, железная логика, прекрасное ораторское мастерство, какая-то врожденная величественность сделали Андрея Старостина любимцем и кумиром огромной армии поклонников футбола.

Ничто человеческое не было ему чуждо. Он знал цену бескорыстной мужской дружбе, был жизнелюбом и умел радоваться жизни. В любой обстановке, в любой среде: артистической, писательской, среди журналистов, спортсменов, заядлых преферансистов и ипподромщиков — Андрей Петрович сразу же становился своим человеком. Сила его обаяния, его убедительность были всепроникающими.

Когда Андрея Петровича не стало, в Сокольнический манеж «Спартака» попрощаться с ним пришла вся футбольная Москва. Гроб с телом покойного установили в центре штрафной площади, напротив ворот. То есть на той же позиции, которую в течение многих лет своей яркой спортивной жизни отважно и беззаветно оборонял подлинный рыцарь футбола Андрей Старостин.

Хомич Алексей Петрович (1920—1980)

Алексей Хомич, игру которого я имел удовольствие наблюдать в течение многих лет, когда он защищал ворота

московского «Динамо», без всяких оговорок относится к плеяде выдающихся отечественных вратарей.

Огромную популярность Хомич завоевал во время легендарного турне динамовцев по городам Великобритании осенью 1945 года. Высочайшее мастерство Хомича побудило английских журналистов подобрать ему наиболее подходящее, по их мнению, прозвище — Тигр, закрепившееся за ним на всю жизнь.

Футбольная жизнь всегда отличается обилием несуразных историй и курьезов. Случился один такой и с нашим вратарем. В конце динамовского турне по Англии хозяева давали прощальный банкет. Все присутствовавшие хотели услышать прославленного вратаря. Хомич очень волновался и, обращаясь к гостям, видимо, под впечатлением популярного тогда фильма «Леди Гамильтон», неожиданно изрек: «Уважаемые леди и... Гамильтоны!» Зал разразился овацией, расценив слова Хомича как проявление тонкого юмора.

До конца своих дней Алексей Петрович жил на Кутузовском проспекте, неподалеку от моего дома. Поэтому мы частенько встречались с ним не только во время футбольных матчей, на которых Алексей Петрович стал выступать в новой ипостаси — фотокорреспондента, но и как соседи. Милый и добрый был человек Хома, как Любовно звали его все многочисленные поклонники.

Якушин Михаил Иосифович (1910—1997)

Из всех отечественных тренеров, коим оказывалось высочайшее доверие возглавлять сборную команду нашей страны, мне за годы своей журналистской деятельности чаще, чем с кем-либо другим, доводилось общаться с Михаилом Иосифовичем. Он всегда охотно отзывался на мои просьбы дать интервью или хотя бы коротко оценить какую-нибудь футбольную коллизию. И это несмотря на довольно колючий и язвительный характер.

Я помню блистательное мастерство Якушина в роли форварда столичного «Динамо», причем не только на футбольных полях, но и во время матчей по хоккею с мячом. В этих ипостасях хитрый Михей, как любовно звали его почитатели, был неповторим. Как сегодня помню гол в ворота «Спартака», который он «организовал» вместе с Сергеем Ильиным первого сентября 1940 года. Сместившись с мячом в юго-западный угол динамовского стадиона, находясь в окружении трех спартаковцев, Якушин двигался как-то обреченно и флегматично. Но едва заметив стремительный рывок Ильина, он пяткой направил ему уникальный по своей точности и исполнению пас. Мяч попал под

«любимую» ногу Ильина и через мгновение затрепетал в сетке спартаковских ворот. Вратарь Анатолий Акимов не успел даже шелохнуться.

Потрясающий гол!

Помню многие язвительные реплики Якушина в адрес судей. Однажды мне поручили судить игру тбилисского «Динамо», тренером которого в то время был Михаил Иосифович. В какой-то момент судья на линии поднял флаг, фиксируя офсайд. Я дал свисток, а мой помощник почему-то продолжал держать флаг в поднятом положении. Оказавшийся за его спиной Якушин громко отреагировал: «Ты что, на первомайской демонстрации? Опускай флаг!»

Яшин Лев Иванович (1929—1990)

С великим вратарем я был знаком не один десяток лет. Но было бы нескромно с моей стороны говорить о своих очень дружеских с ним отношениях. Мы встречались часто, но в основном но служебным делам. Тем не менее это не мешало мне постоянно восхищаться его приветливым, дружелюбным характером, напрочь избавленным от малейших признаков звездной болезни. Вот лишь несколько запомнившихся мне эпизодов из моих встреч с Львом Ивановичем.

Когда я еще был действующим арбитром, то имел удовольствие несколько раз выходить на поле вместе с Яшиным. Откровенно говоря, в тех играх ничего заслуживающего особого внимания с Яшиным не происходило. Он как обычно действовал надежно и уверенно. Больше других мне запомнился матч между столичными торпедовцами и динамовцами, проходивший в августе 1967 года. Я был на той игре судьей на линии. Карьера выдающегося вратаря уже была на излете (как-никак 38 лет). Наверное, поэтому Лев раза два неосмотрительно оставлял свой пост и покидал ворота. Но даже эти огрехи не помогли грозным форвардам автозаводцев Стрельцову, Гершковичу, Щербакову забить хоть один мяч в яшинские ворота. «Динамо» тогда победило — 1:0.

Случилось так, что домой со стадиона мы возвращались в метро вместе с капитаном бело-голубых Виктором Аничкиным (сегодня о таком и помыслить невозможно, чтобы игрок сборной страны и капитан одного из самых титулованных клубов ехал со стадиона на метро, но тогда это было нормой.) Естественно, мы с Виктором заговорили о прошедшем матче. Упомянули и незначительные ошибки динамовского вратаря, заметив при этом, что его игра уже утрачивает свой былой блеск. В какой-то момент мой собеседник замолчал, а затем уверенно стал прояснять

ситуацию: «Мы понимаем, что Лева уже не тот, но каждый из нас прямо-таки кожей осязает эффект его присутствия на поле. Его постоянные окрики и подсказки стали для нас настолько привычными, что придают нам дополнительные силы и уверенность. Лев еще очень нам нужен!» — заключил свой монолог Аничкин.

Запомнился мне еще один эпизод, характеризующий Яшина как прекрасного семьянина, доброго, заботливого отца и мужа. 18 июня 1970 года мы возвращались с мексиканского чемпионата мира домой. Вылет из нью-йоркского аэропорта имени Кеннеди задерживался. Разговаривая с Яшиным, я посетовал, что жалко улетать с чемпионата мира, не посмотрев финального матча. Лев грустно улыбнулся и сказал: «Финал финалом, но ведь у моей Вали сегодня день рождения. И я очень хочу скорей домой!»

В марте 1988 года мне довелось провести рядом с Яшиным еще несколько незабываемых дней. В Самарканде динамовские команды разыгрывали традиционный приз его имени. Там же проводился предсезонный сбор судей, который я возглавлял. В Узбекистан Лев Иванович прилетел, уже будучи тяжело больным, он лишился ноги, с большим трудом передвигался, а постоянные боли вынуждали его прибегать к помощи бесконечных уколов. Несмотря на все это, Лев отважился на очень мучительный вояж. Мне пришлось несколько раз выезжать вместе с ним на игры, проводившиеся в близлежащих населенных пунктах. Видя, как тяжело даются Яшину эти бесконечные переезды, многие доброжелатели настоятельно советовали ему отказаться от них. «Ну уж нет! — отвечал им добрейшей души человек. — Так нельзя — ведь люди просили. Они ждут!» Нужно было видеть, каким неподдельным восторгом встречали его местные жители...

Осенью 1985 года вышла в свет книга Льва Ивановича «Счастье трудных побед». Я только что вернулся из командировки и в коридоре Управления футбола встретился с Яшиным. Он пригласил меня зайти к нему в кабинет. Там я получил бесценный дар — книгу легендарного вратаря с дарственной надписью. В те дни я готовил материал о самом титулованном нашем рефери Николае Латышеве и поэтому постарался перевести разговор на известный случай с удалением динамовского вратаря с поля во время финального матча Кубка СССР в игре с ЦСКА. Яшин охотно повторил известные подробности того далекого, хорошо знакомого и памятного эпизода. Но самое главное состояло не в этом. Рассказывая о своей грубой выходке по отношению к Агапову, Яшин, словно это было вчера, не мог скрыть глубокого раскаяния в содеянном. Такая взыскательность и критическая самооценка произвели на

меня большое впечатление. Как бы в подтверждение моих мыслей Лев взял со стола только что подаренную мне книгу и, открыв ее на странице 74, процитировал две строчки из динамовской стенгазеты, вышедшей на следующий день после проигранного армейцам финала:

Кубок должен был быть нашим,
Но подвел товарищ Яшин.

Я горжусь знакомством с замечательным, невероятно скромным человеком, блистательным спортсменом. Как бесценную реликвию храню в домашней библиотеке подаренную лучшим вратарем мира книгу.

Человек в черном

Возвращаясь к футбольной теме, хотел бы поведать, как меня угораздило стать арбитром. Ведь почти все судьи, отвечая на подобные вопросы, откровенно признаются, что судейский свисток они взяли в руки случайно.

Не буду оригинальничать и признаюсь, что я тоже никогда о судейской карьере не мечтал, и эта роль мне тоже досталась довольно неожиданно. Моим «крестным отцом» оказался один из сильнейших советских арбитров 50—60-х годов, рефери ФИФА Иван Иванович Лукьянов. Случилось это в середине 50-х. Я тогда совмещал учебу в институте с должностью председателя спортклуба и, естественно, посещал многие соревнования, в которых выступали команды нашего вуза.

В первую очередь игры чемпионата Москвы по футболу среди институтов, проводимые очень сильным тогда спортобществом «Буревестник».

Очередной матч наши футболисты проводили на стадионе инфизкульта, на улице Казакова, с командой СКИФ, которую тренировал Лукьянов. На игру не явились судьи, и все, в том числе и Иван Иванович, стали уговаривать меня исполнить роль арбитра. Игра обещала быть несложной для судейства: СКИФ был явным фаворитом, и я легкомысленно поддался уговорам. Все шло более или менее спокойно, инфизкультовцы были впереди — 1:0 и продолжали наседать. Однако Мой Однокашники провели быструю контратаку, закончившуюся назначенным мною пенальти. Игра завершилась ничьей —

Лукьянов, с присущей ему напористостью и не очень

ласковыми выражениями, пытался доказать мне, что «пендель ты придумал». Но я и по сей день убежден, что был абсолютно Прав.

Так или иначе, чуть поостыв, Иван спросил меня: «Давно судишь?». Я ответил, что, работая в детских спортлагерях, частенько баловался свистком.

Словом, по совету Лукьянова я вступил в Московскую коллегию судей. В конце 50-х начал судить матчи первенства СССР, а весной 60-го, сразу после предсезонных судейских сборов, впервые вышел на игру команд класса «А». Донецкий «Шахтер» принимал алма-атинский «Кайрат». Я был судьей на линии. Тогда я познакомился и даже слегка повздорил: с тренером алмаатинцев, известным практиком и теоретиком футбола Николаем Яковлевичем Глебовым. Через много лет мы оказались жителями одного района Москвы, подружились и часто встречались как непримиримые соперники за шахматной доской.

Всего за свою 16-летнюю судейскую карьеру я провел более трехсот официальных матчей. И хотя я никогда не относился к судейской элите, тем не менее гордился, что меня охотно приглашали в свои бригады такие мэтры, как Латышев, Алимов, Барашков, Казаков, Лукьянов, Липатов, Руднев... Наверное, в качестве помощника судьи я выглядел достаточно убедительно.

В моем послужном списке более ста матчей самого высокого уровня. В качестве главного судьи я обслуживал более десяти международных игр. Заработал Всесоюзную категорию, стал Почетным судьей по футболу, инспектором на матчах Премьер-лиги.

Мне порой задают провокационный вопрос люди, знающие, что судьи любого калибра не без греха: «А у вас много ли было судейских сбоев, экстремальных ситуаций?»

Скажу честно, что судьба меня миловала, крупных скандалов я избежал. По крайней мере на играх, где мне поручалась роль главного судьи, я не заработал ни одного протеста или официальной жалобы. Хотя ошибки в судействе случались.

Был у меня совершенно провальный матч в 1962 году. Встречались дублеры ЦСКА и «Локомотива». Результат игры я не исказил, но нелепых ошибок сотворил непозволительно много. А так как на стадионе присутствовали не менее пяти тысяч зрителей, в числе которых были знаменитые столичные арбитры во главе с их руководителем Петром Васильевичем Ширяевым, то я, возвращаясь домой, обдумывал способы расставания со свистком. Выручил случай: меня пригласили в Майкоп на финальный турнир чемпионата СССР среди юношей. Там я был признан лучшим арбитром. Это окончательно избавило меня от депрессии и вернуло уверенность в своих силах. Особенно меня

расхваливал тренер победителей — бакинец Артем Григорьевич Фальян, с которым мы потом подружились.

Здесь я позволю себе чуть отвлечься и рассказать о приключениях, с которыми я добирался до Майкопа. В Краснодар я прилетел за 30 минут до отлета в Майкоп последнего маленького самолета местных авиалиний. Не без труда удалось приобрести билет и занять место в так называемом салоне, где было всего две скамейки, расположенные вдоль бортов нашего «лайнера». На этих не очень комфортабельных сиденьях располагались всего 12 пассажиров. Но самым удивительным было не это, а пребывание на борту необычного «пассажира». Он стоял между скамейками. Его четыре лохматые ноги были обмотаны цепями, закрепленными к полу. Первоначально присутствие лошади (именно она оказалась 13-м пассажиром) нас немного позабавило. Мы просто и подумать не могли, что с нами будет через несколько минут... Едва самолет взлетел, как наша кобылка начала усердно мотать головой и в невероятном количестве испускать пену, чем стала сильно напоминать пожарный огнетушитель. Но главная беда была не просто в пене, а в ее количестве. Спрятаться нам было некуда, и разлетавшаяся изо рта животного во все стороны пена с удивительной точностью достигала каждого пассажира. Словом, за 30 минут полета мы напоминали хорошо намыленные мочалки. Встречавший меня администратор едва удерживался от душившего его желания расхохотаться.

Что же касается экстремальных ситуаций на футбольных полях, то они меня стороной не обошли.

Грандиозный скандал произошел в 1962 году, когда игру судил Павел Казаков, а я ему помогал. Ереванский «Спартак» (предшественник «Арарата») у себя дома проиграл «Зениту» — 0:2. Мы покинули стадион часа через четыре после окончания игры в сопровождении солидного воинского эскорта. Негодующие фанаты жгли на улицах автомобили и жаждали расправы над арбитрами.

Спартаковцы подали протест на судейство Казакова. Его разбирали на Коллегии Союза спортобщества и организаций — так тогда именовался Спорткомитет СССР. Судьи были полностью реабилитированы, а руководители футбола Армении за допущенные беспорядки на стадионе строго наказаны.

Еще одна памятная мне заваруха произошла в конце сезона 66-го года в Баку. В последнем туре бакинский «Нефтяник» играл на своем поле с безоговорочно покидавшим первую группу класса «А» одесским СКА. Хозяева в случае победы впервые в своей истории заняли бы третье место в чемпионате СССР, отодвинув

на четвертое столичный «Спартак».

Сюжет первого тайма ничего радужного им не предвещал: после двух безответных голов Германа Апухтина они уходили на перерыв, понурив головы, — 0:2. А администратор бакинцев Алик Исмаилов даже упал в обморок. Однако во второй половине матча Бог проявит к хозяевам поля милость, и они, одержав победу со счетом 3:2, взошли на третью ступень пьедестала почета. Никаких претензий нашей судейской бригаде никто не выказал. Но не тут-то было. Едва мы вернулись домой, меня вызвали на улицу Куйбышева (ныне Ильинка) в Московский горком партии. Вопросы задавал хозяин большого кабинета. «Вы где живете?» — спросил он, едва я вошел. «В Москве», — робко ответствовал я. «Ну и как же вы там насудили, если позволили задвинуть московский «Спартак» аж на четвертое место?» — «Нам никто претензий не предъявлял», — не очень бодро парировал я. «Идите и хорошо подумайте о столичном футболе», — грозно прорычал партайгеноссе. Как видите, и в те далекие годы находились любители обвинять арбитров в заговоре против «Спартака».

Еще одна экстремалка случилась у меня на международной товарищеской игре в московских «Лужниках» между сборными молодежными командами СССР и Польши. Судил ее Сергей Алимов, я был его ассистентом. Весь матч проходил при подавляющем превосходстве наших сборников, они вели — 1:0 и 2:1, но поляки сумели в конце игры забить гол и свести матч к ничьей. Все было бы ничего. Но при счете 2:1 Киселев забил гол после очевидного офсайда, и по моему сигналу Алимов его не засчитал. По окончании игры прозвучал вердикт председателя Федерации футбола СССР Валентина Гранаткина: «Алимова и Рафалова от судейства отстранить!»

В 1970 году мы встретились с Валентином Александровичем в посольстве СССР на мексиканском чемпионате мира. Наша беседа привела к консенсусу: я был восстановлен в правах.

7 октября 1974 года я в последний раз в качестве судьи вышел на зеленое поле «Лужников». Встречались московские команды «Спартак» и ЦСКА. В ходе игры не возникло каких-либо спорных моментов. Да и особых инцидентов не было, если не считать удаления армейца Капличного за нецензурную брань. «Спартак» победил, и именно это обстоятельство побудило важных людей в погонах затеять неприличную возню и обвинить арбитров в предвзятости. Облаченный в черную шинель капитан I ранга угрожающим тоном заявил: «Завтра о вашем судействе будет доложено министру обороны!» С этими словами «черный полковник» покинул судейскую комнату. Тем временем к нам подошел работавший тогда вторым тренером ЦСКА заслуженный

мастер спорта Алексей Гринин И, протягивая бланк с выставленной за судейство оценкой «единица», тихо промолвил: «Извините, ребята, иначе не могу — приказали!» Слабым утешением для нас оказалась оценка, выставленная нам коллегами из просмотровой комиссии: «отлично».

Позже выяснилось, что министр обороны маршал Гречко действительно был ознакомлен с подробностями того злополучного матча. Он приказал своему заместителю генералу армии Якубовскому разобраться и доложить! Перепуганные чиновники Спорткомитета, потакая капризам военного ведомства, образовали специальную комиссию под началом Сергея Сальникова, работавшего тогда в Управлении футбола. Высокая комиссия отправилась в телецентр, где внимательно изучила видеозапись нашего матча. В результате обладавший большим юмором Сергей Сергеевич лично спроворил протокол, в котором указывалось, что в ходе игры судьи вынесли 13 наказаний ЦСКА и 14 «Спартаку». И все. Далее шли только подписи членов комиссии. Видимо, этот уникальный документ привел военное ведомство в оцепенение. А в Управлении футбола все смеялись. Здравый смысл восторжествовал!

Диссидент — это звучит гордо!

В 1974 году, то есть более тридцати лет назад, моя судейская карьера завершилась, но из большого футбола я не ушел.

В 1975 году был образован институт инспекторов, и я оказался в числе его новобранцев.

В соответствии с действующим тогда «Положением о судьях-инспекторах», к разработке которого я тоже приложил руку, инспектор должен был не только рецензировать судейскую деятельность, но и не оставлять без внимания договорные матчи. А их в начале 70-х стало до неприличия много. Не стану перечислять все игры, о которых я докладывал в инспекторских рапортах. О некоторых из них я достаточно подробно писал во многих изданиях. Напомню лишь, что только о «липовых» матчах команд высшей лиги я сигнализировал около десятка раз. Трижды в этот печальный реестр попадали киевские динамовцы. Но благодаря надежной «крыше», функции которой исполнял член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь компартии Украины Щербицкий, они были неуязвимы. Мои послания бесследно исчезали в столах трусливых чиновников. Со мной никто не пожелал даже обсуждать тему о разъедавшем футбол пороке.

Наконец негодующий от моей дерзкой наглости, Вячеслав Колосков, правда с большим опозданием, отреагировал, и меня с 86-го года пожизненно отторгли не только от инспектирования, но и от всех сфер деятельности в большом футболе...

Этот факт тоже хорошо известен многим. Колосков — знаковая фигура не только в отечественном футболе, который он успешно дискредитировал почти 26 лет, но и в моей спортивной биографии. Наверное, никто так много не писал о нем, как я. Достаточно припомнить журнал «Смена» за 89-й год, книгу «Конфликт», вышедшую в 1990 году, мои статьи в газетах «Футбол-экспресс», «Футбол ревю», «Комсомольская правда», «Известия», «Труд» и других. Стоит ли вновь возвращаться к этой больной теме? Ведь дело не во мне, а в той пагубной роли, которую непозволительно долго исполняла в отечественном футболе эта одиозная личность.

Напомню еще об одной моей публикации в одиннадцатом номере «Футбольной правды» за 2004 год. Словом, далеко за примерами ходить нет никакой нужды: события Португалии-2004 еще кровоточат и стонут в душах миллионов наших людей. А про 1:7 от той же Португалии даже вспоминать больно.

Говоря об экстремальных ситуациях, я не должен обойти вниманием еще одну одиозную личность — Отари Квантришвили, с которым мы познакомились, когда он подвизался в качестве одного из руководителей Фонда Льва Яшина. Он тоже был в колосковской команде и весьма ретиво старался оборонять его от критических стрел несговорчивых журналистов.

Надо заметить, что не только я один подвергался жестокому прессингу. В конце 93-го в сборной команде России образовался раскол. Недовольные тренером и футбольным руководством страны 14 игроков сборной направили гневное письмо на имя советника Президента РФ Шамиля Тарпищева. Руководитель Российского футбольного союза (РФС) в ответ обвинил футболистов и бывшего тренера сборной Бышовца в рвачестве и меркантильности. Журналист «Российской газеты» Алексей Матвеев выступил с несколькими острыми публикациями, упрекая в бездеятельности порочное руководство РФС. После очередной пресс-конференции в начале января 94-го присутствовавший там Квантришвили подозвал к себе Алексея и без обиняков пригрозил ему физической расправой за критику в адрес главного футболиста страны.

В эти же дни в редакции газеты «Футбол-экспресс» готовилась к печати моя статья «Истории немеркнущие строки» все о том же герое. Как-то вечером мне позвонил бывший арбитр Бочаров и

сообщил, что люди из окружения Квантришвили просили его уведомить меня о том, что, если моя статья выйдет в свет, мне тоже не поздоровится. Ни Матвеев, ни я не дрогнули. 21 января 1994 года «Российская газета» опубликовала нашу заметку под заголовком: «Квантришвили: “Бить будем!”». А 23 февраля того же года какие-то подонки рано утром у Савеловского вокзала подкараулили Матвеева и методично бритвой располосовали ему все лицо. Об этой дикости мгновенно узнала вся Москва. Едва ли не через несколько часов Олег Винокуров беседовал в больнице с пострадавшим...

Около 12 часов я позвонил в кремлевский кабинет Шамиля Тарпищева. Он уже был в курсе. Но расследование Савеловской прокуратуры выявить имена бандитов не сумело. До меня обещанная расправа так и не доехала. Кто-то предположил, что пожалели пожилого инвалида войны. А вскоре был убит и сам Квантришвили.

Меня порой спрашивают: «А вы не жалеете своих титанических усилий, направленных на борьбу с футбольными махинаторами и прикрывающими их чиновниками, на защиту безудержно оскорбляемого судейского корпуса? Ведь во многом ваши критические публикации не дают осязаемых плодов?»

Нет! Не жалею! Что касается плодов, то уверен, что когда-нибудь отечественный футбол избавится от грязи и от мрази, которая в нем безнаказанно благоденствует.

Не следует забывать, что в апреле 2005 года Колоскова наконец оторвали от штурвала отечественного футбола. Осмелюсь высказать подозрения, что в осуществлении этой акции есть и мой скромный вклад. Ведь в период ее подготовки о некоторых моих острых печатных публикациях о президенте РФС неоднократно докладывалось министру спорта России В. Фетисову.

Наши отношения с Колосковым прервались летом 86-го, после игры минского «Динамо» с «Днепром», которую я инспектировал. Президент союзной федерации давно уже косо взирал на мои настырные попытки хоть как-нибудь обуздать околофутбольных дельцов. А тут ему подбросили очередную «дезу» обо мне. Он не без удовольствия сделал вид, что поверил в нее.

В те годы еще продолжали преследовать Андрея Дмитриевича Сахарова, гордых и независимых Мстислава Ростроповича и Галину Вишневскую, писателя Александра Солженицына, блистательного журналиста Аркадия Галинского и многих других деятелей науки, литературы, искусства, спорта. Именно тогда я окончательно уверился: в России Слово «диссидент» звучит гордо!

Дебош в «Балчуге»

Здесь я отважусь рассказать еще об одной не очень украшающей автора выходке.

Произошло это в ночь под новый 1948 год. Минуло совсем немного времени после завершения страшной войны. И хотя все мы еще пребывали в состоянии эйфории, многочисленные житейские тяготы постоянно давали о себе знать. Особенно остро давил жилищный кризис. Сотни тысяч москвичей ютились по чердакам И подвалам. Случалось, что в одной десятиметровой комнатушке вынуждены были жить по пять-шесть человек. Отдельные квартиры занимали, как правило, только большие начальники — генералы, министры и им подобные.

Для нас, 20—23-летних ребят, всегда так радостно ожидаемый новогодний праздник выстраивал множество труднопреодолимых проблем. Было известно с кем, известно как... А вот где ожидаемое нами торжество должно свершиться, до последних предновогодних дней ясно не было. Дорогущие рестораны нам, естественно, были не по карману. А для попадания куда-либо попроще требовались связи.

Минуло всего два с половиной месяца после моего возвращения в Москву, и новогодняя проблема представлялась мне почти неразрешимой. Выручил давний школьный товарищ Юра Петровский, который после своих партизанских рейдов вернулся с войны раньше меня и успел уже вполне сносно адаптироваться к столичной жизни. Его приняли на работу в Минчермет, где он быстро освоился и обзавелся полезными знакомствами. К тому же Юра значительно опередил меня и в другом житейском вопросе, успев жениться на очень симпатичной девушке Наде. Словом, благодаря Юре нам поспособствовали заказать столик на три персоны в стареньком ресторанчике «Балчуг», рядом с которым несколько лет назад вырос роскошный пятизвездный отель с тем же названием. О его имидже говорит уже то, что в последние годы в нем квартировала примадонна советской и российской эстрады Алла Пугачева.

У нас же в тот далекий новогодний праздник все было несравненно скромнее. Но мы были безмерно счастливы. Даже отсутствие за нашим столом моей дамы, которой я еще не удосужился обзавестись, меня не очень угнетало. Тем более что по ходу праздника обнаружилось, что за соседним столиком тоже было занято только три места: один молодой человек сидел с

двумя милыми созданиями женского пола. Таким образом, выяснилось, что одна из наших соседок вакантна. Естественно, наше знакомство не заставило себя долго ждать. Мы с соседкой почти без умолку шутили, обменивались комплиментами и, как мне казалось, были вполне довольны случившимся раскладом. Но счастье, увы, было недолгим.

Когда оркестр объявил перерыв, на пустовавшее доселе место к моей соседке подсел какой-то длинноволосый парень. У них сразу же завязался нелицеприятный разговор. Вскоре ситуация прояснилась: моим невольным соперником оказался скрипач из ресторанного оркестра, который, однако, после непродолжительной паузы вынужден был взяться за свой смычок. Наши переговоры с соседкой тут же возобновились. Вернувшийся вскоре за стол музыкант едва скрывал свое негодование. Не успев даже присесть, он обратился ко мне с речью, мало пригодной для ее цитирования в данной книге. Реакция с моей стороны была вполне адекватной. Тем более что время уже близилось к четырем часам и почти все спиртное с нашего стола благополучно перекочевало в наши ненасытные желудки. После моей красноречивой рекомендации, адресованной, как вы понимаете, скрипачу, засунуть смычок себе в ж... противоборствующие стороны выразили недвусмысленное желание сойтись у барьера. Но тут нервы у длинноволосого, видимо, сдали. Видать, ни в морской пехоте, ни в танковых войсках он побывать не удосужился. Оппонент резко повернулся ко мне спиной и, лавируя между столами, бросился наутек. Я кинулся вслед. Не помню, сколько времени длился этот «новогодний забег». Запомнил только, что за его исходом с нескрываемым любопытством наблюдали все посетители и почти все работники кухни, облаченные в белые колпаки и передники. Из-за их спин с опаской за нашим шоу следили два маленьких поваренка.

Надо отдать должное мастеру струнных инструментов: умением совершать слалом и безошибочно преодолевать уставленные бутылками, закусками, бокалами и прочими атрибутами застолий столы он владел безупречно. Тем не менее функциональная подготовка у меня оказалась выше. Я начал настигать ненавистного мастера смычка...

И тут, как мне показалось, уже почти поверженный знаток нотной грамоты применил запрещенный прием: он ловко прошмыгнул из зала в холл, где Получил ожидавшееся им подкрепление. Два дюжих мужика умело использовали практикуемый в футболе прием, именуемый блокировкой, и отсекли меня от взъерошенного волосатика, который тут же заперся в служебном помещении.

Что было дальше, я помню весьма смутно. Когда часы на Спасской башне пробили пять раз, наша печальная троица брела через Красную площадь. Надя, не скрывая гнева, говорила мне какие-то нехорошие слова. Юрка смущенно улыбался... Я тоже...

Рядом с богемой

Я часто вспоминаю о своих многочисленных знакомствах с людьми творческих профессий, среди которых популярные артисты разных жанров, театральные режиссеры, спортивные комментаторы, известные спортсмены и тренеры. Общение с ними было, как правило, не только интересным: оно занимает и по сей день заметное место в моей жизни. Причем во многих случаях поводом для знакомств с этими людьми оказывался футбол. По-моему, и сегодня уместно вспомнить о них.

Правда, для рассказа обо всех памятных встречах потребуется уйма времени. Но о некоторых людях я вспомнить просто обязан.

Первое знакомство на почве футбола со ставшим спустя годы известным кинорежиссером Яковом Сегелем произошло в детские годы в том же Петровском переулке. Я уже рассказывал, что мы целыми днями без устали гоняли мяч в щкольном дворе. В наших сражениях принимали участие ребята со всей округи. Яша, живший в соседнем доме № 10, частенько был среди них. Я бы, скорее всего, и не вспомнил о нем, если бы в те годы на экранах кинотеатров не появился детский фильм «Дети капитана Гранта». В нем маленький красавчик Яша играл Роберта, одну из главных ролей. Это обстоятельство сделало его необычайно популярным во всех соседних дворах.

На наши футбольные поединки приходили посмотреть даже взрослые, чтобы вблизи увидеть зарождающуюся знаменитость. Через годы Сегель, вернувшись с фронта и став кинорежиссером, выпустил на экраны ряд прославивших его детских фильмов. Несколько лет назад я с болью в сердце провожал в последний путь своего товарища по футболу нашего детства.

Замечу, кстати, что в 170-й школе, во дворе которой мы тогда играли в футбол, я учился в одном классе с Володей Иллешем — сыном известного венгерского писателя, автора ряда популярных романов Бела Иллеша.

Со многими звездами театра и эстрады меня свела судьба в конце страшного 41-го года. Дело в том, что все столичные театры были эвакуированы на восток, но часть актеров осталась в городе. Тогда было принято решение организовать некое подобие

эстрадного театра. И в ноябре в осажденной столице такой театр начал работать. Располагался он в старом здании, на площади Маяковского (ныне Триумфальная), рядом с местом, где теперь стоит памятник поэту. До войны там работал Театр сатиры.

Я уже писал в предыдущих главах, как после ареста отца нашу квартиру почти тут же прибрал к рукам какой-то генерал НКВД, а мы с мамой и Юлей переехали в большую коммуналку в дом № 15/13 на углу Петровки и Столешникова переулка.

Среди наших соседей оказался заслуженный артист республики, орденоносец (так писали тогда в афишах) Павел Иванович Ильин. Свои звания и награды он получил, работая режиссером в Краснознаменном ансамбле песни и пляски Красной Армии, которым руководил его создатель Александр Васильевич Александров — автор музыки Гимна СССР.

Когда образовался Театр эстрады, Павел Иванович, видя тяжелое положение нашей семьи и мое увлечение бытовой электротехникой, пригласил меня на работу в качестве электромонтера в театр, режиссером и организатором которого он стал. А возглавил театр художественный руководитель, известнейший артист и библиофил, Николай Павлович Смирнов-Сокольский. Представляете, рядом с какими людьми мне, 17-летнему мальчишке, посчастливилось жить и работать!

Замечу при этом, что все они были очень увлекающимися людьми и весьма почитали футбол. Особенно это касалось Павла Ивановича Ильина. Он уважительно относился к моим футбольным делам и постоянно осведомлялся о результатах игр, В которых я участвовал.

С ним и его супругой Надеждой Надеждиной у меня произошел курьезный случай, который, мы позднее вспоминали неизменно со смехом.

Однажды я, приоткрыв дверь ванной комнаты, увидел стоявшие спиной к двери две... совершенно обнаженные фигуры пожилых супругов. «Кто там?» — мгновенно прорычал Павел Иванович. Абсолютно не соображая, что нужно делать и говорить в подобных ситуациях, я тут же ответил: «Свои!» Потом, поняв всю несуразность своего ответа, я стремглав умчался в нашу комнату. Наверное, дня три я боялся выйти в коридор, чтобы не встречаться с орденоносцем.

Рассказ об эстрадном театре 41-го года не могу завершить, не назвав фамилии некоторых запомнившихся мне актеров Театра эстрады: певицу, солистку ГАБТ красавицу Софью Михайловну Голембо, блистательного баса Ефрема Флакса, исполнительницу испанских танцев Лолиту Марксити. Конферанс всех концертов нашего театра вел балагур и остряк Александр Менделевич. Он,

кстати, постоянно подкалывал меня в связи с моим увлечением футболом, хотя сам его очень любил. И еще. Я до сих пор с неподдельным восхищением вспоминаю, с каким почтением эти популярные служители Мельпомены относились ко мне — 17-летнему парнишке. Они звали меня только на «Вы» и только по имени и отчеству.

И еще об одном эротическом сюжете я не в силах умолчать. Перечисляя актеров нашего эстрадного театра, я упоминул Лолиту Марксити. Осенью 41-го она была совсем молоденькой девушкой, которую с тысячами других ее земляков, спасая от разгулявшейся в конце 30-х годов Гражданской войны в Испании, привезли в СССР. В наших концертах Лолита исполняла испанский танец с кастаньетами. Выступление молодой танцовщицы зал, в котором было очень много военных, неизменно встречал бурными аплодисментами и овациями: ведь Марксити представляла Республиканскую Испанию, которой мы тогда очень сочувствовали.

За ходом концерта я, замещавший должность начальника осветительного цеха, с моими помощниками наблюдал из небольшой каморки, расположенной под левой частью сцены и снабженной специальным открывающимся в ее сторону люком. Примерно такие же люки были раньше у суфлеров. Передо мной была вывешена подробная программа концерта, на которой указывалось, когда и какой именно свет следовало включать или, наоборот, выключать. Все шло своим привычным ходом, я уже почти механически реагировал на происходящие на сцене события и без сбоев справлялся со всеми световыми эффектами. Помню даже, что в тот вечер я умудрился во время спектакля еще и читать захватившую меня книгу Апулея «Золотой осел». Однако совершенно неожиданно в нашу комнатушку ворвались два или три молодых актера. Они довольно бесцеремонно попросили меня подвинуться и дать им возможность присесть на жесткий диванчик, чтобы наблюдать за сценой. А там облаченная в цветастое платье, с кастаньетами, охваченными длинными девичьими пальчиками, Лолита летала от правой до левой кулисы. Каждый раз, подлетая к нашему люку, испанка накрывала его своим подолом и после короткого, сопровождаемого бурным восторгом зрителей па уносилась в другой конец сцены. В эти моменты наши незваные визитеры совершенно обезумели. Толкая меня и друг друга, они, казалось, норовили вывалиться на сцену.

Ничего не понимая, я старался образумить пришельцев и просил их удалиться. Не тут-то было. Приближалось очередное па, и безумцы вновь устремились к люку. Чуть оттолкнув их, я взглянул вверх и увидел приближающуюся танцовщицу. Едва ее

платье захлестнуло люк, я понял причину бешеного возбуждения молодых греховодников: они всеми способами норовили успеть заглянуть девочке под подол, ибо откуда-то узнали, что танцует она без... трусиков. Теперь я вспоминаю те греховные па со смехом. Но тогда это было что-то...

Свое повествование о нашем театре и его режиссере П. Ильине я считаю полезным завершить небольшой байкой, которую окрестил «эстрадным бизнесом». Тогда мы не знали не ведали о таком явлении, и даже само слово «бизнес» было знакомо далеко не каждому. И все же...

В конце своей творческой жизни стареющий Павел Иванович открыл дома маленький учебно-тренировочный центр. А дело заключалось в следующем: молодые актеры (в основном вокального жанра), оказавшиеся по тем или иным причинам без работы, приходили в различные столичные учреждения типа Всесоюзной студии эстрадного искусства, Москонцерт, Росконцерт и что-то вроде того. В одном из этих заведений занимал важный пост сын Павла Ивановича — Игорь Павлович Ильин. От него во многом зависела судьба молодых певцов и их востребованность. Чаще всего молодой чиновник, выслушав посетителя, с любезной улыбкой объявлял ему следующий вердикт: «У вас, моя дорогая (или мой дорогой), несомненно есть талант, но он нуждается в шлифовке. Я бы вам посоветовал обратиться к Павлу Ивановичу Ильину. Он немного позанимается с вами и, я уверен, даст соответствующую рекомендацию. Так что желаю успехов». Молодые дарования приходили к нашему репетитору почти ежедневно. Целыми днями мы из соседней с нашей комнаты слышали пение. Иногда очень высокого уровня, чаще не очень. Об этом своеобразном эстрадном бизнесе мне как-то рассказала одна из учениц Павла Ивановича. Она же доверительно сообщила, ч то какой-то эстрадный острослов назвал союз папы и сына «Ильинские ворота», пройти которые стоило довольно дорого.

Еще один курьезный случай с семьей Ильиных произошел в начале 42-го года. Сегодня молодые читатели, да и люди среднего возраста, с трудом могут себе представить городскую жизнь без холодильника. Тогда мы о таких агрегатах даже и не догадывались. Но сметливые наши хозяйки всегда умудрялись находить выход из бытовых неудобств. Отсутствие домашних холодильников довольно легко компенсировалось огромной (чуть меньше метра) толщиной стен. В многометровой коммунальной кухне на четыре семьи стояло несколько газовых плит и кухонных столиков. А в нижней части большого окна, выходящего во двор дома, куда солнце никогда не проникало, был врезан специальный и очень вместительный шкаф. Он и служил

своеобразным холодильником, в котором хранились мясные, молочные и другие скоропортящиеся продукты. Супруга Павла Ивановича Надежда Абрамовна Надеждина обладала отменными кулинарными способностями. Этот ее талант Ильины не без коммерческих интересов использовали для приготовления платных обедов, которыми кормили приходивших на занятия к Павлу Ивановичу молодых актеров.

Как-то раз, придя днем домой, когда мамы не было, я вознамерился перекусить. К своему великому удовольствию, в импровизированном холодильнике, где каждой семье был отведен свой уголок, я обнаружил на нашем месте большую сковородку, на которой покоилось не менее шести или восьми в высшей степени соблазнительных котлет. Я, почти не отходя от холодильного шкафа, одномоментно опустошил не менее половины сковороды. Вскоре после отменной трапезы я услышал в коридоре громкие голоса, на фоне которых выделялись переполненные негодованием вопли Надеждиной. Тут же выяснилось, что котлеты были приготовлены не для кормления молодых вокалистов, а для вечернего угощения гостей, уже начавших собираться у Ильиных. Как мама сумела вызволить меня из страшной беды, я, честно говоря, уже запамятовал, но все равно вспоминать стыдно.

Частенько, и не без удовольствия, я рассказываю о своей первой встрече с Леонидом Утесовым, которая едва не закончилась для меня плачевно. Трагикомическая история произошла с Леонидом Осиповичем в 42-м году, когда он выступал с концертами в Театре рабочей молодежи (ТРАМ), где теперь расположились владения легендарного Ленкома. А меня как представителя ставшей во время войны очень редкой профессии театрального электрика частенько уговаривали подработать на таких мероприятиях.

Мне это давалось с трудом. Я заочно оканчивал 10-й класс, занимался во всевобуче (всеобщее военное обучение), играл за СЮП в футбол, а по вечерам еще работал в театре. Но тут я не мог отказаться. На концерт знаменитости я пригласил работавшего со мной ранее в Театре эстрады своего товарища по футбольному СЮПу — Игоря. Он в свою очередь пригласил в театр двух девчонок, которые наблюдали за концертом из нашей расположенной под сценой каморки электроосветителей. По ходу действия Утесов исполнял свою знаменитую песню «Ты одессит, Мишка!», которая была чуть подкорректирована с учетом происходивших на фронте реалий. Первый куплет артист начинал в полной темноте, а из бельэтажа прямо ему в лицо все ярче должен был светить сильный прожектор. А когда в зал лились

бравурные слова последнего куплета, заверявшего, что Мишка скоро обязательно вернется в свою красавицу Одессу, я должен был вывести в зал яркий концертный свет. Но так было задумано сценарием. На деле же мы с Игорем так увлеклись беседой с девочками, что прозевали момент включения прожектора. Очухались мы лишь от смачной брани помощника режиссера, который орал, беспрерывно поминая мать. Взглянув на сцену, я обмер: Утесов заканчивал петь второй куплет в кромешной тьме. Я сразу же врубил полный концертный свет. Публика ничего не заметила. Зато на ужасную накладку обратила внимание вся сцена и, разумеется, сам Леонид Осипович. Едва смолкли аплодисменты и закрылся занавес, как мы услышали негодующий, с характерной хрипотцой голос героя комедии «Веселые ребята». Я стремглав вспорхнул на сцену: «Всех бл...ей вон, а молодых ловеласов лишить премии!» — заорал великий артист.

Спустя много лет мы повстречались с Утесовым на его концерте в саду «Эрмитаж». Я напомнил маэстро про эпизод в ТРАМе. Он весело смеялся. Узнав о моей Причастности К футболу, Леонид Осипович признался, что, как все подлинные одесситы, тоже стал жертвой завораживающей магии этой великой игры.

В годы моего активного судейства и инспектирования игр высшего дивизиона, мне посчастливилось познакомиться, а порой и общаться с Марком Бернесом, Сергеем Филипповым, Кириллом Лавровым, Игорем Ильинским, Риной Зеленой, Михаилом Гаркави, Борисом Бруновым, Эмилем Радовым, Вахтангом Кикабидзе...

Строго говоря, моему приобщению к миру искусства способствовало очень многое. Даже место жительства моей семьи. Я уже писал, что с детства был знаком с Яшей Сегелем, жившим в соседнем доме. В этом же переулке я частенько встречал народную артистку СССР Марию Ивановну Бабанову, Она почти полвека прожила в доме № 5 цо Петровскому переулку. А работала Бабанова в театрах Мейерхольда и Революции (теперь имени Маяковского). Помню ее в ролях шекспировской Джульетты и Тани из одноименной пьесы Арбузова. В том же доме, но задолго до Бабановой, жил великий русский поэт Сергей Есенин. Но мы об этом тогда не знали. У нашей власти он любовью не Пользовался. А мемориальная доска в память о Есенине на стене дома № 5 появилась сравнительно недавно.

В 50-е годы мы дружили со ставшими впоследствии знаменитыми актерами Леонидом Марковым и его сестрой Риммой. Они жили тогда в малюсенькой каморке, пристроенной

со стороны двора к зданию Лен кома. Общая площадь этого, с позволения сказать, жилища составляла не более восьми квадратных метров. И частенько на этих метрах после спек-таклей собиралось много будущих заслуженных и народных артистов. В гостях у Марковых бывали А. Ширвиндт, Г. Карнович-Валуа, Л. Хитяева, сын композитора Дунаевского...

В один из майских вечеров 2005 года, работая над этой книгой, я, решив чуть передохнуть, включил на своем телевизоре канал «Культура» и, к радости своей великой, увидел Римму Васильевну Маркову. Она захватывающе и очень артистично рассказывала о своей жизни, о работе в театре, кино, о своем брате Лене, с которым так давно (более полувека назад) мы дружили. С восторгом и упоением смотрел я на экран и вспоминал давно ушедшие, такие далекие и, кажется теперь, счастливые годы.

Редкое зрелище могло меня так взволновать и очаровать. Добрая, славная Риммочка, которая помогла стать великими И. Смоктуновскому и А. Ширвиндту и еще многим другим мастерам сцены и кино! А сама, став теперь «народной», получает какую-то смехотворную пенсию, которую и назвать-то стыдно.

На следующий день после свидания с Риммой на телеэкране я позвонил героине нашей молодости, чтобы сказать ей: «Спасибо тебе, Риммочка, за радостные минуты волнения и память, которую ты вновь разбудила!» Сколько же обаяния и великой мудрости в этой замечательной русской женщине!

Утраченные иллюзии

Воспоминания, навеянные телевизионным общением с Риммой и ее братом Леонидом, народными артистами СССР, воскресили в моей памяти еще одно прекрасное видение.

Сейчас за давностью проплывших лет я уже не припомню точно, какой из новогодних праздников мы тогда встречали. Помню лишь, что собралась наша компания в доме № 19 по Петровке в коммунальной квартире, где жил мой товарищ Игорь Рябчинский со своим добрым стареньким отцом — Василием Васильевичем.

Занимали они в той московской коммуналке две комнатки, одна из которых была отведена Игорю. Было в ней около десяти метров. Василий Васильевич в то время лежал в больнице. На новогодние торжества, помню, собрались хозяин жилплощади — Игорь с очередной жертвой, имени которой я, естественно, не

помню, Витя Ус — кажется, с хорошенькой блондиночкой Галей, Леня Марков в сопровождении молодой актрисы Ленкома (кажется, звали ее Валей) и я со своей новой знакомой Ирочкой.

С Ирой мы познакомились недели за две до описываемых событий на катке «Динамо». Никаких амурных приключений у нас с Иришей не случилось. Вся надежда была на расслабляющее влияние праздничной обстановки и всеобщее тяготение присутствующих к эротическим забавам.

Зная, что я пребываю в предстартовом ожидании «первой ночи», Игорь, по заведенной у нас тогда традиции, свою маленькую келью отвел для «отдыха» нам с Ирочкой.

Праздник шел своим чередом по заранее распланированному регламенту. Еще не садясь за стол, гости получили возможность лицезреть изготовленные нами коллажи, на которых красовались в самых неожиданных позах почти все участники предстоящего застолья. Запомнил, например, милое личико Вали, наклеенное на заимствованную из журнала фотографию мощнейшей фигуры известного штангиста. Красивая голова интеллигентного Уса была соединена с фотографией обнаженной женщины, прикрывавшей свое срамное место ладошкой и скромно говорящей: «Не надо — я сама...»

После первых пяти-шести тостов слово обычно предоставлялось мне. В течение нескольких минут я, изощряясь в стихоплетстве, читал эпиграммы на всех сидящих за столом. Следуя требованиям рифмы, я не избегал порой ненормативной лексики. Учитывая, что почти в каждой эпиграмме описывалась какая-то известная многим коллизия, жертвой которой был один из присутствовавших за столом, успех моим стихосложениям был гарантирован. Некоторые вирши приходилось читать на бис.

После моего номера обычно выступала несколько захмелевшая Валентина. Обладая довольно соблазнительными формами, она без лишних проволочек приступала к демонстрации стриптиза. Несмотря на некоторое подпитие, Валюта, танцевавшая на столе, на шпильках, никогда не падала, не опрокидывала бутылки и не давила бокалы.

Стриптиз производил на мужскую половину нашей компании неотразимое впечатление, и осоловевшие джентльмены начинали чаще поглядывать на своих спутниц, не делая никаких усилий скрыть низменные желания. Признаюсь, что в числе страждущих пребывал и я. Время стремительно приближалось к четырем, и я счел полезным проводить Ирочку в «нашу» комнатку. Она попросила потушить свет и мгновенно оказалась в постели. Увидев сквозь тусклые огни, проникавшие через окно, некоторые детали дамского туалета, развешанные на спинке стула, я в

радостном предчувствии решил вернуться в большую комнату за вином. За опустевшим столом в позе одинокого «мыслителя» сидел будущий народный артист. На полу у его ног выстроилась шеренга опустошенных бутылок. Увидев меня, Леня радостно встрепенулся и тут же вытянул перст в сторону почти не тронутой бутылки. Мы выпили «по последней», и я проявил готовность завершить этот мимолетный экспромт. Но не тут-то было: Леня налил еще и начал произносить сладкоголосые речи в честь моего поэтического таланта, незаурядности и неоцененного дарования.

Когда я наконец не без труда добрался до своего «брачного» ложа, Ирина встретила меня не очень радостно. Она молча отвернулась и никак не реагировала на мои ласковые попытки пробудить хоть какие-то намеки на чувственность. И тут произошло неожиданное: лежа с молодой, обнаженной, желанной девушкой, я мгновенно и полностью отключился, впал в беспробудное беспамятство. Прошло, наверное, часа три-четыре. Испытывая невероятную досаду и стыд за так позорно утраченные иллюзии, я возобновил любовные игры.

Ира была обескуражена, раздражена, и мои попытки вызвать ее на диалог натыкались на стену молчания. Наконец долго продолжавшаяся немая сцена плавно перешла в пантомиму. Я с радостным ожиданием почувствовал, что моя подруга начала оттаивать. Она очень доходчиво демонстрировала сплав женского достоинства и слабости. Оставалось еще немного, еще чуть-чуть... Циники, описывая подобные ситуации, отмечают, что «десерт был уже готов к употреблению». И в это мгновение в нашу дверь сильно постучали, и Игорь потребовал явиться к столу и испить кофе.

Это была подлинная трагедия. Любовный жар, так и не успев превратиться в пламя, неизбежно угас.

Мы молча выпили кофе и медленно побрели по сонным московским переулкам. Больше мы с Ириной почти не встречались. Иногда перезванивались, два-три раза ходили на каток или в кино... И все.

Я долго страдал о той ночи упущенных возможностей. Спустя много лет мы случайно встретились в районе Кутузовского проспекта. Оба невероятно обрадовались встрече. Мы зашли в какое-то кафе и возбужденно вспоминали нашу странную новогоднюю ночь. Ира от души смеялась.

По пути домой я подумал, что, возможно, произошедший казус именно потому так глубоко осел в нашей памяти и так радостно нами вспоминался, что был казусом. А если бы все сложилось «по модульному» принципу? Возможно, мы прошли бы мимо — либо не узнав друг друга, либо преднамеренно избегая

ненужных воспоминаний. Умение помнить и вспоминать — это великая сила, дар божий! Ими надо уметь дорожить.

P.S. Данная главка публикуется с полного одобрения Тани.

После войны я, как и большинство мужчин, был тайно влюблен в актрису Театра им. Ермоловой изумительно красивую супругу Константина Ивановича Бескова — Валерию Николаевну. Уже не припомню, сколько раз я бывал на ее спектаклях. Наверное, только на «Дикарях», где она играла ведущую роль, я побывал не менее десятка раз. Я был безмерно счастлив, получив приглашение написать книгу «Константин Бесков», вышедшую в свет в 2000 году к 80-летию великого мастера. Разумеется, я в ней уделил немало внимания и супруге футбольного гроссмейстера, тоже не раз оказывавшегося непримиримым «диссидентом».

Еще в ходе беседы в гостиной «Футбольной правды» Таня мне напомнила: «Ты, очевидно, умышленно избегаешь разговора о своих поэтических успехах. Ведь тобою написано и издано два сборника стихов о войне, среди которых есть очень удачные. Когда я перечитываю такие стихи, как «Баллада о танке», «Женщинам-фронтовикам», «Недоигранный матч», у меня они и по сей день вызывают слезы»...

Эту сторону своих увлечений я, конечно, не забыл. Но особенно распространяться о ней мне не хочется. Несколько удачных стихотворений еще не дают мне повода считаться поэтом. Просто так складывались обстоятельства, помогавшие нескольким моим виршам прорываться на страницы печати. Так случилось, например, когда готовился к выпуску песенник о футболе. Мне предложили написать песню об арбитрах. Попробовал, мне она не понравилась, зато составители сборника приняли ее с одобрением. А народная артистка России, известный композитор Людмила Лядова написала музыку и стала ее первым исполнителем. Песня несколько раз звучала на стадионах перед началом матчей чемпионата страны. Сам сборник песен о футболе вышел в свет в 80-е годы под заголовком «Футбол — любовь моя».

Мои поэтические увлечения довели до того, что несколько раз меня приглашали читать свои стихи на творческих вечерах различных знаменитостей в Центральном Доме работников искусств (ЦДРИ). Хорошо приняли мои посвящения народному артисту России Геннадию Юхтину, отмечавшему тогда свой юбилей. Следует напомнить, что Юхтин снялся в более чем пятидесяти фильмах, среди которых очень популярные ленты; «Весна на Заречной улице», сериал «Петербургские тайны» и многие другие. А в драматическом кино-рассказе о трагической судьбе киевских динамовцев, расстрелянных фашистами за то,

что они себе позволили обыграть футбольную команду оккупантов, Геннадий сыграл роль вратаря, прообразом которого явился знаменитый голкипер киевлян Николай Трусевич. Тот фильм получил название «Третий тайм». Запомнился мне еще один вечер в ЦДРИ, на котором в мае 97-го чествовали поэта-песенника Евгения Янковского, который тоже был непосредственно причастен к футболу, ибо судил матчи первенства СССР, заслужил Республиканскую категорию. Им было написано много хороших песен. Замечу, что в приглашениях на эти вечера я именовался поэтом. Хотя, повторяю, к таковым себя не причисляю.

Забавно, что лет 15—20 назад я передавал на рецензирование свое большое стихотворение о морских пехотинцах Валерию Винокурову. Приговор был суровым: «Непрофессионально!» Хотя и это стихотворение по инициативе моих однополчан тоже было издано и до сих пор пользуется в их сильно поредевших рядах успехом. Вообще, чтобы покончить с темой о стихах, я могу лишь признаться, что начал баловаться ими давно. Еще в детстве я писал девочкам пламенные, но очень скромные и не очень совершенные посвящения. А в последние годы во время многочисленных ресторанных застолий, на которых отмечались юбилеи моих товарищей по судейскому цеху, я читаю им свои стихи-поздравления. Их тоже принимают очень тепло, хотя носят они сугубо камерный характер, как говорится, для домашнего чтения.

Дядя Гриша

В моем приобщении к искусству немалую роль сыграл родной брат отца — дядя Гриша. Он тоже, как и его сын, мой двоюродный брат Виктор, был большим поклонником футбола. Мы и на стадион ходили частенько вместе.

Дядя Гриша, которого судьба, к счастью, избавила от знакомства с прелестями ГУЛАГа, читал в Школе-студии МХАТ курс «Постановочная часть в театре».

О Григории Арнольдовиче тепло вспоминал в вышедшей в 2000 году книге «Моя настоящая жизнь» народный артист СССР Олег Павлович Табаков. Он, в частности, рассказал о знаменитой Студии молодых актеров и о ее директоре-распорядителе Г. Заявлине. Студия переживала порой нелегкие времена, бывало так, что молодые актеры лишались сценической площадки. Был период, когда Студии не дали возможности играть даже в течение

двух дней в неделю на сцене филиала МХАТа, располагавшегося в Петровском переулке. С немалым трудом удалось отстоять право играть в гостинице «Советская», бывшем «Яре», на Ленинградском проспекте, где был отличный концертно-театральный зал.

Все эти перипетии, происходившие в конце пятидесятых годов, наш дядя Гриша переживал очень болезненно. Его настырные стремления защитить интересы студии нередко приводили к конфликтам с начальством. В конце концов его отстранили от любимого дела, о чем он мне с горечью и нескрываемой болью рассказывал.

Дядя Гриша был членом Всероссийского театрального общества (ВТО), благодаря чему я после войны не пропускал во МХАТе ни одного прогона или премьеры. По сей день вспоминаю почти все спектакли тех лет: «Анна Каренина», «Школа злословия», «Мертвые души», «Дни Турбиных», «Пиквикский клуб», в которых были заняты такие блистательные звезды сцены, как А.К. Тарасова, Н.П. Хмелев, М.М. Тарханов (Москвин), В.О. Топорков, М.И. Прудкин, В.Я. Станицын, О.Н. Андровская, А.И. Степанова, И.М. Москвин, П.В. Массальский, А.Н. Грибов, М.М. Яншин... Многим из них дядя Гриша представлял меня как боевого офицера-фронтовика. Тогда я был еще достаточно скромен и краснел от их вежливых похвал.

Рассказывая о своих симпатиях к МХАТу, я не могу не вспомнить роли, которые исполнял тогда еще совсем молодой Николай Озеров. В «Синей птице» он играл роль Хлеба, а в «Пиквикском клубе» — кучера Джо. Когда Николай стал первой теннисной ракеткой страны, многократным чемпионом СССР, за него отчаянно болели все сотрудники театра. А спустя несколько лет Озеров занял на долгие годы место ведущего радио- и телекомментатора и тем самым привлек на трибуны весь цвет лучших мастеров театра. Соответственно они все отчаянно болели за столичный «Спартак», к которому был причастен и сам Николай Николаевич.

Мое личное знакомство с этим доброжелательным и очень талантливым человеком состоялось позже, когда я стал часто появляться на зеленых газонах «Лужников» и «Динамо».

Многие годы нас с Николаем Николаевичем Озеровым связывали самые доброжелательные отношения. Он был очень приятным и отзывчивым человеком, знающим цену мужской бескорыстной дружбе. Николай Николаевич всегда старался помочь, когда друзья испытывали жизненные затруднения. Очень многим спортсменам помог Озеров получить жилье, установить телефон, оформить соответствующую их заслугам пенсию.

Разносторонний талант Николая Озерова — блистательного

теннисиста, актера популярнейшего в стране театра — заблистал новыми гранями, когда он после Вадима Синявского стал главным спортивным комментатором страны. Все футбольные и хоккейные болельщики обожали его за неповторимые эмоциональные комментарии.

Считаю себя вправе утверждать, что вся яркая жизнь Озерова окрашивала наши не всегда радостные будни в светлые, праздничные тона, и за это миллионы поклонников спорта будут всегда ему признательны.

Благодаря дяде Грише, мне посчастливилось побывать на первом после возвращения Вертинского из эмиграции его закрытом концерте в ВТО. Это событие оставило глубокий след в моей памяти. Вертинского у нас в стране буквально боготворили. Записи его песен «на ребрах», то есть на рентгеновских снимках, были необычайно популярны и шли нарасхват! А первый концерт великого артиста, искренне любившего Россию, действительно был закрытым. Власти тогда держали «эмигранта» под запретом, его концерты не афишировались, и билеты на них не продавались. Маленький зал ВТО был забит до невозможности. Вертинский пел, стоя в проеме двух чуть раздвинутых половинок занавеса. Артист едва касался их своими божественно красивыми руками. А часть публики (и я в ее числе) сидела на специально оборудованных и установленных внутри... сцены рядах. Мы прекрасно слышали певца, но видели его сбоку и чуть сзади. Однако это не мешало нам пребывать на вершине блаженства!

Вольные сыны эфира

Хочу вспомнить о своих встречах с Вадимом Святославовичем Синявским — человеком творческим, очень эрудированным и неординарным. Дело в том, что в начале 60-х годов моя судейская и журналистская деятельность шла по возрастающей. Мне доверяли обслуживать престижные матчи, я часто печатался в еженедельнике «Футбол» и в газете «Советский спорт». Видимо, поэтому руководители спортивной редакции Гостелерадио обратили внимание на мою скромную персону. Мне предложили попробовать себя в роли комментатора футбольных матчей. У меня хватило нахальства не отринуть этот лестный ангажемент. И вот, кажется это было в 61-м году, я оказался на самой верхотуре лужниковского гиганта в комментаторской кабине. Столичное «Торпедо» играло с ленинградским «Адмиралтейцем». Преодолевая естественный в таких ситуациях ужас, я вышел в

эфир. За стеклом, в соседней кабине, сидели Синявский и один из руководителей спортивной редакции Наум Александрович Дымарский.

Они по очереди поддерживали меня своими ободряющими взглядами. Я осмелел и вдруг, взглянув на поле, неожиданно для самого себя произнес: «Вот неутомимый Борис Батанов энергично вторгся в семейные отношения братьев Морозовых и, прервав передачу Юрия, овладел мячом и устремился вперед». Синявский вскочил с места, прильнул к стеклу и, подняв обе руки с Задранными вверх большими пальцами, выразил восторженное одобрение моему экспромту: Вскоре я получил удостоверение, подписанное зампредседателя Гостелерадио Чернышевым. Там было сказано, что я являюсь внештатным футбольным комментатором...

Совсем недавно я вспомнил об очень потешной выходке несравненного Синявского. Она точно характеризует этого неподражаемого острослова. Как-то на хоккее, в конце 40-х годов, лучший комментатор страны оказался рядом с генералом Василием Иосифовичем Сталиным. Обращаясь к соседу, Синявский спросил его: «Вы слышали мой вчерашний репортаж?» Сын вождя, ухмыльнувшись, ответил: «Не только слышал, но даже чувствовал, как из моего репродуктора несло запахом спиртного»: «Ничего удивительного, — парировал комментатор, — я ведь постоянно протираю микрофон спиртом».

Не могу не напомнить еще об одной важной странице жизни короля спортивного репортажа. Во время войны он вел передачи из пылающего Севастополя, получил тяжелое ранение и потерял глаз. Что, впрочем, не помешало ему потом видеть футбол значительно зорче многих нынешних вольных сынов эфира.

Разговор о комментаторах был бы неполным, если бы я не упомянул имени Владимира Перетурина. Мы ведь и на поле встречались, когда Перетурин играл, а я был арбитром. В частности, раза два наши встречи происходили на матчах с участием ленинградского «Динамо». Так уж распорядилась судьба, что в этом клубе выросли четыре (!) легендарных комментатора: Виктор Набутов, Геннадий Орлов, Владислав Гусев и уже упомянутый мной Перетурин, с которым мы и сегодня поддерживаем теплые отношения. Частенько выступаем на радиостанции «Свобода», порой наши фамилии оказываются рядом в некоторых печатных изданиях. Далеко не всегда наши взгляды на футбол совпадают. Мы часто спорим, особенно много у нас разночтений по судейским проблемам. Но дружбе это, к счастью, не мешает.

Кстати, благодаря Перетурину я несколько лет назад

познакомился с писателем Аркадием Аркановым. Не раз участвовал с ним в телепередачах и вечерах, посвященных футболу.

Полагаю, что стоит еще упомянуть о знаменитом ныне писателе Валентине Лаврове, авторе многих исторических детективных романов. В последние годы я поддерживаю с ним дружеские отношения. А познакомил нас с ним тоже футбол!

С Валентином Викторовичем меня свели спортивные интересы в 1997 году, когда я в год столетия российского футбола писал в газету «Футбол ревю» очерки о звездах большой игры. А отец писателя Виктор Лавров оставил в истории отечественного футбола яркий след: он забил первый гол в первом чемпионате СССР. Случилось это 22 мая 1936 года, когда столичный «Локомотив», цвета которого защищал Лавров, играл в Ленинграде с местными динамовцами. На пятой минуте той ставшей исторической встречи Лавров открыл счет! Тот гол и стал первым.

Позвонив сыну легендарного футболиста, я встретил очень радушный прием, и мы вместе поехали на Введенское кладбище, где под величественным надгробием покоится Виктор Лавров. Так мы и познакомились, а потом стали друзьями. Теперь мой книжный шкаф постоянно пополняется книгами с дарственными надписями писателя. Кстати, когда в прошлом году я сообщил Валентину Викторовичу, что работаю теперь в «Футбольной правде», он выдержал необходимую паузу и проронил: «А главный редактор у вас не Владимир Ульянов?» Юмор, понимаешь!

Браки и впрямь совершаются на небесах

В предыдущих главах я вспоминал о великих людях, с которыми познакомился только благодаря футболу — замечательной игре. В этой связи я просто обязан напомнить, что с Таней нас сосватал тоже футбол.

Произошло это в начале июня 1980 года. Я летел инспектировать игру в Сухуми и в аэропорту Внуково сразу обратил внимание на высокую стройную блондинку, шагавшую к регистрационной стойке... сухумского рейса. Словом, мы оказались в одном салоне Ту-154. Мне до сих пор кажется, что наши места, согласно билетам, оказались рядом. Но Таня этот факт категорически отрицает. Она уверяет, что мое место было совсем в другом ряду, а кресло рядом с ней просто оказалось

незанятым и что, дескать, я вмиг туда перебрался.

Во время нашей беседы в гостиной «Футбольной правды» в 2004 году Таня уточнила: «Именно так оно и было. Едва я уселась в свое кресло и уложила на багажную полку вещи, как рядом оказался какой-то шустрый и разговорчивый мужчина, выделявшийся темным загаром (словно мы летели не в Сухуми, а обратно) и привлекательной сединой. В самолете мой сосед все пытался меня разговорить, но я не очень поддавалась».

Насчет «поддавалась» я не помню, но судьба в тот жаркий день ко мне благоволила. Примерно через полтора часа после лета нам объявили, что по метеоусловиям трассы сухумский аэропорт временно закрыт, и наш «Ту» сел в Адлере.

Я предложил Тане скоротать время в ресторанчике аэропорта. К моей радости, она не отказалась. Более того, Таня сообщила мне дату своего возвращения в Москву и номер рейса. Через три недели я уже мчался во Внуково. Каков же был мой ужас, когда мне сообщили, что опять из-за метеоусловий рейс уже посадили в Домодедове! Примчавшись туда с закипевшим двигателем, я узнал, что Танин самолет сел почти час назад. Обреченно походив мимо галерей № 1 и № 2 и не найдя там Тани, я поехал домой.

Телефоном блондинки я все же успел запастись еще в Адлере. На мой нервный звонок ответил невозмутимый, но уже знакомый голос: «Да, это я...»

Что было дальше, вы знаете.

Правда, следует добавить, что вскоре после начала нашей совместной жизни узнавший об этой истории мой старый и добрый коллега по судейскому цеху остряк и балагур Володя Барашков сравнил Таню со знаменитой дрессировщицей львов Ириной Бугримовой. Он считал меня хищником, не поддающимся дрессуре... Но ошибся: «Бугримова» победила.

В футбольных кругах мое имя было всегда на слуху. И не только благодаря приобщению к судейскому поприщу и к спортивной журналистике. Я был еще известен как неисправимый ловелас и, говорят, пользовался успехом у женщин.

Моя любимая Таня знает не только о моем военном и футбольном прошлом: она осведомлена и о моем нежном отношении к женщинам. Ей, наверное, трудно уживаться с человеком, сохранившим эти чувства (пусть только мысленно) и поныне.

В этой связи я часто напоминаю ей старый, но, на мой взгляд, прекрасный анекдот: немолодая пара сидит на пляже у берега теплого моря. Муж все время крутит головой, провожая взглядом прекрасные женские фигуры. Жена, не выдержав, делает супругу

замечание. Удивленно взглянув на любимую жену, муж отвечает: «Знаешь, дорогая, я не забываю, что нахожусь на диете, Но это ни в коей мере не означает, что я не могу читать меню».

И еще. Великий Борис Андреевич Аркадьев, которого я как-то застал в гостинице города Баку читающим книгу, заявил мне, что, по его мнению, интеллигентный мужчина должен отдыхать либо с женщиной, либо с книгой. И, погладив лежавший на столе томик, с улыбкой добавил: «В последнее время я заметил, что стал очень много читать»... Аркадьеву тогда шел уже седьмой десяток.

Со своей стороны я тоже должен признать, что в последние годы я стал значительно больше писать. А о женщинах неизменно вспоминаю с восхищением и нежностью.

Справедливости ради обязан упомянуть, что и в моей творческой работе Таня играет весьма заметную роль. Она не только, как принято говорить, являет собой надежный тыл, но она еще и мой верный друг, заботливый товарищ. К тому же Таня в какой-то степени моя коллега: она ведь окончила полиграфический институт и работала в системе Госкомиздата.

Таня не только печатает многие мои работы, но еще, обладая хорошим вкусом и грамотностью, осуществляет редакторскую и корректорскую правку. Словом, Татьяна украсила своеобразную «Болдинскую осень» моей жизни.

И наконец, прочность нашего тыла отлично обеспечивает Танина мама Мария Ивановна, которая, несмотря на отмеченное недавно девяностолетие, помогает нам жить. Она бесподобно готовит разные вкусные кушанья и, игнорируя многие естественные в ее возрасте хвори, все по дому делает сама.

В общем, мне очень повезло не только с Таней, но и (что бывает не очень часто) с тещей.

Под негласным надзором

85-летие судейского патриарха Николая Гавриловича Латышева отмечалось 21 ноября 1998 года с большим размахом. В Москву съехались делегации из многих регионов России. В футбольном манеже «Спартака» в Сокольниках был проведен турнир, на котором разыграли специальный приз имени Латышева. Во время игр я сидел за столиком, рядом с юбиляром. Наверное, поэтому несколько раз оказывался в поле зрения видеокамер «Футбольного обозрения», готовившегося В. Перетуриным. Через несколько дней передача вышла в эфир. Моя

любимая и несравненная супруга Таня смотрела

телевизор, находясь у своей мамы. Едва погас экран, у меня зазвонил телефон. Веселым голосом Таня почти восхищенно сказала: «Ну какой же ты неподражаемый бабник!» «Что опять случилось?» — не без испуга спросил я. «Как что, — продолжала наседать Таня, — в манеже сотни мужчин, и вдруг в кадре появляется одна-единственная молодая и симпатичная девушка. Ну и конечно, ты тут как тут — полез целовать ей ручки!» «Да не было такого! Откуда ты это взяла?» — уверенный в своей полной невинности, отбивался я. Однако после Таниных разъяснений, прокрутив сделанную мною видеозапись, я убедился, что моя жена, как всегда, права. Когда к судейскому столику подошла известный футбольный арбитр Наташа Авдонченко, я действительно, здороваясь, поцеловал ей руку. Но весь фокус был в том, что на экране в этот роковой момент меня... не было. Вернее, был лишь мой «фрагмент» в виде рукава пиджака и торчащей из него кисти руки. И более ни-че-го! Ко всему прочему мои «лобзания» с Наташиной рукой появились в кадре лишь на доли секунды. Как все это могла увидеть Таня, я не в силах понять до сих пор.

Пользуясь своим авторским правом, не стыдясь редакторского ворчания и читательских упреков в сентиментальности, осмелюсь опубликовать свое стихотворное посвящение любимой жене.

Весна и сирень

Пусть осень, пусть желтые листья
Нам стелят на тропки ковры,
Пишу тебе грустные письма
Из этой печальной поры.
Все осенью кажется серым,
Но только увижу тебя —
Во мне просыпается вера,
Что жизнь свою прожил не зря.
Затихнут холодные стужи,
Вновь будет нас радовать день,
Пусть стану тебе я не нужен,
Но будет весна и сирень!

Октябрь, 1986

Друзья семьи

Не могу завершить повествование о своей семье, не упомянув еще о маленьких друзьях, скрашивавших нашу жизнь на протяжении многих лет

Еще при жизни с нами отца в Петровском переулке в квартире появился новый жилец. Звали его Швейк. Породу этого пришельца мы точно не знали, но, судя по внешнему виду и особенно по закругленному вверх баранкой хвосту, это очаровательное существо являло собой помесь лайки и дворняжки.

Обосновавшись в нашей квартире, Швейк сразу же заявил о себе не только как о полноправном члене семьи. Некоторые его выходки, граничащие с неприкрытой наглостью, говорили о его претензиях на главенствующее положение в доме. Он, например, сразу же выказал решительное неприятие вредной привычки мамы — курения. Едва мама готовилась поднести к папиросе спичку, как возмущенный Швейк с громким лаем устремлялся к ней и, стоя на задних лапах, Передними пытался выбить из маминых рук спичку и папиросу. При этом пес еще отчаянно фыркал, чтобы задуть ненавистное ему пламя. Мама вскоре привыкла к нахальным выходкам новоявленного любителя здорового образа жизни. Но частенько навещавшие нас курящие гости, не будучи заранее Нами уведомлены о собачьих вольностях, при наскоках на них Швейка приходили в смятение.

Несколько спокойнее гости реагировали на несобачьи пристрастия нашего пса в еде: в отличие от подавляющего большинства своих сородичей Швейк проявлял заметную склонность к селедке и ел сырые овощи, в частности морковку. Мясо, правда, он тоже не отвергал, но культа из этого продукта не делал.

Своеобразные наклонности Швейка доставляли всем членам нашей семьи большие трудности при прогулках с этим своенравным зверем. Едва он оказывался во дворе, то, не выказывая особых желаний делать положенные каждой вышедшей гулять собаке процедуры, устремлял свой горящий взор на первую же оказавшуюся в поле его зрения сучку. Дальнейшее, как говорится, было делом техники. Швейк не желал терять время ни на знакомство, ни на ухаживание. Он сразу же устремлялся к своей жертве и, мгновенно оседлав ее, начинал совершать возвратно-поступательные движения греховной частью своего тела.

Нередко во время такой «верховой езды» наш шалун оказывался не в состоянии расстаться с любимой. В таких

пикантных ситуациях сильное смущение приходилось испытывать кому-то из сопровождавших хвостатого Казанову членов нашей семьи. Согласитесь, что держать на поводке двух намертво соединившихся греховодников — занятие не самое приятное.

Любовные пристрастия Швейка в конце концов сыграли с ним злую шутку. Однажды, когда он уже поставил свою жертву в партер, его атаковал оказавшийся в это время рядом Отелло и, недолго думая, избавил нашего «бабника» от его замечательного хвоста.

Горе-любовник явился домой весь в крови, волоча за собой остаток хвостика, державшегося на одной коже. Это событие произвело на нас с Юлей впечатление непоправимой трагедии. Не помню, сколько дней мы оплакивали Швейкину утрату. Но главное, что он остался жив.

К сожалению, наш любимый песик вскоре пропал. Мы долго пытались его найти. Но наши усилия не увенчались успехом. Швейк пропал навсегда. Юля до сих пор уверена, что он погиб на дуэли из-за неразделенной любви.

Очередная наша встреча с милым другом человека произошла, когда мы уже переехали на Петровку. В нашей квартире жила семья Вадима Всеволодовича Кондакова, в состав которой входили его супруга Любовь Константиновна, их сыновья Лев и Игорь, а также беспородная умница, позаимствовавшая из кинофильма о Тарзане имя Чита. Это беспородное существо отличалось удивительным умом, находчивостью и хитростью. О ней я не буду рассказывать очень много. Все же она была членом не нашей семьи. Но то, что она являлась всеобщей любимицей, факт непреложный.

Спустя несколько лет, когда мама, Юля и Лена переехали в район Ярославского шоссе на Палехскую улицу, у них появился породистый тибетский терьер женского пола. Назвали нового члена семьи тоже Читой в память об ушедшей из жизни собачке, жившей с нами несколько лет на Петровке.

Сейчас уже не помню, кто научил новоявленную Читу чрезвычайно почтительному отношению к нашей стареющей маме. Едва наступало утро, и мама собиралась вставать со своего дивана, как Чита, словно верная служанка, всегда оказывалась рядом и подавала маме... тапочки. Причем делала это не просто так, а с поразительным вниманием и аккуратностью: против правой ноги Чита ставила правую тапочку, а против левой ноги — левую. И обе тапочки стояли носками вперед, чтобы мама могла обуть их не нагибаясь.

Согласитесь, одного этого примера достаточно, чтобы оценить интеллектуальные способности нашей Читочки. К числу

ее недостатков можно отнести некоторую трусоватость: она почему-то очень недоверчиво относилась к людям в брюках. Видимо, ее кто-то из мужчин когда-то сильно обидел. Как бы то ни было, но Чита по сей день живет в нашей памяти как очень доброе и преданное создание.

Я и мой автомобиль

Коль скоро я позволил себе рассказать о милых собачках, которых назвал друзьями семьи, то с неменьшим основанием считаю в нынешних житейских условиях возможным сказать нечто иное о других наших спутниках — автомобилях.

Эти наглые, разорительные, чаще всего не могущие похвастать элитным родством твари стали (по крайней мере для подавляющего числа москвичей) существами почти бесполезными.

В самом деле, вместо того чтобы сидеть часами в пробках и опаздывать на все рауты, приемы, встречи и свидания, лучше держать их в гаражах и пользоваться маршрутными такси, которые в столице размножаются со скоростью тараканов. В конце концов можно смириться с городским транспортом. По крайней мере надежнее, быстрее и дешевле.

Если вы еще молоды, то, скорее всего, вряд ли согласитесь с моими утопическими разглагольствованиями. И все же хочу, чтобы вы меня поняли.

Я получил право сесть за руль еще в годы Великой Отечественной. Тогда в военных училищах (тем более танковых) каждый молодой выпускник обязательно становился автомобилистом.

С тех пор я был владельцем семи разных марок авто. Примерно до года 1997—1998 я не покидал дом без своего любимого детища. По мере того как росли цены на бензин, городские магистрали все гуще и чаще стали закупориваться чудовищными пробками, поездки на дачу с середины пятницы и до конца субботы становились так же труднопреодолимы, как восхождения на Эверест. Я с грустью и жалостью стал поглядывать на своего стареющего друга.

Я перестал завидовать товарищам, сидящим в «мерседесах», «фордах», «ауди» и прочих «мицубиси», только потому, что судьба бесцеремонно и грубо уравняла нас в правах и возможностях. Мы все стали торчать в проклятых пробках, дышать отравой вонючих выхлопных газов. И «мерседесы», и «жигули», и «москвичи» рядом

с «запорожцами» и «окой» с вынужденной обреченностью застывают рядом в одной и той же непреодолимой толчее и с нескрываемой ненавистью разглядывают друг друга.

Словом, в 2003 году я уже подумывал о расставании с почетным, но невероятно обременительным званием автолюбителя. Мои пораженческие настроения были приторможены слухами о том, что к 60-летию Победы инвалидам Отечественной войны федеральные и столичные власти на паях подарят новенькие «жигули». Отступиться от халявы было выше моих сил. Я сдался. И... стал владельцем ВАЗ-21053!

Минул год. Я проехал на новой машине меньше тысячи километров. К тому же заплатил жуликоватым страховщикам четыре тысячи рублей! За что?

Почти сто лет назад Илья Ильф и Евгений Петров весело писали про наши национальные особенности: бездорожье и разгильдяйство. Разве могли они тогда подумать, что в XXI веке все будет еще хуже?

Тем не менее считаю необходимым сказать добрые слова в адрес гаишников, которых ругают все кому не лень. Не знаю почему мне так везло, но даю честное слово автолюбителя с 60-летним стажем, что ко мне сотрудники ГАИ никогда не придирались и уж тем более даже не пытались прибегать к вымогательству. Хотя, признаюсь, Правила дорожного движения мне доводилось нарушать не так уж редко.

Я в свою очередь старался не упускать возможности как-то откликнуться на внимательное отношение: почти всегда я дарил симпатичным сотрудникам ГАИ свои книжки. Они никогда от моих сувениров не отказывались, ибо большинство из них были поклонниками футбола.

Когда бывало стыдно...

В начале этой книги я обещал обойтись без лишней лакировки собственного образа и быть предельно откровенным.

Признаюсь, что о многих деталях своей жизни я, сам удивляясь, навспоминал много интересного. Однако, мне кажется, я не в полной мере выполнил свое обещание и почти не рассказал о поступках, которые мне сегодня стыдно вспоминать. Увы, их немало.

В рассказе о своих выходках, которые и сегодня вызывают у меня незатухающее чувство стыда, я не могу обойти историю, произошедшую со мной осенью 1941 года. Война уже вовсю

гремела по стране. Ее непременный спутник — голод — ощущался все назойливее и мучительнее. Мне было нестерпимо смотреть, как страдают мама и десятилетняя Юля. Надо было что-то делать. И тут мой товарищ, с которым мы постоянно играли в футбол, Витек Осипов, живший в доме № 24 по Петровке, сделал мне неожиданное, но очень заманчивое предложение.

Он сказал, что где-то на юге Рязанской области, недалеко от железнодорожной станции Александр Невский, почти на границе с Липецкой и Тамбовской областями, в глухой деревне, живет его тетка. «Так вот, — заключил Витя, — если поедем туда, захватив с собой старую одежду, обувь, нитки, ножницы, клеенки и прочие не очень необходимые нам сегодня вещи, то сможем выменять их на муку, горох и еще на какой-либо вполне съедобный продукт». Рассказав маме о проекте моего товарища, я не сразу получил одобрение. Ведь пассажирские поезда уже не ходили, немцы были совсем рядом и угрожали Москве. Повсюду несли службу воинские патрули. Как ехать в такую даль и так рисковать?! Но положение нашей семьи становилось все хуже, и мама вынуждена была, хоть и с тревогой, отпустить меня в дальнюю дорогу. Не буду рассказывать, как мы ехали в грязных товарных вагонах, как мерзли и прятались от патрулей. Но все же до цели мы добрались.

«Товарообмен» при активном посредничестве родственников Виктора был проведен весьма быстро и, главное, на взаимовыгодных условиях. Вечером накануне отъезда нас хорошенько угостили отварной картошкой и не самым плохим самогоном. После застолья кто-то предложил скоротать время за картами. Кроме подкидного дурака, петуха и игры в очко, мы ничего не знали, поэтому остановили свой выбор на самой азартной игре. Часам К трем ночи у меня осталось всего три рубля. Все деньги и выменянные продукты я успел проиграть. Я сидел за столом весь в поту от стыда и ужаса и размышлял о том, что меня ожидает. Перед глазами все время стояли лица мамы и сестры. Какой же я негодяй! Как же я мог позволить себе проиграть с таким трудом добытую для них еду?! Уже почти ничего не соображая, я все же продолжал сражаться, вспоминая Германна из «Пиковой дамы». Возможно, мои страдания дошли до Бога, о котором я тогда и помыслить-то не смел. Атеистом был воспитан отчаянным. Тем не менее карта вдруг пошла. Я взбодрился и едва ли не после каждой сдачи быстро выкрикивал: «Очко!» — подгребал к себе замусоленные купюры и приготовленные к отъезду узлы с провиантом. Словом, к утру я отыгрался полностью и даже оказался с маленьким «наваром». Я был так счастлив, что даже не запомнил всех коллизий,

преследовавших нас на обратном пути в Москву.

Тогда я дал себе слово никогда не играть в карты на деньги. Этому правилу я неизменно следую (студенческий преферанс или та же игра на судейских сборах в Сочи не в счет: они ни в какое сравнение с карточным побоищем осени 41-го не идут).

Я и сегодня краснею, вспоминая свои проделки той же голодной зимой 1941/42 года. Я уже упоминал о чувстве голода. Это особое чувство! Оно безотвязно преследует тебя ежедневно, ежечасно. Оно унижает людей, толкает их порой на дикие, совершенно им Не свойственные поступки. Видимо, поэтому и оказался жертвой этого всепоглощающего унижения. Наши соседи по коммуналке хранили в коридоре на шкафу Несколько мешков с сухарями. В этих видавших виды «хранилищах» Ныло несколько дырочек, через которые были видны такие желанные сухари. Мама была вынуждена часто кормить нас с сестрой котлетками из картофельных очисток. На столе не было ни мяса, ни масла, ни сахара. Точнее, они раз в месяц появлялись, когда отоваривались наши карточки, но уже через день-два исчезали в наших ненасытных желудках. По нескольку раз в день я выходил из комнаты, чтобы только взглянуть на ценности, лежавшие на шкафу. Этому мазохизму не суждено было долго испытывать мое терпение. Однажды днем, когда соседей не было, я не выдержал: приставив к шкафу старый стул, я судорожным движением извлек два сухарика и, дрожа от страха, метнулся в нашу комнату. Там, почти не разгрызая свою добычу, проглотил сухари. Еще несколько раз я выходил на охоту... и ни разу не попался. Соседи, видимо, делали вид, что ничего не замечают.

Чувство неизгладимой вины я частенько испытываю, вспоминая о незаслуженных обидах, которые я в молодые годы нередко наносил маме и сестре. Не всегда я был добр и внимателен к ним. Конечно, сейчас легко все списывать на переходный возраст, молодую запальчивость и легкомыслие... И часто, приходя на Ваганьковское кладбище к маме, я мысленно возвращаюсь к тем уже далеким временам, исповедуюсь перед ней и прошу прощения за свои необдуманные шалости. Такие настроения, наверное, присущи большинству нормальных людей, и все же...

Далеко не от всех пороков избавился я, уже став взрослым человеком, инженером, арбитром, журналистом, писателем.

Классик давно призвал нас хоть по капле выдавливать из себя раба. Но сумели мы все откликнуться на этот благородный призыв совести?

Вот и сейчас у всех россиян, имеющих принадлежность к футболу, появился очередной повод заглянуть в свои души и

постараться самим себе ответить на этот вопрос. Каждые два года на европейских и мировых форумах наша сборная терпит унизительные провалы. И словно по мановению невидимой дирижерской палочки какого-то злодея в коллективе, являющем собой визитную карточку страны, возникают какие-то неприличные скандалы. И почти все, как в недавние годы, в едином порыве и единогласно начинают клеймить то Бышовца, то Садырина, то Романцева, то Игнатьева, затем Ярцева и очень кстати для дирижера-невидимки подвернувшегося в 2004 году Мостового. А имя руководителя всего этого порочного шабаша почти всегда оставалось за кадром. Благоденствующий президент РФС, к счастью уже бывший, у нас числился в общественниках, а это вроде бы означало, что с него и спросить некому. Почти все обозреватели, комментаторы, словно по чьему-то велению, сфокусировали свое внимание на Мостовом и Ярцеве. А имя главного вредоносителя отечественного футбола — президента РФС — им словно было неведомо...

Так что же говорить о выдавливании из себя хоть по капле раба! Не умеем мы это делать. Отучили!

Увы, как выяснилось, я тоже не всегда блистал в «процессе выдавливания», хотя и пребывал в стане диссидентов...

Дело было весной, в конце 60-х или начале 70-х годов, в Сочи. Как было тогда заведено, руководители предсезонного сбора судей прибыли туда загодя. После размещения в отеле «Кавказ» я как начальник сбора вместе с преподавателем физподготовки Володей Грачевым направился на ознакомление с трассой, по которой нам предстояло каждое утро проводить трехкилометровые кроссы. На обратном пути мы решили заглянуть в универсам. В этот момент стремительно подкатил кортеж черных лимузинов. Тут же спонтанно образовалась большая толпа зевак. Мы стояли почти у самого входа в торговый центр и увидели, как к нему направляется в окружении свиты Леонид Ильич Брежнев. Признаюсь, я никогда не испытывал восторженных чувств к этому человеку. И тем не менее, когда генсек оказался буквально в нескольких метрах от нас, я поддался какому-то труднообъяснимому порыву и совершенно бессознательно отчаянно захлопал в ладоши. Моему примеру моментально последовала вся толпа. Лицо руководителя расплылось в улыбке, он зашагал бодрее и, минуя стоящую у дверей универсама охрану, прошел внутрь. Какой дурман унизительного раболепия и чинопочитания вдруг охватил меня — я и сегодня объяснить не в состоянии. Но так было! Жгучий стыд я чувствую и сегодня...

Невольно задумаешься, как могло получиться так, что

миллионы вполне нормальных и благоразумных людей оказались рабами чуждых идеологических догм? Коротко на этот вопрос мне, пожалуй, не ответить. Но в поисках ответа на него я часто вспоминаю, как в детском садике при советском посольстве в Париже на всех утренниках во время праздничных выступлений нас, трехлетних малышей, выстраивали в кружок, и мы, идя друг за другом, держась ручками за юбчонки или штанишки впереди идущих, правыми руками делали круговые движения и громко кричали: «Догнать-перегнать, догнать-перегнать, догнать-перегнать!». Так уже в детстве нас настраивали на якобы главную цель нашей жизни: догнать и перегнать... Америку?!

Разрешите мне на этом завершить свою исповедь.

Как у вас дела с сексом?

Расскажу еще один забавный случай из моей жизни. В 1989 году в издательстве «Физкультура и спорт» по инициативе Валерия Винокурова готовилась к выпуску книга «Конфликт». Это был толстый сборник публицистических статей о спорте и его проблемах. О допинге, махинаторах, договорных матчах и прочее и прочее. Среди авторов были Г. Каспаров, А. Карпов, Ю. Власов... Самый объемный материал, который в те годы многие называли бомбой, был написан мною.

Узнав об этой работе, журнал «Смена» опубликовал несколько фрагментов из нее. Особо острой была статья о футбольных махинаторах и о Колоскове. Статья называлась «Коль слово «честь» забыто». Я в течение нескольких месяцев стал весьма популярен и востребован. В один из вечеров конца 1989 года меня с группой авторов «Смены» пригласили в огромный конференц-зал одного из столичных вузов. Народу было заметно больше, чем мест в зале. Подошла моя очередь выступать. Я говорил о договорных матчах, о «работе с судьями» и о прочих «прелестях» любимой игры. Последовали вопросы, в большинстве своем очень острые и умные. Вдруг ряду в десятом—двенадцатом поднялась молоденькая студентка и задала ошарашивший меня вопрос, как говорится, совсем не в тему: «А как у вас дела с сексом?» — не моргнув глазом спросила любознательная девица. Мне уже было 65, я многое повидал, но такого вопроса при тысячной аудитории мне никогда не задавали. Несколько секунд я смущенно молчал, раздумывая над ответом. И тут, словно на игре в КВН, произошло озарение: «Вы знаете, с сексом у меня все в полном порядке. Но в последние годы я чаще выступаю в

качестве почетного члена жюри». Бурные аплодисменты и хохот зала сполна возместили мою находчивость.

Юмор как средство реабилитации

Спортивная жизнь — занятие непростое, а судейство футбола, делающее арбитров одиозными личностями, требует от них особых качеств. Абсолютно необходимым условием успеха жизнедеятельности футбольных рефери кроме естественных, сугубо профессиональных качеств является чувство юмора. Именно это чувство, на мой взгляд, способствует быстрой реабилитации арбитра после неизбежных стрессов, оскорбительных и чаще всего незаслуженных обвинений со стороны руководителей команд, чиновников всех уровней и рангов, самих футболистов, годящихся судьям в сыновья, а порой и во внуки.

Длительные предсезонные сборы на юге страны у некоторых обывателей вызывают зависть и досужие рассуждения о сладком времяпровождении на солнечных морских пляжах, отличном питании в лучших ресторанах и прочих житейских прелестях. И не знают авторы подобных рассуждений, что в Сочи в феврале и марте солнышка порой и не увидишь, что там часто по нескольку дней льют дожди, температура воздуха редко поднимается выше 8—10°С. Не знают они и о ежедневных утренних кроссах по три километра в любую погоду, о судействе порой по нескольку игр в день, об изнурительных занятиях физподготовкой и теорией, о необходимости (без права на пересдачу) сдать все нормативы по бегу, по правилам игры и методике судейства и прочее и прочее.

Вот поэтому, повторяю, людям судейской национальности, как я когда-то назвал своих коллег на страницах еженедельника «Футбол ревю», необходим вечно неиссякаемый и искрометный юмор. На судейских сборах, в перерывах занятий два-три острых анекдота или вызывающей дружный хохот байки — самое действенное лекарство!

Чтобы убедить и чуть развлечь читателя, предлагаю навскидку несколько забавных баек из своей судейской практики.

Посмотри, какие попочки!

Середина шестидесятых годов. Сочи. Весна. Подходят к концу учебно-тренировочные сборы судей. На стадионе «Труд», в Адлере, товарищеский матч. Встречаются армейцы Ростова и футболисты ереванского «Арарата». Отменной солнечной погодой

воспользовались и легкоатлеты. Они заполнили беговую дорожку и все сектора вокруг поля. В один из моментов армянские футболисты начали стремительную атаку. Мяч полетел на правый край. Нет ли офсайда? Стараясь поспеть за игрой, я повернулся к боковой линии, туда, где должен быть большой любитель эпатажа, этакий судейский Жириновский Ю. Курганов, выполнявший обязанности лайнсмена. На месте его не оказалось. Когда прорыв «Арарата» завершился и мяч покинул поле, я пробежал глазами вдоль боковой линии и наконец обнаружил своего помощника. Он стоял рядом со средней линией, повернув голову к... беговой дорожке. Вдоль поля проносились юные бегуньи, сверкавшие на солнце крепкими загоревшими бедрами. Попросив игроков не вводить мяч в игру, едва сдерживая гнев, я устремился к Курганову.

— Юрий Федорович! В чем дело?

Ничуть не смутившись и не отрывая глаз от девчат, лайнсмен громко ответил:

«Невозможно работать! Посмотри, какие попочки!

В костюме для покойника

В начале шестидесятых бригада советских арбитров, возглавляемая судьей из Ленинграда, выехала на судейство в ФРГ. В свободное время заглянули в магазин. Главный арбитр облюбовал себе вечерний костюм из черной ткани, усыпанной мелкими серебристыми блестками. Особенно привлекала цена. Продавец что-то энергично объяснял нашему покупателю. Тот улыбался и, кивая головой, твердил: «Гут, гут, гут»...

Вечером, после игры, решили посмотреть обновку в деле. Когда костюм был надет, наш Арбитр, вертясь перед зеркалом, начал испытывать покупку на прочность. О ужас! Пиджак, а вслед за ним и брюки без заметного сопротивления стали расползаться по всем швам. Все оказалось предельно просто: костюм предназначался для... захоронения покойников.

Воспоминания о... Ленине

В шестидесятые годы практически во всех странах, объединяемых ФИФА, была введена возрастная квота для судей — пятьдесят лет и... закругляйся! Расставаться с любимым делом было мучительно трудно. Наиболее предприимчивые находили пути к «омоложению».

В течение ряда лет мы знали, что бакинский рефери Т. Бахрамов родился в начале двадцатых годов. Однако спустя некоторое время в ряде печатных изданий утверждалось, что год его рождения — 1926-й. Как-то на сборах в Сочи возникла

дружеская полемика. Бакинец отстаивал дату — 1926! Вдруг кто-то из его оппонентов ошеломил всех убийственным аргументом.

— Слушай, Тофик, — сказал он, — как мог ты родиться в 26-м, если сам рассказывал, что слышал прощальные заводские, фабричные и паровозные гудки, когда хоронили Ленина в 24-м?

Судья объявил голодовку

20 августа 1993 года владимирское «Торпедо» в матче первенства России среди команд первой лиги принимало краснодарский «Колос». Судить игру из Магнитогорска прилетел молодой арбитр Борис Турлыгин. Его поведение сразу же повергло местных футбольных воротил в шоковое состояние. Судья категорически отверг предлагаемое ему гостеприимными хозяевами питание. Такого во Владимире еще не случалось. НЛО прилетали, а вот судьи, не признающие халявы, еще не попадались. Поведение Турлыгина так напугало администрацию «Торпедо», что ее представитель, приседая от страха, кинулся к телефону консультироваться с Москвой. «Судья не ест!» — тревожно неслось в трубку. В конечном счете все обошлось. Игра завершилась миром — 1:1. После матча кто-то из местных спортивных деятелей с горечью проронил: «Он без обеда, а мы без очка!»

Западня

Это случилось давно. Молодые и еще не очень опытные московские судьи прилетели в Грозный накануне очередного матча чемпионата страны. Когда уставшие с дороги арбитры собирались отдыхать, к ним в номер напросились две юные весьма смазливые особы. Такой подарок судьбы служители спортивной Фемиды восприняли благосклонно. Однако идиллия глубокой ночью была нарушена. В гостиничный номер явилась дежурная по этажу в сопровождении двух милиционеров. Уже «ночующие» девицы «раскололись» без особого нажима и, оставив стражам порядка свои «реквизиты», покинули отель. Любовные утехи растерянных ухажеров с нескрываемым удовольствием и шокирующими подробностями отразил в протоколе милицейский старшина. Утром к незадачливым ловеласам заявились представители местной команды и выразили готовность вызволить их из западни, если... Словом, хозяева поля победили.

Такие вот у судей шуточки!

Я понапрасну ждал

И еще с одной трагикомической историей, участником которой мне довелось оказаться, хочу ознакомить читателя.

Наша судейская бригада, возглавляемая Сергеем Алимовым, была командирована на 2 ноября 1962 года в Ташкент для арбитража встречи «Пахтакора» с киевским «Динамо». В том сезоне чемпионат разыгрывался по своеобразной схеме. На первом этапе в двух подгруппах, состоявших из одиннадцати клубов каждая, определяли шестерки лучших. Из них образовалась дюжина сильнейших, которым и предстояло выявить призеров чемпионата и места всех остальных команд, вышедших в финальную стадию турнира. Рассказываю об этом для того, чтобы напомнить, что и «Пахтакор», и динамовцы Киева добились права бороться за призовые места. Этим определялась значимость матча, который нам предстояло судить.

Но уже на первых шагах к цели мы встретились с неожиданными трудностями. В Москве первого ноября, как всегда неожиданно, наступила зима. Температура ниже 10 градусов мороза, густой туман и абсолютно нелетная погода. Сотни пассажиров слонялись по зданию Внуковского аэропорта. Ни единого свободного места, чтобы хоть как-то присесть.

Даже популярнейший в те годы певец Рашид Бейбутов лежал на каменном полу, подстелив под себя газеты. В гостинице мы уговорили администратора разрешить хоть одному Алимову посидеть в холле на... подлокотнике кем-то давно «приватизированного» кресла. Когда в середине следующего дня наконец объявили посадку, мы уже знали, что к назначенному времени в Ташкент не долетим. Знали об этом и в федерации, куда мы по очереди звонили через каждый час. Последним звонить выпало мне. Трубку поднял председатель Федерации футбола СССР Валентин Александрович Гранаткин. Он без лишних слов приказал нам вылетать, предупредив, что в Ташкент уже направлена для подстраховки бригада судей из Фрунзе.

Минут за тридцать до посадки на борт нашего лайнера поступила радиограмма: «Арбитрам надеть судейскую форму и после приземления по аварийному трапу сразу же спуститься и подойти к ожидающим их на летном поле машинам». Под хохот пассажиров мы удалились в туалет и вышли оттуда облаченные в свои черные одежды. У трапа уже стояли «Волга» администратора «Пахтакора» Миши Барского и еще две машины ГАИ. На бешеной скорости нас в считанные минуты домчали до стадиона. Оказалось, что тренер киевлян Вячеслав Дмитриевич Соловьев отказался играть при судействе фрунзенских арбитров и решил ждать нас.

Игра началась почти на три часа позже назначенного времени. Зрители с пользой для дела использовали этот своеобразный тайм-аут и успели полностью опустошить все

винные отделы окрестных магазинов. Наверное, поэтому встретили они нас не очень ласково. Вскоре, однако, их внимание полностью сосредоточилось на захватывающей игре команд. Алимов, ни на минуту не сомкнувший целые сутки глаз, сумел собраться и вел игру безупречно. Хотя хорошему арбитражу в немалой степени мешала невероятная жара: в столице Узбекистана было почти сорок градусов тепла. А из Москвы, напоминаю, мы улетали при минус десять градусах! Матч тем временем продолжался. Когда казалось, что до конца игры счет 0:0 не изменится, Юрий Беляков броском головой сумел поразить ворота киевлян.

Зайдя в судейскую комнату, Соловьев поблагодарил нас за хорошую работу, чуть помолчал и грустно проронил: «Непонятно, зачем я вас ждал? Может, с другими судьями все сложилось бы иначе?»

ФУТБОЛ ОПТОМ И В РОЗНИЦУ

Быть честным человеком на Руси
очень дорого стоит.

Максим Горький

Очки по осени скупают

Это произошло осенью 1946 года. Завершились игры VIII первенства СССР. Многоопытные статистики поведали о нем, казалось бы, все самое-самое... Рискну, однако, заметить, что об одном немаловажном событии они по ряду причин умолчали. Речь идет о командах второго эшелона, именовавшегося тогда второй группой. Право пополнить в следующем сезоне высшее футбольное общество (первую группу) разыгрывали 26 клубов, разбитых на две зоны — Южную и Восточную. Согласно «Положению о всесоюзных соревнованиях по футболу в 1946 году», команды второй группы, занявшие в своих зонах первые места, должны были провести между собой два так называемых переходных матча. Их результаты и были призваны определить счастливого участника «романтического путешествия» из второй группы в первую.

В Южной зоне первенствовала команда Военно-воздушных сил (ВВС), которую тренировал ставший впоследствии блистательным хоккейным наставником Анатолий Тарасов. В Восточной зоне на первом месте оказался другой столичный клуб — «Пищевик». Два судьбоносных поединка завершились победами летчиков — 3:2 и 1:0. Они-то и пополнили элитарное футбольное общество в сезоне 1947 года.

Но цель этих воспоминаний отнюдь не в спортивных подробностях. События осени 46-го впервые (хотя и с грифом «секретно») зафиксировали попытку подлога, который теперь назвали бы буднично и неинтересно: «договорной матч». Инициаторами той давней криминальной истории стали пищевики, возжелавшие переметнуться в высшую лигу невиданным в те годы способом — с помощью купленных у соперника очков. Не смею утверждать, что о тех дерзких замыслах знал нарком пищевой промышленности Василий Петрович Зотов,

очень переживавший за свою команду, но стратегические замыслы заговорщиков вынашивались на достаточно высоком уровне. Дельцов от футбола не остановило даже то, что команду ВВС создал и ревниво пестовал генерал Василий Сталин. В общем, когда в Мосгорсуде проходило судебное разбирательство, в числе обвиняемых оказался ряд высокопоставленных чиновников.

Детективный сюжет той истории разворачивался по простой и банальной схеме. Осуществление грязной сделки пищевики возложили на администратора команды широко известного в те годы футбольному миру Якова Цигеля. Он провел переговоры со своим бывшим однополчанином, защитником ВВС Андреем Чаплинским, которому посулил пять тысяч рублей. Тот было согласился, но в последний момент передумал и обо всем рассказал Тарасову. Анатолий Владимирович сразу же проинформировал о готовящейся махинации руководителя союзного футбола Сергея Александровича Савина. Тут же к делу были подключены оперативные работники МУРа. В результате заговорщиков задержали на месте преступления под Северной трибуной стадиона «Динамо». Мосгорсуд приговорил дельцов к различным срокам заключения. Цигель благодаря умелой защите адвоката отделался условным осуждением.

Шли годы... Сегодня, спустя шесть десятков лет после описываемых событий, я с содроганием и болью вспоминаю чувство, пронзившее меня и немногих, увы, моих товарищей, уцелевших после страшной войны. Мы были молоды, счастливы своей причастностью к Великой Победе, и кощунственное глумление над любимой игрой было выше нашего понимания. Мы глубоко верили, что произошла какая-то невероятная нелепость, случайность, которая больше никогда не повторится. Как же мы были тогда наивны...

В те годы мы еще о многом не ведали. Не знали о постоянном соперничестве российских и украинских команд, которое происходило не только на футбольных полях. Даже в довоенное время уже шла незатихающая подковерная возня между хозяевами вельможных чиновничьих кабинетов партийного и советского аппаратов крупнейших республик. Показательна в этом отношении забавная коллизия, случившаяся осенью 1939 года. 30 сентября «Стахановец» из города Сталино, как тогда именовался Донецк, сыграл вничью (3:3) с киевскими динамовцами. Та игра была примечательна тем, что шахтеры по ходу матча вели в счете — 3:0, а затем расслабились И позволили киевлянам сравнять счет. Но дело было не только в обидной ничьей. До завершения сезона оставалось всего несколько туров,

и нарастала угроза для выживания «Стахановца» в «высшем обществе». Такой сюжет совершенно не устраивал украинское руководство. По его инициативе был спроворен протест, в котором, как это у нас ведется по сей день, все шишки свалили на «бедного Макара» — судью Константина Демченко. В протесте сообщалось, что арбитр ошибочно не засчитал гол, забитый Балабой, да к тому же не назначил в ворота киевлян два очевидных пенальти. Спустя много лет Демченко рассказывал мне, что никаких оснований для протеста не было и сразу после матча никто ему претензий не предъявлял. Готовя этот материал к печати, я позвонил ныне еще здравствующему участнику той встречи, игравшему за «Стахановец», Георгию Васильевичу Мазанову, который мне поведал то же самое.

Протест был отправлен в Москву. О нем почему-то долго не вспоминали. Однако, после того как оказавшийся в таблице рядом с горняками ленинградский «Электрик» не дал им себя обыграть (они сыграли 2:2), ситуация вновь обострилась.

Протест был удовлетворен, переигровку назначили на 6 ноября. Киевские динамовцы попытались было возражать, но им сказали «цыц!», и они вышли на заснеженное поле донецкого стадиона. «Стахановец» победил — 3:1 и, отправив в «аут» ленинградский «Электрик» и одесское «Динамо», сохранил свое место в группе «А».

У дотошных читателей может возникнуть вопрос: почему же тогда точкой отсчета истории отечественных жульнических матчей принято считать 1946-й, а не 1939 год? Существенная разница состоит в том, что послевоенная история с мельчайшими подробностями описана в пухлом уголовном деле, а про украинскую «шутку» официально сказано: причиной переигровки явилось плохое судейство, Предусмотрительные партийные и советские начальники, учинившие произвол с переигровкой, свои мудрые указания и автографы нам не завещали.

Тем временем вал договорного футбола, когда результаты десятков матчей определялись не на полях стадионов, а в уютных кабинетах спортивных столоначальников, нарастал из года в год с угрожающей силой.

Киллер-одиночка

Методика торговли честью и совестью не отличалась у футбольных флибустьеров большим разнообразием. Хотя действовали они не всегда одинаково. Наибольшее

распространение получил «групповой секс», когда вся команда, согласно предварительному сговору, без тени смущения отдавалась сопернику. Разумеется, небескорыстно.

Известны, однако, истории, когда душу дьяволу решались заложить один-два футболиста. Так, например, в конце сезона 1967 года вратарь киевского СКА Анатолий Гурбич, приняв перед матчем с карагандинским «Шахтером» щедрый дар, допустил «ошибку» и тем самым подарил соперникам вожделенные два очка, так нужные им для попадания в «высший свет». Не зря, однако, говорят, что Бог шельму метит: ворованные очки карагандинцам так и не пригодились, ибо в первую группу класса «А» перешли тогда динамовцы азербайджанского города Кировабада. Справедливости ради Замечу, что и триумфаторы добились успеха не без помощи презренного металла.

В свою очередь и алчный голкипер киевлян не сумел воспользоваться добытыми неправедным путем купюрами. Когда команда возвращалась из Караганды, в самолете обнаружился еще один прохиндей, который выкрал из висевшего в самолетном гардеробе пиджака Гурбича полученный им за предательство своих товарищей «гонорар». Обнаружив пропажу, раздосадованный страж ворот так огорчился, что потерял бдительность и поднял скандал. Тренер команды Владимир Меньшиков подключил к делу военную прокуратуру, которую очень заинтересовал источник необычных доходов скромного военнослужащего.

Неординарность той давней истории состояла и в том, что впервые в отечественной практике тотального умолчания подробности инцидента вырвались на простор газетной полосы и стали достоянием миллионов читателей. «Правда» 24 ноября 1967 года опубликовала фельетон А. Суконцева и И. Шатуновского под выразительным заголовком «Чужой в воротах».

Гандикап по-киевски

Игры с заведомо оговоренными результатами получили в истории отечественного футбола различные наименования. Одним из первых, кто отважился писать о них, окрестив их «странными играми», был мой добрый приятель, известный журналист Аркадий Галинский. Его расследования и публикаций о них привели автора к 17-летней отлучке от любимой работы: по указанию агитпропа ЦК КПСС печатать работы Галинского было категорически запрещено.

Сегодня «странные игры» именуют договорными. Заметное место в их ряду занимали (да и сейчас еще продолжают занимать) активно пропагандирующие антифутбол так называемые сговоры по приказу. Особое развитие в течение ряда лет они получили на Украине.

В один из мартовских Дней 1968 года, во время предсезонных сборов команд и судей в Сочи, мы с известным судьей Сергеем Алимовым решили навестить парную гостиницы «Интурист». Одновременно с нами туда пожаловали знаменитый тренер Олег Ошейков и харьковский арбитр Юрий Сергиенко. Видимо, хороший пар и последовавшее затем обильное застолье расслабляюще подействовали на наших друзей. Под большим секретом нам сообщили, что на днях в Киеве состоялось совещание тренеров украинских клубов, представленных в высшей лиге. От имени и по поручению одной из организаций, считавшей себя «умом, честью и совестью нашей эпохи», участникам «тайной вечери» было предписано безоговорочно при выездах в Киев жертвовать «старшим братьям» по два очка, а у себя дома дозволялось (и то только при благоприятных обстоятельствах) изобразить ничью. Став обладателями подобных секретов, мы с повышенной заинтересованностью ожидали дальнейшего хода событий. Нет, не обманул нас Олег Александрович. С «Черноморцем» киевляне сыграли 4:2 и 2:2, с «Шахтером» — 3:2 и 1:1, с «Зарей» — 2:0 и получалось, что еще в марте, до начала чемпионата страны, в сейфе киевлян уже лежало ДЕВЯТЬ очков!

Здесь позволю себе высказать отношение к роли в развитии и становлений договорного футбола одного из популярнейших наших тренеров — Валерия Васильевича Лобановского, которого, увы, уже нет в живых. Многие любители футбола, да и специалисты тоже, считают Лобановского едва ли не родоначальником такого «предприятия». Категорически отвергаю подобное мнение. Как уже могли убедиться читатели этих заметок, Договорной футбол зарождался в СССР, когда Лобановского еще не было на свете (он родился в январе 1939 года). А когда происходили события, описанные в этой главе, Лобановский никакого отношения к ним не имел, ибо в киевском «Динамо» не работал. С конца 1968 по 1973 год он тренировал «Днепр», который под его руководством добился права выступать в высшей лиге лишь в 1972 году.

Тем не менее Валерий Васильевич свой заметный след в договорном бизнесе оставил. Замечу при этом, что, в отличие от подавляющего большинства наших наставников, он своего отношения к договорному футболу никогда не скрывал. Ведь

утвердившиеся при Лобановском в киевском «Динамо» тактические схемы и построения, названные их авторами «домашними» и «выездными» моделями, по своей сути были откровенным поощрением культивируемой киевлянами стратегии: дома побеждаем, в гостях гоняем ничейку.

Более того, отстаивая свои воззрения, тренер киевлян на очень представительных совещаниях в кабинетах сиятельных партийных вельмож откровенно навязывал собравшимся приводивший многих в смятение вопрос: «Почему шахматным гроссмейстерам можно соглашаться на ничью еще в дебюте партии, т. е. избегая всякой борьбы, а мастерам футбола такое не дозволяется?»

К российскому футболу Лобановский уже никакого отношения не имеет. Между тем в наших холодных климатических условиях успешно произрастают «воспитатели» команд, продолжающих играть в жмурки и дурачить простаков.

Ложь для узкого круга

Не могу избежать соблазна и не описать подробности памятного для меня матча, состоявшегося 12 ноября 1971 года в Ростове-на-Дону. Местные армейцы принимали минских динамовцев. Я присутствовал на игре в качестве арбитра. Трагикомедия происходящего состояла в том, что к этому дню ташкентский «Пахтакор», набрав 26 очков, уже завершил сезон, а у ростовчан, имевших на очко меньше, была в запасе игра с минчанами. От ее исхода зависела судьба армейцев: заработай они хотя бы очко, место в высшей лиге за ними сохранится. Белорусы занимали «спокойное» одиннадцатое место и, казалось, могли особенно себя не утруждать. Тем не менее они хотели, чтобы их лидер — Эдуард Малофеев — не меньше двух раз поразил ворота соперников, дабы войти в состав членов Клуба Григория Федотова. Для этого надлежало довести счет своих голов до сотни.

Казалось, никто на нашей грешной земле не сомневался, что матч завершится ничейным исходом. В этом даже признался еще в самолете летевший с нами из Москвы заместитель начальника Управления футбола Спорткомитета СССР Геннадий Кафанов. Слегка разогревшись в воздухе двумя-тремя стопками коньяку, начальник принялся проводить с нами «воспитательную работу». Он даже успел произнести что-то вроде: «Вы там смотрите у меня...» Его тирада была довольно бесцеремонно прервана нами.

Мы заявили, что будем строго блюсти правила игры, а за чистоту отечественного футбола надлежит отвечать Управлению футбола, а не судьям. «А то, что матч закончится вничью, вы и без нас прекрасно знаете», — заключил диалог арбитр Иван Лукьянов.

Оппонент, дыхнув в нашу сторону коньячными парами, отвернулся и затих.

Встречавший нас в аэропорту администратор СКА Лев Аронов погнал машину каким-то непривычным маршрутом. Черная «Волга» проскочила ночные улицы спящего города, вырвалась на загородное шоссе и домчала нас до Азовского моря, в город Азов. Утром нас пригласили на фешенебельный катер и вывезли в море. Там же нас и кормили. Сойти на берег мы не могли: нас оберегали от возможных контактов с «неверными». Тогда же нам пояснили, что в аэропорту и на железнодорожном вокзале ведется тщательное наблюдение за всеми подозреваемыми, прибывающими из Ташкента.

И вот на переполненном стадионе началась игра. К перерыву хозяева поля были впереди на два мяча — 2:0. На 56-й минуте Малофеев забил первый ответный гол. Ему бы следовало поторопиться и забить еще. Тогда спектакль прошел бы без накладок. Но произошло непредвиденное: подавая угловой удар, минчанин Юргелевич, сам того не желая, так мудрено закрутил мяч, что тот, никого не задев, влетел в сетку. 2:2! Казалось, то, что нужно. Но такой поворот событий не стыковался с заранее подготовленным сценарием. Почти не стесняясь нас, арбитров, несколько заговорщиков без «отрыва от основного производства» провели необходимую корректировку плана. На 80-й минуте ростовчане вновь были впереди, а через пару минут Малофеев стал членом клуба лучших бомбардиров! 3:3!

Армейцы Ростова остались в высшей лиге. Распрощались с нею горняки «Шахтера» и хлопкоробы «Пахтакора». Но пострадали не только они. Значительно более чувствительный удар был нанесен Правде и Чести. Ведь на наших глазах в присутствии десятков тысяч людей свершилось предательство футбола. И самым ужасным было то, что все происшедшее уже никого не удивляло. Мы все погрузились в пучину лжи.

После бала

История непримиримого соперничества российских и украинских клубов, повторяю, насчитывала не один десяток лет. Яркие примеры разгула самого неприкрытого цинизма и

глумления высокопоставленных чиновников над футболом и по сей день хранит память многих людей моего поколения, проживших в футболе большую часть своей жизни.

Замечу попутно, что если спортсмены стремились все же придерживаться принятых в спорте этических норм поведения, то чиновники творили все, мягко говоря, своеобразно. О многих деталях, свидетельствовавших о разгуле чиновничьего беспредела, мне привелось узнать, когда я был действующим арбитром.

Завершался сезон 1972 года. Отчаянная борьба за выживание в первой лиге развернулась среди нескольких команд.

Российские деятели были весьма озабочены судьбой свердловского «Уралмаша», еще недавно выступавшего в высшей лиге, а теперь оказавшегося на самом дне турнирной таблицы. Неменьшие тревоги одолевали украинских функционеров: вылет во вторую лигу грозил харьковскому «Металлисту». Судьба конкурентов должна была решиться в последнем туре. Уральцам предстоял выезд в Караганду, а харьковчанам — в Нальчик. И карагандинскому «Шахтеру», и нальчикскому «Автомобилисту» очки были не очень нужны: по крайней мере судьбу этих команд они не определяли. Оба клуба утвердились в середине таблицы и никаких неудобств не испытывали.

Сложившуюся ситуацию и решили использовать руководители российского футбола для спасения «гиганта отечественного машиностроения». Большой столичный босс (не называю его фамилию лишь по одной причине: его давно нет в живых) позвонил в Алма-Ату и без особых усилий достиг консенсуса с ответственным работником отдела футбола Спорткомитета Казахстана Михаилом Черданцевым. Карагандинцам предписывалось сдать игру уральцам, а взамен обещалось вернуть долг в двойном размере (т. е. четыре очка) в следующем сезоне. Рассказываю об этом с уверенностью, ибо случайно присутствовал при том «историческом» разговоре. Тем временем в Караганду был срочно командирован московский арбитр Николай Шумунов, слывший неподражаемым умельцем «творить» нужные начальству результаты матчей. Правда, в Караганде его талант остался невостребованным. Казахстанцы не подвели «старших братьев» и преподнесли им вожделенные два очка — 2:1 в пользу «Уралмаша».

Восхищенные своим «подвигом» триумфаторы, как водится, отправились в ресторан. Когда бал победителей в Караганде подходил к концу, в Нальчике еще только начала разворачиваться подлинная драма.

По планам заговорщиков, Нальчик должен был при всех

раскладах отстоять интересы России и отобрать два очка у главного конкурента «Уралмаша» — харьковского «Металлиста». Для исполнения этого замысла в Кабардино-Балкарию была заброшена целая диверсионная группа. Судейскую бригаду возглавлял ни в чем не уступавший Шумунову в мастерстве «сплава» ленинградский арбитр Константин Смирнов. Для присмотра за судьями и общего руководства «операцией» в Нальчик прибыл ответственный сотрудник Управления футбола Спорткомитета РСФСР подполковник запаса Константин Демченко. Казалось бы, все было спланировано и предусмотрено. Не были, однако, учтены контрмеры, которые начали предпринимать не менее проницательные харьковчане. Они, как и следовало ожидать, без дела тоже не сидели. За два дня до игры в Нальчике десантировалась группа харьковских «контрразведчиков», возглавляемых известным в прошлом футболистом, ставшим председателем харьковского Спорткомитета, Виталием Зубом. Его переговоры с местными «полевыми командирами», проходившие в строго конфиденциальной обстановке, при полном взаимопонимании и обоюдном согласии, завершились вполне успешно. Словом, когда карагандинский бал окончился, из Нальчика пришла ошеломляющая весть: местные ребята без особых хлопот сплавили украинским хлопцам два очка («Металлист» победил — 1:0) и первыми поздравили их с успешным завершением сезона. Физиономии участников карагандинской попойки не уступали выражению лиц героев финальной сцены гоголевского «Ревизора».

Дружбы народов надежный оплот…

Разгул договорного футбола далеко не всегда ограничивался территориальными или республиканскими интересами. Периодически какие-то обстоятельства могли способствовать возникновению «интимных» отношений между, казалось бы, далекими друг от друга командами.

Сезон 1974 года был последним в моей судейской карьере: согласно действовавшему тогда регламенту, я в силу достигнутого возраста терял право реферировать игры команд мастеров. Свой последний матч мне довелось проводить поздней осенью в Кутаиси. Местное «Торпедо» играло с симферопольской «Таврией». Перед началом матча в судейскую комнату зашли тренеры и капитаны команд, кутаисские арбитры Карло Хурцидзе, Зураб Тодадзе, Тамаз Абутидзе. Мне преподнесли мяч с

автографами игроков, тренеров, судей. Приятная, хотя и немного грустная церемония расставания с любимым делом. Однако подошло время выходить на поле...

Для соперников это была последняя игра сезона, уже мало что решавшая. Когда мы уходили на перерыв, на табло светились нули.

Но едва матч возобновился, как совершенно неожиданно, без видимых причин в своей штрафной площади упал защитник «Таврии» и, как заправский вратарь, схватил мяч руками. Назначенный мною пенальти никто не оспаривал, и Джамал Херхадзе открыл счет. Прошло еще две минуты, и мяч снова навестил ворота крымчан. А когда до конца игры оставалось минут пятнадцать, Климов сильно пробил в сторону ворот, которые защищал Габелия. Мяч летел почти в руки вратарю. Однако голкипер повел себя крайне странно, бросившись и сторону... от него. Счет стал 2:1.

Когда мы покидали поле, я спросил одного из своих помощников, Игоря Захарова, не показались ли ему странными некоторые эпизоды матча. «Показались, — ответил Игорь, — но зачем это им понадобилось?»

Спустя несколько лет на весенних сборах в Сочи мы встретились с начальником симферопольской команды Анатолием Заяевым. Он-то и прояснил «странности» того премиального для меня матча. Все оказалось вульгарно и просто. Поскольку очки соперникам были уже не нужны, они договорились, что победу одержат хозяева поля, а в порядке компенсации «разрешат» гостям забить один ответный гол. Выяснилось, что, забив этот мет, «Таврия» становилась лучшей командой по количеству забитых голов (74), ибо в этом случае опережала столичных железнодорожников, поразивших цели соперников (всего!) 73 раза. Совершив этот «подвиг», крымчане получали приз, учрежденный газетой «Гудок» для самой результативной команды.

Остап Бендер из Свердловска

К началу 70-х годов наши остапы бендеры от футбола обнаглели до такой степени, что отважились апробировать свои навыки и на международном уровне.

В 1974 году столичный «Локомотив» участвовал в розыгрыше Кубка международного спортивного Союза железнодорожников (МССЖ). Победитель каждого соперничества определялся по

итогам двух матчей — на своем поле и в гостях. В целях экономии расходов все игры обслуживали местные рефери.

Стартовые матчи москвичи провели успешно, и теперь в финальных встречах с одноклубниками из Софии им предстояло выявить обладателя Кубка.

Первая игра проходила 6 марта в столице Болгарии и завершилась победой хозяев со счетом 4:1. Руководители нашей делегации уверяли, что победу болгарам в значительной степени обеспечил местный арбитр, не сумевший перебороть своих симпатий к землякам. Ответная встреча была назначена на 21 марта в Сочи, где мы вместе с известным советским рефери Сергеем Алимовым проводили Всесоюзные судейские сборы.

Тем временем руководители нашего «Локомотива» вели интенсивные поиски отечественного «арбитра-патриота», способного «отмстить неразумным хазарам», отстоять поруганную честь наших железнодорожников и обеспечить им желанный результат: победу с разницей в три мяча. Московские судьи, которым делались столь лестные предложения с приложением годичного литера на бесплатное «катание» по всем железным дорогам страны, наотрез отвергли посулы незадачнивых махинаторов. Однако исполнитель все же был найден. «Пункции футбольного киллера принял на себя судья из Свердловска Игорь Калганов. Московский «Локомотив» победил — 3:0 и увез в столицу Кубок МССЖ. С методикой, которую использовал уральский арбитр для обеспечения заказанного результата матча, ознакомиться не удалось. Дело в том, что нам с Алимовым предложили выехать со всеми участниками сборов за пределы Сочи и на стадионе не появляться. Видимо, чтобы участники сборов не заразились дурными примерами.

Летом 2002 года популярный телеведущий Николай Сванидзе пригласил на свою передачу главного «футболиста» России Вячеслава Колоскова. В ходе оживленной беседы была затронута животрепещущая тема о договорных матчах. Президенту РФС, в частности, был задан прямой вопрос, знал ли он, что в 1992 году перед решающей для нашей сборной игрой чемпионата Европы с шотландцами, которые уже утратили все шансы на выход в полуфинал, предпринимались попытки договориться с соперниками о нужном для нашей команды исходе встречи. Не моргнув глазом глава футбольного ведомства ответил: «Да, я был в курсе подобных разговоров...»

Продемонстрировать свою нравственную вялость и дряблость воли на международной арене сумела и наша молодежная сборная осенью 1997 года.

Выступая в групповом отборочном турнире чемпионата

Европы, она, руководимая Михаилом Гершковичем, в соперничестве со сборными Болгарии, Израиля и Люксембурга набрала 10 очков. В это время болгары опережали наших на одно очко. Чтобы побороться за престижный европейский приз и одновременно за право участия в предстоящих Олимпийских играх, нашим оставалось сделать всего один шаг: победить у себя дома болгар. Руководители РФС предупредили Гершковича, что в случае успеха его шансы занять пост главного тренера сборной России и готовить ее к чемпионату мира-2002 значительно возрастут. Подобный расклад заранее предполагал, что наши руководители и стоявшие за их спинами весьма влиятельные «спонсоры» пойдут на все. Одолеть болгар нашей команде все же удалось (3:2). Однако после этой победы среди людей, приближенных к футбольным верхам, прошел слух, что болгары уступили не просто так, а благодаря солидной долларовой инъекции. Впрочем, тщеславным, но, увы, не очень мастеровитым тренерам все эти манипуляции не помогли. Отправившись на финальный турнир чемпионата Европы в Бухарест, наши молодые футболисты проиграли сборным Испании (0:1), Швеции (0:2) и, едва одолев хозяев турнира и заняв в группе последнее место, выбыли из борьбы за право участия в Олимпийских играх. А в Японию Гершкович все же поехал. В качестве первого помощника Олега Романцева. Об исходе той эпопеи вы наверняка еще не забыли. Да и можно ли россиянам забыть позорные для нашего футбола летние дни 2002 года?

Судьи черных ящиков не оставляют

Поверьте, автор далек от стремления навязать читателю мысль, что все победы отечественного футбола порождаются договорными матчами и процветающей в нем коррупцией. Разумеется, это не так. Но то, что теневой футбол вытеснил из любимой нами игры культуру духа, породил дряблость волевой мускулатуры у наших, порой даже ведущих мастеров — факт непреложный.

«В самом деле, — рассуждает сегодня какое-нибудь молодое дарование, — зачем корячиться и пахать все 90 минут в каждой игре, когда можно чуть ли не через тур выходить на футбольное поле для прогулки и нагуливания аппетита, да еще получать за это вполне приличное вознаграждение зеленого цвета?»

Поверьте, подобные мысли нередко навещают шальные головы многих молодых ребят (особенно в первом и втором

дивизионах). Не потому ли, едва вспыхнув, так быстро гаснут паши доморощенные звездочки? Не потому ли на их местах появляются более старательные, но еще не понаторевшие в «договорках» удалые иностранцы?

Не следует, однако, думать, что стремительно развивающийся теневой футбол не вызывал никакого противодействия. Об изощрениях махинаторов всех мастей и званий добывать очки не на футбольных полях, а на «тайных вечерях» к кабинетах фешенебельных отелей и ресторанов, в саунах, на рыбалках и охоте частенько информировались спортивные столоначальники. Докатывались сигналы тревоги и до партийных бонз, восседавших па Старой площади. Некоторые из них то ли по наивности, то ли по недомыслию, откровенно негодуя, бросались в мутные воды с целью изобличения новоявленных футбольных шулеров. Однако, по мере «следственных действий» натыкаясь на имена известных партийных и государственных деятелей, служивших, порой сами того не ведая, крышей для наглеющих дельцов, они быстро остывали, так как понимали, что их благие порывы не только бесполезны, но и небезопасны, ибо могут сильно подпортить биографии «следователям». В самом деле, за выступлениями киевлян и остальных украинских клубов внимательно присматривал член Политбюро ЦК КПСС и первый секретарь ЦК компартии Украины Виктор Васильевич Щербицкий: ташкентский «Пахтакор» не менее ретиво опекал занимавший аналогичные посты в Узбекистане Шараф Рашидович Рашидов; интересы бакинского «Нефтчи» бдительно оберегал имевший такие же должности Гейдар Алиевич Алиев. Почти все столичные клубы также имели надежные прикрытия. Поэтому волны возмущения темными делишками футбольных проходимцев все чаще натыкались на сопротивление. Попытки разобраться с дельцами в середине 70-х годов предприняло даже МВД СССР. В его составе была образована специальная группа опытных следователей, возглавляемая майором Литвиновым.

В 1975 году в казахстанском городе Чимкенте проводился переходный финальный турнир команд, преуспевших во второй лиге. Участие в нем принимали шесть клубов: грозненский «Терек», рижская «Даугава», ашхабадский «Строитель», «Янгиер» из города Янгиера, «Гурия» из маленького грузинского городка Ланчхути и «Динамо» из Махачкалы. Победитель турнира получал вожделенную путевку в высшую лигу.

В те годы только самые завзятые «наивняки» делали вид, что не ведают, какими методами завоевывается место в футбольной элите. Прохиндеи, являвшиеся эмиссарами наиболее

продвинутых клубов, прибывали на подобные форумы, словно инкассаторы крупнейших банков: пачки несметного количества денежных купюр, аккуратно уложенные в модные чемоданы и спортивные баулы, торжественно проплывали в люксовские номера лучших отелей и ожидали там распоряжений своих наглых хозяев.

Перед одной важной игрой между «Янгиером» и «Даугавой» в номер к назначенному ее судить московскому арбитру Виктору Жаркову заявился вальяжный господин из Узбекистана. Без лишних экивоков он заявил, что в случае победы «Янгиера» судье будет вручена пачка ассигнаций на сумму, превышающую стоимость новеньких «жигулей» (средняя зарплата в стране составляла тогда 120—130 рублей). Жарков решительно отверг предложенную ему мзду. «Даугава» тогда победила со счетом 3:2.

Спустя некоторое время мы узнали, что переговоры в гостиничном номере арбитра были записаны на видеопленку. Назревал скандал межреспубликанского значения. Однако вмешательство партийных небожителей, предложивших не поднимать бурю в стакане воды, остудило служебное рвение работников правоохранительных органов. Команда Литвинова вскоре была распущена, а ее начальник все же успел вынести пользу от проделанной его группой работы: он защитил диссертацию о борьбе с коррупцией в футболе. О ее практической пользе автор этих заметок не ведает.

Там, где кончается футбол…

О грязном периоде, который довелось пережить отечественному футболу в концовке сезона 1976 года и в 1977 году, когда «Спартак» вывалился из высшей лиги, можно составить тома из самых невероятных историй. Я расскажу лишь несколько.

Сезон 1976 года завершился небывалой сенсацией: высшую лигу покидал один из самых титулованных и заслуженных коллективов страны — московский «Спартак». Конечно, основной причиной были грубые просчеты и в подготовке команды к сезону, и в подборе футболистов, и огрехи в тактических построениях. Но падению спартаковцев способствовали и некоторые соперники, подтолкнувшие их в пропасть. Они при помощи унизительных махинаций, в ряду которых не последнее место занимал договорной футбол, зацепились за спасительные места в высшей лиге, выдавив оттуда «Спартак», которому

подобные методы борьбы претили.

Наступил 1977 год. «Спартаку» предстояло провести его в первой лиге. Вселенская скорбь охватила не только верховных главнокомандующих спортивным движением страны. Судьбой народной Команды занялся лично член Политбюро, первый секретарь МГК КПСС Виктор Васильевич Гришин. Он потребовал принятия самых эффективных мер для возвращения «Спартака» в высшую лигу. В такой постановке вопроса не было ничего порочного. Дело заключалось лишь в том, какими методами следовало выполнять подобное указание. Было предпринято несколько вполне разумных, на мой взгляд, шагов. К руководству командой пришли Николай Петрович Старостин и Константин Иванович Бесков. Их огромный опыт и талант вскоре начали давать всходы. И все же в первом круге команду лихорадило: победы сменялись поражениями, непросто проходила притирка друг к другу молодых футболистов, привлеченных в знаменитый клуб из команд нижестоящих лиг. И тут началось то, что уже не раз практиковалось футбольными функционерами, озабоченными в первую очередь своей карьерой; Начали они с традиционной и неоднократно ими же практиковавшейся акции: на выручку «Спартаку» были срочно мобилизованы удобные и покладистые люди «судейской национальности». В их числе оказались несколько ленинградских рефери, Которые отнюдь Не по ироний судьбы, а по злому умыслу дельцов от спорта в сезоне 1977 года отсудили едва ли не третью часть всех игр с участием «Спартака». «Спасатели» проявили огромное усердие и отработали оказанное им доверие сполна: в 1977 году «Спартаку» была предоставлена возможность 13 (!) раз бить по воротам соперников с одиннадцатиметровых отметок. Ближайший к нему в этой номинации «Памир» получил право на восемь пенальти, а следовавшая третьей «Таврия» удостоилась подобных милостей только пять раз.

Забавную картину довелось мне наблюдать перед началом встречи «Спартака» с одним из иногородних соперников. Мы сидели в судейской комнате и беседовали с готовящимся к выходу на поле ленинградским арбитром Генрихом Мильхом. Неожиданно в судейскую вошел бывший тогда начальником Управления футбола Анатолий Еремин. Обращаясь к смущенному таким визитом судье, он очень строгим голосом спросил его: «Товарищ Мильх! Вы отдаете себе отчет, какую команду вам сегодня доверили судить?». «Да, да, конечно», — ответствовал ошарашенный ленинградец. Он прекрасно понимал; на что намекал ему высокопоставленный чиновник. Надо ли говорить, что игра завершилась победой спартаковцев?

Впрочем, рассказав только об одном эпизоде из многочисленных акций, направленных на спасение «Спартака» при помощи судей, я сильно забежал вперед: о роли арбитров и стоящих за их спинами функционеров нам еще предстоит большой разговор. Пока же тороплюсь высказать сожаление в связи с тем, что, уходя из большого футбола, судьи не оставляют после себя черных ящиков. Какое увлекательное было бы чтиво!

Вот еще одно подтверждение сказанному. В том же достопамятном 1977 году «Спартак» на стадионе «Динамо» в Москве принимал украинскую команду «Кривбасс». Игра у москвичей явно не ладилась, а очки были нужны позарез. На помощь спартаковцам отважился прийти ленинградский рефери Константин Смирнов. Задачу ему во многом облегчил хитроумный форвард «Спартака» Миша Булгаков, прибежавший в штрафную площадь соперников. Этот шустрый игрок уже успел зарекомендовать себя как добытчик одиннадцатиметровых ударов. Вот и на этот раз он, владея мячом, выжидал момент для удачного завершения своего рейда. Но перед ним все время оказывался украинский защитник. Видя, что нанести удар по воротам ему не дадут, Миша, слыша призывы болельщиков: «Падай, падай!» — решил применить свой коронный номер: он прибавил скорости, буквально врезался в своего оппонента и тут же упал. Смирнов был недалеко. Он не мог не видеть, что Булгаков оказался на траве по своей инициативе: нарушений правил не было. Однако, дав свисток, арбитр вытянул свою длань в сторону роковой Точки. Спартаковцы сравняли счет и спасли очко.

Мне довелось быть инспектором на той игре. Без малейших раздумий я тут же, на стадионе, заполнил рапорт, поставил против фамилии незадачливого служителя спортивной Фемиды жирную «двойку» и отдал сей документ дежурному Федерации футбола. Тогда вместо привычных ныне послематчевых пресс-конференций; проводилось короткое совещание, на котором кроме оглашения выводов инспектора о матче отчитывалась и специальная просмотровая комиссия: В тот день ее возглавлял арбитр Всесоюзной категории Владимир Бабушкин. Одиннадцать членов комиссии были единодушны: назначив пенальти в ворота «Кривбасса», судья грубо ошибся. Оценка судейства — два!

В середине следующего дня мне позвонили из Федерации футбола СССР и попросили срочно приехать на Арбатскую площадь (там располагался раньше главный футбольный штаб). В кабинете Еремина собралось много народу: братья Николай и Андрей Старостины, члены спортивно-технической комиссии, ведущие судьи и сам хозяин помещения. Довольно

продолжительное разглядывание видеозаписи матча и эпизода с назначением пенальти никакого результата по сути дела не дало. Мнения сторон разделились. Истина осталась где-то за кадром. Тем не менее в очередном номере «Советского спорта» появилась маленькая заметка без подписи под обязывающим заголовком «В Федерации футбола СССР». В ней сообщалось, что вчера было проведено совещание специалистов футбола, тренеров «Спартака» и судей, на котором был проведен просмотр видеозаписи игры «Спартак» — «Кривбасс». Действия судьи К. Смирнова признаны правильными. Едва сдерживая распиравший меня гнев, я позвонил в федерацию. Взявший трубку Александр Владимирович Меньшиков спокойно осадил меня: «Чего ты кричишь, чай уже не маленький и должен понимать, кто приказал редактору газеты дать такую липу!» Оказалось, что «дать липу» приказал партайгеноссе со Старой площади.

И еще одна история, также посвященная ретивым чиновникам. Дело было 3 октября того же 1977 года. «Спартак» еще не решил главной для себя стратегической задачи, твердой уверенности на возвращение в «высший футбольный свет» не было. Тем не менее, принимая в Москве ярославский «Шинник», москвичи одолеть его не сумели, игра завершилась нулевой ничьей. Прозвучал финальный свисток. Мы спустились в подтрибунное помещение стадиона «Локомотив». Стремительной походкой по коридору проследовал заведующий отделом футбола спортивных обществ профсоюзов Сергей Васильевич Полевой. Не замедляя шага, он гневно кричал своему подчиненному: «Завтра же все выездные дела «Шинника» выброси в мусорную корзину! Будут знать, у кого отнимать очки!» Ярославским ребятам поехать в Иран все же удалось. «Амнистии» они добились благодаря тому, что через несколько дней после матча со «Спартаком» изловчились у себя в Ярославле одолеть главного конкурента москвичей — минских динамовцев.

Полиция нравов

Внимательное прочтение многочисленных положений и инструкций, регламентирующих деятельность судей-инспекторов, невольно наводит на мысль, что их обязанности в чем-то схожи с деятельностью сотрудников полиции нравов. Институт инспекторов был образован у нас в 1975 году. Мои коллеги и я очень гордились тем, что оказались первопроходцами нового начинания. Тогда я наивно полагал, что сумею хоть как-то

поспособствовать очищению нашего футбола от разлагающей его скверны. Выезжая в течение многих лет на инспектирование самых ответственных матчей, я вынужден был писать в рапортах о преступных сговорах команд, играющих по заранее спланированным сценариям, с заведомо известным результатом. Впервые такая не очень приятная миссия выпала на мою долю в 1975 году в Одессе, где местный «Черноморец» встречался со львовскими «Карпатами». Без малейшего зазрения совести соперники продемонстрировали полное небрежение к интересам футбола и сгоняли «боевую» ничью — 2:2.

В том же 1975 году «повеселили» ленинградских зрителей «Зенит» и киевское «Динамо». Счет открыли гости, после чего они буквально распахнули перед форвардами хозяев поля ворота. Стояла морозная погода, поле заледенело, и суетившиеся зенитовцы никак не могли поразить цель. Трибуны весело скандировали: «Хал-ту-ра, хал-ту-ра!!!» В конце концов, к обоюдному удовольствию участников, северянам удалось закатить непослушный мячик в ворота южан — 1:1. А я опять оказался в незавидной роли разоблачителя. Свой рапорт я вручил Никите Павловичу Симоняну, бывшему тогда заместителем начальника Управления футбола. Он тут же просмотрел мои записи и, грустно улыбнувшись, проронил: «А мы знали, ЧТО ОНИ СГОНЯЮТ НИЧЬЮ...»

27 октября 1980 года московский «Локомотив» играл на своем стадионе все с тем же киевским «Динамо». Не стану описывать подробности игры, приведу лишь цитату из моего рапорта: «У инспектора нет ни малейших сомнений, что ничейный исход игры был заранее спланирован. Об этом говорит весь ход матча, из которого начисто был и выхолощены силовая борьба и стремление бороться за победу. Игры не было, была подделка». Величественным молчанием отреагировали на этот документ новые кабинеты футбольного департамента, переселившегося с Арбатской площади на Лужнецкую набережную.

Почти через год, 26 сентября 1981 года, случай вновь свел меня с киевлянами. В Ереване они встречались с «Араратом». Динамовцы, видимо, подзабыли о подробностях прошлогодней игры с «Локомотивом» и уж наверняка не помнили, кто ее инспектировал. Поэтому не очень утруждали себя обновлением репертуара и новизной сценариев проводимых ими матчей. Все эти мелочи их мало занимали: ведь они пребывали под покровительством главы украинской партийной организации, от которого, казалось, получили лицензию на вседозволенность.

Вот что мне пришлось отметить в рапорте: «Сценарий

отчетного матча удивительно похож на прошлогодний: «Локомотив» — «Динамо» (Киев). Такой же счет — 1:1. Первый гол забил О. Блохин. А ответный гол был забит незадолго до конца игры с одиннадцати метрового. Как и год назад, киевляне сперва преднамеренно нарушили правила, а затем изображали обиду и оспаривали пенальти. В обоих случаях футбола не было».

Не стремлюсь выглядеть правдолюбцем. Но не могу не отметить, что целый батальон инспекторов, идя на поводу у трусливых руководителей прежде союзного, а ныне российского футбола, по сути дела, демонстрирует бездумное созерцание откровенного надувательства и прикрывает происходящие процессы нравственного разложения. Ведь ежегодно даже в Премьер-лиге у нас проводятся десятки липовых игр с заранее оговоренными результатами, а заслуженные, любящие футбол люди, облаченные полномочиями инспекторов, притворяются слепыми.

Известны (правда, единичные) случаи, когда озарение совестью снисходило на некоторых отважных инспекторов. И они открыто писали о сговорах команд. Проявил смелость и принципиальность воронежец Николай Козьяков, инспектировавший в 1988 году матч никопольского «Колоса» с абовянским «Котайком». Можно допустить, что имели место и еще какие-то проблески чести у наших служителей полиции нравов.

А вот легендарный Михаил Иосифович Якушин, понаблюдав за спектаклем, не очень убедительно разыгранным в сезоне 1984 года грузинскими командами «Торпедо» из Кутаиси и «Гурией» из Ланчхути, немедленно послал резкий рапорт.

Но во всех подобных случаях рапорты инспекторов безнадежно терялись в чиновничьих столах. Дельцы отделывались легким испугом и... продолжали свою разрушительную работу.

Праздник совести

В начале 80-х годов я получил назначение на инспектирование игры украинских команд высшей лиги. Оба клуба уже исчерпали действовавший тогда лимит ничьих, и, следовательно, мирный исход встречи их не устраивал: очки в подобной ситуации не получил бы никто. Но победа каждого из них поднимала команду на два-три места выше в итоговой таблице чемпионата. Можно было предположить, что какой-

нибудь выход наши неподражаемые акробаты лжи искать будут. Так и случилось: они договорились играть 80 минут в настоящий футбол с полной отдачей. Если бы за это время кто-либо успел получить преимущество в счете, соперники обязаны были смириться. Но если бы за 10 минут до финального свистка счет остался ничейным, одна из команд обязана была пойти на жертву и уступить победу сопернику. Которая? Оказывается, хитрецы еще до начала матча провели жеребьевку и таким образом определили судьбу победителя этой игры.

Нет особой нужды рассказывать, как мне довелось узнать об этом сговоре. Встретившись накануне игры основных составов на матче дублеров с тренерами обеих команд, я пообещал не называть их фамилий и клубов. Они в свою очередь пообещали мне, что проведут ВСЮ игру (а не только 80 минут) без шулерских приемов. Свое слово они сдержали: игра завершилась нулевой ничьей. Очков команды не приобрели. Зато, как мне кажется, все мы приобрели нечто большее. Мы устроили себе маленький праздник Совести.

Однако моя «одноразовая» победа длительного покоя мне не дала. Ведь жил я не в безвоздушном пространстве и был прекрасно осведомлен о многих событиях, продолжавших разлагать и уничтожать любимый вид спорта. Я не вел специальных реестров всех случаев глумлений над ним, но знал и видел, что разнузданный вал Издевательства не только не затихал, но и продолжал стремительно разрастаться. Сотни, тысячи журналистов разделяли мои чувству. Мы не могли бездумно созерцать происходящее и делали все от нас зависящее, чтобы хоть как-то унять распоясавшихся проходимцев. Предлагаемые читателю воспоминания, конечно, революции в футболе не сделают. Но даже если они заставят хоть нескольких честных людей понять, что дальше так жить нельзя, я буду считать, что не напрасно потратил время на написание этих страниц.

Команда со Старой площади

К концу чемпионата СССР 1984 года наш футбол потряс очередной коллапс. Острая очковая недостаточность обнаружилась у армейцев Москвы. Вылет из высшей лиги был практически предрешен. Их покровителя министра обороны маршала Гречко уже давно не было в живых. За два года до описываемых событий не стало еще одного поклонника ЦСКА —

Леонида Брежнева. Судьба славного клуба, похоже, уже никого особо не тревожила. Это, однако, не означало, что борьба на нижних этажах турнирной таблицы затихла. Кроме ЦСКА на расставание с высшей лигой стояли в очереди еще несколько «виповских» претендентов, располагавших весьма влиятельными опекунами. На оставшееся вакантным печальное место изгнанника претендовали: ташкентский «Пахтакор», бакинский «Нефтчи» и (страшно подумать!) столичное «Динамо».

Судьбу своих бакинских земляков ретиво взялся решить недавно перебравшийся в Москву член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель председателя Совмина, который, кстати говоря, курировал и спорт, — Гейдар Алиев. Он-то и сыграл решающую роль в распределении мест среди аутсайдеров. Для этого потребовался всего лишь один строгий звонок председателю Госкомспорта Марату Грамову. На третьем этаже известного здания на Лужнецкой набережной все высшие спортивные чиновники взяли под козырек и ответили: «Будь сделано!» С третьего этажа незамедлительно последовало указание на второй этаж Колоскову, и порочная машина завертелась. С легкостью необычайной циничные дельцы за считанные минуты разработали план выполнения чрезвычайною задания партийного и государственного руководителя.

Внимание разработчиков коварного плана привлекло незавидное положение столичных динамовцев, у которых было тогда 24 очка и две игры впереди: с «Араратом» и «Нефтчи» в Москве, на ковре Олимпийского стадиона. У «Пахтакора» тоже было тогда 24 очка. Ему предстояло принимать дома бакинцев. Достаточно было землякам Алиева отобрать в Ташкенте хотя бы одно очко, как криминальная схема приобретала вполне реальные черты. «Арарату», которому очки уже были не нужны, дали команду уступить два очка «Динамо» (разумеется, небескорыстно). Набирая 26 очков, москвичи покидали опасную зону и получали возможность «немножко заработать», подарив два очка бакинцам. В этом случае и «Динамо», и «Нефтчи» обходили «Пахтакор» и отправляли его в первую лигу, вдогонку за безнадежно отставшими армейцами.

Самым трудным оказалось обеспечить ничью между «Пахтакором» и «Нефтчи». К тому времени в Ташкенте уже не было (он умер годом раньше) хозяина Узбекистана Шарафа Рашидова, что окончательно развязало руки футбольным дельцам. Нужный для Баку и ряда других заговорщиков результат 0:0 был достигнут! Все остальное оказалось делом техники. «Арарат» в Москве долго испытывал терпение динамовцев: до 81-й минуты счет не был открыт. Однако указание футбольных

Небожителей надо было выполнять. И тогда, к удивлению многих не осведомленных о закулисных баталиях зрителей Олимпийского стадиона, тренеры «Арарата» заменили своего лучшего защитника Альберта Саркисяна. Буквально через несколько мгновений мяч оказался; в воротах армянской команды.

Перед последней игрой между «Динамо» и «Нефтчи» о порочных замыслах футбольных прохиндеев узнал председатель Центрального совета «Динамо» генерал Богданов. Он немедленно выехал в Новогорск и буквально умолял подчиненных ему чекистов не позорить славное динамовское знамя. Опустив очи долу, известные мастера футбола что-то вяло пообещали. Но тут, как говорили знатоки футбольной чернухи, в дело вмешался туго набитый купюрами солидный рюкзак, доставленный в столицу из Баку...

По ходу матча наивным людям показалось, что гордые динамовцы вняли увещеваниям своего генерала и на самом деле решили постоять за офицерскую честь. Они даже сподобились дважды поразить ворота бакинцев. Ну, а затем совесть, усыпленная анестезией бездуховности, позволила все же силам зла одолеть добрые замыслы: нефтяники забили три ответных мяча, набрали так им необходимые 26 очков и заняли даже 15-е место, опередив своих недавних благодетелей — доблестных чекистов.

Высшую лигу покинули осиротевшие «Пахтакор» и ЦСКА.

Вернемся, однако, к исполнителю только что описанного нами футбольного дивертисмента — начальнику Управления футбола Колоскову. Дело в том, что 1984 год оказался для него в высшей степени урожайным на самые невероятные приключения. Началось с того, что на спекуляциях автомобилями, нелегально приобретаемыми через футбольные команды, попался его первый заместитель, за что был в одночасье выдворен с работы. Вслед за ним за вульгарное взяточничество при оформлении заявок среднеазиатских команд пришлось увольнять молодого, но очень прыткого методиста Управления футбола. Тогда же были вскрыты факты крупных хищений спортивного инвентаря, подлежащего передаче сборным командам страны. В Мосгорсуде начался шумный уголовный процесс. Начальник Управления футбола Колосков имел к нему прямое отношение... И только благодаря как нельзя кстати подвернувшемуся заданию Г. Алиева по спасению «Нефтчи» чиновнику удалось увильнуть от наказания. В Мосгорсуд позвонили из партаппарата и «попросили» не обижать его.

Как мы уже знаем, в сентябре 1984 года Грамову стало

известно о подлоге, продемонстрированном участниками матча «Гурия» — «Торпедо» (Кутаиси), и о рапорте, написанном инспектором М. Якушиным. Разгневанный министр приказал вынести вопрос на рассмотрение Коллегии Госкомспорта.

Проанализировав все «заслуги» главного футболиста страны, присовокупив к их перечню и удручающие итоги выступлений советских команд на различных международных форумах, Грамов предложил ему поискать работу в другом ведомстве. Казалось бы, все конец карьере! Однако помощь пришла с неожиданной стороны: по просьбе Константина Ивановича Бескова, которого очень ценили и уважали на всех этажах партийной власти, об ожидаемой отставке осрамившегося чиновника доложили Генеральному секретарю ЦК КПСС и попросили пощадить футбольного руководителя. Помощник К. Черненко Виктор Прибытков позвонил Грамову... Дело спустили на тормозах...

Кутаисский рынок

Ошеломляющую серию махинаций по закупке остро необходимых им для выживания в высшей лиге очков осуществили в 1985 году кутаисские торпедовцы. После первого круга они сумели обзавестись всего лишь восемью очками. Вылет из «высшего общества» казался неотвратимым. Однако на финише турнира автозаводцы предприняли невиданный спурт: в шести последних матчах они одержали пять побед и, набрав 10 очков из 12, заняли 11-е место при 18 участниках! В числе поверженных оказались даже чемпионы-85 — киевские динамовцы. Лишь алма-атинский «Кайрат», которому очки тоже были нужны позарез, сумел избежать соблазна и не пожелал играть в поддавки.

В футбольных кругах все знали о применяемой кутаисцами технологии. Корреспондент ТАСС Владимир Дворцов загодя называл Начальнику Управления футбола результаты предстоящих матчей... Никакого впечатления... Настырный журналист перед матчем в Кутаиси между торпедовцами и киевлянами предложит руководителю союзного футбола пари: он уверял, что чемпионы страны «сольют» хозяевам Поля очередные два очка. Чиновник продемонстрировал полное отсутствие культуры духа, заявив, что подобного быть не может. Пари он проиграл, но долг (всего-то одна бутылка коньяку) так и не вернул...

Вендетта по-партийному

10 декабря 1989 года ведущий популярнейшей передачи «Футбольное обозрение» Владимир Перетурин сообщил, что в минувшем сезоне только в высшей лиге махинаторы сгоняли около... сорока (!) договорных матчей (без малого 20%!). «Команды отдавали очки, может быть, торговали ими... Такого еще не было», — заключил свой монолог комментатор.

Тем временем поощряемые преступной инертностью руководителей футбольного ведомства и растерянностью бонз, взиравших на мир сквозь огромные стекла угрюмого серого здания на Старой площади, оживились футбольные мафиози. Они продолжали жить старыми представлениями, но при этом видели, что мятежный дух свободомыслия и независимости, стремление утверждать свое «я» продолжают оставаться непозволительной роскошью в отечественном футболе. Повадки и прежних, и приходящих им на смену руководителей, их философия и представления о жизненных ценностях почти не претерпели изменений.

На головы инакомыслящих полились потоки брани. Один из активнейших деятелей, усиленно внедрявший в футбол «рыночные отношения», тренер киевских динамовцев Олег Базилевич, ничтоже сумняшеся, заявил на страницах «Советского спорта»: «У нашего футбола есть большой, годами завоеванный авторитет. И нельзя его подрывать, делить команды на «честные» и «нечестные», компрометировать домыслами известных специалистов целые коллективы... На мой взгляд, попыткам очернить работу большого отряда советских футболистов надо дать отпор». Следует заметить, что отпор «очернителям советского футбола» не заставил себя ждать.

Аркадий Галинский продолжал оставаться персоной нон грата, лишенной права на профессию. Его коллегу, всеобщего любимца и блистательного мастера публицистики Льва Филатова, вывели из состава редколлегии еженедельника «Футбол-хоккей», который он долгие годы возглавлял, будучи его главным редактором. Мало того, Филатова сделали... невыездным. Такую же «меру пресечения» вознамерились применить и к главному редактору издательства «Физкультура и спорт» Валерию Винокурову. Неприязнь футбольных чиновников к Винокурову побудила их родить еще один курьез. Ведомство Колоскова отказало ему в аккредитации на чемпионате мира, проходившем в 1994 году в США. Главный редактор крупнейшего спортивного издательства страны, одновременно являвшийся обозревателем газеты «Труд», конечно, на чемпионат поехал. Но

аккредитацию оргкомитета получил благодаря ходатайству... американских коллег!

Не прошел незамеченным и пассаж Перетурина в «Футбольном обозрении». На «позорящего советский футбол» комментатора в адрес председателя Гостелерадио Михаила Ненашева была отправлена «жалобная» эпистола, подписанная ответственным секретарем Федерации футбола СССР. Ознакомившись с этим шедевром, Перетурин тут же выдал афоризм: «Принципиальность украшает биографию и усложняет жизнь».

Не остались без внимания и выступление автора этих строк в журнале «Смена» со статьей «Коль слово «честь» забыто» (№ 8, 1989) и вскоре вышедший в издательстве «ФиС» сборник «Конфликт» с большим моим материалом. Меня отторгли от всех видов футбольной деятельности: инспектирования, преподавания, проведения судейских сборов и даже лишили права выезжать на детские турниры «Кожаный мяч». Таким образом, мне была предоставлена возможность разделить почетную участь вышеназванных и дорогих мне людей.

Я преднамеренно избавил от кавычек слова почетная участь, ибо полагаю, что оказаться в одном строю с названными мной мэтрами спортивной журналистики счел бы за честь любой порядочный человек. Именно эти обстоятельства подтолкнули меня к написанию статьи «Диссидент — это звучит гордо!», в которой я поделился своими «крамольными» мыслями с читателями.

Сладкие парочки

Повествование о договорном футболе было бы неполным без упоминания о годами складывающихся в нем традициях. В течение многих лет нарабатывались и утверждались порочные связи между определенными клубами, именовавшимися «сладкими парочками». Они без стыда и совести развлекались договорными матчами, зачастую вовлекая в свой порочный круг и другие команды далеко не всегда их вредоносные связи завершались ничейными матчами. По ходу чемпионата «высокие договаривающиеся стороны» могли внести в свои планы необходимые им коррективы. В таких случаях очки шли той команде, которая больше в них нуждалась. В течение ряда лет в подобных «любовных связях» неоднократно уличались киевские динамовцы при проведении встреч с «Араратом», алма-атинским

«Кайратом» и «Зенитом». Не избежали «греховных общений» и ЦСКА с тем же «Зенитом» При встречах между собой. Как я уже отмечал, с трогательной заботой относились обычно друг к другу и украинские клубы. Не брезговали подобными приемами и российские команды, в первую очередь игравшие в низших лигах.

С особой нежностью общались друг с другом команды, руководимые Валерием Овчинниковым и Арсеном Найденовым. Апофеозом их любви стал матч между нижегородским «Локомотивом», возглавляемым Овчинниковым, и сочинской «Жемчужиной», которую тренировал Найденов. Состоялся он 10 ноября 1993 года. Это было в последнем туре чемпионата России. Судивший ту встречу московский рефери Валентин Купрящкин и другие очевидцы рассказывали мне, что едва ли не с первых минут матча футболисты обеих команд после каждого игрового столкновения падали и катались но мерзлому нижегородскому нолю, изображая сцены «умирания» с таким остервенением, что не поверить в их страдания было просто невозможно. Благодаря подобным сценам, в которых самое деятельное участие принимала медицина, хитрецам удалось «убить» не одну минуту игрового времени. А нужно все это им было для того, чтобы поддерживать непрерывную связь с Волгоградом и Камышином, где в эти же минуты (так было предписано регламентом) играли находкинский «Океан» и владивостокский «Луч». Оба дальневосточных клуба являлись главными соперниками участников нижегородского матча. Особый ажиотаж в том сезоне подогревался тем, что, согласно регламенту, высшую лигу, состоявшую из 18 команд, должны были покинуть четыре клуба. И если судьба двух последних мест была уже решена («Асмарал» занимал последнюю, 18-ю строку в таблице, а на предпоследнем месте обосновался «Ростсельмаш»), то двух других неудачников должен был определить последний тур. У «Жемчужины» было 30 очков, у «Луча» — 29, а у нижегородцев и находкинцев — по 28. Зная этот расклад, читатель сам прекрасно разберется в ситуации, сложившейся накануне 10 ноября.

Когда в Волгограде и Камышине прозвучали финальные свистки, в Нижнем Новгороде благодаря артистически разыгрываемым игроками травмам игра еще продолжалась. Добившись такой методикой затяжки времени, ловкачи получили возможность выяснить результаты волжских «сражений». Оба матча там закончились поражениями дальневосточников. «Жемчужине» очки для спасения уже стали не нужны, и она с радостью оказала «благотворительную» помощь команде Овчинникова: при счете 1:1 нижегородцы на последних минутах закатили мячик в сочинские ворота и, набрав 30 очков, заняли аж

11-е место!

Весь этот спектакль был настолько пронизан ложью и цинизмом, что только абсолютно не сведущие и слепые люди могли не заметить очевидного подлога. Но приятели знали, на что шли. Они прекрасно понимали, что если их и станут судить, то вершить суд будут свои же коллеги, такие же мошенники, как и они. Придавало им уверенности и то, что за 10 дней до последнего тура, 30 октября, внаглую сгоняли между собой договорняк два именитых столичных клуба — «Динамо» и ЦСКА. Газета «Футбол-экспресс», в которой мне тогда довелось работать, писала: «Когда играют договорные матчи «Крылья» с Ростовом, «Жемчужина» с «КАМАЗом», — это плохо. Очень плохо! Провинциальные тренеры в большинстве своем всегда любили «жмуриться». Но когда нагло и неприкрыто играют в грязные игры ЦСКА и «Динамо» это конец!».

Мотивы преступлений

Причуды, связанные с «любовными» отношениями между отдельными командами и их руководителями, — явление совершенно непредсказуемое. Зачастую они являлись следствием географической близости регионов, представленных командами мастеров в одних и тех же лигах. Иногда их сближали дружеские! связи тренеров или президентов. Еще чаще спонтанная связь, заканчивающаяся сделкой, отдающей криминальным запашком, рождается в силу экстремальных ситуаций, в которые попадают клубы. В таких случаях постулат «цель оправдывает средства» приобретает совершенно конкретные очертания. Подобные связи чаще всего обнаруживают себя в осенний период, когда в полной мере проявляются все присущие России «особенности национальной охоты» за постоянно недостающими многим «егерям» очками.

Автор в силу многих причин не ставил перед собой цель написать антологию договорного футбола. Прежде всего потому, что такой труд заполнил бы собой несколько пухлых фолиантов. В этот обзор я включил лишь малую толику свидетельствующих о глубоком нравственном падении отечественного футбола игр, в которых вынужден был принимать участие либо в качестве арбитра или инспектора:, либо наблюдая за ними с трибуны стадиона или на экране телевизора.

Не могу не затронуть еще одну достаточно деликатную тему о так называемых мотивациях, как говаривал когда-то Валерий

Лобановский, подталкивающих участников договорных игр и их вдохновителей к предательству дела, которому они, казалось бы, обязаны служить верой и правдой.

Наиболее распространенными мотивациями (особенно в советские времена) являлись приказы вышестоящих партийных, государственных, спортивных начальников. Подобные матчи получили наименование приказных. Тебе говорят: «Есть мнение...» — и изволь выбирать: либо идти на сделку с совестью и продолжать безбедную и разудалую жизнь, либо отважиться на конфликт, который грозит не только освобождением из любимой команды, но зачастую и полным отторжением от большого футбола. Подобная дилемма не так просто и не каждым человеком легко решаема. Особенно если учесть, что такой выбор должен делать очень еще молодой человек с не вполне сформировавшимися нравственными устоями и принципами. Тем более что к выбору заведомо порочного пути его подталкивают своими лестными посулами весьма влиятельные и авторитетные акробаты лжи.

Есть еще далеко не редко практикующиеся примеры откровенной, почти неприкрытой и вульгарной торговли очками. Так, как это делал киевский вратарь Гурбич в 1967-м или кутаисские торпедовцы в 1985 году, о чем я уже упоминал выше. Да разве только этими эпизодами ограничивается эпидемия лжи и разврата, от которой так долго и тяжело страдает наш футбол?

Частенько в ходе различных соревнований встречаются ситуации, когда обеим договаривающимся сторонам в равной мере выгодно в предстоящем матче обойтись мирной ничьей и, практически никого не обидев (кроме, разумеется, одураченных зрителей), получить по очку, решить тем самым устраивающие обе стороны задачи. Например, избежать вылета из вышестоящего дивизиона в низший. Как следует расценивать подобные сговоры?

Кубок Содружества

В январе 2003 года в Москве проходил XI Кубок чемпионов Содружества. В отборочной группе «С» играли донецкий «Шахтер», ташкентский «Пахтакор» и команды из Литвы и Азербайджана. После двух туров лидировали «Пахтакор» и каунасский ФБК: у них было по четыре очка и оставалась одна встреча между собой. Два их оппонента имели всею по одному очку. Нетрудно было предположить, что лидеры проведут на поле по 90 минут в условиях «полного взаимопонимания и обоюдного

согласия», сгоняют вничью, получат по очку и выйдут в 1/4 финала.

Покидая Олимпийский Спорткомплекс в группе известных футболистов и судей, я высказался в том плане, что приходить на заключительный отборочный тур интереса нет, ибо практически все участники четвертьфинала уже выявлены. «Да, но из группы «С» еще имеют шансы пройти дальше чемпионы Украины — донецкие шахтеры», — возразил мне один из присутствовавших. Все рассмеялись. «Неужели не ясно, что «Пахтакор» сыграет с литовским клубом вничью и оба станут недосягаемы», — попытался кто-то вразумить наивного оппонента. Тот смолчал. Вечером я обсуждал эту ситуацию по телефону со своим стародавним товарищем, многоопытным журналистом. Высказав ему свою досаду по поводу еще одной неотвратимой подтасовки (которая на следующий день конечно же состоялась), я, к своему удивлению, услышал: «Что ты все страдаешь: ведь если никто из соперников не нарушает регламента турнира, никто из них очками не торгует, а ничья устраивает оба клуба, то что здесь предосудительного? И вообще, — продолжал мой собеседник, — стоит ли так беспокоиться по поводу результатов турнира, который больше походит на встречи членов Английского клуба? Ведь и призовой фонд этого турнира носит чисто символический характер, всего-то сто тысяч долларов на 16 участников. Смехота!»

Повесив трубку, я долго не мог уснуть. Меня и в самом деле не слишком волновала судьба Кубка Содружества. Беспокоило другое. Получается, что почти все мы, вполне добропорядочные и Честные люди, привыкли легко проходить мимо очевидного надругательства над спортом, над его поклонниками! Почему мы все смирились с унизительной философией лжи и порока, которая стала нормой нашей жизни?

Позже я немного успокоился и припомнил давнюю историю, произошедшую в ходе розыгрыша женского Кубка европейских чемпионов по баскетболу Согласно положению, все претенденты на Кубок встречались между собой дважды — на своем поле и на поле соперника. Побеждали те, кому удавалось в сумме двух игр чаше поражать чужую корзину

Нашу команду ленинградского СКА жребий свел с чемпионками Польши. Первую встречу наши девушки выиграли с разницей в шесть очков. За считанные секунды до конца второго матча счет был равным. Если бы он таким и остался, судьи назначили бы добавочное время (ведь баскетбол ничьих не признаёт). Не исключено, что в ходе добавленных минут польские спортсменки сумели бы заработать больше шести очков и лишить

ленинградок права продолжать борьбу за Кубок.

И тут неожиданно для всех капитан нашей команды Нина Познанская овладела мячом, продвинулась с ним к щиту и забросила его в... корзину своей команды! Наши девушки проиграли ту встречу, но выиграли нечто большее — право участвовать в дальнейших соревнованиях!

Допускаю, что какой-нибудь правдолюбец скажет, что поступок Познанской не вполне корреспондируется с понятием благородства спорта... Не будем, однако, впадать в откровенное ханжество. Познанская правил игры не нарушила. Поэтому уж если так необходимо кого-либо упрекать за происшедшее, то скорее критические стрелы следует адресовать составителям правил и регламентов соревнований. Ведь, наверное, многие согласятся, что странной выглядит ситуация, при которой команде выгодно забивать мячи в свои ворота или корзины!

Баллада о дальневосточных пришельцах

Пытаясь классифицировать договорные матчи, мы в главке «Мотивы преступлений» не коснулись еще некоторых обстоятельств, подталкивающих команды к участию в теневом футболе.

В сезоне 1992 года, когда после распада союзного футбола проводился первый чемпионат России, среди клубов высшей лиги появились несколько новобранцев, никогда прежде с прелестями Большого футбола не встречавшихся. Особое внимание привлекала к себе дальневосточная команда из города Находки, носившая экзотическое наименование «Океан». Новички выглядели вполне достойно, не робели перед столичными грандами, отнимали очки и у них, и у других именитых клубов. Завершил «Океан» сезон на вполне приемлемом для новобранца 13-м месте при двадцати участниках лиги. Но не только спортивные достоинства «Океана» привлекли к себе пристальное внимание руководителей клубов и столичных управленцев. Перелеты из Санкт-Петербурга, Ярославля, Владикавказа, Нижнего Новгорода в Находку и обратно быстро опустошили клубные сейфы и заставили спонсоров всех мастей и уровней задаться единственным вопросом: «А на кой нам сдался этот «Океан»? Пока этот вопрос обсуждался на всех стадионах и тайных совещаниях, сезон закончился.

Все стали со страхом поджидать 1993 год. Радостных новостей он не прибавил, а тревог стало больше. В числе

восемнадцати участников второго чемпионата России оказался еще и сосед «Океана» — владивостокский «Луч». И хотя составители календаря отправляли все клубы в дальневосточное турне сразу на две игры, избежать ощутимых ударов по клубным бюджетам не удалось. К делу подключились чиновники и внесли изменение в регламент, предусмотрев сокращение высшей лиги в сезоне 1994 года до 16 команд (вместо 18).

Таким макаром были созданы исходные условия для избавления футбольной элиты от тихоокеанских пришельцев. Теперь дело было за малым: следовало разработать план, не дозволявший «Лучу» и «Океану» подняться выше 15-го места в итоговой таблице чемпионата. Почти все команды европейской части России, а вслед за ними и Урала, при молчаливом одобрении столичных чиновников объединились в своеобразный пул. Эта тайная организация тщательно отслеживала и контролировала «оборот очков», стараясь не допустить их утечки на Восток. Наблюдая за накатывающими на них волнами экспансии, дальневосточники пытались принимать контрмеры. Тысячи писем и телеграмм (о посылках с икрой и крабами и говорить не стоит) приходили в Спорткомитет и другие государственные организации России с требованиями соблюдать спортивные принципы борьбы. Но силы были явно неравны.

Два дальневосточных клуба, которые даже между собой не очень-то дружили, были бессильны противиться произволу. Тем более что поддержать их было некому: самыми восточными командами (кроме «Луча» и «Океана») были свердловский «Уралмаш», «КАМАЗ» из Набережных Челнов, камышинский «Текстильщик» и самарские «Крылышки». Они тоже считали полеты на Дальний Восток крайне разорительными и жаждали «избавления» от незваных пришельцев. Словом, заговор удался блестяще: «Луч» занял 15-ю строку в таблице, «Океан» — 16-ю и, прихватив с собой «Ростсельмаш» и столичный «Асмарал», неудачники, ко всеобщему ликованию, перекочевали в первую лигу. Существенную лепту в осуществление Описанного плана внесли два оборотистых «воспитателя» из нижегородского «Локомотива» и сочинской «Жемчужины», о которых я упоминал выше.

Ложь во благо?

При всем неприятии мною договорного футбола я готов покаяться и признать, что за 12 сезонов работы инспектором

допустил несколько случаев отступления от собственных принципов. Расскажу об одном из них.

Дело было 12 июля 1989 года, когда взбудоражившие всю страну события в Нагорном Карабахе еще не затихли. В указанный день на стадионе небольшого азербайджанского городка Агдам, расположенного совсем рядом с Нагорно-Карабахской АО, местная команда, носившая наименование «Карабах», встречалась с лидерами закавказской зоны второй лиги — сухумскими динамовцами. Я в то лето отдыхал в Сухуми, где меня и застала телеграмма футбольного начальства с просьбой выехать в Агдам на инспектирование матча.

Обстановка в городе была тревожной: накануне совсем рядом с Агдамом произошла перестрелка представителей противоборствующих сторон. Пострадал кто-то из местных жителей. Тем не менее маленький уютный стадиончик был заполнен до отказа. Всем ведь известно, как неравнодушны к футболу в Закавказье.

Сидя в гостевой ложе, я уже через 10—15 минут отметил ряд эпизодов, когда, казалось, темпераментные кавказцы должны были проявить присущий им азарт и волевой настрой. Но не было этого! Соперники тщательно избегали столкновений и, оберегая ноги от возможных повреждений, торопливо поджимали их под себя. Я обратился к сидевшему недалеко от меня известному сухумскому арбитру, судье Всесоюзной категории Гураму Габескирия, который, будучи состоятельным человеком, оказывал спонсорскую поддержку своим землякам и сопровождал их в поездках. «Договорная?!» — с негодованием спросил я. Гурам аж остолбенел: «Прошло всего несколько минут, а вы уже определили?..» И мой собеседник откровенно рассказал мне, что, хоть победные очки сухумцам очень нужны, они из-за обстановки в городе, опасаясь за жизни и здоровье игроков, решили принять предложение хозяев поля и сыграть вничью. Счет так и не был открыт. Но я ни слова в своем инспекторском рапорте о сговоре не написал.

Через несколько дней возвратился в Москву. Вскоре на одном из матчей, проходившем на стадионе «Динамо», встретил блистательного мастера футбола, великого тренера Михаила Иосифовича Якушина. Наблюдая вместе с ним за происходившим на поле, я в паузах рассказал старшему товарищу о своих «карабахских скитаниях». Внимательно выслушав меня, мудрый Якушин сказал: «Все ты сделал правильно: иначе в той обстановке поступить было просто нельзя».

Когда мы возвращались со стадиона, я набрался храбрости и спросил: «Михаил Иосифович! А вам лично доводилось когда-

либо участвовать в договорных матчах?» Якушин от неожиданности даже остановился. Внимательно посмотрев на меня, он слегка улыбнулся и чистосердечно признался: «Было дело! Всего один раз за всю жизнь. Да и то не в футболе, а в хоккее с мячом. Произошло все в декабре 36-го в матче первого чемпионата СССР с ленинградскими динамовцами. Мы уже обеспечили себе 1-е место в группе, а ленинградским одноклубникам, чтобы бороться за общее 3-е Место, Нужно было занять 2-е место в группе. Но для этого им необходимо было получить два очка в матче с нами. Тогда кто-то из больших динамовских начальников «посоветовал» нам уступить. Мы подчинились...»

Явка с повинной

Изощренные попытки замалчивания всего негативного, что присуще нашему футболу, нет-нет да и натыкались на откровения некоторых тренеров и мастеров. Для очистки совести и избавления от мучающих их грехов они писали или прилюдно говорили о своей причастности к договорным играм.

Позволю себе напомнить и хотя бы фрагментарно воспроизвести некоторые из поразительных признаний, сделанных известными и заслуженными людьми..

Олег Блохин в интервью, опубликованном «Комсомольской правдой» 24 ноября 1987 года, признался, что неоднократно участвовал в договорных играх. «А сколько их было?» — спросил интервьюер, «Не подсчитывал», — ответил один из сильнейших форвардов Европы.

Кричащее болью письмо адресовали в «Комсомольскую правду» четыре футболиста ростовского СКА весной 1989 года. С пронзительной откровенностью они поведали, как наставник команды П. Гусев склонял их к играм, результаты которых были загодя расписаны. После сенсационной публикации (11.03.89) в Ростов из Москвы незамедлительно была заслана «группа быстрого реагирования», состоявшая из нескольких «настоящих полковников». «Настоящие» свое дело, видимо, знали туго: ребят припугнули, и дело было замято. А П. Гусев еще долго подвизался в тренерском корпусе и, говорят, по сей день считается опытным и порядочным наставником.

Популярный в прошлом защитник московского «Спартака» Евгений Ловчев, став тренером, вскоре разочаровался и оставил большой футбол. В интервью «Рабочей трибуне» (06.03.90) он

заявил: «Исход многих поединков оговаривался заранее в тиши кабинетов... Окончательно понял; система отношений в футболе основана на ханжестве, лицемерии, фальши». А 18 января 1994 года, отвечая на вопросы «Московской правды», тот же Евгений Серафимович был еще более категоричен: «Я слишком люблю футбол, чтобы в нем работать».

Ведущий форвард донецкого «Шахтера» Виталий Старухин признавался корреспонденту журнала «Спортивные игры» (№ 5, 1990), что неоднократно вынужден был участвовать в матчах своей команды против киевлян и знал, что по указанию «сверху» очки необходимо отдавать.

Еженедельник «Футбольный курьер» в № 16 (апрель 1992 г.) обнародовал признания армейца Дмитрия Кузнецова, которому накануне игры с харьковским «Металлистом» предлагали двести тысяч рублей, чтобы он «не очень надрывался» в защите своих ворот.

В марте 1992 года тренер «Уралмаша» Николай Агафонов признался, что ему не раз предлагали деньги за отданные очки («Футбол», 15.03.92).

Оглушительную сенсацию в 1992 году сотворил один из лучших отечественных тренеров Павел Садырин, сообщив на пресс-конференции ошарашенным журналистам, что футболисты ЦСКА и нижегородского «Локомотива» получали деньги (10 миллионов рублей!) от владикавказских спартаковцев за «одолженные» им очки.

Аналогичную информацию обнародовал в «Футболе» 27 декабря 1992 года Виктор Онопко, сообщив, что только в сезоне 1992 года соперники «Спартака» четырежды (!) засылали в команду «инкассаторов» для закупки очков.

Даже обычно сдержанного Льва Яшина прорвало. Когда его спросили о разгуле договорного футбола, великий вратарь с нескрываемой горечью заявил: «Договорные игры не миновали даже детские команды» (Справочник-календарь «Московской правды» за 1988 г.).

В апреле 2002 года «Советский спорт» поместил пространное интервью с легендарным форвардом столичного «Торпедо» и сборной команды СССР Валентином Ивановым. Интервью располагалось на двух газетных полосах под набранной огромными буквами шапкой: «ВАЛЕНТИН ИВАНОВ: «О договорных матчах я узнавал от своих игроков»». В этих откровениях бывший торпедовский тренер сообщает о договорном матче, который руководимая им команда сыграла в 1995 году со «Спартаком-Аланией». В той игре москвичи уступили соперникам со счетом 1:4. А мастера из Владикавказа

стали чемпионами страны! Не могу не верить словам уважаемого мною человека. Наверное, все так и было. И вполне возможно, что сговор осуществлялся без участия тренеров. Но не заметить фальшивого футбола, сидя на тренерской скамейке, Иванов не мог! Далее в своем интервью торпедовский наставник рассказал, как в беседе с капитаном команды Сергеем Шустиковым выведал, что и в 1996 году очки у «Торпедо» возжелала купить сочинская «Жемчужина». Однако на москвичей снизошло вдруг прозрение, и они от криминальной операции отказались... Когда разговорившегося Иванова журналист спросил о способах, практикуемых при покупке очков, Валентин Козьмич с саркастической улыбкой ответил: «Все способы хороши».

Кстати, говоря о способах приобретения «левых» очков, я не сконцентрировал внимание читателей на еще одном, весьма распространенном методе. Речь идет о самом банальном ОБМЕНЕ ОЧКАМИ. Если точнее, об одалживании очков на какой-то срок. Как правило, подобные «кредиты» предоставляются на один год: «В следующем сезоне вернете!..»

Приведу в этой связи всего лишь один пример. Работая над этими заметками, я встретил в спорткомплексе «Олимпийский» очень популярного в прошлом футболиста. Естественно, задал ему банальный вопрос: «Как дела?» Видимо, у него было не слишком хорошее настроение, и он неожиданно разоткровенничался: «Недавно мне предложили принять клуб первого дивизиона. В принципе предложение меня устраивало. Но прежде чем согласиться, я решил на месте ознакомиться с состоянием дел. И почти сразу хозяева клуба признались, что в предстоящем сезоне они обязаны вернуть больше полутора десятка очков, которые брали в прошлом году для спасения команды от вылета (наименование команды и фамилия моего собеседника не указываются по его просьбе. — М.Р.), Услышав такое, я попросил извинить меня за беспокойство и уехал домой», — заключил свой монолог мой старый знакомый.

В моих архивах хранятся письменные признания и откровения о договорном бизнесе десятков уважаемых мастеров футбола: Сергея Юрана и Сергея Андреева, Александра Бубнова и Бориса Игнатьева... Я мог бы бесконечно продолжать этот скорбный список.

Но самое ужасное в другом: за все годы ни единого раза люди, приставленные руководить футболом, обеспечивать его нравственное здоровье, не проявили к печатным публикациям тренеров, футболистов, судей ни малейшего внимания. Голоса отважившихся на откровения ни разу не послужили поводом для служебного разбирательства. Вельможным молчанием отзывались

на все эти крики совести кабинеты футбольных чиновников.

Ах, оставьте, не лукавьте: всё слова, слова, слова...

«Принято решение, чтобы команды, повинные в нарушениях принципов честной борьбы, строго наказывать. Например, лишать права участвовать в международных соревнованиях» («Советская Россия», декабрь 1985 г.).

«В этом деле мы не собираемся прибегать к помощи правоохранительных органов, считаем, что у федерации и Управления футбола достаточно собственных сил и прав, чтобы покончить с подобного рода “играми”» («Советский спорт», февраль 1987 г.).

«Я согласен с теми, кто считает, что инициаторами негативных действий в футболе нередко выступают тренеры, начальники команд. В связи с этим хочу сообщить, что в ФИФА создан специальный комитет по безопасности и честной игре. Я сам являюсь членом этого комитета и конечно же приложу все силы для наведения порядка в отечественном футболе. С помощью печати и телевидения мы будем вести решительную борьбу с нарушителями морали. Дисциплинарному комитету и Комитету по статусу будет дана установка разработать совместно с Министерством внутренних дел конкретные меры пресечения нездоровых явлений» («Советский спорт», январь 1990 г.).

«Похоже, мафиозные структуры все глубже вторгаются в футбол. На мой взгляд, существует тотализатор, Который проводит интенсивную работу с судьями, с игроками. И кто-то срывает большой куш. Сейчас мы предоставим просмотровым комиссиям гораздо больше полномочий — они будут оценивать не только судейство, но и спортивность борьбы. Однако и это полдела. Считаю, что без сотрудничества с правоохранительными органами нам не обойтись, не искоренить договорных матчей. Что ж, мы готовы пойти на это. Неужели у нас не найдется своего комиссара Каттани?» («Московский комсомолец», февраль 1990 г.).

«Я отношусь к этим делам всегда одинаково. Если это доказано, людей нужно отдавать под суд, а если нет — не стоит об этом говорить. Вот моя точка зрения и, если хотите, позиция. В течение последних 13 лет я неоднократно говорил: «Нужно доказать факт сговора или преступления. Каким образом нам принимать конкретные меры о наказании команд или игроков? Я бессилен сегодня что-либо сделать» («Футбол», ноябрь 1992 г.).

Коллекция этих уникальных пассажей, думаю, смотрится привлекательнее знаменитых яиц Фаберже. Автором всех продемонстрированных вам, уважаемый читатель, Сентенций являлся тогдашний президент РФС Вячеслав Иванович Колосков.

Живее всех живых

Про яйца Фаберже — это, конечно, шутка. Однако дотошный читатель, наверное, обратил внимание на то, что экспозиция «уникальных пассажей» страдает одним недостатком: последний был «изготовлен» в 1992 году. Почему же коллекция с тех пор не пополнялась? Или наш договорной футбол «приказав долго жить»? Главная причина отмеченной ущербности Экспозиции объясняется прежде всего бурными событиями, сотрясавшими Россию в последние годы. Жизнь подавляющего большинства россиян заметно усложнилась, им стало не до футбола. А масштабы криминала в нем многим казались мелочью, особенно когда их сравнивали с преступлениями в других сферах жизни. Тема договорного бизнеса стала казаться пресноватой,

Так, видимо, решили и многие футбольные обозреватели. Поэтому, когда им удавалось отловить президента РФС, изредка возвращавшегося с Женевского или какого-либо другого озера, они старались «пресных» вопросов ему не задавать.

Журналистов больше волновала тема очередной «смены караула» у гроба сборной России, в который раз с позором вернувшейся с какого-нибудь международного форума. Результаты-то у нее, как любил выражаться президент РФС, «вполне адекватные».

Тем временем договорной футбол не только не умирал, но с каждым годом наглел все сильнее и сильнее. Заметим при этом, что за прошедшее время серьезным «индексациям» (в отличие от пенсий) подверглись цены на «левые» очки.

А вот цитата из опубликованной в конце 2001 года (№ 46) газетой «Аргументы и факты» статьи, которую автор назвал «Договорные матчи — позор российского футбола». Обратите внимание, речь в этой статье идет о сезоне 2001 года!

«ЕЖЕГОДНО высшую лигу, а с ней и «кормушку» в лице спонсоров, вынуждены покидать две команды... На сей раз кроме заранее потонувшего «Черноморца» на печальное 15-е место претендовали сразу шесть клубов. По теории, вылететь мощи сразу несколько из них, но перед последним туром специалисты говорили только о «ЗИЛе» или «Факеле».

И вот махачкалинский «Анжи» вдруг на удивление проигрывает дома зиловцам... О том, что команды сумеют «договориться», подозревали практически все. По сплетням, подобные, до зарезу нужные три очка оцениваются от трехсот до пятисот тысяч долларов. Впрочем, если команды по классу примерно равны, можно обойтись всего лишь судейской бригадой. Опять же, по непроверенным данным, человек со свистком вместе с двумя боковыми соратниками стоит «всего» двести! пятьдесят тысяч «зеленых».

Возможности «Факела» представлялись совсем уж призрачными, так как воронежцам кроме собственной победы над «Динамо» было необходимо поражение зиловцев от большого «Торпедо». На такое положение дел очень быстро среагировали московские букмекерские конторы, ни в какую не принимавшие ставки на большинство игр последнего тура. И, как оказалось, не зря. Все матчи завершились по заранее предсказанному сценарию».

Теперь самый раз задавать вопросы президенту РФС...

Ода чистогану?

В Англии уже давно прижилась великолепная поговорка: « Если все хорошо, то это плохо». Она как нельзя лучше характеризует ситуацию, сложившуюся в российском футболе на излете 2002 года. Если верить мажорным интонациям, переполнявшим публикации различных средств массовой информации, можно было впасть в заблуждение и поверить в то, что наш футбол процветает. А российская сборная, как это пытался предсказать осенью 2002 года в популярной телепередаче « Культурная революция» В. Колосков, сможет даже в 2006 году завоевать мировое первенство (?!).

Стоило ребятам, ведомым Юрием Семиным, победить двух соперников в матчах Лиги чемпионов, а затем занять первое место в чемпионате России, как мы словно забыли о позоре нашей сборной на чемпионате мира в Японии, фиаско «Спартака» в Лиге чемпионов и о многом из того, что под рубрику «хорошо» ну никак не укладывается.

Могу по этому поводу высказать сугубо личное суждение. Образование Премьер-лига прежде всего помогло президенту РФС избавиться от противостояния с настырным и несговорчивым Николаем Толстых[1]. В какой-то мере новая Лига способствовала сокращению вредоносных явлений, грозящих окончательно

лишить российский футбол последних признаков привлекательности. Сократилось количество договорных игр, меньшее влияние на ход турнира (по крайней мере на высшем уровне) оказывала пресловутая «работа с судьями». Однако сокращение и меньшее влияние этих процессов на жизнь отечественного футбола еще не давало повода считать, что у нас наступили благостные времена и воцарилась стерильная чистота.

Метастаз договорного футбола, давно и прочно прижившегося на полях России, продолжает и сегодня оказывать свое пагубное влияние. И тот факт, что все мы под знаменами РФС, Премьер-лиги, ПФЛ и доблестных президентов клубов продолжаем притворяться слепыми, не делает нам чести. Зачем, спрашивается, из года в год записывается в регламент чемпионата один и тот же пункт, в котором договорные матчи стыдливо именуются «матчами, проведенными без должной спортивной борьбы»? В пункте 9.6 этого документа в 2002 году говорилось, что по таким матчам «решения принимаются Исполкомом РФС по представлению ОС ПЛ (Общее собрание членов российской Премьер-лиги) на основании заключения Экспертного Совета». Но члены так называемого Экспертного Совета уже давно забыли о существовании своего органа. Они ни единого раза не собирались для обсуждения очевидных для всех специалистов подлогов. Замечу, однако, что если бы они вдруг сподобились совершить столь отважный шаг, то их заключение дальше руководителей Премьер-лиги не продвинулось бы. Почему? Да по очень простой и банальной причине: участие в «матчах, проведенных без должной спортивной борьбы», в сезоне 2002 года, по самым скромным подсчетам, принимали едва ли не все клубы Премьер-лиги...

Не только у меня, но и у ряда специалистов много сомнений вызвали и ход и результаты ряда матчей, состоявшихся в элитной лиге в 2002 году:

«Уралан» — ЦСКА, 7 апреля, счет 3:3;

«Динамо» — «Ротор», 21 сентября, счет 2:3;

«Крылья Советов» — «Сокол», 26 октября, счет 0:1;

«Алания» — ЦСКА, 2 ноября, счет 0:1;

«Торпедо-ЗИЛ» — «Ростсельмаш», 17 ноября, счет 2:0...

Не следует умиляться скромности этого перечня: я называю только те игры, за которыми наблюдал или лично с трибуны стадиона, или просматривая их видеозаписи. На самом-то деле сей реестр должен быть по крайней мере утроен.

Прошу ревнителей «честной игры», занимающих должности президентов или главных тренеров названных выше клубов, не суетиться и не извлекать из кармашков самописки с золотыми

перьями для написания судебных исков автору за якобы возведенный на них поклеп. Во-первых, подозрения неподсудны, а во-вторых, договорные матчи довольно часто (как было описано выше) некоторые отъявленные шалуны играют, не спросив на то согласия своих воспитателей.

Много лет наблюдаю я за проделками футбольных махинаторов и всегда поражаюсь их наглости. Позволяя себе безнаказанно глумиться над футболом, они в то же время зачастую без всяких оснований во всех грехах обвиняют арбитров. В подобных случаях я невольно вспоминаю старый анекдот. Посмотрев в замочную скважину спальни своих родителей, маленький мальчик печально проронил: «И эти люди запрещают мне ковыряться в носу...»

Будучи свидетелем всех новомодных явлений в футболе, я никак не могу согласиться с продекларированными «Московским комсомольцем» от 12 ноября 2002 года взглядами на затронутую в этом обзоре проблему. Отметив, что «финиш чемпионата прошел под знаком честной, как правило, игры», газета продолжает: «Продажа игр теперь не представляется уже некоей доходной статьей, какой могла быть прежде. 100—300 тысяч долларов не пробуждают желания отдать три очка или даже одно... В России стало выгодно не сдавать игры, а, напротив, биться что есть сил, даже если сопернику очки значительно нужнее. И биться тоже, разумеется, небесплатно. «За честную игру, — как выразился один из участников «золотой гонки», — тоже надо платить».

Видимо, под этот новомодный и циничный тезис с радостной готовностью подстроилась «Алания», когда 2 ноября ее игроки, перемещаясь трусцой по полю, нагуливали аппетит в матче с ЦСКА. А всего через три дня, не жалея живота своего, они же отчаянно рубились с «Локомотивом». После этого завершившегося ничейным исходом матча во Владикавказе Семину на пресс-конференции задали вопрос: «Как вы расцениваете все происходящее?» Грустно взглянув на сидевшего рядом наставника «Алании», Юрий Павлович ответил: «Три дня назад «Алания» потеряла три очка в игре с ЦСКА, сегодня лишилась еще двух очков в матче с нами, но посмотрите на их счастливые лица!..» Зал отозвался на слова Семина дружным смехом...

Не пожелали пренебречь дурными примерами и динамовцы. Видимо, тоже подогретые обещанными им чаевыми за успешный исход встречи с «Локомотивом», они продемонстрировали невероятно высокий уровень функциональной подготовки, каковым не блистали в течение всего сезона. Победы или даже

ничьей им добиться не довелось, но репутацию свою динамовцы в очередной раз подмочили. Неужели за те немалые деньги, которые им платят, они не могут достойно играть без каких-либо левых приплат?

Справедливости ради, отмечу, что и локомотивцы сложа руки не сидели и, глядя на козни армейцев, старались найти против них контрмеры. Перед игрой «Сатурн» — ЦСКА они тоже пытались оказать «спонсорскую» поддержку подмосковному клубу.

Убежден, что мои взгляды на тяжелое состояние здоровья отечественного футбола разделяют сотни тысяч неравнодушных людей. В подтверждение этого приведу забавный эпизод. Мой коллега, журналист газеты «Спорт-экспресс» Аксель Вартанян, из-за тяжелой болезни вынужден был созерцать последние игры чемпионата России-2002 по телевизору. Как я мог убедиться из его публикации в «СЭ» от 17 января 2003 года, события конца октября и ноября вызвали у него (совершенно независимо от меня) точно такие же ассоциации. И перечень «странных игр» у нас почти полностью совпал, и реакция на чудеса, происходившие во Владикавказе 2 и 6 ноября в матчах «Алания» — ЦСКА и «Алания» — «Локомотив», была адекватной. Вот что писал мой коллега по этому поводу: «В телеинтервью Юрий Семин высказался в адрес конкурентов (ЦСКА. — М.Р.) более жестко: прозрачно намекнул на понятные всем обстоятельства, чем вызвал взрыв негодования в противоположном лагере. Ситуация возникла щекотливая: или обвинитель, мягко говоря, отклонился от истины, или был... прав. Снять вопрос, потянуть за лежащую на поверхности ниточку — прямая обязанность стоящих у штурвала. Дело-то нешуточное: речь шла о судьбах первенства и, что важнее, о репутации, честном имени людей известных, уважаемых, имеющих заслуги перед отечественным футболом. Ничуть не бывало. Невозмутимые Олимпийские боги и пальнем не шевельнули».

А вот как отреагировал мой коллега на игру между «Крыльями Советов» и «Соколом», состоявшуюся 26 октября: «Перед встречей гостям грозило расставание с Премьер-лигой, хозяева претендовали на место в четверке и европейскую визу. Накануне прошел слушок о дружеской беседе губернаторов двух областей относительно исхода предстоящего матча. Позже один из них в телеэфире признал, что разговор с коллегой вел, но, само собой разумеется, в шутливом тоне. Но вот беда: напрочь лишенное чувства юмора клубное начальство, зная о содержании разговора на высоком уровне, видимо, приняло его за руководство к действию. Короче, аутсайдер обыграл идущего в

головной группе на его же поле. После матча тренер побежденных (Тарханов. — М.Р.) подал в отставку (с чего бы это?), правда, тут же отвергнутую. Случайное стечение обстоятельств или четкая реализация намеченного сценария?».

И наконец, о впечатлениях, вынесенных моим коллегой Вартаняном после просмотра игры «Торпедо-ЗИЛ» — «Ростсельмаш», состоявшейся 17 ноября 2002 года.

«Состояние здоровья тяжело хворавшего на протяжении всего турнира «ЗИЛа» внушаю серьезные опасения до последнего календарного дня. Спасти его мог дорогой «препарат» стоимостью в три очка. Перед последней процедурой прошелестел слушок: «препарат» обеспечат, стало быть, жить будет... Слухи подтвердились. «Санитарная служба» ни па что не реагировала, сохранял спокойствие и главный «санитар» страны, не раз признававшийся, что противостоять проникновению на прилавки недоброкачественного продукта не в состоянии... Посвященные в детали утверждают: «договорок» в сравнении с началом 90-х стало значительно меньше. Возможно, так оно и есть. Только оптимизма это не прибавляет. Если случилась одна — уже много».

Тема договорного футбола и полное нежелание бороться с этим злом огромного чиновничьего аппарата РФС, Российской футбольной премьер-лиги, ПФЛ и важно надувающих щеки членов инспекторского комитета не птибко вдохновляют и меня на совершенно бесплодное занятие борьбы с этим, кажется, уже неискоренимым злом.

Тем не менее равнодушно взирать на все происходящее тоже не хочется. Разговорившись уже после завершения сезона-2005 с моим давним другом Владимиром Перетуриным, мы невольно наступили друг другу на «любимые мозоли». «Мне уже противно наблюдать за этими гадостями, — сказал Перетурин о договорных матчах. И продолжил: — По-моему, в минувшем сезоне «Зенит» был одной из немногих команд, не участвовавших в договорных матчах и сомнительных расписных играх на финише сезона-2005».

Когда-то Николай Николаевич Озеров воскликнул: «Такой хоккей нам не нужен!» А нужен ли нам такой футбол? В самом деле, при дальнейшем внедрении подобной практики чемпионат России по футболу грозит превратиться в конкурс футбольных олигархов. Неужели это будет интересно?

Приведу мнение по обсуждаемой проблеме опытного юриста, профессора Михаила Барщевского. Он сказал: «Как пение под «фанеру», так и договорной матч — разновидность мошенничества. Я покупаю билет, плачу за одно, а получаю

другое. Это серьезная проблема. И этическая, и финансовая, и юридическая» («Спорт-экспресс», 23.12.2002).

О пиджаке Кобзона

Поскольку Михаил Барщевский затронул и этическую сторону футбольных проблем, воспользуюсь случаем и швырну камушек в огород почти всех коллег, пишущих и вещающих о спорте, в том числе и о футболе.

Вот сюжет для небольшого рассказа об этике, морали, правилах хорошего тона.

В один из жарких июльских дней 2005 года, в самый разгар моей работы над этой книгой, я случайно обратил внимание на первую полосу газеты «Жизнь». Там красовалась фотография Иосифа Кобзона. А над ней аршинными буквами был набран текст: «У Иосифа Кобзона украли пиджак с бриллиантами». Я не очень падок на мещанско-обывательские байки о сильных мира сего. Но на этот раз поддался соблазну и купил газету. На ее развороте была напечатана еще одна большая фотография героя репортажа. А в тексте сообщалось, что у знаменитого певца, выезжавшего в детский лагерь «Орленок», украли концертный пиджак с... бриллиантовыми пуговицами. И ни слова ни о вокальных способностях Кобзона, ни о самом концерте.

И тут почему-то пришла мне на память старая история, случившаяся лет 30—40 назад, когда я еще работал в газете «Советский спорт». Тогдашний сотрудник нашей редакции Евгений Рубин опубликовал большое интервью с многократным победителем Олимпийских игр, чемпионатов мира, Европы и СССР по хоккею спартаковцем Борисом Майоровым. На целой полосе журналист излагал взгляды хоккейной звезды на многие проблемы, связанные с жизнью советских спортсменов, их успехами и огорчениями.

Где-то в середине публикации оказался один абзац, где Рубин, возможно чуть пафосно, восторгался красавицей женой хоккеиста, его очень дорогой машиной «Волга» и еще чем-то.

Боже ж ты мой! Что началось после выхода газеты в свет! Разгневались все: и партайгеноссе со Старой площади, и чиновники Спорткомитета СССР, и даже комсомольские вожаки. Журналист оказался на грани исключения из партии и увольнения из редакции. С огромным трудом этих кар он избежал, но «за пропаганду низменного, чуждого советским людям западного образа жизни» Рубина все же вынудили

покинуть страну. Журналиста газеты «Жизнь», естественно, никто с работы не уволит. Кобзон закажет себе новый пиджак с новыми бриллиантами. Это ему, наверное, вполне по карману. Но неужели и журналист, и его редакция, да и сам Иосиф Давидович не понимают, что подобные публикации новых лавров ни газете, ни популярному артисту не добавляют?

Мне, например, больше по душе чаруюший голос певца, а не пуговицы на его пиджаках.

Замечу, кстати, что многие спортивные издания норовят писать не столько о спорте и о футболе, в частности, сколько о ресторанах, где бывают звезды спорта, о любимых ими блюдах, девочках, лимузинах, саунах. О договорном футболе они почти все дружно предпочитают помалкивать.

Неужели это полезно всем нам?

Заговор обреченных

История развития и совершенствования футбольного криминалитета хранит массу примечательных событий. Вот одно из них.

С 1967 по 1987 год тренерский совет Федерации футбола СССР возглавлял один из наиболее колоритных футбольных деятелей нашей страны, обаятельный Андрей Петрович Старостин, обладавший непререкаемым авторитетом.

В разное время в состав этого очень влиятельного органа входили такие гиганты футбола, как Бесков, Качалин, Маслов, Севидов, Якушин, и многие другие знаменитости и авторитеты. Не случайно тренерский совет был мозговым центром отечественного футбола, подлинным генератором игровых идей, взыскательной и строгой организацией, с которой вынуждены были считаться не только тренеры сборных команд страны, но и важные чиновники партаппарата и правительства.

Футбольная эквилибристика, практиковавшаяся в течение ряда лет на Украине, о чем я уже рассказывал выше, естественно, не могла не беспокоить членов тренерского совета. Особенно нетерпимой обстановка с бесконечными жертвоприношениями в пользу киевского «Динамо» стала после того, как команду киевлян возглавил молодой, безусловно талантливый, но не слишком разборчивый в средствах достижения успеха Валерий Лобановский. Судите сами. В годы, когда киевляне становились чемпионами страны (1974, 1975 и 1977), среди 16 команд высшей лиги кроме киевского «Динамо» выступали еще пять украинских

коллективов. И все они практически безропотно «дарили» очки старшему брату, во многом обеспечивая ему лидерские позиции в нашем футболе. В 1974 году чемпионы набрали 40 очков. Из них 15 они «заработали» в матчах со своими земляками. На следующий год, вновь став чемпионами СССР, динамовцы Киева финишировали с 43 очками, из которых 12 вновь получили во встречах с украинскими клубами. И наконец, в 1977 году чемпион вновь набрал 43 очка, в числе которых оказалось 14 «сувенирных», преподнесенных ему в знак бесконечной любви к столичному граду Киеву.

С грустью рассматривая всю эту печальную статистику, члены тренерского совета решили действовать. Они обратились ко всем старшим тренерам 16 сильнейших команд страны с письмом, в котором просили предельно лаконично («да» или «нет») ответить на два вопроса:

1. Практикуется ли в СССР договорной футбол?

2. Проводит ли руководимая вами команда договорные игры?

С чувством полной ответственности и полным сознанием собственного долга все 16 респондентов своевременно прислали ответы. Особым разнообразием они не отличались. На первый вопрос 16 честных, мужественных, преданных и любящих отечественный футбол мужчин дружно и, главное, смело ответили: «ДА!».

Зато в шок повергли членов тренерского совета ответы на второй вопрос. Все те же смелые, честные, мужественные и любящие наш футбол люди недрогнувшей рукой начертали уверенно и твердо: «НЕТ!».

Ностальгия

Мой старый добрый знакомый, один из самых ярких и почитаемых в футболе журналистов Аркадий Галинский, в течение многих лет вел отчаянную борьбу за нравственное здоровье отечественного футбола. Выше уже упоминалось о том, что он был первым мастером пера, без раздумий ринувшимся в пучину бесплодных, казалось, сражений с договорным футболом. Его травили, лишали возможности писать, а он упрямо и твердо стоял на своем. Это Галинского председатель Спорткомитета СССР на очень представительном совещании не постыдился прилюдно унизить и учинить над ним некое подобие гражданской казни, назвав его футбольным Солженицыным. Эта фраза, по мысли ее сочинителя, должна была, словно контрольный выстрел,

довершить дело и окончательно раздавить непокорного. Все получилось наоборот: ушедшего в небытие чиновника уже никто не вспоминает, а перед памятью Аркадия Романовича склоняют головы многие тысячи его коллег — спортивных журналистов и благодарных читателей, помнящих его неповторимый и такой убедительный стиль письма!

В одной из своих работ, опубликованной «Литературной газетой» 21 февраля 1990 года, о деградации нашего футбола, утопающего в грязи договорного бизнеса, Аркадий Романович, в частности, писал:

«Константин Бесков на протяжении всей своей футбольной карьеры не продал и не купил ни одного очка. Руководители клубов и заговорить на эту тему с ним не решались! Славились своей неподкупностью Борис Аркадьев и Михаил Бутусов, а также Михаил Якушин и Гавриил Качалин. Невозможно представить себе, чтобы согласился за определенную мзду пропустить гол в свои ворота Лев Яшин, чтобы открывали намеренно «зеленую улицу» центральные защитники Анатолий Башашкин или Альберт Шестернёв...». И далее: «...За махинациями коллегиального (и вместе с тем надежно скрытого от глаз общественности) клубного руководства надзора у нас в государственном масштабе по сию пору нет... Хочется, чтобы руководители клубов почувствовали свою ответственность перед законом. Но никаких законов, направленных против закулисных футбольных дельцов, у нас не было и нет».

Минуло с той публикации Галинского много лет. И вот, казалось, сбылась мечта мэтра. С 1 января 1997 года вступил в силу новый Уголовный кодекс РФ. Впервые в нем появилась статья 184, квалифицирующая подкуп участников и организаторов спортивных соревнований как уголовное преступление.

В указанной статье, в частности, говорится об ответственности за «подкуп спортсменов, спортивных судей, тренеров, руководителей команд и других участников или организаторов профессиональных спортивных соревнований <...> в целях оказания влияния на результаты этих соревнований».

Наверное, прочитав эти строки, порадовался бы вместе с нами и Аркадий Романович. Но его уже нет. А тем временем пролетело больше девяти лет со дня рождения статьи 184 УК РФ. Но она ни единого раза не напомнила о себе! Ни единого раза!

Написав эти строчки, я вдруг вспомнил, что на воротах многих исправительно-трудовых учреждений и колоний, где отбывают сроки правонарушители, часто вывешивают

транспарант «На свободу — с чистой совестью!». Может быть, стоит позаимствовать этот пример и на стадионах вывесить для чиновников, футболистов, тренеров, судей, инспекторов чуть перефразированный призыв: «На поле — с чистой совестью!»?

Были годы, когда футбол небезуспешно заслонял для нас многие мирские несуразицы и неурядицы: тесноту коммуналок, неустроенный быт, недостаток продуктов питания, одежды... Со временем веселый, чуть наивный, однако жизнерадостный, бескорыстный и честный футбол переставал быть созидателем и медленно, но верно переходил в ряды разрушителей всеми признаваемых человеческих ценностей. Радость, совесть, честь, благородство тускнели и беззастенчиво вытеснялись делячеством, корыстью, расчетливостью, граничащей с мошенничеством...

Парад фарисеев, в рядах которых так вольготно шествует договорной футбол, длится непозволительно долго. Он должен быть остановлен! А люди, командующие этим растленным зрелищем, должны безвозвратно уйти из нашей жизни!

P.S. Когда эта глава была дописана, из Италии поступило сенсационное сообщение. Дисциплинарный комитет национальной Федерации футбола исключил из серии «А» — высший дивизион — генуэзский клуб «Дженоа». Причина: «За договорной матч, результат которого повлиял на расположение команд в турнирной таблице». Произошел этот казус 11 июня 2005 года на игре в Генуе «Дженоа» — «Венеция», которую выиграли хозяева поля со счетом 3:2. Как было установлено, цена сделки обошлась фаворитам в 250 тысяч евро. Заняв первое место в серии «В», генуэзцы должны были перейти в «высшее футбольное общество». Однако потерпели фиаско.

Кстати, подобные разоблачения имели место в Италии и раньше, как, впрочем, не обходились без скандалов и чемпионаты Франции, Германии, Болгарии, Китая и ряда других стран. А нас член Международного комитета ФИФА по честной игре В. Колосков более четверти века уверял, что доказать подлоги в договорных матчах невозможно.

Магия футбола! Где она?

За несколько дней до сдачи рукописи этой книги в издательство ко мне на дачу зашел сосед — довольно известный журналист, любящий футбол, но никогда о нем не писавший. Тем не менее, согревшись несколькими рюмками кофе, мы заговорили именно о футболе. Учитывая, что мой собеседник всего лишь на

10—12 лет моложе меня и еще хорошо помнит времена, которые с легкой руки А. Габриловича стали именовать «футболом нашего детства», мы погрузились в воспоминания. Почти каждая новая фраза двух разгоряченных спорщиков начиналась вопросом: «А ты помнишь?» Помнили мы много разного и интересного. Неожиданно мой оппонент, словно желая поставить меня в затруднительное положение, спросил: «А ты готов согласиться с тем, что завораживающая нас с детства магия футбола навсегда канула в Лету?»

Спор наш грозил продолжиться до утра, и мы благоразумно распрощались, так и не найдя ответа на поставленные вопросы. Собственно, сам факт исчезновения этой магии, о которой говорил мой собеседник, уже действительно возражения у меня не вызывал. Вопрос состоял в другом: что случилось с нашим отечественным футболом? Почему он стал другим и не столь привлекательным, как несколько десятков лет назад?

Пришлось прежде всего припомнить банальную истину, что футбол как значимое социальное явление впитывает в себя, словно губка, все катаклизмы, которым подвергаются общество, страна, экономика. А коль скоро это так, то было бы странно ожидать от отечественного футбола благостного состояния после всех событий, происшедших в СССР, а затем и в России.

Несколько дней я почти непрерывно размышлял о многих пертурбациях, которые произошли за последние годы в советском и российском футболе и продолжают его сотрясать по сей день. Разумеется, мне не по силам составить что-либо похожее на подобный реестр. Не смогу я припомнить и все произошедшие в нашем футболе коллизии. Но кое-что из своей памяти я все же извлек.

Вот об этих «осколках» в памяти я и намерен рассказать моим читателям. Я не буду размещать их по значимости или в алфавитном порядке. Не собираюсь отыскивать виновных за все, что произошло в любимой нами игре. Я изложу свои мысли по мере их пробуждения.

Любимое изречение Андрея Петровича Старостина «Все проиграно, кроме чести» не было данью изящной словесности. Оно несло в себе глубочайший нравственный и философский заряд и, если хотите, определяло кредо мастеров футбола нашего детства.

Подавляющее большинство футбольных людей, о которых я вспоминаю в этой книге, знали цену мужской бескорыстной дружбе, цену совести и чести. Они обладали бесценным даром — умением и неукротимым желанием радовать людей и делать их жизнь светлее и лучше.

Написав эти строки, я тут же вспомнил возмутительную выходку игрока сборной России Евсеева после нашей победы над сборной Уэльса поздней осенью 2003 года. Покидая поле, распоясавшийся игрок продемонстрировал ошарашенным трибунам в высшей степени непристойный жест, присовокупив при этом понятную почти всему миру реплику: «Х... вам!» Естественно, что эта сцена полупила широкую прессу и довольно долго всеми обсуждалась. К удивлению многочисленных слушателей и читателей, ряд авторов передач и статей рассказывали о «евсеевской пантомиме» едва ли не в доброжелательных, даже похвально-патриотических тонах: «Вот, дескать, знай наших!».

Ведомство Колоскова и Контрольно-дисциплинарный комитет никаких санкций тогда к хулигану не применили.

Ничуть не лучше поступил несколько лет назад тогда еще молодой торпедовец Игорь Сем шов. В матче чемпионата страны на столичном стадионе «Торпедо» средь бела дня юное дарование трусливо сзади подскочило к годящемуся ему в отцы арбитру Николаю Фролову и нанесло удар ногой в спину. К сожалению, арбитр был окружен в тот момент футболистами обеих команд и не успел выявить своего обидчика.

Я, наверное, забыл бы о том датском эпизоде, если бы теперь возмужавший Семшов, ставший игроком сборной России, в одном из своих недавних интервью едва ли не с гордостью изрек: «Да, ударил, гак ведь он судил плохо!».

Нравственный приоритет российского футбола не приобрел новых притягательных черт после запомнившегося всем матча сборных команд Латвии и России в августе 2005 года. Наша команда не сумела одолеть дружных ребят из команды маленькой прибалтийской страны. Ничейный итог встречи лишил россиян двух очков и, по сути, стал шлагбаумом на пути к чемпионату мира-2006, который прошел в Германии без нас. Это, конечно, печально.

Но еще больнее по самолюбию россиян ударило распространенное сразу же после игры с латышами сообщение ряда СМИ о том, что еще перед матчем наши эмиссары пытались подкупить соперников, чтобы они «продали» нам три очка. Автором этого «откровения» явился капитан сборной Латвии Виталий Астафьев. Когда шум от этого сообщения достиг апогея, перепуганный «правдолюбец» от своих слов отказался, заявив, что ничего подобного никому не говорил. Какой-то шустрый чиновник изъял из своего сейфа часто употребляемый им штампик и приложил его к делу Астафьева: «Производство прекратить за отсутствием состава преступления».

Преступления и в самом деле, возможно, не было. Зато мерзость была налицо! Но это уже никого не интересовало: мелочь!

А ведь именно обилие подобных «мелочей» и мерзостей продолжает вершить свое черное дело и убивать магию футбола.

Не в силах я обойти молчанием и события, произошедшие в концовке матча сборных молодежных команд Дании и России 16 ноября 2005 года. Потерпев поражение и лишившись права участвовать в 2006 году в молодежном чемпионате Европы, наши «молодые дарования» позволили себе продемонстрировать всему футбольному содружеству (матч транслировался по ТВ) вопиющее невежество и невоспитанность. Не случайно почти все СМИ свои отчеты о той злополучной встрече начинали словами: «Россия не умеет проигрывать!» Президент РФС Виталий Мутко сразу же после финального свистка ирландского рефери А. Келли назвал все увиденное позорищем.

Безнадежно проигрывая судьбоносный матч, «наши молодые и перспективные» умудрились за последние десять минут игры заработать... ПЯТЬ (?!) красных карточек. За грубость и откровенное хамство с поля были удалены: Жирков (на 28-й минуте), Быстров (82), Черногаев (88), Бухаров (90), а «борец за справедливость» Самедов на 88-й минуте изловчился отличиться, даже не выходя на поле, сидя на скамейке запасных. Всем этим «униженным и оскорбленным» молодчикам следовало бы, сгорая от стыда, стремиться не попадаться людям на глаза. А они нагло норовили засветиться перед телекамерами, чтобы напоследок сказать какую-нибудь гадость про арбитра. Но это еще не все. Апофеозом дикости и распущенности явилась выходка Жиркова. Покидая поле, он сорвал с себя футболку с гербом России и швырнул ее в лицо помощнику арбитра...

Задумайтесь: разве могли бы проделать что-либо подобное Григорий Федотов, Никита Симонян, Константин Бесков? О таком даже помыслить невозможно. А вы говорите магия!

Вспомним, ведь в 30—50-х годах на футбольные поля страны выходили ребята с роскошными букетами цветов, которые до игры вручали друг другу. Замечу при этом, что тогда не было ни телевизоров, ни холодильников, ни компьютеров, пи мобильных телефонов, ни стиральных машин. Люди жили в полуподвальных помещениях, на чердаках, в бараках.

Они не ездили по уэльсам и аргентинам, не знали иностранных языков, не получали десятки тысяч долларов за подчас маловыразительную игру. Тогда не играли в «договорной» футбол, не вели оголтелой «работы с судьями» и не торговали очками, совестью и честью. В годы нашей юности не ходили на

стадионы с шутихами, петардами, заточками и ведрами с пивом. Никто не крушил кресла, не палил трибуны и не рвался сразиться с омоновцами.

И уже тем более в те далекие времена никому и в голову не могли прийти дикие идеи избивать тренеров и руководителей футбольных клубов. А у нас такое, увы, случается не так уж редко. 17 сентября 2005 года в дагестанском городе Каспийске во время матча команд первого дивизиона «Анжи» — «Металлург-Кузбасс» прямо на тренерской скамейке (?!) был избит наставник махачкалинского клуба Дмитрий Галямин.

Днем раньше в Ярославле утром по дороге на работу бандитскому нападению подвергся вице-президент «Шинника» — клуба высшего дивизиона — Михаил Морозов.

Летом 1997 года на подмосковной даче была зверски убита приглашенная в 1994 году Романцевым из Красноярска в московский «Спартак» на должность генерального директора Лариса Нечаева. Она, вникнув к кухню спартаковского закулисья, быстро обнаружила целый букет грубейших финансовых нарушений. В марте 2003 года Генеральная прокуратура РФ вынуждена была возбудить уголовное дело в отношении тогдашнего руководства ФК «Спартак»: президента Олега Романцева, его заместителя Григория Есауленко, генерального директора Юрия Заварзина и главного бухгалтера Павла Панасенко. «Спартак» тогда так манипулировал с уплатой налогов, что оказался должен казне более полутора миллионов долларов.

Как в феврале 2006 года писал еженедельник «Версия», «дело до логического конца, как водится, не довели». А обаятельной Ларисы Геннадиевны не стало.

Примечательно, что трагическая история Нечаевой не завершилась с ее кончиной. Когда я работал над вторым изданием своей книги «Поклонимся великим мастерам», мы с фотокорреспондентом еженедельника «Футбол ревю» Владиславом Бутаковым поехали на Кунцевское кладбище. Недалеко от главного входа мы случайно обнаружили могилу Ларисы. К тому времени от многих работников «Спартака» я уже был наслышан о ее крепком, непреклонном характере и о ее стремлении навести элементарный порядок в любимой народом команде.

Свой очерк об этой незаурядной женщине я включил в книгу. Узнав об этом, администратор «Спартака» Хаджи в телефонном разговоре с руководителем издательства заявил, что если материал о Нечаевой будет оставлен в готовящейся к изданию книге, то «Спартак» не приобретет ни одного экземпляра.

Я никогда не отличался уступчивым характером, но здесь для общей пользы и спасения книги пошел на вынужденный компромисс. Об этом весьма сожалею по сей день, ибо, несмотря на то что очерк о Нечаевой мы не опубликовали, ведомая Романцевым команда вопреки своим обещаниям так ни одной книги для своих мастеров не приобрела. «Нет денег», — заявили нам убоявшиеся правды дельцы.

В январе 2003 года в Москве какими-то отморозками был насмерть забит металлическими трубами великолепный форвард, игравший в 1987—1992 годах в столичном «Торпедо», а в 1993—1997 годах в «Динамо» Юрий Тишков. Обаятельному молодому человеку еще не исполнилось 32 лет. И этот дикий случай из криминальной хроники нашего футбола тоже «повис» и пополнил и без того густо исписанный реестр «вися ков».

Юра Тишков был начинающим официальным футбольным агентом ФИФА, который занимался перепродажей футболистов. Как следовало из одной наиболее вероятной версии, две столичные команды проявили заинтересованность в приобретении хорошего футболиста. Между клубами, как водится, завязалась отчаянная борьба. Представлявший интересы игрока Тишков добился его трудоустройства в один из заинтересованных клубов. Это вызвало яростное неприятие со стороны оппонентов, отстаивавших интересы другой команды. Они-то, вероятно, и организовали дикую расправу.

Игравший когда-то вместе с Тишковым в «Торпедо» Андрей Талалаев, стоя у могилы своего товарища, с нескрываемой болью произнес: «Раньше футбол был для всех жизнью, а теперь стал смертью».

В последнем туре чемпионата России-2005 19 ноября в очном поединке «Спартак» и «Локомотив» оспаривали не только серебряные медали, но и право в предстоящем сезоне выступать в самом престижном турнире УЕФА — Лиге чемпионов. Судить этот поистине судьбоносный матч было поручено москвичу Валентину Иванову. Все, кто наблюдал за этой интереснейшей игрой, наверное, согласятся со мной: арбитр был безупречен!

Но далеко не все знают, что накануне матча Валентину домой неоднократно и навязчиво названивали какие-то подонки и, угрожая физической расправой, требовали отказаться от судейства.

Как бывший арбитр могу заметить, что за минувшие годы изменения претерпела и лексика любителей футбола, адресованная служителям спортивной Фемиды. В наши годы наибольшей популярностью пользовались рекомендации отправлять всех судей «на мыло!».

А теперь? Видимо, благодаря гласности зрители, а вслед за ними и некоторые популярные тренеры стали получать информацию (не из Интернета ли?) о нетрадиционной сексуальной ориентации арбитров. В результате нынче с трибун часто раздаются обличительные реплики: «Судья педераст!».

На трибунах наших стадионов во время футбольных матчей мы с радостью великой встречали знаменитых писателей: Льва Кассиля, Лазаря Лагина, Юрия Олешу, блистательных актеров: Михаила Яншина, Кирилла Лаврова, Михаила Жарова, Виктора Станицына, Георгия Менглета...

В правительственных ложах тогда действительно сидели члены советской и партийной верхушки. Невозможно было увидеть в ложе рядом с наркомом или командармом вальяжно развалившегося в кресле Гинера с сигарой в зубах!

Элита, богема... называйте как хотите, но именно она задавала вкус, тон, служила своеобразным камертоном настроений всех людей, причастных к великому зрелищу, именуемому футболом!

Теперь, после моих пафосных заметок, вам будет легче ответить на вопрос: «Куда девалась магия футбола?».

Справедливость требует отметить, что на современный футбол люди смотрят по-разному. Мои убеленные сединами ровесники не могут избежать ностальгических соблазнов и, глядя на сегодняшнюю футбольную жизнь, невольно сравнивают ее с «футболом нашего детства». А нынешние молодые поклонники футбола взирают на поле эмоционально и значительно более агрессивно, чем мы в их годы. И это тоже вполне объяснимо: молодые люди сегодня не располагают возможностями сравнивать нынешний футбол с игрой полувековой давности, которой так восхищались мы. А у нас-то агрессии просто не было.

Наверное, поэтому я не могу припомнить ни одного матча между ЦСКА и московским «Динамо» в 40—50-х годах, между «Спартаком» и тем же «Динамо», ЦСКА и «Торпедо» в 50—60-е годы, когда на стадионе оставались бы свободные места! Имена Боброва и Федотова, Бескова и Якушина, Акимова и братьев Старостиных, А. Понамарева и Трофимова, Стрельцова и Сальникова, Яшина и Хомича неотвратимо влекли на трибуны.

Говорят, что нынешний футбол тоже интересен и привлекателен. Не стану спорить: каждый волен оставаться при своем мнении.

Впрочем, идеализация общественных явлений, оказывающих заметное влияние на жизнь и сознание большинства землян, так же опасна, как и их охаивание. Видимо, поэтому всего 10 лет назад согласно рейтингу ФИФА даже после неудачи в чемпионате

Европы Россия занимала седьмое место (на «пьедестале» были Бразилия, Германия, Франция). А в XXI веке мы прописались лишь на 34-м месте среди всех сборных мира!

ЛЮДИ СУДЕЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Футбол, как игра по правилам,
держится на судьях.

Лев Филатов

«Судейский вопрос» имеет такую же давнюю историю, как и сам футбол. Эта боль отнюдь не наша российская привилегия: ею страдает футбольное общество всей планеты. Другое дело, что мы, являясь уникальной страной, в которой все принято доводить до абсурда, умудрились создать вокруг одиозных фигур арбитров подлинный психоз. Мыслями об этой патологии футбола я, проживший в судейской среде более полувека, обязан поделиться с читателями.

Слово о злодеях

Не могу себе даже представить, сколько тысяч раз, будучи действующим арбитром, инспектором, преподавателем судейских сборов и семинаров, приходилось мне держать в руках тоненькую брошюру с простым заголовком — «Правила игры». И, несмотря на это, почти каждый раз, обращаясь к этому документу, я с превеликой благодарностью вспоминаю его авторов. Порой мне кажется, что над самой первой редакцией официального текста «Правил», увидевших свет в Лондоне 26 октября 1863 года, трудились люди, пребывавшие под сильным влиянием своего великого соотечественника Уильяма Шекспира. Не случайно же авторы футбольных законов так тщательно отрабатывали каждое слово правила V, звучащего коротко и звонко, как пистолетный выстрел, — «Судья»! А несомненное духовное родство составителей правил с великим драматургом наиболее осязаемо проявило себя именно в правиле пятом.

Согласитесь, что в любом зрелище, будь то театр или футбол, необходима интрига. Нужно столкновение тех, кто «за», с теми, кто «против». Необходим конфликт! А чтобы зрелище было занимательнее и острее, в нем непременно должны присутствовать злодеи. Конечно, люди, подарившие миру свое неподражаемое открытие — футбол, придумывали образы судей

не ради интриги. Ее, интригу, породила и до крайности обострила сама жизнь.

Служители спортивной Фемиды все чаще становятся жертвами различных соблазнов, сети которых умело расставляются футбольными функционерами и пиратствующими на безбрежных футбольных просторах флибустьерами всех мастей и многих властных ведомств. В служебном обиходе все более прочное место стало занимать явление, получившее задумчивое название «Работа с судьями».

Когда футбол был просто забавой

Когда-то, на заре футбольной эры, молодые ребята выходили на зеленые лужайки попинать мячик для развлечения и удовольствия, чтобы размять косточки. Рефери им был нужен как бы для антуража. Постольку поскольку. Но по мере своего развития футбол постепенно становился мерилом национального достоинства целых государств и даже континентов. Яростная и беспощадная коммерциализация превратила его в индустрию, бизнес, приносящий хозяевам команд баснословные барыши. И судьи в этой чудовищной круговерти стали далеко не последними винтиками. Не раз случалось, что один неуклюжий свисток или торопливая отмашка флагом приводили к краху самые элитные клубы или сборные ведущих футбольных держав мира, а гигантские денежные потоки неожиданно утекали по мало кем ожидаемым руслам...

Однако справедливости ради речь следует вести не столько об арбитрах, сколько о порочности прожившей более века вконец одряхлевшей системе судейства. Этот реликт просто физически стал не способен избавить футбол от разъедающего его брака. Арбитры оказались не в силах точно отвечать на многочисленные вопросы, которые ставит перед ними игра.

Поэтому вместо дискредитировавшей себя формулы судейства «один плюс два» (один главный судья и два его помощника) требуется принципиально новый, адекватный требованиям времени метод арбитража, позволяющий свести ошибки до минимума. Но какой? На этот вопрос ответа пока нет ни у кого.

Не будем забывать, что официальные правила игры в футбол приняты в 1863 году, почти полтора века назад! В 1891 году был узаконен судейский аппарат: «Для проведения каждой игры назначается судья» (правило V) и «В помощь судье назначается

двое судей на линии» (правило VI). С тех пор минуло много десятилетий. Человек расщепил атом и слетал на Луну, изобрел лазерный луч и искусственное сердце, роботы и мобильные телефоны. Научно-техническая революция настойчиво преображает мир.

До неузнаваемости изменился и вырос футбол. И лишь фигуры трех судей, словно живые памятники футбольным первопроходцам, вновь и вновь возникают на всех полях крупнейших стадионов мира.

Научно-техническая революция полностью проигнорировала служителей футбольной Фемиды. Лишь хрипловатую сирену сменил тревожный милицейский свисток, да черные шорты вытеснили белые, непрактичные штаны.

Стоит ли удивляться, что эта историческая окаменелость никак не вписывается в интерьер современного футбола? Можно лишь посетовать, что с неумолимой и занудной последовательностью мы из года в год пытаемся доказать то, что давно стало неоспоримой истиной: «Судейство отстает от уровня игры».

В 1915 году журнал «Русский спорт» опубликовал примечательную информацию: «На состоявшемся собрании коллегии судей Московской футбольной лиги разбирался вопрос о падении престижа судей в глазах игроков и публики. Председательствующий И.И. Савостьянов предложил выработать меры для поддержания этого престижа на должной высоте». Не ведали тогда наши предки, как недалеко за более чем 90 лет мы продвинемся по части так называемого престижа.

В 1971 году в Англии внезапно началась полемика на тему «Умеют ли судьи судить?» Бывший в те годы секретарем футбольной лиги Алан Хардэйкер без обиняков заявил, что правила отстают от самой игры ровно на... 60 лет, когда были сформулированы основные 17 пунктов. Правда, затем к ним присовокупили 170 толкований. По мнению Хардэйкера, «судья должен обладать интеллектом университетского профессора, чтобы разобраться хотя бы в половине ситуаций, описанных в этих пространных замечаниях».

Футбол, как полагают англичане, ушел вперед настолько далеко, что ему нужны новые, четко сформулированные принципы, а не старые параграфы, с которых то и дело понемногу стряхивают пыль.

Примерно в те же 70-е годы в Голландии пытались разработать тесты для создания портрета безупречного судьи. Тестов выработали много, более сорока. Когда работа была завершена и осмыслена, сами авторы признали, что если

найдется человек, отвечающий требованиям всех этих тестов, то ему не следует заниматься судейством: он вполне достоин занять пост премьер-министра.

Заслуживают внимания, на мой взгляд, и размышления почетного члена лекторской судейской группы ФИФА, судьи международной категории Д. Силади. Много лет назад он писал: «Единообразия нельзя достичь бесконечно повторяемыми призывами к судьям одинаково трактовать правила, быть одинаковыми. Арбитры тоже индивидуальности. Им не но силам выполнять подобные требования».

Предельно краток был тогда же бывший тренер легендарного «Аякса» С. Ковач: «Мы все-таки слишком много требуем от живого человека, каковым является арбитр, не считаясь с его возможностями и способностями!»

В безусловной верности высказывания Ковача мне довелось убедиться 10 августа 1964 года. В Ленинграде в матче чемпионата СССР «Зенит» встречался с куйбышевскими «крылышками». На 15-й минуте главный арбитр Александр Меньшиков назначил штрафной прямо против ворот волжан, метрах в двадцати от них. Увидев, что привести этот приговор в исполнение изготовился полузащитник «Зенита» В. Завидонов, обладавший мощным ударом, я продвинулся от боковой линии почти к самой штрафной площади «Крыльев». Вроде бы я все предвосхитил. Но... Удар Завидонова пришелся в перекладину, от которой мяч отскочил в землю и тут же был выбит рукой в поле вратарем Соколовым. Меньшиков зафиксировал взятие ворот. Но куда отскочил мяч после удара в перекладину? Полностью ли пересек он линию ворот? Поверьте, что на эти вопросы я ответить не в состоянии, несмотря на то что стоял совсем рядом и смотрел не мигая.

Да, это был всего лишь рядовой матч чемпионата страны. А через два года подлинная трагедия развернулась в финальном матче чемпионата мира в Англии. Подробности о нем вы прочтете через несколько страниц.

Словом, от арбитров требуют, чтобы они видели все, что происходит на поле. А они в ряде случаев видеть все не могут просто физически! Когда же футбольные небожители ФИФА, УЕФА и всех национальных федераций осознают эту простую истину, давно уже доказанную временем и учеными?

Несовершенство судейского хозяйства не оставляло тогда в покос и лучшего отечественного арбитра Николая Гавриловича Латышева, долгие годы работавшего в судейском комитете ФИФА. В своей книге «Судейство соревнований по футболу» еще в 1965 году он писал: «В связи с повышением требований к

качеству судейства коллегии судей продолжают работать над новыми методами судейства. В частности, в виде опыта отдельные игры судили двое судей, каждому из которых отводилась одна половина поля. При возросшем темпе игры это позволяет судьям быть ближе к игровым моментам и быстрее успевать к местам непосредственной борьбы за мяч».

Тренер западногерманского «Гамбурга» Эрнест Хаппель в 1983 году предложил в порядке эксперимента испробовать судейство с четырьмя судьями на линии: по двое с каждой стороны. «Я глубоко убежден, что такой шаг стал необходимым по крайней мере на высшем уровне. Скорости возрастают. Футбол становится быстрее и стремительнее. По одному арбитру на линии теперь мало, они не успевают», — аргументировал свое предложение Хаппель.

После мадридского скандала 1976 года, когда, как считали очевидцы, по вине голландского арбитра выбыла из розыгрыша европейского Кубка западногерманская «Боруссия», было высказано множество различных суждений. Предлагалось даже устанавливать на стадионах в помощь судьям несколько телевизионных камер. Обратите внимание: в помощь (!) судьям, а не только для подсматривания за ними, как это широко практикуется в России.

В 1970 году на матчах чемпионата мира в Мексике недремлющее телевизионное око все чаще стало вторгаться в жизнь большого футбола, то и дело изобличая судейские огрехи. Бывший тогда президентом ФИФА сэр Стенли Роуз на очередной пресс-конференции, на которой довелось присутствовать и автору этих воспоминаний, заявил: «Телевизионные камеры не могут видеть события перспективно, в трех измерениях, искажения неизбежны... права и полномочия судей определены интересами игры, причем возможности той или иной ОШИБКИ СУДЬИ ВКЛЮЧЕНЫ В СФЕРУ ЭТИХ ИНТЕРЕСОВ» (выделено мною. — М.Р.).

Не менее категоричен был бывший Генеральный секретарь ФИФА Кейзер: «Когда речь идет о так называемом решении «по факту», вынесенному судьей во время игры, то применительно к результату матча решение это окончательно и не может быть отменено на основе любых телевизионных свидетельств или доказательств. Иная позиция неизбежно привела бы в конце концов к тому, что вряд ли исход какого-либо матча мог бы решаться на футбольном поле до последующего рассмотрения вышестоящими футбольными властями. У СУДЬИ ЕСТЬ ПРАВО НА ОШИБКИ» (выделено мною. — М.Р.).

Примерно в таком же духе высказывался сменивший Роуза на

посту президента ФИФА Жоао Авеланж, который категорически отвергал телевидение как средство контроля за судьями.

Возглавляющий ныне ФИФА Йозеф Блаттер также не намерен менять курс, определенный его предшественниками.

Можно соглашаться или спорить с их точкой зрения. Однако тот факт, что ФИФА за несколько последних десятилетий не сумела предложить какие-либо конструктивные меры для избавления футбола от страданий, вызванных бесконечными и, увы, неизбежными судейскими промахами, не может не вызвать неприятия.

Много лет назад позиция ФИФА напомнила мне ситуацию, о которой рассказывал известный офтальмолог С. Федоров. В возглавляемом им Институте микрохирургии глаза у некоторых больных появились реальные шансы впервые в жизни стать зрячими. Каково же было изумление врачей, когда около тридцати пациентов отвергли их помощь! «Мы всю жизнь были слепыми. Как жить зрячими, мы не знаем. И не умеем. Поэтому пусть все остается, как есть»...

Не случайно я привел эту аналогию. Мне кажется, что и ФИФА, и национальные федерации боятся появления «зрячих» судей. К такому повороту событий нынешние чиновники не готовы, ибо «прозревшие» арбитры лишат их значительной части власти, а значит, и доходов...

Как видите, многочисленные футбольные авторитеты с завидной настойчивостью говорят о неспособности ныне действующего во всем мире судейского механизма избавить популярную игру от неизбежных огрехов. Давно уже все понимают, что, если все будет оставаться по-старому судейский свисток по-прежнему будет брать иногда фальшивые ноты, искажая и уродуя слаженность и красоту симфонии современного футбола. А пока нам приходится довольствоваться упаднических настроениями известного австралийского тренера Л. Гейза, который когда-то с грустью изрек ставший классическим афоризм: «Три вещи в жизни надо принимать безропотно: долгий дождь, смерть и судейство».

Грехи наши тяжкие

Финал чемпионата мира 1966 года. Лондон. Стадион «Уэмбли». 30 июля. На ноле сборные Англии и ФРГ. Основное время 2:2. На сотой минуте игры мощный удар англичанина Херста потряс перекладину. Мяч ударился о газон и вылетел в

поле. Но побывал ли он за линией ворот? Швейцарский арбитр Динст не сумел зафиксировать место приземления мяча. Под пристальными взорами замерших в тревожном ожидании трибун и миллионов телезрителей он направился за консультацией к своему ассистенту — бакинцу Бахрамову. Тот энергично замахал флагом в сторону центра поля. Гол был засчитан, и через несколько минут англичане стали чемпионами мира. Германия погрузилась в траур.

Вопрос о том поистине золотом голе еще долго дискутировался. Лишь спустя год ФИФА в своем официальном издании «ФИФА ньюс» обнародовала вердикт: мяч полностью линию ворот не пересек: гола не было. Футбольный мир оказался в шоке.

Вскоре жертвой похожей коллизии стала и наша сборная. Случилось это в 1/4 финала чемпионата мира в Мексике 14 июня 1970 года. Сборная СССР играла с уругвайцами. Все подробности той трагедии автору этих заметок довелось лицезреть с трибуны стадиона «Ацтека». После невыразительной ничьей (0:0) в основное время команды были вынуждены выяснять отношения в добавленные 30 минут; Играть оставалось всего три минуты, а счет не менялся. На левом фланге атаки уругваец Кубилла обыграл нашего Афонина и послал мяч в штрафную. Почти не встретивший сопротивления защитников Эспарраго вколотил его в ворота, защищаемые Кавазашвили. Но за мгновение до этого, по мнению некоторых наших специалистов, Кубилла упустил мяч за линию поля. Признаюсь, что мы этого не заметили. Зато заметили другие... Наши руководители и журналисты метали громы и молнии в адрес голландского рефери Ван-Равенса, обвиняя его в предвзятости. Хотя при здравом размышлении было ясно, что, если бы арбитр обладал даже скоростью гепарда, он физически просто не мог успеть в угол поля, противоположный от его помощника, и разглядеть, на сколько сантиметров мяч пересек (или не пересек) границу. Речь следовало вести не о судейских кознях, а о банальной беспомощности судей в подобных ситуациях. Так или иначе, а наша сборная вынуждена была ретироваться из Мексики.

События чемпионата мира-86, проходившего опять в гой же Мексике, оказались для судейской братии еще более удручающими: в 52-х матчах лучшие рефери планеты изловчились сотворить 17 грубейших ошибок (33%!), повлиявших на результаты игр.

Вот лишь некоторые зарисовки.

Гвадалахара, 1 июня 1986 года. Матч сборных Испании и Бразилии. В игре произошло событие, с точностью до наоборот

повторявшее лондонскую трагедию 66-го года. Мяч после дальнего удара испанского футболиста попал в перекладину и оказался за линией ворот. Но австралиец Бембридж, как и его ассистент, были не в силах поспеть за быстро промчавшимся мячом и не смогли зафиксировать место его отскока. Гол засчитан не был. В итоге победу со счетом 1:0 праздновали бразильцы.

Мехико. 1/8 финала. 22 июня 1986 года. На поле сборные Аргентины и Англии. В начале второго тайма в борьбе с вратарем Шилтоном бесподобный Марадона изловчился и протолкнул мяч в ворота соперников... рукой. Это видела вся планета! Кроме тунисского рефери Беннасеуру. Сколько яростных статей и репортажей было посвящено этому бедолаге после той выходки аргентинца! А невозмутимого шутника Диего почти никто не ругал. Более того, опешившим журналистам он заявил, что если его рука и коснулась мяча, то это была рука... Божья!

Леон. 1/8 финала. 15 июня 1986 года. Вновь судьба-злодейка покарала нашу сборную, которая неожиданно уступила бельгийцам 3:4, хотя по игре обязана была победить. Увы... решающий гол в ворота Дасаева на 77-й минуте Кулеманс забил якобы после офсайда, споры о котором не затихают и поныне. Швед Фредрикссон и его помощник «вне игры» не зафиксировали.

Итальянский чемпионат-90 дал еще более шокирующие итоги: около 50% искаженных результатов явились следствием беспомощности футбольный Фемиды.

13 июня 1990 года наши сборники вновь попали под пресс злополучного Фредрикссона. В матче сборных СССР и Аргентины Марадона сумел вновь блеснуть «рукоприкладством». Когда кто-то из наших направил мяч слева в штрафную площадь аргентинцев, вездесущий Диего едва ли не из своих ворот отбил его... рукой. Все оторопели, одиннадцатиметровый ни у кого сомнений не вызывал. Но один сомневавшийся все же обнаружился. Им оказался... судья.

8 июля 1990 года. Италия. Рим. Подходит к концу финальный матч чемпионата мира. На поле сборные команды Аргентины и Германии. Счет 0:0. Секундной стрелке судейского хронометра оставалось пробежать чуть больше пяти кругов, когда мексиканский рефери Эдгаро Кодесал Мендес принял труднообъяснимое решение. В углу штрафной площади аргентинцев многоопытный немецкий форвард Феллер сталкивается с Сенсини. Оба падают... Заметить какое-либо нарушение было крайне сложно. Тем более что рефери, кстати, гинеколог по профессии, находился достаточно далеко от места происшествия. Тем не менее раздался свисток и длань служителя

Фемиды вытянулась в сторону точки! Пенальти! Немцы от подарка судьбы не отказались: Бреме реализовал одиннадцатиметровый и принес своей сборной золотые медали чемпионов мира!

Вряд ли возможно подсчитать, сколько критических стрел было выпущено в бедного гинеколога. Что только о нем не писали! Особенно ядовито съехидничал коллега из весьма популярной газеты: «Пусть бы он смотрел туда, куда его учили заглядывать в институте. На футбольном поле он ничего не видит, и там ему делать нечего».

Как видите, статистика достаточно безрадостна. Справедливости ради отмечу, что на очередных мировых форумах в США — в 94-м, во Франции — в 98-м, а также в Японии и Корее — в 2002-м служители футбольной Фемиды грешили меньше, однако трагических просмотров и там хватало.

Хроническая патология

Я осознанно использовал примеры, заимствованные из чемпионатов мира. Что происходит с судейством в национальных чемпионатах, и в российском в частности, напоминать излишне. Едва ли не каждый тур сопровождается шлейфом судейских скандалов и бесконечными жалобами руководителей клубов на ошибки арбитров и даже на их предвзятость. Так было и в сезоне 2003 года. Достаточно сказать, что из 27 судей Премьер-лиги различным санкциям контрольно-дисциплинарного комитета на основании решений Экспертно-судейской комиссии (ЭСК) Коллегии футбольных арбитров (КФА) подверглись 19 (!) главных арбитров. Рекордное количество раз — 28 (!) заседали члены ЭСК, превращенной у пас в главную судейскую страшилку. Заметим, что единственным карающим инструментом инквизиторов XXI века являются бесконечные видеопросмотры спорных эпизодов матчей. Хотя (я уже писал об этом выше) подобные методы контроля за работой арбитров, категорически запрещаются органами ФИФА. Но мы упорно, следуя стародавним заветам Ильича, продолжаем двигаться «своим путем». Характерно, что наши ведущие арбитры Валентин Иванов и Юрий Баскаков по ходу сезона 2003-го трижды подвергались различным санкциям и в конце концов были отстранены от судейства до конца сезона. Хотя оба, и весьма успешно, продолжали реферировать важнейшие международные встречи. Вот уж воистину нет пророка в своем отечестве. Впрочем, к этой коллизии мы еще вернемся.

Несколько лет назад один из наших печатных органов попросил главных тренеров команд высшего дивизиона высказаться о причинах судейских ошибок. Практически все вердикты наставников оригинальностью не страдали. По их мнению, рефери «теряют зрение» лишь по двум причинам: из-за предвзятости или низкой квалификации. Такое унылое однообразие ответов респондентов свидетельствовало об их явном нежелании считаться еще с одной, на мой взгляд, главной причиной.

В конце 1997 года мадридский медицинский журнал «Лансет» опубликовал сенсационные результаты исследований испанских ученых. Они в течение длительного времени изучали возможности вполне здорового и хорошо тренированного человека безупречно выполнять обязанности футбольного арбитра. Итоги проведенных исследований дали шокирующие результаты. Ученые доказали, что физические возможности человека и разрешающая способность его зрения не позволяют ему уследить за всеми событиями, происходящими на поле, площадь которого равна почти целому гектару! Вердикт ученых звучал примерно так: судьи не в силах без погрешностей фиксировать все офсайды, правильно оценивать моменты, связанные с назначением (или неназначением) пенальти, с безупречной точностью определять, полностью ли пересек мяч линию между стойками ворот...

Ознакомившись с трудами испанских медиков, президент объединенной ассоциации британских арбитров Питер Уиллис тоже оказался в шоке: «До сих пор ничего подобного я не слышал, — заявил он, — придется разбираться, возможно, спасет чудо-техника». Лично мне ничего о результатах разборок британских арбитров неизвестно. Да и никакой чудо-техники на помощь арбитрам не поступило, и вряд ли скоро она появится.

Только люди, побывавшие в судейской шкуре, знают, что нередко самые судьбоносные решения им приходится принимать, опираясь не только на силу собственного зрения, возможности которого весьма ограничены, но и на интуицию и опыт. Согласитесь, что это не самые надежные «мерительные инструменты». Не случайно составители «Правил игры» в описаниях самых пикантных игровых эпизодов оставили место человеческой индивидуальности арбитров. Поэтому в «Правилах» не один раз звучит фраза: «Если по мнению судьи»...

Что делать и кто виноват?

Причинно-следственные связи, влекущие за собой судейские катаклизмы, самих футболистов особенно не занимают. Они хотят избавиться от договорного бизнеса, который, словно метастаз, продолжает разъедать наш футбол, избежать беспредела жуликоватых чиновников, порочного арбитража и многих других «капризов судьбы», чтобы не терять очки, кубки, призы, заработки, то есть всего, что то и дело попадает в зависимость от «рыночных отношений» и бесконечных накладок подслеповатых, как теперь выяснилось, служителей спортивной Фемиды. Здравомыслящие мастера футбола предпочитают добиваться чистых, а не сомнительных побед. Не в последнюю очередь они мечтают и о стерильно чистом арбитраже.

Но... Несколько лет назад еженедельник «Футбол» провел опрос известных мастеров. Им был задан всего один вопрос: «Нравственно ли забивать гол с пенальти, если совершенно очевидно, что назначение одиннадцатиметрового удара явилось результатом судейской ошибки?» Почти все респонденты были единодушны: «Нравственность здесь ни при чем. Надо забивать!» Многих читателей такое единодушие сильно огорчило. Болельщик из Сибири вспомнил благородный поступок капитана сборной СССР Игоря Нетто на чемпионате мира 62-го года в Чили. В матче с уругвайцами при счете 1:1 Численко пробил по воротам, и мяч затрепыхался в сетке. Итальянский рефери Йонни показал на центр. Он не сумел заметить, что мяч попал в ворота через вульгарную дырку в боковой полости сетки. Наш капитан подошел к рефери и объяснил ему, как было дело. Гол отменили.

Изменился мир. Преобразовался футбол. Другими стали люди. Увы... Почти все наши президенты и тренеры клубов с вожделением великим занимаются подсчетами утраченных по вине арбитров очков. Но при этом никто из них не торопится считать очки, «подаренные» им этими же злодеями-судьями.

Вот лишь один из пассажей, автор которого бывший президент столичного «Спартака» Андрей Червиченко. В интервью еженедельнику «Футбол», опубликованном в № 7 от 2004 года, ему был задан вопрос: «После матча третьего тура с ЦСКА (речь шла о сезоне 2003 года. — М.Р.) вы во всеуслышание заявили о судейском заговоре против «Спартака», якобы организованном с благословения самого президента РФС, но потом в течение сезона этой темы практически не касались. Поняли, что погорячились?» Червиченко ответил: «Насчет Колоскова, наверное, эмоции захлестнули... Что касается судейства Валентина Иванова в апрельском матче с ЦСКА, которое привело к незаслуженному поражению, то я и сейчас считаю, что оно сломало нашей команде весь сезон... Кстати... мы направили официальное письмо

в Российский футбольный союз с убедительной просьбой не допускать Валентина Иванова в наступающем сезоне к обслуживанию матчей с участием московского "Спартака”».

В связи с этим заявлением полагаю уместным привести следующую справку. Валентин Иванов является одним из сильнейших арбитров европейского и мирового футбола. Только в сезоне 2003 года он безупречно провел ряд престижнейших международных матчей, в числе которых отметим:

полуфинальную встречу Кубка УЕФА между португальской «Боавиштой» и шотландским «Селтиком»;

полуфинал Лиги чемпионов «Милан» — «Интер»;

финальный матч проводимого ФИФА Кубка Конфедерации, в котором встречались сборные Франции и Камеруна;

финал Межконтинентального Кубка между «Миланом» и аргентинским «Бока Хуниорсом».

В начале декабря 2003 года УЕФА утвердила список 12 главных судей, которым надлежало обслуживать решающие матчи чемпионата Европы-2004 в Португалии. В числе элитных арбитров значилась и фамилия мастера спорта, кандидата педагогических наук, рефери ФИФА Валентина Иванова, который оказался не по душе спартаковскому президенту.

Не могу удержаться и не позабавить читателей еще одной байкой о спортивной семье Ивановых. Знаменитый торпедовский игрок и тренер Валентин Козьмич Иванов никогда особой любви к арбитрам не испытывал. И когда сам играл, и когда работал тренером в «Торпедо», судей не жаловал. И вдруг спортивная Москва заговорила о молодом Валентине Валентиновиче Иванове — сыне, который серьезно увлекся судейством. Во время очередного интервью торпедовского наставника спросили: «Вы олимпийский чемпион по футболу, ваша супруга Лидия Калинина-Иванова тоже олимпийская чемпионка по гимнастике, а ваш сын становится судьей. Как вы к этому относитесь?» «В семье не без урода», — с лукавой и чуть грустной улыбкой проронил легендарный форвард.

Кстати, Валентин Иванов и в сезоне 2005 года оставался сильнейшим арбитром России. Об этом свидетельствует его назначение на едва ли не самый судьбоносный матч сезона — 30 июля между «Локомотивом» и ЦСКА. Провел он арбитраж безупречно!

В самом конце февраля 2004 года в национальной баскетбольной ассоциации (НБА) в США произошел примечательный случай. За существенную погрешность, которую дометил, а потом признал, провинившийся рефери был подвергнут дисквалификации. Буквально на следующий день все

судьи НБА, надев рубашки с номером наказанного коллеги, организовали демонстрацию протеста. Способны ли наши судейские предводители на подобные акции? Уверен, что нет! Хотя в своем интервью, опубликованном в «Спорт-экспрессе», главный предводитель российских судей Николай Левников гордо изрек: «Мы не жандармы, а союзники футболистов». Эта декларация побудила меня обратиться к Николаю Валерьяновичу с естественным вопросом: «Кто же тогда в 2003 году подверг унизительным дисквалификациям 70% арбитров Прсмьер-лиги? Кто чинил над ними постыдную и запрещенную органами ФИФА слежку при помощи электронной техники?» Вразумительного ответа я, увы, не услышал.

Не могу лишить себя удовольствия и не процитировать еще одно высказывание Андрея Владимировича Червиченко из упомянутого выше интервью. Напомню, что речь шла о сезоне 2003 года. Пытаясь окончательно сразить ошарашенных читателей, он сказал: «...По самым приблизительным подсчетам, в нашу пользу не назначили минимум восемь стопроцентных пенальти и примерно столько же несправедливых одиннадцатиметровых было назначено в ворота «Спартака»...

Люди в черном взяли нас в ежовые судейские рукавицы, пытались сломать морально, и им это отчасти удалось».

Бравший интервью у разговорившегося президента журналист робко спросил: «Стало быть, вы до сих пор считаете, что «антиспартаковский» заговор существует?» Ответ последовал незамедлительно: «Очень бы хотелось в это не верить, но факты — упрямая вещь. А их много, и все они складываются в одну пирамиду». Полагаю, что комментировать эти разглагольствования нет никакой необходимости.

Наши футбольные небожители и многие дорвавшиеся до власти президенты клубов позволяют себе взирать на арбитров, как на девочек по вызову. Мало что разумеющие в футболе узурпировавшие власть толстосумы руководствуются хоть и пошловатой, но, увы, милой их морали, прижившейся и в нашем многострадальном футболе ситуацией: «Кто девочку ужинает — тот ее и танцует».

А между тем им полезно было бы чаще слушать подлинных специалистов, на собственном опыте познавших, как непросто в наше время быть футбольным арбитром. Вот что несколько лет назад говорил о проблемах судейства великий Бобби Чарльтон: «Далеко не всегда и не во всем нужно непосредственно винить футбольных арбитров. На всех крупных турнирах — чемпионатах мира и Европы — они получают указания сверху. По большому счету руководствоваться собственными соображениями,

проявлять инициативу — это не дело арбитра. Он лишь должен исполнять правила... И если ему говорят, что он сурово должен карать каждый фол, каждый поступок, он так и делает, даже если считает это неправильным. К сожалению, получается так, что многие игроки вынуждены пропускать игры из-за перебора желтых карточек. И дело здесь совсем не в том, что судьи плохие. У меня просто складывается впечатление, что они готовы свистеть не переставая потому, что им так велят».

Всегда под прицелом

Естественно, я, как и все причастные и неравнодушные к футболу люди, не чураюсь знакомиться с опусами коллег-журналистов, постоянно испытывающих нестерпимый, патологический зуд от страстного желания в очередной раз (даже зимой) пнуть кого-либо из числа лиц судейской национальности.

Вот номер «Спорт-экспресса» от 22 января 2004 года. В нем опубликован подробный отчет о матче Кубка Содружества между ЦСКА и рижским «Сконто», кстати сказать, проигранном армейцами 0:1. Журналист описывает, как, не дожидаясь финального свистка, покидает арену Олимпийского стадиона наставник ЦСКА. «Не наблюдал он, как рефери отважится не дать пенальти за снос Самодина, вызвав бурное негодование, завершившееся красной карточкой Климову... А потом президент Премьер-лиги (речь о Е. Гинере, являвшемся тогда и президентом ЦСКА. — М.Р.) долго и горячо втолковывал что-то председателю коллегии российских судей Левникову прямо в проходе VIP-ложи, окружающих не стесняясь. Судейский начальник оглядывался по сторонам чуть растерянно. Было его жалко». Стоит ли удивляться подобным картинам? Это па словах в своих реляциях Николай Левников любит заявлять о независимости КФА. На деле-то все не так. В конце февраля КФА определила состав элитных арбитров на сезон 2004 года. И прежде чем передать его на утверждение в РФС, угодливо направила на согласование в Премьер-лигу. Зачем? Разве не знает Левников о многих документах ФИФА, в которых говорится, что национальные судейские организации «НЕ МОГУТ НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ КОНТРОЛИРОВАТЬСЯ ЛИГАМИ»?

Напомню ему, что такой запрет излагался в циркулярном письме ФИФА от 21.12.92 и в резолюции Исполкома ФИФА от 3.06.93, а затем эти указания еще не раз повторялись. Негоже было и Е. Гинеру так лихо игнорировать решения ФИФА.

13 февраля 2004 года в том же «Спорт-экспрессе» было опубликовано интервью вернувшегося в «Спартак» из «Балтики» Павла Погребняка. Делясь воспоминаниями о сезоне 2003 года, спровоцированный журналистом форвард рассказывал не столько собственно о футболе, сколько о проделках арбитров в первом дивизионе: «Ну а что творили с командой судьи, словами не передать. По-моему, многие очень боялись, что «Бантика» выйдет в Премьер-лигу... Когда выигрывали у «Кубани» 4:3, случился грандиозный скандал, закончившийся дисквалификацией арбитра. Отсудил он безобразно: два чистейших пенальти в ворота «Кубани» не назначил и свистел в одну сторону».

Перечень подобных эскапад журналистов, как вы понимаете, на этом далеко не исчерпывается. Заметное место в их сочинениях занимают многие наши невежественные комментаторы, мало что смыслящие в тонкостях футбольных правил, но при этом не упускающие малейшей возможности к месту и не к месту отпускать язвительные реплики в адрес судей. На мой взгляд, первенство в этом занятии принадлежит обладателю нескольких ТЭФИ самодовольному Виктору Гусеву, для которого главным в его репортажах является стремление заставить участников передач упоминать его имя.

Наши горе-комментаторы не понимают, что значит блокировка, не знают, что правилами не разрешается толкать соперника с разбега, даже плечом в плечо. Почти никто из людей, допускаемых к эфиру, не заглядывает в «Правила игры». Поэтому они бесконечно называют штрафные площади — площадками, а площадь ворот — вратарской.

Знаю, что многие специалисты футбола, наблюдая за игрой по телевизору; отключают звук. Я тоже так поступаю, ибо не в силах слушать невежественных, но весьма амбициозных и самоуверенных вольных сынов эфира.

Весной 2005 года в четвертьфинальном матче Лиги чемпионов встречались «Интер» и «Милан». Показывали эту игру на канате НТВ-плюс. Комментировал ее Георгий Черданцев.

В матче произошел скандальный эпизод, вызванный тем, что судивший его Маркус Мерк не засчитал в очень непростой ситуации гол в ворота «Милана». Пришедшие в неистовство фанаты «Интера» едва не спалили весь стадион. В мою задачу сейчас не входит оценка действий арбитра. Мое внимание привлекли размышления комментатора о произошедшем. Вот как отреагировало на его эскапады радио «Свобода». Журналист радиостанции сказал следующее: «А вот о том, как поразил немногочисленную аудиторию платного канала комментатор Черданцев, следует слушателям «Прессинга» рассказать. Не знаю,

было ли его глубокомысленное философское эссе давно выстраданным и только ждавшим своего часа или снизошло на Черданцева озарение, которым поспешил он одарить всех слушавших его. Сказанное им я записал почти дословно. Цитирую: «...Ну, у Маркуса Мерка совсем головы нет. Надо было гол засчитать. Не надо быть буквоедом. Надо пойти навстречу болельщикам. Причем, — это я продолжаю цитировать Черданцева, — гол забили в те ворота, за которыми находились фанаты «Интера». Надо не соблюдать правила, а сделать так, чтобы болельщиков не провоцировать. Но если он не знает нравов итальянских болельщиков, надо почитать газету. Не знает Мерк итальянского, обратись к переводчику. Плохой судья Маркус Мерк, что бы ни говорил Алексей Андронов». Здесь я цитирование завершу и поясню только, что Андронов коллега Черданцева по НТВ-плюс и, видимо, считается на телеканале экспертом по судейским вопросам... Такое вот слово сказал о футбольном судействе Георгий Черданцев. Надо теперь решение принимать на поле в зависимости от настроения болельщиков, заполнивших трибуны. Арбитр должен знать к тому же, где чьи болельщики располагаются, и па это тоже делать поправку. Он должен мгновенно просчитать, что можно вопреки правилам гол засчитать, потому что за оставшиеся 15 минут «Интеру» ни за что не забить еще три гола, чтобы стать победителями по сумме двух матчей. Он должен думать не столько о порядке на поле, сколько о порядке на трибунах, а для этого самостоятельно пли с помощью переводчика старательно изучать местную прессу, подумывая, чем ему то или иное решение грозит. Одним словом, как рекомендует Черданцев, более старательно готовиться к судейству.

Весь этот абсурд зрители слушали, наблюдая за тем, как на поле летали петарды, все застилал дым, врачи оказывали помощь получившему ожог вратарю «Милана» Диде. Тут же я вспомнил, что комментатор был еще и официальным лицом: пресс-атташе Российской футбольной профессиональной Лиги. И возможно, учитывая высоту своего недавнего положения, считает вправе ознакомить болельщиков со своим оригинальным, нестандартным представлением о принципах судейства.

Правда, неожиданно комментатор оставил высокие материи и опустился до низменных рекомендаций. Вспомнил, видимо, про родную российскую действительность и подвел неожиданный итог. Вновь цитата Черданцева: «А лучше было бы направить на трибуны нижегородский или ярославский ОМОН».

Тем временем почти все приписанные к футболу люди (и журналисты не в последнем ряду), занимаясь бездумной

критикой арбитров, не хотят вспомнить об исследованиях испанских медиков. Ибо признание несовершенства и убожества одряхлевшего от длительной, длящейся более века эксплуатации судейского механизма грозит многими непредсказуемыми последствиями. В самом деле, представьте, что могло бы произойти, если бы наконец были найдены и внедрены новые методы судейства и арбитры вдруг перестали ошибаться?

Тренеры и мастера футбола утратили бы возможность постоянно списывать на судей собственные недоработки и промахи.

Судьи, особенно ныне преуспевающие, оказались бы при внедрении новых технологий арбитража вынужденными осваивать их заново и вновь торить себе пути к признанию и материальному благосостоянию! Как-никак, а сегодня главные судьи матчей в Премьер-лиге получают за игру 84 тысячи рублей.

Журналисты лишились бы питательной среды для живописания модных и с удовольствием поглощаемых жареных фактов о судейских небылицах. Они были бы вынуждены перестать раскручивать психоз вокруг судей, им пришлось бы учиться понимать футбол.

Бездумное критиканство и зачастую бездоказательные наскоки на арбитров со стороны руководителей команд и малокомпетентных журналистов стимулируют агрессивных фанатов, которые все чаще пытаются оказывать на рефери физическое воздействие. У нас уже почти не осталось судей, избежавших подобного прессинга. Били Хусайнова, Иванова, Безубяка, Калугина, Чеботарева, Колобаева. Я пишу этот перечень по памяти. На самом деле список жертв фанатского произвола можно продолжать.

В одном из своих интервью 2005 года арбитр премьер-лиги подполковник ФСБ Михаил Веселовский признался, что порой, «выезжая на судейство в некоторые города, вынужден брать с собой в дорогу свой табельный пистолет».

Иногда попавшие в руки негодяев судьи оказываются и побитыми, и смешными. Вот очередная байка об очень знаменитом в прошлом рефери.

В конце восьмидесятых в числе клубов второй лиги на первенство СССР играла команда азербайджанского города Казах. Среди судей он пользовался особой славой, ибо на них там оказывали чудовищное давление. Если в город приезжал неподатливый судья, то ему грозили физической расправой. В случаях неудачных для местных футболистов исходов игр арбитров без особых затей просто поколачивали. Не избежал подобной участи и очень известный арбитр международной

категории. Сразу же после окончания завершившегося ничьей матча его физиономию украсили здоровенным фингалом приятного баклажанного оттенка. Местные спортивные заправилы, понимая, что инцидент может получить нежелательную для них огласку, предложили пострадавшему... 10 тысяч рублей отступных. «Мы так всем возмещаем физический и моральный ущерб», — почти гордо сообщили они обладателю непомерно разраставшегося фингала. «Да, но я же рефери ФИФА, — попытался поднять «тариф» арбитр. Представитель аборигенов мрачно взглянул на следы, оставленные «народными мстителями» на лице рефери, и примирительно изрек: «Хорошо, дадим 15!» Консенсус был найден!

Сегодня я не в силах даже приблизительно назвать количество своих печатных выступлений, связанных с незатихающим психозом, бушующим вокруг судей. И дело не в ошибочных оценках действий арбитров, постоянно тиражируемых тренерами, мастерами футбола, зрителями и, что особенно прискорбно, молодыми журналистами, мало что разумеющими во многих тонкостях правил игры. Десятки, сотни раз приводил я многочисленные примеры из невежественных писаний юных коллег. Не хотел еще раз погружаться в эту банальную тематику и готов был поставить точку в главке «Всегда под прицелом». Но некоторые августовские события 2005 года вынудили меня вновь коснуться кровоточащей темы.

25 августа 2005 года лидер команд первого дивизиона «Луч-Энергия» одержал у себя дома, во Владивостоке, очередную победу. На сей раз повергнут был аутсайдер дивизиона липецкий «Металлург», проигравший матч тихоокеанцам 1:2. Игра была достаточно напряженной, и три очка достались лидеру лишь в самом конце поединка, когда волгоградский арбитр А. Комаров на 85-й минуте при счете 1:1 назначил одиннадцатиметровый удар в ворота гостей. Далее последовало нечто совершенно беспрецедентное. Члены Правления КФА, несколько раз прокрутив видеозапись эпизода о назначении пенальти, как рассказал корреспонденту «Советского спорта» президент КФА Николай Левников, «пришли в негодование вперемешку с недоумением». В итоге последовал невиданный вердикт: судья Андрей Комаров, назначивший пенальти в ворота гостей, пожизненно отстранен от судейства всех соревнований, проводимых под эгидой РФС и КФА!

Беседовавший с Левниковым журналист задал ему естественный вопрос: «В вашем официальном заявлении говорится о «явной предвзятости» арбитра матча «Луч-Энергия» — «Металлург». Вы располагаете какими-то фактами,

подтверждающими эту предвзятость?» Николай Владиславович не моргнув глазом ответил: «Я такими фактами не располагаю. В данном случае следует говорить о том, что даже видеозапись подтвердила абсурдность принятого Комаровым решения. Иными словами, он назначил пенальти только потому, что хотел его назначить».

Поразительное заявление!

На своем судейском веку я повидал не один десяток абсурдных пенальти в матчах самого высокого уровня. Были подобные ляпсусы и в практике царствующего ныне Левникова. Его тоже дисквалифицировали. Но не пожизненно же!

Поймите, я не пытаюсь принять на себя роль адвоката но делу Комарова. Тем более что никогда его не видел, как и не имел чести рассматривать с членами Правления КФА видеозапись злополучного матча.

Зато я давно знаком с методикой работы нынешнего наставника владивостокской команды Сергея Павлова. Слухи о его «любовных» связях со многими служителями футбольной Фемиды уже много лет гуляют по России.

Не стану углубляться в излишние подробности и факты, о которых свидетельствуют протоколы матчей с участием команд, коими руководил новоявленный дальневосточник.

Замечу однако, что к исходу августа 2005 года владивостокский «Луч-Энергия» изловчился 12 (двенадцать!) раз пробивать пенальти в ворота своих соперников.

Вот на что следовало бы обратить внимание и Левникову, и Марущаку, и другим «праведникам» футбольного ведомства, коим по штату вменено в обязанность следить за чистотой отечественного футбола. Десятки лет практически все российские команды регулярно марают свои славные спортивные стяги чередой договорных матчей. За их «трудовыми» подвигами наблюдают целые батальоны инспекторов. И никто из них ни разу не отважился сообщить в своих рапортах о происках махинаторов. Говорят — не доказано! А про Комарова вдруг взяли и все доказали? Да ничего никто не доказывал! Так, видимо, понадобилось Левникову и К° для поднятия не очень высокого рейтинга вверенной ему организации.

А «убивать» своих судей куда как легко. За их спинами не торчат ушки овладевших землей Российской вместе с ее замордованным футболом олигархов. Они не поставляют к барским столам дорвавшихся до футбольной власти чиновников черную и красную икорку, королевских крабов и прочие дары природы.

У нас судьи для того и существуют, чтобы валить на них все

свои провалы и неудачи. А молодые коллеги, владеющие «свободой слова», будут так же, как и раньше, вещать о порочности служителей футбольной Фемиды. Вот и уважаемый «Советский спорт», в котором я более 50 лет назад начинал работать, материал об истории, случившейся во Владивостоке 25 августа 2005 года, опубликовал, не сумев избежать оскорбительного с явным налетом хамства заголовка: «Судью Комарова прихлопнули»! А чего стоят неуважительные пассажи корреспондента «Советского спорта» Сергея Пряхина в адрес голландского рефери Темминка, судившего 26 августа 2005 года финальную игру Суперкубка Европы между ЦСКА и «Ливерпулем»!

Вам не стыдно, господа?

Опасное сходство

Трагикомической ситуации не избежал и я. В июне 1965 года мне пришлось участвовать в судействе матча чемпионата СССР между «Пахтакором» и одесским «Черноморцем». За несколько дней до вылета в Ташкент ко мне обратился сослуживец З. Шафиров. Оказалось, что он тоже летит в командировку в Ташкент и очень хочет попасть на стадион. Конечно же я помог коллеге. Случилось так, что хозяева поля в тот день уступили одесситам 1:2. Нанта судейская бригада покидала поле под негодующий рев переполненного стадиона. Около трибун на нас и команду гостей посыпался град бутылок. Еще в полете их довольно успешно умудрялись отбрасывать в стороны В. Лобановский, выступавший тогда за «Черноморец», и капитан одесситов Ю. Заболотный. С трудом, под охраной милиции, мы выбрались со стадиона и доехали до гостиницы. Еще до начала матча, не предполагая такой развязки, я попросил руководителя «Черноморца» подвезти Шафирова до отеля в автобусе команды. Когда мы подходили к гостинице, я заметил толпу возбужденных людей, наседавших на моего сослуживца. Он, прикрываясь руками, что-то безуспешно пытался объяснить атаковавшим его аборигенам. Дело в том, что мы с Шафировым были примерно одного роста, комплекции и возраста, а наши головы украшала обильная седина. Раздосадованные поражением своего «Пахтакора», поклонники футбола приняли Шафирова за меня. Наше неожиданное и одновременное появление у входа в гостиницу повергло экстремистов в растерянность. Убедившись в ошибке и утратив запал эмоций, они расступились и

беспрепятственно нас пропустили.

Футбол должен знать своих «героев»

Когда я только начал подбирать материал для этой книги, то узнал потрясающую новость: заместителем генерального директора Премьер-лиги назначен... Юрий Алексеевич Кабан, память о котором хранят многие специалисты и поклонники российского футбола.

О «художествах» этого футбольного махинатора вспоминал, в частности, в сентябрьском (седьмом) номере «Футбольной правды» за 2003 год заслуженный тренер РСФСР по футболу, кавалер почти тридцати государственных наград 96-летний Марк Борисович Розин, долгие годы проработавший в Спорткомитете СССР. Он упоминал, что за грубейшие злоупотребления служебным положением, вскрытые Комитетом народного контроля Украины, Кабан был еще в 1984 году снят с работы и едва не лишился партийного билета.

Более подробно об этой криминальной истории поведал и я в «Народной газете» от 30 июня 1992 года. В статье, озаглавленной «Над пропастью во лжи», мною сообщалось: «В 1983 году, занимая пост заместителя начальника Управления футбола Спорткомитета СССР, Кабан тешил свои «автострасти» при помощи подчиненных ему футбольных команд. Но однажды погорел при оформлении очередной аферы через команды Молдовы и никопольского «Колоса». Получил «строгача» по партийной линии и был выдворен из руководящего спортивного ведомства. Жертвой безработицы стать не успел: пристроился в столичное «Торпедо» на должность... начальника команды. Тяга к «комбинационной игре» вновь дала себя знать. Новое приобретение Юрия Алексеевича было не менее престижным, чем автомобиль. Проработав в команде всего один сезон, он исхитрился получить прекрасную квартиру в доме улучшенной планировки, выстроенном в Чертанове для ветеранов ЗИЛа.

«Наградой за смелость» было новое партийное взыскание и традиционное увольнение. «Заслуги» Кабана в свое время привлекли к себе внимание руководителей российского спорта. «Наш человек» — решили там и усадили его сначала в кресло заместителя начальника Управления футбола и хоккея, а затем вице-президента Футбольного союза под надежное прикрытие его покровителя — Вячеслава Колоскова.

Когда 29 сентября 1989 года «Строительная газета»

ознакомила читателей с «творчеством» Кабана, Колосков прислал в редакцию гневный отзыв. В нем сообщалось: «Ю. Кабан — квалифицированный специалист, честный, преданный футболу человек». В какой области является специалистом Кабан, теперь знают многие. Ну, а честь в понимании недавнего руководителя российского футбола Колоскова и его подручных категория трудно различимая.

Могу утверждать это, так как на собственном опыте убедился в не самых благородных помыслах Кабана, когда он подвизался в роли начальника команды столичного «Торпедо». На игру на стадионе, носящем сегодня имя Эдуарда Стрельцова, я был назначен инспектором. Не помню, кто в тот вечер судил матч. Зато помню, что арбитраж был далек от идеального. Арбитр допустил несколько заметных ошибок в пользу «Торпедо», за что я снизил ему оценку, о чем, как полагается, тут же по телефону проинформировал федерацию. Когда я уже заканчивал оформление рапорта инспектора, в комнату вошел Кабан. Он тут же принялся уговаривать меня не ставить арбитру сниженный балл. Справедливости ради замечу, что разговор велся предельно вежливо и корректно. Тем не менее я категорически отверг просьбу торпедовского начальника.

Дотошный читатель может озадачиться вопросом: зачем это автор в главе о проблемах судейства вдруг упомянул о деятельности Кабана?

Во-первых, я поступил так потому, что, как видно из последнего примера, Кабан частенько пытался влиять на не шибко устойчивых судей и инспекторов.

А во-вторых, я в этом абсолютно уверен, что, пока у руководящего руля российского футбола будут подвизаться такие деятели, как Колосков, Тукманов, Кабан, Куликов и иже с ними, мы не вправе ожидать серьезных подвижек в судейских делах.

Доверие

Одной из главных проблем российских арбитров является почти полная утрата ими доверия со стороны руководителей клубов, игроков, зрителей, футбольных чиновников. А это едва ли не главный компонент успешной работы судей. Вот для примера возьмем далекий-далекий довоенный сезон.

Перебирая свои архивы, наткнулся на подборку протокольных данных о матчах чемпионата СССР 1939 года. Эти старые листочки давно уже обрели статус реликтов. Но невольно

обратил внимание на любопытные факты: многие игры тогда поручалось проводить арбитрам, представлявшим тот же город, что и одна из соревнующихся команд. Решил подвергнуть события 1939 года более тщательному анализу. И вот что получилось. В пятом чемпионате страны участвовали 14 команд, которые в двухкруговом турнире провели 182 встречи. В 35 из них (почти 20%) арбитр и одна из команд были... земляками. В 32 случаях матч обслуживали местные судьи, и только на три игры (в Сталинград 12 и 18 мая и в Москву 17 августа) приезжали судьи, являвшиеся земляками команд-гостей.

Если руководствоваться ставшими ныне привычными представлениями о шансах команд, то, казалось бы, у приезжих клубов не должно было быть никаких иллюзий по поводу исхода предстоящих поединков. Мало того что соперники уже имели существенные выгоды, играя дома, так еще и вся судейская бригада была местной. Не следует сбрасывать со счетов и то, что ни об инспекторах, ни о комиссарах тогда никто ни малейшего понятия не имел. Не существовало и гнетущего влияния «детектора лжи», функции которого позже приняло на себя телевидение. Словом, контроль за деятельностью рефери в те годы практически отсутствовал. И все же... В 35 матчах судейские «земляки» одержали 18 побед, 7 игр завершились ничейными исходами, а в 10 победа была на стороне команд, чьи шансы сегодня мы бы единодушно сочли равными нулю. Как видите, взаимоотношения хозяев поля с гостями в 1939 году, выраженные в статистических выкладках, вполне соотносимы с общепринятыми ныне в футбольном мире показателями. Справедливость требует отметить, что в 35 означенных матчах случилось четыре протеста, которые были отклонены. Вполне можно предположить, что поводами для протестов служили не столько судейские огрехи, сколько то обстоятельство, что тогда команды, подававшие протест, никакими «податями» не облагались.

Я держу в руках таблицу с указанием 35 матчей, в которых арбитры являлись земляками одной из соревнующихся команд.

Таблица, на мой взгляд, являет собой убедительное доказательство доверия, которым располагали служители футбольной Фемиды более 65 лет назад. Как же мы одичали с тех пор!

Чтобы не загружать читателей излишней информацией, назову лишь несколько показательных матчей, в которых участвовали столичные команды.

18 мая. «Трактор» (Сталинград) — «Динамо» (Москва), судья Лапшин — Москва; счет 3:1.

18 мая. «Динамо» (Киев) — «Локомотив» (Москва), судья Чернобыльский — Киев; счет 1:0.

16 июня. «Электрик» (Ленинград) — «Спартак» (Москва), судья Горелкин — Ленинград; счет 3:1.

28 июня. «Динамо» (Ленинград) — «Динамо» (Москва), судья Быстров — Ленинград; счет 0:3.

27 июля. «Динамо» Ленинград — «Спартак» (Москва), судья Воног — Ленинград; счет 1:3.

18 сентября. «Динамо» (Тбилиси) — «Динамо» (Киев), судья Кравченко — Тбилиси; счет 2:2.

Могут возникнуть предположения, что 1939 год был каким-то особенным и организаторы чемпионата вознамерились провести сезон доверия. Ничего подобного. И ничего общего со ставшими впоследствии традиционными и уморительными показухами типа «месячников безопасности дорожного движения», «декадами чистоты» или «неделями вежливости» футбольный сезон 1939 года не имел. Более того, все довоенные и послевоенные чемпионаты проходили под такими же знаками уважения и доверия к представителям судейского корпуса. Об этом постоянно вспоминают ветераны футбола 40—50-х годов. Один из старейших (не по возрасту, а по стажу судейства) арбитров москвич Владимир Барашков рассказывал мне, как в 1952 году (после разгона ЦДСА) его назначили на судейство московской встречи между командой МВО (Московский военный округ) и динамовцами Тбилиси. Армейская команда формально была приписана к Калинину, а играли в ней почти все бывшие мастера ЦДСА (Никаноров, Гринин, Николаев) — то есть, по сути дела, это был столичный клуб. А судить его игру доверили москвичу. «Мы тогда воспринимали подобные назначения как вполне обыденное явление. Никаких признаков подозрительности или недоверия к нам не было. Никто никогда не намекал даже на «столичный патриотизм». Кстати, та игра в 1952-м завершилась вничью — 1:1, и ни единого слова упрека я ни от кого не услышал», — завершил свой монолог Владимир Павлович.

Помню, как еще в 1961 году, когда предстоял решающий финальный матч Кубка СССР между донецким «Шахтером» и московским «Торпедо», тренер горняков Олег Александрович Ошенков официально просил федерацию назначить на судейство этого поединка кого-либо из московских рефери. Да, так было... Со временем лимит доверия к судьям (отнюдь не по их вине) стал медленно, но верно изживать себя: не только главные судьи, но и их помощники стали подбираться исключительно из нейтральных городов... Вскоре и эти меры показались недостаточными, и «нейтральность» арбитров распространили не только на города,

но и на республики. Дальше — больше. С 1975 года сперва на важнейшие, а позднее и на все без исключения матчи стали командироваться «грозные» инспекторы, иногда именовавшиеся (наверное, для острастки) комиссарами.

Одновременно пришла пора раздолья для невежественных телекомментаторов, которые нередко практикуют травлю арбитров, уличая их во всех смертных грехах. От былого доверия не осталось и следа. Наступила эра тотального недоверия и подозрительности, наносящая невосполнимый ущерб нравственному здоровью футбола. Не раз дело доходило до курьезов. Помнится, в 1986 году, когда судьба чемпионата решалась в последних матчах между динамовцами Москвы и Киева, «судейским пасьянсом» занялись в самых высоких партийных инстанциях. Заинтересованность в решении этой «глобальной проблемы» проявляли даже члены Политбюро ЦК КПСС Воротников и Щербицкий...

Изощренная иезуитская практика совращения судей достигла в наши дни совершенно неприличного уровня. Подавляющее большинство страдает от этого — кто-то непомерно обогащается. Но самое главное, что страдает отечественный футбол. 20 лет назад один из авторитетнейших футбольных обозревателей Лев Филатов писал: «Правом на нормальную рабочую обстановку, на доверие, которое только и может определять истинное умение, судья должен располагать. Когда же вокруг него стараниями тренеров, спортивных работников и меценатов еще до матча зреет подозрительность, то он, во избежание грозящих неприятностей, начинает судить с опаской и оглядкой. Бумеранг возвращается: те, кто норовит все валить на плохое судейство, как раз и делают все, чтобы оно было таковым». Давно это написано, но как актуально и умно!

Эту главку я Назвал «Доверие». И сделал это отнюдь не случайно. Ибо уверен, что именно доверия больше всего не хватает сегодня российским арбитрам. Сомневаюсь, что все руководители КФА согласятся со мной. По крайней мере их дела дают мне основания так думать.

В №7 за 2005 год еженедельник «Футбол» опубликовал программное интервью нового главы футбольного ведомства Виталия Мутко. Там было сказано следующее: «Назрела реформа института судейства. Арбитры должны воспитываться в судейских школах на местах и попадать на обслуживание чемпионата НЕ ЗА ДЕНЬГИ (выделено мною. — М.Р.), а благодаря своему профессиональному мастерству».

О каком доверим может идти речь, если сегодня и среди судейских руководителей, и в среде действующих судей есть

люди, попавшие на эти должности за деньги?

Товарищи по оружию

В годы военного Лихолетья многие известные спортсмены с оружием в руках защищали Родину. Среди Них было немало популярных футбольных арбитров. Время неумолимо. Оно с беспощадной жестокостью выкашивает из наших рядов героев тех уже далеких лет.

О ныне здравствующих солдатах Отчизны — судьях-ветеранах — короткие воспоминания.

Бабушкин Владимир Алексеевич (р. 28.07.1923)

Судья Всесоюзной категории (1965), почетный судья по спорту (1978). Матчи высшей лиги судил семь сезонов (1965—1971). Провел 23 игры чемпионатов СССР. Более 20 лет (1969—1991) входил в состав президиума Всесоюзной коллегии судей (ВКС). Активно работал в Московской городской и Российской республиканской Коллегиях судей. Участник Великой Отечественной войны.

В армию Бабушкин был призван позже своих одногодков. Дело в том, что с 1940 года он начал работать на Первом часовом заводе. Вскоре после начала войны завод перешел на выпуск приборов для танков, самолетов и морских кораблей и был эвакуирован на Урал, в город Златоуст. Уже через четыре месяца он стал давать столь необходимую для фронта продукцию. Бабушкин тогда работал наладчиком станков, а посему не подлежал призыву в армию. К осени 42-го благодаря стараниям рабочих-москвичей многие Специальности освоили местные жители. Поэтому здоровых молодых ребят стали призывать в армию. Бабушкина направили в Чебаркуль, где располагалось Ростовское военное училище. В июле 1943 года, окончив его, двадцатилетний курсант стал лейтенантом.

Вскоре он оказался на Воронежском фронте, в истребительном противотанковом полку, где был назначен командиром взвода 76-миллиметровых орудий. Позже полк воевал на Первом Украинском фронте, где принимал участие в форсировании Днепра. Там Бабушкин получил свою первую награду — орден Отечественной войны 1-й степени. В представлении командование отмечало: «В течение 2—5 октября 1943 года руководимые Бабушкиным орудия отбили три атаки противника и уничтожили до роты пехоты и самоходную

артиллерийскую установку «Фердинанд». Лейтенант Бабушкин проявил себя смелым, мужественным командиром».

Барашков Владимир Павлович (7.01.1924)

Судья Всесоюзной категории по футболу и хоккею с мячом. Почетный судья по спорту (1973). Почетный судья по футболу (2003). Начал играть в футбол в довоенные годы за клубные команды Москвы. Матчи команд высшей лиги был назначен судить в двадцатишестилетнем возрасте (с 1950-го) и обслуживал их 20 сезонов (до 1969-го). Провел около 120 игр чемпионатов СССР, более десяти международных встреч. Дважды (1975—1977 и 1987) возглавлял президиум ВКС, после чего руководил судейскими коллегиями ДСО профсоюзов и Ассоциации футбола инвалидов. В годы Великой Отечественной войны работал на заводах авиационной промышленности.

Еще будучи пятилетним ребенком, Барашков перенес страшный удар — погиб его отец. На руках овдовевшей матери осталось трое детей. Вдобавок ко всему дед Барашкова по линии матери, вернувшийся в середине 30-х годов из ссылки, которую он отбывал за предпринимательскую деятельность, на работу как «вражеский элемент» устроиться возможности не имел. Поэтому Володя вынужден был начать работать в совсем еще юном возрасте. Поступил на завод учеником фрезеровщика, быстро освоил станок и стал полноценным рабочим. В годы войны завод выпускал боеприпасы, знаменитый пистолет-пулемет Шпагина (ППШ), детали и узлы пикирующих бомбардировщиков. Несмотря на очень тяжелые условия труда, плохое питание, бессонные ночи, работу под бомбежками, дела у Барашкова на заводе спорились. Его назначают наладчиком станков, а позже — мастером слесарно-сборочного участка. Работники такого ранга от призыва в армию освобождались. Но квалифицированных кадров все равно не хватало. Зачастую у станков оказывались низкорослые пацанята, которым под ноги подставляли деревянные ящики, чтобы они могли дотянуться до суппорта. Владимир Павлович спустя более полувека поясняет: «В авиационной промышленности я прослужил не только все военные годы, но практически всю свою трудовую жизнь. Моя рабочая биография закончилась летом 69-го. К тому времени я уже в течение шести лет трудился начальником инструментального цеха».

Здесь я обязан рассказать о страшной трагедии, которая летом 69-го нежданно-негаданно обрушилась на нашего товарища. Каких-то четыре-пять дней назад Барашков очень успешно провел трудный матч между столичными грандами —

«Спартаком» и «Торпедо», а потом... На заводе, где он трудился, случилась авария, в результате которой Володя получил ужасные ожоги большой площади тела и полностью лишился зрения. Пять лет крепкий, здоровый мужчина жил в кромешной тьме, почти без всяких надежд на прозрение. Но никогда никто из нас — его друзей и товарищей — ни разу не услышал от него каких-либо жалоб на судьбу и выпавшую ему тяжкую долю инвалида первой группы. Даже в те беспросветные годы, когда одна за другой угасали надежды хоть на малейшее исцеление, Барашков оставался самим собой. Присущий ему юмор с заметной примесью язвительности никогда не покидал его. В конце концов судьба вознаградила его за стойкость и терпение. Уже будучи абсолютно слепым, Володя познакомился с замечательной женщиной Тамарой Михайловной, навещавшей своего отца — соседа Барашкова по больничной палате. Итог был счастливым: Володя и Тамара стали мужем и женой.

Минуло уже 35 лет их совместной жизни. Через несколько месяцев после бракосочетания с Барашковым произошло еще одно чудо: в клинике Святослава Федорова доктор Зуев сумел сделать то, за что не брался никто: он вернул Владимиру Павловичу зрение! Теперь Барашков смотрит телевизор, без особого труда читает, кстати, внимательнейшим образом и весьма взыскательно штудирует газетные публикации о футболе. А в происходящих на футбольном Поле событиях Барашков разбирается порой получше ныне действующих и вроде бы вполне зрячих служителей футбольной Фемиды.

Зуев Владимир Иванович (28.05.1925)

Судья Всесоюзной категории (1969). Играть в футбол начал в начале 40-х годов за юношескую команду столичного «Спартака». Судейством занялся в пятидесятые годы. Большую часть времени своей судейской карьеры посвятил общественной работе: в 80-е годы возглавлял президиум ВКС, а с 1987 по 1991 год активно работал в судейском комитете ФИФА (замечу, что только два представителя отечественного арбитража удостоились такой чести: Николай Латышев и Владимир Зуев). В начале 43-го призван в армию и вскоре направлен на Северо-Западный фронт, где был зачислен в роту автоматчиков. С Володей Зуевым мы знакомы более 40 лет. Много раз вместе бывали в разных концах нашей необъятной России, обсуждали разные футбольные темы, но далеко не всё успели узнать друг о друге. А когда узнали — удивились, как много общего оказалось в наших биографиях. Во-первых, мы в начале войны участвовали в розыгрыше чемпионата Москвы по футболу, выступая в юношеских командах. Зуев играл

в «Спартаке», а я за СЮН — стадион Юных пионеров. Мы почти одновременно были призваны в армию и оказались рядом на Северо-Западном фронте. Зуев воевал под Старой Руссой, а моя морская бригада немного южнее — у Великих Лук,

Пушкинских Гор. После капитуляции Германии наши пути почти сошлись на Дальнем Востоке, где мы после капитуляции Японии даже успели поиграть в футбол. И наконец, еще одно подтверждение тесноты нашего мироздания: сын Зуева — известный арбитр Сергей Зуев, в школьные годы изучал основы русского языка и литературы в классе у моей сестры Юлии Михайловны.

Как я уже упоминал, в армию Владимир Иванович был призван в начале 43-го. В августе рядом с ним был ранен и начал тонуть в болоте командир взвода. Зуев бросился на подмогу и вытащил офицера. Но тут же несколько осколков вражеского снаряда впились в тело нашего героя. Госпиталь, где он оказался, возглавлял известный в прошлом футболист — капитан медицинской службы Михаил Козлов. Естественно, что спорт в этом медицинском учреждении широко использовался в качестве средства восстановления. Ясно, что Зуев был одним из наиболее активных застрельщиков. Едва успев выздороветь и вернуться в свою часть, он вновь получает ранение. Теперь на лечение потребовалось целых четыре месяца. Осенью 1944-го на подходах к границе Прибалтики вражеский осколок вновь достал молодого автоматчика. Ранение оказалось очень тяжелым, и Владимира Ивановича отправляют в далекий забайкальский госпиталь. И опять история повторяется: едва начав ходить, Зуев берется за создание футбольной команды из выздоравливающих бойцов.

После капитуляции Германии начинаются боевые действия против японских войск на Дальнем Востоке. Зуев оказывается в зенитно-артиллерийском полку, в составе которого он прошагал до Харбина...

2005 год был юбилейным. Страна отмечала 60-й праздник Великой Победы со слезами на глазах: Нас, судей-ветеранов, в канун годовщины Победы пригласили в Коллегию футбольных; арбитров (КФА) России. Поздравили, преподнесли цветы и Подарки. Все вроде бы делалось торжественно, по протоколу. И все же, наверное, не только я чувствовал некоторую неловкость от происходящего. Я не сразу смог осмыслить, понять, почему так получилось. И только по дороге домой нашел ответ на мучивший меня вопрос. За праздничным столом в КФА сидело всего четверо участников боев на фронтах Великой Отечественной. Всего четверо... Только четверо... И еще радость перед наступающим праздником пришли разделить две уже немолодые женщины:

вдова скончавшегося в начале 2005 года арбитра Всесоюзной категории Олега Ныркова, с которым мы воевали в одной 119-й Гвардейской дивизии, и супруга еще одного известного судьи Оскара Ревзина, который из-за тяжелой болезни не смог разделить с нами радость общения.

Первого июля 2005 года наш восьмидесятилетний боевой товарищ Оскар Григорьевич Ревзин ушел из жизни. Он всю свою жизнь посвятил спорту: играл в футбол и в хоккей с мячом. Став арбитром, заслужил звание судьи Всесоюзной Категории по футболу и рефери Международной категории по хоккею с мячом.

Уходим, ребята, уходим,
Не страшен нам близкий конец,
Уходим под звуки мелодий
Израненных, старых сердец...

На судейских перекрестках

Наверное, у всех людей творческих профессий — а судейство футбола я, уж извините, безоговорочно отношу именно к этой категории — в памяти остаются какие-то события, так или иначе повлиявшие на нашу деятельность, а порой даже и на жизнь.

Я уже упоминал, что за 16 лет судейской практики провел около трехсот календарных игр чемпионата и Кубка СССР, более десяти международных матчей.

Никогда ранее особенно не задумывался о значимости каждого из них. Но вот стал я по воле судьбы автором собственной биографии и подверг списки проведенных мною игр своеобразному сепарированию. Решил выделить из них всего несколько. Видимо, они оставили о себе какие-то особые воспоминания, оттенки, нюансы. Постараюсь представить их в хронологическом порядке.

Первый памятный матч случился у меня в Ленинграде в самом начале 60-х годов. Тогда укоренилась такая практика наблюдения за молодыми, перспективными судьями: их чаще всего направляли на судейство в Ленинград, где всегда была очень сильная и авторитетная коллегия арбитров. Одному из них направлялась депеша, в которой поручалось осуществить так называемый спецпросмотр судьи имярек на одном из матчей, проводимом в Ленинграде. В ней указывалось число и наименование противоборствующих команд.

Примерно по такой же схеме осуществлялась вивисекция над достаточно уже опытными арбитрами, которые где-то проштрафились и жаждали реабилитации.

При этом чаще всего испытуемый не знал, где, когда и кто будет сотворять ему спецпросмотр. Не знал этого и я, хотя особенно не волновался. Точнее, не волновался до отъезда в Ленинград. Мне достался не самый сложный матч команд класса «Б» с участием ленинградского «Спартака». Моими помощниками были опытные ленинградские арбитры, одним из них был Юра Якобсон. А моим экзаменатором оказался самый титулованный тогда ленинградский судья Николай Харитонович Усов. Он, кстати, является единственным отечественным арбитром, удостоенным звания «Заслуженный мастер спорта».

Игра началась довольно спокойно. Хозяева поля быстро открыли счет и к перерыву вели 2:0. Но в начале второй половины матча произошел неприятный казус. Ленинградцы пошли в очередную атаку, и кто-то из них сильно послал верховую передачу набиравшему ход форварду. Тот успел к опускающемуся мячу, подправил его себе грудью и, не давая опуститься на газон, сильнейшим ударом метров с двадцати пяти вколотил его в верхний угол ворот соперника. Я уже было собирался зафиксировать гол, но тут же увидел застывшего на боковой линии поля Юрия Якобсона. Он стоял с поднятым вверх флагом, Я вынужден был устремиться к нему. Хотя знал, что такие маневры судей не очень хорошо смотрятся, ибо свидетельствуют о неуверенности арбитра. Но в данном случае я об этом не думал: мне нужна была истина. Юра в нескольких словах сразу же прояснил ситуацию: оказывается, принимая мяч, ленинградский нападающий подправил его себе под удар не грудью, а... рукой. Гол я, конечно, не засчитал. Хозяева поля в конечном счете победили 5:0, и никаких претензий ко мне ни у кого быть не могло. Но как оценит мою работу Усов? Такой вопрос будоражил меня неотвязно, пока мы шли в судейскую комнату. Едва я сел заполнять протокол, как к нам вкатился чем-то удивительно похожий на милого колобка толстенький и низенький Николай Харитонович. «Почему гол не засчитал?» — строго спросил он меня. «Так ведь игрок «Спартака» опустил его себе на ногу рукой», четко отрапортовал я. «Да хрен с ней с рукой, — задиристо продолжал наседать на меня Харитоныч, — зато забил-то как! Надо было гол засчитывать!» — безапелляционно завершил он свой монолог и вышел из судейской. Я покидал Ленинград в смятении и тревоге: что же теперь напишет про меня Усов?

Однако через несколько дней, зайдя в Федерацию футбола, я

встретил работавшего там известного арбитра и очень доброго человека Александра Владимировича Меньшикова. Он, увидев меня, широко и радостно заулыбался и начал поздравлять с удачно сданным экзаменом. Оказывается, Усов оценил мой ленинградский дебют «пятеркой» да еще в письменном вердикте отметил мои способности и перспективность. Я был от счастья на седьмом небе.

За свою долгую жизнь в футболе я видел несметное количество матчей. Наблюдал за судейством большого числа арбитров. Со многими из них поколесил по городам и весям. Знал им цену и видел, как встречала их многоголосая, обычно не очень жалующая судей аудитория. Поэтому то, что мне удалось увидеть поздней осенью 1962 года на ленинградском стадионе им. С.М. Кирова, навсегда врезалось в память. Еще не затихли тогда наши переживания, связанные с невыразительным выступлением сборной СССР на чемпионате мира в Чили. Наверное, поэтому так уникально, неординарно воспринимался всеми подлинный триумф советского рефери Николая Гавриловича Латышева. 17 июня 1962 года в Сантьяго ему покорился пик судейской славы: он безупречно провел финальную игру чемпионата между сборными Бразилии и Чехословакии. ФИФА отметила заслуги Латышева, вручив ему «Золотой свисток».

Все эти радостные события едва не были омрачены. Руководители сборной ЧССР упрекали нашего судью за то, что он не назначил очевидный, по их мнению, пенальти в ворота бразильцев. Кто-то даже умудрился придать этому эпизоду политическую окраску. Беспартийного Латышева обвинили в непонимании стоящих перед социализмом задач (?!).

Теперь-то легко можно вспоминать о тех временах с ироничной улыбкой. Тогда же все было иначе. В конечном счете все обошлось. Советские руководители были весьма удручены поражением нашей сборной. Они больше помышляли о том, как отчитываться за это фиаско, им было не до Латышева. Между тем кто-то из западных журналистов не без ехидства отметил: «Русские все же прорвались в финал. Их там достойно представлял знаменитый рефери Николай Латышев».

Талант всегда неординарен. Ему чужды поведенческие стандарты и занудная обыденность. Вот всего лишь два примера. Латышев — единственный на моей памяти арбитр, решившийся из-за беспорядков на тбилисском стадионе прекратить за 23 минуты до истечения времени матч чемпионата СССР. Случилось это 1 октября 1961 года и было для того времени весьма рискованным шагом.

Непреклонность и решительность арбитра проявились и в

1955 году, когда в финальном матче на кубок СССР между ЦДСА и «Динамо» Латышев удалил с поля за грубость самого Льва Яшина! Мало кто из судей мог бы отважиться на такой поступок!

Наверное, все судьи, которым довелось выходить на футбольное поле вместе с Николаем Гавриловичем, гордятся этим. Я не исключение. Мне вообще повезло, ибо я завоевал доверие обслуживать самые принципиальные и престижные матчи практически на всех крупнейших стадионах рядом с сильнейшими арбитрами 60—70-х годов.

Игра, о которой я собираюсь поведать, состоялась 21 октября 1962 года на стадионе имени Кирова, в Ленинграде. Местные динамовцы (тогда они были еще в фаворе и выступали в классе «А») принимали алма-атинский «Кайрат». И вот вместе с Латышевым мы прибыли в Северную Пальмиру для судейства этого матча. Едва, ведомые нашим триумфатором, показались мы из тоннеля, как зрители дружно поднялись со своих мест. С трибун неслись крики: «Латышеву браво!», «Николай Гаврилович — молодец!». Стадион ликовал. Динамовцам не удалось одолеть упорных алмаатинцев: игра завершилась нулевой ничьей. Но это мало огорчило зрителей. Когда мы уходили с поля, Латышева вновь провожали приветственными возгласами. Никогда не доводилось мне наблюдать такого восторженного приема судей.

Пользуясь случаем, хочу затронуть еще одну деликатную тему, ставшую чрезмерно актуальной в наши дни. Никто тогда в Ленинграде даже не приближался к нам с какими-то унизительными просьбами и посулами. Более того, входившая тогда в моду практика послематчевых застолий обошла нас стороной. Допускаю, что местных спортивных руководителей обуревало желание пообщаться с великим арбитром за дружеским столом. Но ничего подобного, к счастью, не случилось. К Латышеву с подобными предложениями даже обращаться стеснялись. Мы с Николаем Гавриловичем посетили великолепный ресторан гостиницы «Европейская» и с удовольствием поужинали. И, можете себе представить, — за свои.

Сегодня мне особенно приятно вспоминать те уже далекие годы, когда наш футбол сохранял благопристойность и достоинство. Его еще не одолел нравственный травматизм.

21 ноября 1998 года Николаю Гавриловичу исполнилось 85 лет. Юбилей прошел с типично российскими удалью и размахом. Минуло меньше трех месяцев после праздничных хлопот. В первых числах февраля Латышев стал стремительно угасать: пропал аппетит, резко снижался вес, появились отчетливые признаки депрессии. Наш судейский патриарх стал плохо

двигаться. Среди арбитров нашлось много внимательных людей, живо откликнувшихся на нашу общую боль. Алексей Спирин, Сергей Хусаинов, Борис Иванов приложили много сил, чтобы срочно госпитализировать Латышева. 16 февраля мы с Людмилой Николаевной, дочерью нашего великого коллеги, и Борисом Ивановым отвезли его в госпиталь ветеранов войны № 3, расположенный на севере столицы. Николай Гаврилович еще находил в себе силы шутить и восторгаться заботой и вниманием персонала, но... Судьба уже поставила свою безжалостную подпись под роковым приговором: в 6 часов утра 18 февраля 1999 года Латышева не стало.

Как это у нас водится, на похоронах и поминках было произнесено много добрых слов о сильнейшем отечественном и одном из лучших в мире футбольном арбитре. Были обещания и заверения о вечной памяти. Замечу, что многое из обещанного уже сделано и делается. В частности, на могиле Латышева на Ваганьковском кладбище воздвигнут памятник. В Москве ежегодно проводятся турниры на приз Латышева.

В этот же ряд следует поставить и образование символического Клуба Латышева, который, по мысли его создателей, был призван не только увековечить память о нашем судейском патриархе, но и способствовать подъему авторитета всех арбитров России. Однако из-за непонимания руководителей КФА роли и значимости Клуба Латышева его создание оказалось по сути пустой формальностью. Достаточно сказать, что из числа ныне еще действующих арбитров лишь... один (?!) Валентин Иванов удостоился чести стать членом Клуба Латышева. Но кто об этом знает? Никто! Практически никто, кроме узкого круга лиц, вообще о существовании клуба ничего не ведает. Несколько раз я беседовал на эту тему с Николаем Левниковым, даже написал ему официальный запрос. Никакой реакции!

Как-то летом, совмещая отпуск с судейскими обязанностями, я оказался в Сухуми. Одним из моих помощников был москвич Лев Акселевич, ныне, к сожалению, уже покойный. Местные динамовцы не сумели одолеть соперников: матч завершился вничью; Через три дня мы должны были судить игру в Новороссийске и решили перебраться туда теплоходом. Лев отправился к администратору команды «Динамо» за билетами, которые мы заказали загодя. Вскоре мой коллега вернулся очень расстроенным. «Что случилось?» — спросил я его. «Да, вот, — последовал ответ, — дали два билета, тебе в каюту, а мне... на палубу, без места. Когда я начал возмущаться, администратор нахально заявил: «Как судили — так и поэдитэ». Билеты нам все же поменяли. Но гостеприимство по-сухумски, как видите, помню

по сей день.

В жаркий июльский день 1974 года я судил в Караганде игру одной из лучших команд Казахстана «Шахтер» с фрунзенской «Алгой», которую тренировал мой давний знакомый, москвич Александр Кочетков. Это, однако, не помешало мне за очевидное нарушение правил назначить пенальти в ворота «Алги». Игра завершилась ничейным исходом 1:1. Зайдя в судейскую комнату, Александр Петрович тепло поблагодарил арбитров за судейство, а меня чмокнул в щеку. Этот жест не прошел мимо внимания тренера «Шахтера» Юрия Хакимова. «Почему вас расцеловал Кочетков?» — упорно выпытывал он у меня. В ответ мне ничего не оставалось, как улыбаться.

И напрасно: мстительные карагандинцы «не сумели» достать мне билет на московский самолет, и в наказание за поцелуй Кочеткова я провел лишние сутки в раскаленной, как сковорода, Караганде.

Обязан заметить, мои коллизии в Сухуми и Караганде бледнеют по сравнению с историей, жертвой которой оказался мой тульский коллега Тихонов. В 60-е годы он судил матч команд класса «Б» в армянском городе Кафане. В один из моментов игры мяч оказался в воротах приезжей команды. Но помощник Тихонова дал отмашку на положение «вне игры», и взятие ворот засчитано не было. И тут кто-то из «народных мстителей» кинулся к судье на линии, приставил к его животу внушительных размеров кинжал и потребовал засчитать гол. Судьи вынуждены были подчиниться силе. Однако после игры Тихонов подробно проинформировал федерацию о происшедшем казусе. Команду города Кафана сняли с розыгрыша первенства СССР, а действия арбитров были полностью одобрены.

На этом, однако, история не завершилась. Вскоре в Москву из Армении прибыла представительная депутация. В разборках даже принял участие лично член Политбюро ЦК КПСС Анастас Микоян. Его вмешательство в судьбу земляков подействовало: провинившийся Кафан был амнистирован.

«Воспитательная работа» с судьями не является нашей российской привилегией. Она в той или иной степени практикуется в различных странах уже достаточно давно.

Так уж сложилась у меня жизнь, что бывать в зарубежных командировках и по спортивной линии, и по основной работе в НИИ мне доводилось неоднократно. Особенно часто я выезжал в немецкий город Лейпциг. В свободное отдел время обязательно посещал матчи на местном стадионе «Локомотив». Мои немецкие коллеги по научно-техническому сотрудничеству как-то познакомили меня с руководителем местной команды

«Локомотив», которая довольно успешно выступала в чемпионате своей страны.

Однажды после игры нас пригласили в симпатичное кафе «на кружку пива». За нашим столом были два сотрудника, связанных с командой мастеров. Как водится у мужчин во время застолья, сперва посудачили о женщинах, а затем наш разговор плавно переключился на футбольную тематику. Разумеется, судейские проблемы не остались в стороне. Местные функционеры поведали мне о забавной ситуации «Когда нашу команду судили плохо рассказывали они, мы после игры дарили арбитрам бюсты Карла Маркса, которые были отлиты из чугуна и весили никак не меньше... 7—8 килограммов. Возразить они нам ничего не могли, а где-либо оставить «сувениры» было небезопасно. Короче, все эти фокусы нам удавались постоянно. Видя растерянные липа служителей футбольной Фемиды, мы получали своеобразную сатисфакцию».

Кстати, с немецкими футболистами мне приходилось встречаться и непосредственно на футбольных нолях.

Помнится, одна из таких встреч произошла в знойный вечер в Ленинграде на одном из стадионов. Тогда он носил имя Ленина. «Зенит» играл в товарищеском матче с титулованным клубом бундеслиги «Шальке-04». В Ленинграде жара из-за высокой влажности всегда переносится очень тяжело. А тогда, в июле 1972 года, едва ли не все наши центральные области страдали от ужасных пожаров. Горели торфяники. Даже дышать было тяжело, а играть в футбол просто мучительно. Но футболисты народ крепкий, и сражались они с завидной отдачей; Гости при первой же возможности старались убивать время. Особенно в этом преуспевал голкипер: как только мяч попадал к нему в руки, он подолгу постукивал им о газон, давая своим одноклубникам возможность отдышаться. Наблюдая за этими манипуляциями, я все время подгонял стража ворот криками «schneller!» (быстрее!). Услышав эти призывы, меня активно начали поддерживать ленинградские зрители: «Schneller! Schneller!», — весело скандировали они. Тем временем хозяева забили гол. Немцы тут же преобразились, и счет стал 1:1. Вскоре эта ситуация вновь повторилась. Сперва хозяева поля повели — 2:1, а гости почти туг же сделали счет ничейным 2:2. И вновь они перешли к затягиванию времени. Страшная духота и задымленность воздуха оправдывали их откровенное стремление играть на удержание счета. Однако «Зенит» сумел все же прибавить в игре, что позволило ему одержать победу — 3:2. В подтрибунном помещении ко мне подошел тренер гостей, пожал руку и, улыбаясь, сказал: «Schneller, gut, gut!»

Из десятка проведенных мною международных матчей я еще хорошо помню игру в Ставрополе летом 1968 года. Местные динамовцы играли со сборной командой Сенегала. По ходу матча не было каких-либо запоминающихся моментов. Но одна ситуация крепко засела в памяти. Первая половина игры проходила при дневном освещении и никаких сложностей для судейства не представляла. Однако, выйдя после перерыва на поле, я испытал откровенную тревогу и недоумение. Дело в том, что, видимо, в целях экономии электроэнергии какой-то Чубайс местного розлива приказал отключить все прожектора, освещавшие поде. А так как на юге темнеет очень быстро, то за время перерыва весь стадион погрузился во тьму. Футболисты «Динамо» уже были на поле и катали мячи возле своих ворот. Гостей еще видно не было. Но... к своему изумлению, я узрел, что на другой половине поля стремительно перемещаются по воздуху... белые трусы, чуть ниже мелькали... белые гетры. Больше ничего от команды Сенегала я не увидел. Высокие, стройные африканские ребята обладали таким темным цветом кожи, что в полумраке были совершенно незаметны. Я сразу же вспомнил старый приключенческий фильм «Человек-невидимка». Тем временем «Чубайс» разрешил включить свет, и я, увидев, что все сенегальцы пребывают на поле в полном здравии, дал сигнал на продолжение матча. На память о нем я до сих пор храню очень забавного игрушечного темнокожего футболиста, подаренного мне после игры африканцами.

Необходимое послесловие

Готовя материал к главе о судьях, я преднамеренно оставил за кадром больную тему современного футбола, которая усиленно педалируется многими СМИ, описывающими мифические коллизии о продажности судей. Не отрицая этого явления, я тем не менее категорически отвергаю «одномерный» подход к нему. Коль скоро разговор на эту Тему возникает, из него ни в коей мере нельзя вычленять одних из главных участников этого постыдного процесса. В первую очередь речь должна идти о президентах местных клубов и околофутбольных чиновниках, скрывающих под белыми накрахмаленными сорочками свои черные души.

Футбол не признает полутонов. Он строг и конкретен. Явления, происходящие в игре, «нерастворимы». Нельзя сказать «частичный гол» или «почти пенальти». В футболе так не бывает.

Или — иди! Или было, или не было.

Футбол хочет знать правду!

Футбол хочет жить по правилам!

P.S. По следам скандалов

Написав высокопарные слова о том, что футбол хочет знать правду и жить по правилам, я полагал завершить ими седьмую главу. Однако не в первый раз наблюдали мы печальную традицию, свойственную нашему футболу. Она проявляется в пошлом явлении, которое я когда-то обозначил так: «Очки по осени скупают».

История отечественного футбола знает массу примеров, подтверждающих этот тезис. Достаточно еще раз припомнить отличавшуюся особым цинизмом «спасательную» операцию, продемонстрированную кутаисским «Торпедо» образца 1985 года. Тогда безнадежно свалившаяся в пропасть команда, имевшая к началу второго круга всего... восемь очков, вдруг чудесным образом преобразилась и начала осенью успешный сбор очков нещадно обирая всех попадавшихся на пути соперников. Против ее «прессинга» и щедрых вознаграждений не смогли устоять даже гарные хлопцы с берегов Днепра — ставшие уже чемпионами киевские динамовцы. В итоге кутаисцы с последнего места взлетели аж на 11-ю строку таблицы, уступив «неудобные» 17-е и 18-е места воронежскому «Факелу» и ростовскому СКА.

ПРОЩАНИЕ С МАТЕРЫМ

Мне бы показалось очень обидным и несправедливым, если читатель увидел во мне человека, стремящегося нанести удар вслед повергнутому сопернику. Нет, дорогие друзья, на такие поступки я не способен.

Сейчас я полагаю целесообразным вновь вернуться к имени Вячеслава Колоскова, который почти 26 лег возглавлял отечественный футбол и о котором я писал, наверное, больше и чаще многих самых продвинутых мастеров пера.

Достаточно напомнить мои публикации в журнале «Смена» за 1989 и 1990 год. Одна из них вышла в свет под заголовком «Коль слово «честь» забыто». В 1990 году в издательстве «ФиС» родилась объемная книга «Конфликт», где великому футбольному комбинатору и интригану была посвящена не одна страница. Вспоминал я о нем и на полосах «Известий», «Труда», «Комсомольской правды», не говоря уже обо всех спортивных Газетах и журналах, включая февральский номер за 2004 год журнала «Футбольная правда», статью из которого я привожу без купюр:

«Некоторое время назад, перебирая свой архив, невзначай наткнулся на старую статью, написанную мною Для не существующей ныне газеты «Футбол-экспресс». С интересом перечитал ее, а когда взглянул на сроки публикации, выяснил, что писалась она ровно десять лет назад. Юбилей! Невольно потянуло на размышления о стремительно прошедших годах, и возникло желание сравнить нынешнюю жизнь и приключения отечественного футбола с периодом, о котором я писал десяток Лет назад.

Позволю себе без ложной скромности высказать уверенность, что читатели «ФП» такой экскурс в прошлое не оставят без внимания, хотя о многом им уже известно из предыдущих номеров журнала. Итак, перед вами статья, написанная в 1994 году.

Истории немеркнущие строки

1 июля 1979 года. Известный спортивный журналист назвал эту дату «черным днем советского футбола». Умер Всеволод Бобров. В тот же день заместитель председателя Спорткомитета В. Сыч представил сотрудникам Управления футбола нового

начальника. — Вячеслава Колоскова, дотоле возглавлявшего хоккейное ведомство.

Минуло без малого 15 лет. Достаточный временной отрезок, чтобы оглянуться на путь, пройденный отечественным футболом, оценить людей, все это время вертящих руль его истории.

В этих воспоминаниях хочется коснуться наиболее интересных деталей из биографии нашего футбола за последние 10—12 лет.

1982 год. Чемпионат мира в Испании. Сборная СССР, располагавшая великолепными мастерами — Дасаевым, Чивадзе, Бессоновым, Демьяненко, Гавриловым, Оганесяном, Дараселия, Шенгелия, Блохиным, — сумела добраться лишь до четвертьфинала. Завершив 4 июля судьбоносную встречу с поляками бесцветной нулевой ничьей, наша дружина покинула Пиренейский полуостров.

Едва ли не главной Причиной, предопределившей это фиаско, явилась хитромудрая бомба, заложенная спортивными чиновниками, надумавшими сразить футбольный мир ошеломляющим изобретением. Из трех талантливых тренеров — Н. Ахалкаци, К. Бескова и В. Лобановского — был сооружен некий трехглавый и совершенно недееспособный монстр. Хорошо подобранный и выпестованный Бесковым коллектив в одночасье перестал быть командой. Активным проводником абсурдной идеи о возможном сожительстве в одной берлоге трех медведей был глава футбольного департамента. Что, впрочем, не помешало ему впоследствии разглагольствовать о «грубых тренерских просчетах».

1986 год. За три недели (!) до отлета на мировой чемпионат мы вновь шокировали футбольный мир беспрецедентным решением: с поста главного тренера сборной СССР был смещен Э. Малофеев. В Мексику ее повез новый наставник В. Лобановский. Мексиканская фиеста завершилась столь же бесславно, как и испанская: поражение 15 июня от бельгийцев в 1/8 финала и прощание с родиной ацтеков.

Накануне нового, 1994 года в одном из своих многочисленных интервью Колосков заявил: «Это в 86-м, когда... Малофеева поменяли на Лобановского, решение принимали директивные органы». У многих людей, знакомых с нашей футбольной кухней, давно уже сложилось ощущение, что залихватские пассажи главного футбольного начальника рассчитаны на аудиторию с отшибленной памятью. Хорошо ведь известно, кто готовил записки и «обоснования», побудившие партократов Старой площади согласиться с подобной глупостью. Это Колосков сперва пригласил Малофеева возглавить сборную, а

потом, уподобившись Тарасу Бульбе, поступил по его рецепту: «Я тебя породил, я тебя и убью!».

1990 год ознаменовался самым унизительным исходом выступлений сборной СССР за все годы ее участия в мировых форумах. Потерпев на стадионах Италии два поражения кряду — 9 июня от румын (0:2), а через четыре дня с таким же счетом от Аргентины, — наши опять досрочно ретировались с чемпионата. Даже обычно невозмутимый и самоуверенный Колосков вынужден был констатировать: «Да, это провал!» Что, однако, не помешало ему спустя некоторое время рассказывать о «просчетах тренеров». Конфуз еще более усилился скандалом, разразившимся в нашей команде перед отлетом из Италии. Некоторые игроки в знак протеста отказывались возвращаться домой. Причина конфликта достаточно банальна невыполнение руководством федерации обещаний о премиальных.

Сегодня долларовые разборки стали обычным атрибутом быта нашей команды. В 1992 году на европейском чемпионате в Швеции нас вновь ожидал холодный душ, устроенный шотландцами. И тут же началось «рассмотрение дела» о невыплаченных премиях. Такая же коллизия случилась и после того, как 17 ноября 1993 года наша сборная продула грекам.

Практически во всех подобных ситуациях Колосков и его подручные все грехи списывали на футболистов, упрекая их в меркантильности и стяжательстве. Зачинщиком очередного скандала и организатором письма 14 «сборников» на имя советника президента России Ш. Тарпищева Колосков считает А. Бышовца. «Он тоже решил заняться вышибанием денег», — говорит теперь о нем и шведском скандале глава российского футбола. Бышовец «не устоял от соблазна поймать рыбку в мутной воде», — продолжает он. Ох, чья бы корова мычала! Вы ведь, Вячеслав Иванович, 15 лет не вынимаете свое удилище из той самой мутной воды, в которую ввергли отечественный футбол. Вы хотя бы из чувства благодарности воздержались от подобных обвинений в адрес тренера и команды, завоевавших в Олимпийском Сеуле-88 золотые медали. Да, этот турнир по мировым меркам не отличается футболом высокой пробы, но... это не помешало вам оказаться в платежной ведомости под загадочным названием «начальника команды» и отхватить 2280 долларов премии. И это в то время, как всего за несколько месяцев до того вы «тренировали» в Калгари Олимпийскую сборную по... хоккею (?!). Да-да, в другой ведомости вы значились «тренером по хоккею» и, не сумев избежать искушений, положили в карман еще 5350 долларов. Вдобавок ко всему пот и здоровье ребят обернулись для вас еще одной приятностью: за победы

хоккеистов и футболистов вам вручили орден Дружбы народов. Многие ведь еще не запамятовали о ваших пристрастиях к сувенирам. Это из-за них вас «притормозили» в шереметьевской таможне по возвращении в 1984 году с Олимпиады из Лос-Анджелеса. Это вы, скромный бессребреник, «притаранили» с юниорского чемпионата мира, проходившего в 1991 году в Португалии, багаж, для которого кроме «Волги» пришлось вызывать еще и микроавтобус. А не вы ли в 1989 году рискнули выйти с нашей хоккейной дружиной на лед стокгольмского дворца и получить... золотую медаль чемпиона Европы? «Такое еще не приходило в голову ни одному из наших функционеров. Что это? Предел нескромности? Или пик величия в собственных глазах?» — вопрошал ошарашенный спецкор «Комсомолки». Это ведь не «зажравшиеся рвачи» — футболисты умудрились вопреки всем правилам и законам в конце 1991 года практически задарма обзавестись через подведомственную вам футбольную команду новенькими «Жигулями». Долларовые инъекции давно уже стали для вас регулярными и любимыми процедурами. Вы изволили упрекнуть «Сборников» в получении чрезмерно больших премий за Европу-92. Но ведь и ваша фамилия красовалась в платежной ведомости, о чем поведал Кирьяков на пресс-конференции 25 декабря прошлого года.

Может быть, вы, Вячеслав Иванович, не помните, как почти 10 лет назад, созерцая ваши «художества», не выдержал М. Грамов и, воскликнув: «Такой футбол нам не нужен!», решил освободить его от вас? Но мы-то знаем, как принял на себя роль доброхота Бесков, сумевший благодаря своему авторитету и популярности побудить самые высокие партийные структуры приструнить Грамова.

Чтобы окончательно избавиться от опеки этого начальника, вы предприняли еще одну акцию. Когда в середине 80-х Ж. Авеланж вознамерился увенчать вас орденом «За заслуги», вы упросили отдать его... Грамову. И вот в ряду двадцати кавалеров Золотого ордена ФИФА, рядом с Ф. Беккенбауэром, Л. Яшиным, Пеле, С. Мэтьюзом оказался... депутат Верховного Совета СССР, кандидат в члены ЦК КПСС. Блестяще!

Как вы можете после всего этого упрекать в стяжательстве мастеров футбола, которые так исправно и так долго кормят и поят вас? Благодаря которым вы так непозволительно долго благоденствуете на развалинах сокрушенного вами же советского, а теперь и российского футбола? Это ведь вы привыкли жить «в порядке исключения»: так добывались в престижных домах и районах квартиры, строились дачи, приобретались автомобили, пристраивались детишки... Всё слева, всё по блату. Это стало

образом жизни многих пришельцев, ничего и никогда не дававших футболу, но зато так жадно и ненасытно его проедающих.

Один из наших ведущих тренеров недавно так оценил роль футбольных прилипал: «Руководить профессиональным футболом — значит разъезжать по всему свету за казенный счет, проверять и наставлять команды за их же счет, назначать им арбитров, «пущать или не пущать» в престижную лигу, входить без стука в начальственные кабинеты, получать знаки отличия за победы. Для нас футбол — работа. Для них — ковер-самолет и скатерть-самобранка».

Я не беру под защиту ни Бышовца, ни Садырина, ни их подопечных, хотя считаю, что если они в чем-то и повинны перед футболом, то все равно заслуживают снисхождения. Ибо так много и полезно потрудились на его благо.

Тем временем миллионы любителей футбола хотят получить ответ на простенький такой вопросик: кто же будет отвечать за все передряги, в нем происходящие? Совершенно непристойно разрастающаяся коррупция, торговля совестью, честью, очками, местами на пьедесталах своими цепкими лапами обхватили любимую народом игру. Жулики и проходимцы превратили ее в несокрушимую «малину» и неиссякаемый питательный пункт для чиновников. Размеры взяток измеряются уже десятками миллионов рублей. Поражающий своим неприличием «бартер» процветает. «Одна из команд — участниц переходного турнира... получила три десятка новеньких авто для решения вопросов во время матчей в Москве», — сообщала читателям 8 декабря 1993 года «Московская правда». Были печатные публикации о четырех предателях из московского «Асмарала», продавших игру армейцам за десять тысяч немецких марок. Всего год назад, по свидетельству Садырина, сами армейцы приторговывали очками. А Колосков заявляет, что у них нет никаких сведений обо всех этих криминальных историях. Это надо же...

Наблюдая за всем, что происходит в нашем контуженом футболе сегодня, всматриваясь в не столь уж отдаленное будущее, поджидающее нас на американском континенте, я готов высказать опасения, что перспективы сборной представляются мне далеко не самыми веселыми».

Наверное, многие обратили внимание на то, что мое обозрение десятилетней давности оборвалось незадолго до американского чемпионата мира-94. Как мы и предполагали, наша команда там, мягко говоря, не блеснула. Помним мы и о том, что мимо очередного «мундиаля» во Франции-98 наша национальная команда вульгарно пролетела, не сумев одолеть

соперников в отборочном цикле. Совсем неприлично выглядела наша дружина в Японии-2002. Зарисовки и сюжеты о японских «гастролях» россиян еще и сегодня бросают нас в холодный пот. Но и этого позора нам показалось мало. Не успели еще высохнуть на протоколах подписи арбитров, судивших в Японии наши матчи, как руководство РФС вновь, словно по заведенному сценарию, ввязалось в очередную постыдную склоку с тренерами сборной. Противоборствующие стороны опять обвиняли друг друга в стяжательстве, невыполнении финансовых обязательств и получении супергонораров, достигавших сотен тысяч долларов. Следы этой унизительной перепалки выплескивались на полосы многих печатных изданий. Читать обо всей этой возне без брезгливости нормальным людям было стыдно.

Не будем упускать из виду, что сборная в минувшее десятилетие не преуспевала, мягко говоря, не только на мировых, но и на европейских форумах и на дальних подступах к Олимпийским играм, куда она вообще перестала попадать.

В итоге оказались проваленными шесть чемпионатов мира и Европы, а наши клубные команды опустились в таблице коэффициентов УЕФА до совершенно неприличного уровня, в результате чего их представительство в европейских турнирах сократилось до минимума. В финальную часть Евро-2004 сборная все-таки с грехом пополам пробилась, но Олимпийские игры опять прошли без участия наших мастеров.

Добропорядочным людям вряд ли удастся забыть душераздирающий шабаш договорного футбола, нагло прошагавшего по всем стадионам России в сезоне 2003 года. Чемпионат страны из турнира смелых, сильных и отважных мужчин превратился в низкопробный игорный дом, где изворотливые толстосумы теперь скупают все, что попадает в их грязные лапы. Футбол стал гигантской ярмаркой порока, где торжествуют ложь и бесстыдство. На этом аукционе продается все: клубы, игроки, тренеры, чиновники, судьи и даже... чемпионские медали.

В подобной вакханалии порока кажется совершенно бессмысленным обсуждать проблемы судейства и лицезреть бесконечные наезды на вконец замордованных арбитров. Следовало бы давно задуматься и понять, в какой агрессивной среде им приходится вершить свой суд. Ведь для них едва ли не каждая игра превращается в бег по минному полю. Сегодня в атмосфере подобного распутства просто наивно ожидать стерильного арбитража.

Как видите, распад нашего футбольного хозяйства достиг критической отметки. Неизменной в многострадальном футболе

России оставалась лишь монолитная фигура президента РФС, который 26-й год рулит отечественным футболом и которого, как и следовало ожидать, безальтернативно переизбрали на очередной пятилетний срок.

Размышляя обо всех превратностях любимой нашим народом игры, я невольно вспомнил анекдот. Перед дальней дорогой старый еврей передал раввину на хранение крупную сумму денег. Сия акция осуществлялась в присутствии членов местной общины. Спустя год старик заехал к раввину за деньгами. Но тот заявил, что впервые о них слышит. «Как же так, — ужаснулся незадачливый «вкладчик», — вы ведь брали деньги на глазах членов общины!» Раввин вызвал их, и они не моргнув глазом ответили, что тоже ничего о деньгах не помнят, и покинули кабинет. Раввин подошел к сейфу, извлек пакет с деньгами и вернул их ошарашенному старику. «Спасибо, спасибо, — заверещал тот, — но зачем же вы разыграли этот спектакль?» Раввин печально улыбнулся. «Всё это понадобилось для того, чтобы вы поняли, с кем мне приходится работать», — грустно проронил он.

Теперь, дорогие читатели, вы, надеюсь, понимаете, почему я на 80-м году жизни завел разговор о том, с кем в ближайшие пять лет предстояло жить и работать нашему российскому футболу».

Хотел бы все же пояснить читателям, почему я решил привлечь их внимание к одиознейшей личности, возглавлявшей отечественный футбол до начала 2005 года.

Как вы знаете, в конце 2004 года Колосков без всяких трудностей был переизбран на пост президента РФС на очередные пять лет.

Потребовались самые решительные и экстраординарные меры со стороны достаточно высокопоставленных людей, чтобы прервать этот чудовищный полет разврата, цинизма и безнаказанного физического и нравственного разрушения российского футбола.

Колоскова вынудили подать заявление об отставке. Оно было принято 2 апреля 2005 года Исполкомом РФС практически единогласно. «Конец эпохи» — обозначил это событие «Советский спорт». А я бы назвал его концом позора.

Но мне почти тут же пришлось пожалеть о своей торопливости. Почему? Да потому, что позор колосковщины еще далеко не исчерпал свои возможности.

Приведу лишь одно высказывание газеты «Вечерняя Москва» от 4 апреля 2005 года: «То, что натворили «колосковцы», уже въелось в нашу жизнь, и многие чиновники РФС не хотят ничего менять. А решения, принятые на субботней конференции 2

апреля, иначе как насмешкой над нашим футболом не назовешь. Вячеслава Колоскова, который фактически развалил отечественный футбол, чиновники избрали почетным президентом РФС, предоставили ему кабинет, мобильный телефон и персональную машину, а также назначили ему зарплату в 80 тысяч рублей в месяц». Ну и где тут логика?

Не забудьте, что наш Остап Бендер еще получает 100 тысяч долларов от ФИФА.

Нужно ли все это комментировать?

Замечу только, что мои боевые друзья, морские пехотинцы, оборонявшие в 41-м Москву, в 42—43-м Сталинград, освободившие десятки городов, в числе которых Рига, Режица, Лудза, Мидона, Салдус, Пустошка, получают сегодня пенсии, не превышающие 9 тысяч рублей.

А этот... У меня нет слов!

Недавно, просматривая многочисленные материалы и публикации (среди которых мои аналитические статьи) о деятельности Колоскова, я наткнулся на его диссертацию. Именовалась она так: «Исследование условий сохранения высокой работоспособности в длительном соревновательном периоде». К футболу эта работа отношение имела весьма отдаленное, так как делалась применительно к мастерам хоккея.

Но наименование диссертации упоминаю сейчас не случайно. Ибо именно сегодня оно звучит особенно настораживающе. Свою «высокую игровую работоспособность в длительном соревновательном периоде» борьбы за власть и собственное обогащение неугомонный Вячеслав Иванович, судя по всему, намерен продолжить до конца своих дней. Не случайно в своем интервью еженедельнику «Футбол» (№ 7, 2005 г.) новый президент РФС Виталий Мутко заявил: «Богатые знания и огромный опыт Колоскова еще послужат отечественному футболу. Он остается в РФС и будет работать в сфере международных связей, сохранив за собой посты в ФИФА и УЕФА».

Прочитав эти рассуждения Виталия Леонтьевича, я понял, что он еще далеко не все знает о порочных наклонностях своего предшественника. Это вынуждает меня добавить еще несколько фактов биографии нашего героя. Не случайно много лет назад Колосков на страницах популярного издания сообщил о присвоении мне почетного звания своего биографа.

Весьма характерно для руководящей деятельности Вячеслава Ивановича заявили о себе многочисленные случаи грубейших злоупотреблений служебным положением, применительно к команде ЦСКА и другим армейским клубам. Судите сами.

Когда в итоге сезона 1984 года ЦСКА оказался на последнем месте в таблице чемпионата, Колоскову и его клевретам предстояло сделать все возможное для возвращения титулованного клуба в высшую лигу. И делалось это отнюдь не благодаря личным симпатиям Колоскова к армейскому футболу. Все было значительно прозаичнее: приближался срок призыва в армию его старшего сына Вячеслава. Значит, нужно было крепить «дружеские связи» с высокопоставленными армейскими чинами.

Спасительные операции по вызволению из позорного провала ЦСКА начались по заведенному сценарию. Для этого сразу же было отряжено несколько не шибко отягощенных моральными принципами арбитров. Листы назначения судей на игры с участием армейского клуба без зазрения совести подвергались Колосковым беспочвенным изменениям. Фамилии ранее назначенных на судейство рефери постоянно заменялись на «нужных и сговорчивых» служителей футбольной Фемиды. И это несмотря на то, что в пункте 15 раздела 4 Положения о чемпионате страны четко записано: «Просьбы команд или организаций о замене судей, назначенных на игры, не принимаются».

Приходившие, приезжавшие, звонившие на Лужнецкую набережную в главный футбольный штаб страны сообщали, что действуют «от имени и по поручению»... И шепотом называли такие имена и фамилии, что наши футбольные функционеры, возглавляемые Колосковым, приседая от страха, устремлялись к своим столам и тщательно вымарывали из списков фамилии судей, неугодных ЦСКА.

Так, не понравившийся армейскому руководству симферопольский арбитр Г. Ильяков после игры с «Ротором» был на три месяца «сослан» в армию. Осуществлялась та акция при молчаливом согласии и попустительстве главного радетеля честной игры Колоскова.

Этой операцией пытались убить сразу двух зайцев. Во-первых, отомстить неподатливому судье. Во-вторых, в адрес всех судей высылалось своеобразное «штормовое предупреждение»: «Не сумеете угодить, забреем в солдаты».

Через некоторое время отстраненный ранее от судейства за грубейшие ошибки арбитр из Черновцов П. Кобичик вдруг вновь «пригодился». Его по велению свыше назначили реферировать судьбоносную игру ЦСКА — «Гурия» 2 ноября 1988 года. О причинах очередной замены в ведомстве Колоскова предпочитали не распространяться.

В целях создания более благоприятных для ЦСКА условий доброхоты от футбола внезапно перенесли игру армейских

команд Ростова и Москвы на конец сезона-88.

Нечто подобное делалось и ранее. Только в еще более извращенной форме. Презрев интересы дальневосточных любителей футбола и все действовавшие законы, Колосков и К° отважились предусмотренную календарем игру хабаровского СКА с ЦСКА перенести в... Москву на... ковер столичного ЛФК(?!).

В 1985 году настырный «Памир» из города Душанбе упорно взбирался на вершину турнирной таблицы. Тем самым он ставил под угрозу притязания ЦСКА и его покровителей на возвращение клуба в высшую лигу. Всевозможные попытки хоть как-то оторваться от таджикской команды успеха не приносили. Ведомый Юрием Павловичем Семиным «Памир» не сдавался в конец обнаглевшим прохиндеям. И тогда появился на свет новоявленный старик Хоттабыч (мне так и не удалось узнать, в каком звании он тогда пребывал) и одним росчерком пера поставил половину команды Душанбе... под ружье!

В начале ноября 1985 года полуразрушенный «Памир» прибыл на игру с «Локомотивом» в Москву. Я на эту встречу был назначен инспектором. Перед началом игры, как обычно, зашел в раздевалки команд. Атмосфера в комнате гостей производила впечатление поминок. Обычно энергичные руководители команды Семин и Назаров молча стояли в центре раздевалки. Состояние обреченности владело и футболистами. Не слышалось обычных шуток и реплик. Не было и признаков предстартового волнения. Команда чем-то напоминала мяч, из которого выпустили воздух. Разрушительный удар, нанесенный «Памиру» высокопоставленными мракобесами, парализовал ребят. Стоило ли удивляться результату: гости проиграли 1:4.

Реестр всех футбольных извращений, совершаемых в годы правления Колоскова, вряд ли возможно поместить даже в книгу. Играя в первой лиге, ЦСКА с ведома и соизволения Вячеслава Ивановича, вопреки им же утвержденной инструкции о переходах мастеров футбола из команды в команду, сумел перетащить к себе в середине сезона (?!) Кухлевского из львовского клуба СКА — «Карпаты».

Все, что в те годы происходило в ЦСКА, вытягивалось в длинный шлейф самых циничных и вопиющих нарушений. Замечу, что возглавлял тогда ЦСКА некто генерал Марущак. К этому «защитнику Родины» мы еще вернемся. Когда московские болельщики весной 1987 года узрели в составе дублеров ЦСКА сына начальника Управления футбола В. Колоскова, они были несколько шокированы. Тут же на трибуне любители футбола стали дружно припоминать о всех поблажках, которыми пользовались армейские команды. И невольно подумалось, что

простая житейская формула «ты мне — я тебе» обладает неистребимой стойкостью. Она не поддается растворению ни при каких условиях жизни в России. Вернемся, однако, к молодому Колоскову. Весь сезон 1987 года он числился в дублирующем составе ЦСКА. Но несмотря на все ухищрения, армейцы в конце того же года покинули высшую лигу, и тем самым потеряли право иметь дублеров. Молодой Колосков (не без помощи генерала Марущака) был перемещен в команду мастеров Московского военного округа — смоленскую «Искру». Там он «прослужил» два сезона, 1988 и 1989 года. За этот срок «Искра» провела 76 матчей первенства СССР. Защитник В. Колосков отыграл полностью все положенные 90 минут игры только один раз(?!) — в матче с рязанским «Торпедо». И еще 14 раз он выходил на поле всего на несколько минут. Надо же было отметиться в протоколе матча и тем самым подтвердить свою причастность к воинской службе!

Не могу не припомнить еще об одном, не самом приятном качестве Вячеслава Ивановича. Злопамятен до невозможности. Сколько же замечательных тружеников футбола, тренеров, футболистов, журналистов пострадало от его жестокости, своенравия и корысти! Обязан в этой связи назвать Валентина Николаева, Николая Киселева, Анатолия Бышовца, Эдуарда Малофеева, Игоря Шалимова, Сергея Кирьякова, Александра Мостового, Льва Филатова, Валерия Винокурова и еще многих, многих других, к числу которых могу причислить и себя. Недавно в Интернете случайно напал на ряд материалов различных авторов все о том же Вячеславе Ивановиче. Там много любопытнейших подробностей о весьма сомнительных операциях и связях с «Инфобанком Спорт Маркетингом» (ИСМ) и его учредителях С. Курылеве и Г. Епишкиной. Достаточно сказать, что «за высокие заслуги перед российским футболом» группа «Инфобанк» была удостоена чести представлять Россию в УЕФА. Уже много лет членом экспертной группы УЕФА по маркетингу, телевидению и новым технологиям является упомянутая выше Галина Епишкина. «Согласно Уставу РФС, — сообщается на сайтах Интернета, — кандидатов от нашей страны для избрания в руководящие органы международных футбольных объединений, а также включения в составы их комитетов и комиссий определяет и представляет Исполком РФС. Назвать содействие выдвижению своего делового партнера на ответственный пост иначе как коррупцией нельзя».

Словом, изучение многих подробностей долголетней деятельности Колоскова и К0 на посту руководителя отечественного футбола и его постоянное балансирование на грани криминала заставляет меня призывать всех людей,

искренне любящих футбол, чаще вспоминать по крайней мере о двух-трех моментах.

1. В начале 90-х годов эти вопросы привлекли к себе внимание специальных комиссий, созданных Верховным Советом РСФСР, а затем и Московским комитетом партийного контроля. По ряду известных причин их работа не была завершена. Но в архивах осталось еще много любопытных фактов. Знаю о них не понаслышке, ибо лично участвовал в работе названных комиссий.

2. Уход Колоскова с поста президента РФС еще отнюдь не означает конца «колосковщины».

3. Помните знаменитый, несколько скорректированный призыв Юлиуса Фучика: «Люди, встречаясь с Колосковым, будьте бдительны!».

Размышления перед последней главой

Сейчас я уже достаточно отчетливо вижу финишный створ, сквозь который должны прошелестеть последние страницы рукописи этой книги. Возможно, последней и самой главной книги моей жизни.

Видимо, поэтому перед ее заключительной главой я счел целесообразным еще раз вместе с читателями вспомнить имена самых маститых кудесников пера, таких, как Аркадий Галинский, Лев Филатов, Мартын Мержанов, Валерий Винокуров, чьим советам и рекомендациям я всегда стремился следовать.

Почти двадцать Лет назад, прочтя мою рукопись, подготовленную для сборника «Конфликт», Аркадий Романович Галинский сказал мне: «Все очень занимательно и интересно. Но все же в некоторых местах тебя малость заносит: ты пишешь о наболевшем, которое тебя беспокоит, но при этом не всегда задаешься вопросом: а всем ли читателям это будет интересно?»;

По мере своих сил и способностей я старался не забывать эти мудрые наставления мэтра спортивной журналистики, которого бывший председатель Госкомспорта СССР Сергей Павлов, до того девять дет возглавлявший весь советский комсомол, назвал футбольным Солженицыным.

Сейчас я, невольно оглядываясь назад, все чаще задумываюсь: удалось ли мне хоть в малой степени выполнить советы и рекомендации своих мудрых учителей?

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНЫ ЮБИЛЕИ?

Возраст диктует свои особенности и правила поведения в обществе, общения с друзьями и знакомыми. Эти обстоятельства становятся особенно осязаемыми людьми публичных профессий, которые всегда на виду, а посему испытывают на себе особое внимание.

Полагаю, что публичность футбольных рефери никем не оспаривается. Другая тема, что своеобразность сферы деятельности служителей футбольной Фемиды как бы изначально делает их фигурами весьма одиозными.

Эта преамбула понадобилась мне, чтобы объяснить, почему, особенно в последние 20—25 лет, я и мои ровесники и коллеги по футболу, преодолев 60-летний рубеж, приобрели склонность к юбилеям.

С этого милого возраста мы активнее начинаем терять волосы, зубы и иллюзии, значительно меньше интересуемся представительницами слабого пода. Зато привычная нам активность начинает требовать адекватной компенсации. В значительной мере она удовлетворяется не только во время посещения футбольных матчей, которых в столице проводится более чем достаточно. Прекрасной отдушиной для еще дающей о себе знать незатухающей энергии являются постоянные для футбольного сообщества Москвы тусовки, посвященные следующим одно за другим юбилейным торжествам.

Ни в коей мере не хочу хоть в малейшей степени укорять кого-либо из моих друзей за организацию собственных юбилеев. Уже хотя бы потому, что сам грешен и неоднократно замечен в подобных деяниях.

Здесь должен отметить особую роль Московской городской коллегии судей по футболу и бессменно руководящего ею более десяти лет Юрия Викторовича Авдеева. Именно благодаря трогательному вниманию к ветеранам футбола со стороны Президиума МГКС и его великодушного предводителя, изыскивающего возможности для спонсирования наших великовозрастных забав, мы получаем возможность для прекрасных и незабываемых встреч на дружеских застольях. На них постоянно звучат стихи, песни, анекдоты и забавные историй о нашей хлопотной, весьма насыщенной и интересной жизни в футболе.

Уходя после Очередных собраний, мы еще долго с неизменной улыбкой вспоминаем веселые байки Валентина Бубукина, блестящий баритон Виктора Лушина, ставший почти

традиционным На Наших юбилеях озорной конферанс незаменимого тамады Владимира Перетурина.

Перечислив почти все прелести юбилейных торжеств, я уже практически ответил на вопрос, вынесенный мною в заголовок. Итак, для чего же нужны юбилеи? Чтобы полнее и, если хотите, основательнее и глубокомысленнее ответить на поставленный вопрос, я постарался проанализировать многие события, высказывания, спичи, льстивые и юмористические речи, которые мне доводилось слышать за последние несколько лет. А приходилось мне бывать гостем на 75-летнем и 80-летнем юбилеях Константина Ивановича Бескова, 80-летии моего друга и ровесника, человека с очень сложной судьбой, но сохранившего, несмотря на житейские невзгоды, Неподражаемый юмор, прекрасного арбитра 50—60-х годов Владимира Барашкова, на многих торжествах, посвященных дням рождения товарищей по судейскому цеху арбитров всесоюзной и международной категории: Павла Казакова, Ивана Лукьянова, Алексея Спирина, Владимира Руднева, Владимира Зуева, Юрия Звягинцева, Виктора Лушина. Незабываемые торжества были организованы на 80- и 85-летнем юбилеях нашего судейского патриарха, сильнейшего арбитра отечественного и мирового футбола Николая Гавриловича Латышева, которого, увы, уже нет с нами.

Итак, на основании наблюдений, смею утверждать, что юбилеи, как правило, необходимы очень тщеславным людям, чтобы в течение нескольких часов они могли слушать и наслаждаться неудержимыми фонтанами лести, целенаправленного (в юбиляра) остроумия, откровенного подхалимажа и описаний несуществующих у виновника торжества достоинств, о которых почти никто из присутствующих до юбилея даже и не подозревал. При этом поток сладкоречивых здравиц и спичей, авторы которых пытаются изощряться в собственном остроумии, становятся совершенно неподражаемыми, особенно после пятого или шестого тостов.

Не каждому, даже обладающему лошадиным здоровьем юбиляру удается выйти из ресторанных залов без потерь. Я, например, после посвященных мне торжеств в течение нескольких месяцев отмечал значительное повышение сердечного давления.

В самом деле, разве можно без волнений читать о себе в газетах:

«Именно таких личностей не хватает сегодня нашему футболу». Это аншлаг из «Московской правды» от 7 сентября 2004 года.

«Беспротестный судья» — там же.

«Биограф Колоскова» — «Футбол-ревю», № 35, 3—9 сентября

2004 года.

«Судил честно» — там же.

«Он был единственным в стране инспектором, который боролся с договорными играми. Киевских динамовцев Рафалов трижды уличал в сговорах». — «Еврофутбол», № 35, 31 августа — 6 сентября 2004 года.

«Автор более 20 книг о футболе и двух сборников стихов о войне». — «Советский спорт — футбол», 31 августа — 6 сентября 2004 года.

«50 лет работы в «Советском спорте» — там же.

«Не продавался ни за какие деньги» — «Вечерняя Москва», 3 сентября 2004 года.

«Человек в черном» — журнал «Футбольная правда», 3 сентября 2004 года.

«50 лет в строю» — еженедельник «Футбол», № 36, сентябрь 2004 года.

«Рафалову — 80!» — «Вести коллегии футбольных арбитров России», ежемесячник № 3, май 2005 года.

Ну а если к перечисленному присовокупить цитаты из многоголосого хора участников юбилейного вечера — то голова и в самом деле пойдет кругом. Хорошо еще, что я далеко не все тогда запомнил.

Но самое важное, мне кажется, чтобы, наслушавшись о себе уйму сладкоголосых похвал и начитавшись о них в газетах, объект всеобщего внимания не утратил способности здраво мыслить и критически воспринимать все происходившее. А проделав эту приятную, весьма назидательную, но совершенно необходимую мыслительную работу, юбиляр сумел бы заставить себя не поверить почти ни единому сказанному о нем льстивому слову и продолжал бы спокойно работать и наслаждаться всеми радостями бытия, не думая о собственной незаурядности и несуществующем величии.

Ну а теперь разрешите, как говорится, напоследок угостить вас анекдотом.

В урологическом кабинете два старых еврея: врач и пациент.

— На что жалуетесь? — спрашивает хозяин кабинета.

— Вы знаете, доктор, в последнее время, когда я занимаюсь сексом, то слышу шум в ушах...

— А сколько вам лет, больной?

— Восемьдесят!

— Что же вы в таком случае хотите услышать? Аплодисменты?

Теперь, мой добрый читатель, после того как вы одолели эту книгу до последней страницы и сумели тем самым доказать свое

терпение и любовь к футболу, я смею надеяться, что мы оба в равной степени заслужили аплодисменты!

notes

Примечания

1

Учитывая стремительный бег времени и то обстоятельство, что не все молодые поклонники футбола помнят и знают Николая Александровича Толстых, привожу - некоторые данные его биографии из футбольной энциклопедии 1997 года: «Год рождения 1956. Москва. Полузащитник и защитник, спорторганизатор. Играл за команду мастеров московского «Динамо» с 1974 по 1983 г. В чемпионатах СССР провел 126 матчей... Техничный, мобильный и выносливый, действовал всегда с полной самоотдачей, строго соблюдал игровую дисциплину...